

За нашу Советскую Родину!

*Память
огненных
лет*

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1975

Книгу подготовили генерал-майор М. Ф. Лощиц, полковники С. Д. Алешин, А. Н. Кулаков, Ф. А. Лушников, А. Н. Сергеев, А. П. Хорев, капитаны 1 ранга А. М. Крысов, И. М. Панов.

Память огненных лет. М., Воениздат, 1975.

П15 335 с. с ил.

30-летию славной победы нашего народа и его Вооруженных Сил над гитлеровской Германией посвящается эта книга. Она рассказывает о незабываемом времени Великой Отечественной войны, о бессмертном подвиге целого поколения советских людей, отстоявших в смертельной схватке с фашизмом свободу и независимость своей социалистической Родины.

Книга, составленная из наиболее ярких очерков и документальных материалов, опубликованных в газете «Красная звезда», повествует о событиях военного времени, она написана по преимуществу теми, кто воевал, кто внес свою лепту в разгром ненавистного врага.

П $\frac{11202-126}{068(02)-75}$ 26-75

9(С)27

ЖИВОЙ РОДНИК

Минуло тридцать лет с того дня, как закончилась Великая Отечественная война. Самым молодым ее участникам сегодня полвека. А самым старым уже за семьдесят. Редеют ряды ветеранов. Но не меркнет лучезарный свет завоеванной ими великой Победы. Не тускнеет блеск совершенных ими ратных подвигов. Зарубцевались рапы людские, но живет в народе скорбь о бесчисленных жертвах, принесенных во имя независимости Отечества, свободы народов, во имя светлого будущего.

Война со всеми ее трудностями и лишениями, с отвагой и мужеством ее героев прежде всего, конечно, живет в памяти фронтовиков. Верно сказал поэт:

Мы так давно пришли с войны,
А все она при нас и с нами.

Но не только ветераны помнят грозные годы. Свято берегут память о них в сердце и благодарные наследники отцовской славы. Дань глубокого уважения отдает Отчизна тем, кто защитил в боях ее честь и независимость, чья верность идеалам коммунизма прошла самую суровую проверку. «Нельзя не сказать доброго слова о наших фронтовиках, о тех солдатах и командирах, которые в годы Великой Отечественной войны отстаивали свободу нашей Родины,— говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев.— После колоссального напряжения военных лет им и отдохнуть не пришлось: фронтовики снова оказались на фронте — на фронте труда. Многих из фронтовых товарищей уже нет с нами. Но миллионы еще в строю. Одни продолжают службу в армии, другие отдают Родине свои знания и труд на заводах и стройках, в колхозах и совхозах, в научных институтах и школах. Пожелаем всем им хорошего здоровья, счастья, новых успехов в труде во имя коммунизма».

Боевая слава фронтовиков, их ратные подвиги, весь их жизненный путь обладают огромной воспитательной силой, по праву могут считаться бесценным всепародным достоянием. Поэтому заслуживает всяческого одобрения и поддержки деятельность широких кругов советской общественности и органов печати по собиранию и пропаганде золотых крупиц нашего боевого прошлого, по воспитанию у нашей молодежи чувства гордости за

свою Родину, за свой народ, за его великие свершения, чувства уважения к революционным, боевым и трудовым традициям, желания продолжать и умножать эти традиции.

Наша центральная военная газета «Красная звезда» из номера в номер на протяжении всех послевоенных лет (не говоря уж о годах войны) публикует на своих страницах материалы о фронтовых подвигах советских воинов, рассказывает о безвестных героях и малоизвестных страницах войны. Хорошо, что эти материалы потом собираются в книги, которые пополняют уже довольно солидную библиотеку нашей документальной героико-патриотической литературы. Достаточно сказать, что за пять лет, с 1963 по 1968 год, Военное издательство выпустило пять книг под общим названием «Герои и подвиги», куда вошли лучшие материалы на героическую тему, опубликованные в газете «Красная звезда».

Продолжением этого замысла является предлагаемая читателю книга «Память огненных лет». Битва за родную землю, доблесть фронтовиков в бою и в труде, освободительная миссия нашей армии и флота — в трех разделах этого сборника воссоздан собирательный портрет советского воина, патриота и интернационалиста.

Примечательна история создания сборника. 9 мая 1971 года газета обратилась к своим читателям с призывом: «Напишем книгу к 30-летию великой Победы!» Свыше полутора тысяч фронтовиков — пехотинцев и летчиков, моряков и танкистов, артиллеристов и саперов, воинов всех видов оружия — откликнулись на этот призыв, прислав свои воспоминания о памятных боевых делах. Эти материалы вместе с очерками журналистов и составили настоящую книгу. Она, несомненно, поможет молодому читателю еще полнее представить себе грозную обстановку тех огненных лет, царившую в стране и на фронте атмосферу патриотического подъема, увидеть высокие морально-политические и боевые качества советского воина-освободителя, воспитанного ленинской партией.

Очерки книги как бы подводят всех нас к живому роднику подвига и показывают, сколь велико влияние на людей героических традиций, сколь безграничны маршруты поиска все новых и новых крупиц нашей боевой славы. Память огненных лет — это и призыв к нынешнему поколению воинов Советских Вооруженных Сил бдительно стоять на страже завоеваний нашего народа, великого дела коммунизма.

*Генерал армии П. Батов,
дважды Герой Советского Союза,
председатель Советского комитета
ветеранов войны*

Бессмертие
подвига

Портрет на скале

Я замер перед громадной скалой на склоне Машука. Со скалы с таким знакомым прищуром глаз смотрел Ленин. Было раннее утро, и казалось, что тут, у заветного склона, я окажусь один. Но чем ближе подходил к отвесной скале, тем больше встречал людей. Они идут и идут с ярко-красными гвоздиками, огненными шарами пионов. Вот три женщины положили у портрета букетики скромных, источающих тончайший аромат фиалок.

— Детям расскажу о портрете, — задумчиво проговорила, подняв лучистые глаза, одна из них. Это Валентина Николаевна Еремичева. Рядом с ней Нина Григорьевна Чаплыгина и Галина Григорьевна Солонецкая. Они жены офицеров. Отдыхают здесь.

Внизу — шум транзистора, и тут же слышу: «Пожалуйста, выключите приемник, не место». Через несколько минут рядом с фиалками легли усыпанные белыми, нежными цветами веточки жасмина. Подходят Сергей Алексеевич Алексеевко, инженер из Азова, Павел Алексеевич Лызов, механизатор из Курганской области, Алексей Григорьевич Палкин, томский лесник. Течет неторопливая беседа. У каждого из них за плечами годы армейской жизни. Алексеевко отдал службе в войсках ПВО восемь лет. В 1943—1944 годах защищал небо Мурманска. Лызов — разведчик, был ранен.

А люди идут и идут. Среди них — седовласый полковник изпод Москвы штурман Владимир Васильевич Трепольский, старший лейтенант Григорий Буленко, полковник Петр Андреевич Пискунов и его жена Валентина Нпканоровна. Каждый из них стремится узнать историю ленинского портрета на скале Машука. Узнать, записать, запомнить и рассказать близким, товарищам. А история ленинского портрета удивительна...

Было это в 1925 году. Тысячи женщин-горянок пришли в Пятигорск на свой краевой съезд.

В работе съезда приняли участие А. И. Микоян, С. М. Буденный, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа И. П. Уборевич. Одним из организаторов съезда была заведующая краевым женотделом, редактор журнала «Труженица Северного Кавказа» Вера Алексеева, высокая, статная, с копной русых волос,

огромными голубыми глазами. Вот с какой страстной речью выступила она: «Наша дорога нелегка, путь наш утесист, немало скатов над пропастями, немало бурных потоков, которые нужно перейти. Но мы идем вперед. Наш свет — свет ленинских идей... Советская власть зажгла в далеких станицах и горных ущельях дорогое слово — Ленин».

В числе гостей съезда был Николай Кузьмич Шуклин, инженер-строитель, один из руководителей Ростовской организации пролетарских писателей и художников. Это о нем в 1919 году белогвардейская владикавказская газетенка писала: «Если за большевизм в политической жизни виновные подлежат военно-полевному суду, то за большевизм в литературе надо бить беспощаднее».

Атмосфера съезда, речь Веры Алексеевой, старой знакомой Шуклина, зажгли его. И тут увидел Шуклин отвесную, словно отполированную скалу. И место такое: весь Пятигорск словно на ладони! Дерзкая мысль завладела художником: «А что, если на этой скале написать портрет Владимира Ильича и подарить его съезду?» Сначала он с добровольными помощниками рабочими Барановым, Картуковым и Курносковым подготовил поверхность скалы, а потом написал портрет.

Заключительное заседание съезда было решено провести на Машуке, у портрета В. И. Ленина. Делегаты и гости съезда, жители Пятигорска и его окраин строятся в колонны. Колонны идут и идут по улицам города к скале. Ярко играет солнце на красных знаменах и алых косынках, золотит смуглые лица горянок и казачек. Нетерпение овладевает людьми. Медленно спадает покрывало, и взору присутствующих открывается огромный портрет Владимира Ильича Ленина.

Я разглядываю фотографию, запечатлевшую это событие. У портрета юные девушки-горянки. Рядом с Буденным старая осетинка в черном строгом платье. Везде мальчишки. Они даже забрались на нависший выступ скалы.

Чувства присутствующих выразила сточетырехлетняя Гутиева. Ее старые глаза видели многое, и ей, старейшей делегатке съезда, было поручено вручить Семену Михайловичу Буденному горский кипжал. Не стесняясь слез, сорвав черный платок, закрывавший лицо, она низко поклонилась портрету Ильича и в наступившей тишине начала говорить: «Когда-то мы хотели, чтобы эти горы сдвинулись, чтобы они нас закрыли от проклятого царизма, который натравливал малые народы друг на друга. Теперь мы хотим, чтобы эти горы раздвинулись и свет Ленина озарял нас...»

Вначале тихо, а потом все громче и громче зазвучали слова «Интернационала». Казалось, что вместе с людьми пели и Машук, одетый лесом, и Подкумок, шумевший внизу, и голубое бездонное небо.

...1942 год. Фашистские танки рвутся в предгорья Кавказа. Во второй половине августа жестокие бои завязались на высотах, опоясавших город. У портрета Ленина войны поклялись побе-

дить. О тех боях за Пятигорск 21 августа 1942 года газета «Красная звезда» писала, что замечательный пример, как надо оборонять свои позиции, показывают бойцы батальона, которым командует товарищ Твердов. В течение двух дней батальон обороняет одну из высот и не пускает на нее противника. Немцы бросают в бой танки. Обороняющиеся близко подпускают их, поджигают огнем противотанковых ружей, бутылками с горючей жидкостью, подрывают связками гранат.

Когда к портрету В. И. Ленина на горе Машук прорвались фашистские танки, на их пути встали 15 солдат во главе с лейтенантом Дубовиком. Стоят насмерть солдаты лейтенанта Дубовика, и вместе с ними в боевой цепи — Ленин. Горят танки. Смрадным запахом жженой резины и перегоревшего масла наполнен воздух.

Фашисты овладели городом. Ненависть к захватчикам подняла Пятигорск на борьбу. Патриоты уходили в горы, в окрестные леса, сколачивали отряды народных мстителей.

7 ноября 1942 года у ленинской скалы вспыхнуло несколько костров. Гитлеровцы принялись тушить их. Они закрасили портрет черной краской, но пошел дождь и смыл краску. Фашисты подтянули к подножию скалы крупнокалиберные пулеметы и пушку. Взвизгивали пули, рвались снаряды, отбивая куски камня, но уничтожить портрет не удалось.

Автор портрета Н. К. Шуклин так писал об этом:

Но Ленин не упал в часы расстрела,
Его не повредил снарядов град.
Скала глазами Ленина смотрела,
И жег врагов его спокойный взгляд.

Народная молва из уст в уста передает, что вместе с другими у портрета Ленина партизанскую клятву давала комсомолка Нина Попцова.

В последнем письме матери, Екатерине Матвеевне, она писала:

«Прощай, мамочка!

Я погибаю... не плачь обо мне. Мама! Придет наша родная Красная Армия, передай ей, что я погибла за Родицу!»

Раздетую, тяжело ступавшую избитыми ногами, ее вели к подножию Машука. И когда в лучах зимнего солнца Нина увидела дорогой портрет Владимира Ильича, она еще выше подняла голову.

В последние дни пребывания на Северном Кавказе фашисты пытались взорвать скалу с ленинским портретом, но это им сделать не удалось: враг был выброшен из города.

...Уезжая из Пятигорска, я узнал, что Н. К. Шуклин живет в Москве. И вот мы сидим с Николаем Кузьмичем в его маленькой комнате. Книги, эстампы, рисунки, на столе пишущая машинка с заложенным листом. Бросается в глаза заголовок

«Ленин с нами». Мимо окон, постукивая на стрелках, проносятся поезда. Шуклин говорит:

— Люблю стук колес поезда. Почти сорок лет своей жизни отдал транспорту. Строил жилые дома, мосты, дороги. Хочется проехать по Турксибу. Мне посчастливилось поработать на строительстве этой магистрали, как говорится, «от звонка до звонка».

Потом строительство железной дороги Рубцовка — Риддер, второй колени Москва — Донбасс. Так от одной стройки к другой шла жизнь этого сильного человека с располагающей мягкой улыбкой. С одной стройки на другую. Жизнь на колесах.

Через всю нелегкую жизнь поэта и художника прошла ленинская тема.

— И в Пятигорск в этом году ездил специально, — продолжает Николай Кузьмич. — Может быть, требуется портрет на скале реставрировать. Вы знаете, как меня взволновала эта встреча у портрета. В Пятигорске есть санаторий «Труженик». Для незрячих. Так вот. У портрета встретил группу из этого санатория. Ответил на мой вопрос один из них, самый пожилой, что воевал тут на Кавказе и глаза тут оставил:

— Много слышал о портрете. Мы не видим, но...

Николай Кузьмич сделал паузу.

— Вы спрашиваете, когда я снова работал над портретом? В 1944 году из Пятигорска получил письмо от старого друга. Он рассказывал о кошмарных днях оккупации. «Твой портрет Ильича изуродован фашистами, — было написано в письме. — Они хотели его уничтожить. Да разве можно убить веру в Ленина? Николай, приезжай скорее. Мы, как смогли, вернули жизнь портрету. Ты вернешь ему прежнюю силу».

В короткий срок Николай Кузьмич восстановил портрет.

Через 16 лет, перед девяностой годовщиной со дня рождения В. И. Ленина, Николай Кузьмич снова капитально реставрировал портрет. На этот раз работа длилась более месяца.

...Ленинский портрет на скале горы Машук стал историко-революционным памятником. Там, у портрета Владимира Ильича, юным ленинцам повязывают алые галстуки, юношам и девушкам прикрепляют на грудь комсомольские значки. С именем Ленина они вступают в жизнь.

Надпись на книге—

VL. OULIANOFF

Бесценное ленинское наследие... Свыше 31 тысячи ленинских документов хранится сейчас в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но многие ранние работы и письма Владимира Ильича не обнаружены до сих пор. Поиски новых ленинских документов продолжаются.

Ф. н. 687.

VL. OULIANOFF

Н. Бельтовъ.

20.6.45.
Л. Завлин
Берлин

КЪ ВОПРОСУ

О РАЗВИТИИ

МОНИСТИЧЕСКАГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ

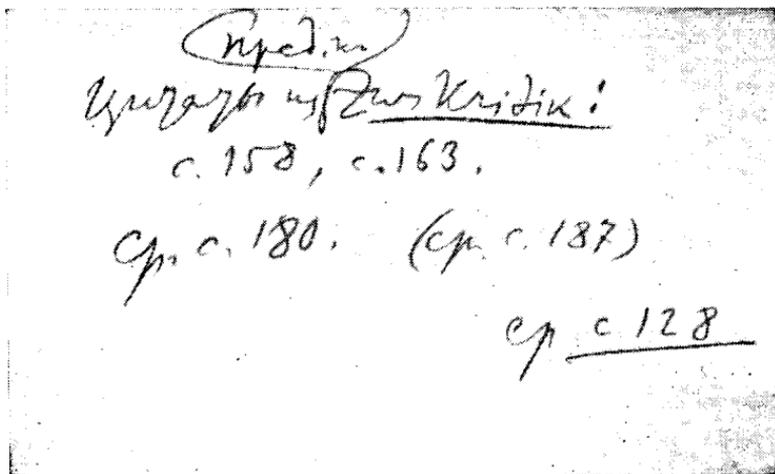
Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп.

N. Beljtew-G.W. Plechanow
Zur Frage über d. Entwickl.

Титульный лист книги

Перед вами титульный лист книги, принадлежавшей Владимиру Ильичу Ленину, и одна из ее страниц с пометками, сделанными ленинской рукой. Судьба книги необычна. Ильич пользо-

вался ею, когда жил в Поронино, и она осталась в Польше вместе с другими материалами после выезда Ленина в 1914 году в Швейцарию. Ильич очень дорожил этими документами. При его жизни несколько раз делались попытки разыскать их. Много было обнаружено, особенно в последние годы, однако судьба значительной части архива и библиотеки не известна и теперь. Книга со штампом «Vl. Oulianoff», фотография которой приведена здесь, найдена в поверженном Берлине в победные дни сорок пятого года. Нашел ее начальник штаба стрелкового батальона Леонид Зяблин.

Пометки, сделанные рукой В. И. Ленина

...Берлин был взят. Распускаясь деревья, зеленела трава в скверах. В свободные часы Леонид Павлович без усталости бродил по городу. Вот и Тиргартен. Вчера он здесь расстался с горстью земли, которую взял на память о Родне при переходе государственной границы. Развернув платок, высыпал землю на одну из наших братских могил.

Вот тюрьма Моабит. Отсюда уже рукой подать до Крумпштрассе, где в одной из казарм разместился его батальон. Вот и казармы. Около штаба толпились солдаты, рассматривая какие-то книги.

— Откуда книги, ребята?

— Из подвала, товарищ капитан. Там все ими забито. И русских, русских полно!

Да, книг было множество. Здесь, в этих казармах, располагалась школа гитлеровских разведчиков-диверсантов, и книги были подобраны на славянских языках: русском, польском, чешском, болгарском.

Леонид Павлович Зяблин

Ушли солдаты. Капитан Зяблин остался один. Книги... На фронте они снились ему не раз. И как ни тяжела была дорога от Сталинграда до Берлина, любовь к книгам никогда не оставляла недавнего студента Московского университета. Вспомнилась Москва, читальный зал Ленинской библиотеки. Какое это счастье — рыться в книгах!

Назавтра он опять спустился в подвал, решив отобрать несколько сот книг для полковой библиотеки. Много было старых, дореволюционных изданий. Вот еще одно из них: Петербург, 1895 год. Известное произведение Г. В. Плеханова (Н. Бельтова), которое высоко ценил Ленин. А что это?.. На титульном листе, в правом углу, — штамп «Vl. Oulianoff». Ленин? Зяблин лихорадочно перелистал книгу. На одной из последних страниц увидел пометки. Почерк был похож на ленинский: быстрые, беспокойные строчки. Неужели Ленин?

Да, это книга Владимира Ильича!

Она не могла принадлежать только ему, Зяблину, не могла принадлежать и библиотеке полка. Она — достояние партии, народа!

Теперь книга хранится в Центральном партийном архиве, среди тысяч ленинских документов.

Мы встретились с Леонидом Павловичем в его квартире в Юго-Западном районе столицы. Когда я вынул из сумки фотоаппарат, он подошел к гардеробу, достал фронттовую гимнастерку.

— Можно в ней?

Гимнастерка была та самая, берлинская, аккуратно заштопанная во многих местах. Белоснежный подворотничок. Ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды...

Леонид Павлович — кандидат исторических наук, работает в Институте археологии Академии наук СССР. Он часто ездит по стране с археологическими экспедициями и привез немало ценных находок, многие из них хранятся в музеях. Но самой ценной находкой из всех, сделанных им в жизни, он считает книгу Ленина, найденную в поверженном Берлине.

Здесь начиналась война

Стремительно идет по древней волынской земле лето. Буйной силой наливаются сады, стоят высокие травы, шумят овечьи южными ветрами, зеленые до черноты приграничные леса. Войдешь под могучие кроны, и загудит в ушах неутихающий, похожий на вздохи морского прибоя говор деревьев, пахнет в лицо жаром прогретой солнцем земли.

Над полями звенят жаворонки. Созревают хлеба. На Волыни начинается страдная пора. И не верится, что тридцать с лишним лет назад в такой же погожий, светлый день сюда пришла война. Найдется ли среди тех, кто трудится на полях, живой свидетель ее начала?

Я встретил его в самый разгар страды, обыкновенного на первый взгляд человека с обветренным морщинистым лицом. Колхозный бригадир Михаил Петрович Каретников, бывший старшина пограничной заставы, внимательно выслушал мои вопросы, задумался. Тихим, хрипловатым голосом начал рассказывать:

— Двадцать второго июня в два часа тридцать минут ночи я получил задание от начальника заставы Анатолия Кузьмича Неезжалого проверить наряды, выдвинутые к самой границе. Старший лейтенант спать не ложился в эту ночь, был озабочен и задумчив. Когда я уходил, он вдруг остановил меня в дверях и сказал: «Ты вот что, Михаил, послушай там у границы... и потом доложи. Тихо что-то...»

И вправду, необыкновенная тишина стояла на границе. То всегда на той стороне шум, лязг, а тут — тихо, аж в ушах звенит.

Проверил я наряды. Иду обратно на заставу. Ночь уже сереть стала. Вдруг вижу на сопредельной стороне ракета взлетела. И сразу словно ахнуло что-то. Раз, другой, третий... а потом сплошной грохот. Как сейчас помню, зачем-то я на часы взглянул — три часа пятнадцать минут...

Слушаю Каретникова и представляю себе последние минуты перед нашествием. Легкий туманец над Западным Бугом. Такой же, как сейчас. Тихий шепот воды. Чуть светлеющее небо. Мирно тикали часы на руке старшего лейтенанта Неезжалого. Одетый, он лежал на кровати. Уже целую неделю пограничники доклады-

вали — на сопредельной стороне по ночам слышен рокот множества моторов: фашисты что-то замышляют.

Сегодня тишина, как перед грозой. Он вышел во двор заставы.

С востока шел робкий свет нового дня. Неезжалый мысленно увидел как бы сверху всю беспредельность своей Родины: хвойное море тайги, синие чаши озер, серебристые в лучах солнца ленты многочисленных рек; и поля, поля колосащейся пшеницы и ржи. И словно теплое дыхание миллионов людей ощутил он в эти минуты. Может быть, тогда и дал он себе клятву не отступить ни на шаг с родной земли.

— ...Немцы бьют по заставе, а у меня ключи от склада, — продолжает рассказ Каретников. — Побегал что есть мочи. Подбегаю — на заставе пусто, складская дверь сорвана, пограничники все по блокгаузам рассредоточились.

Начальника заставы с отделением бойцов напел в первом блокгаузе. У них там пулемет «максим» был. Неезжалый приказал связаться с комендатурой. Посылаю первого кавалериста. Не вернулся. Снаряды рвались так густо, что неба стало не видно. Вызвался идти на связь заместитель политрука Поташкин. Но и он не вернулся. Связи нет...

Ни на заставе Неезжалого, ни в комендатуре тогда не могли знать, какие силы фашистов их атакуют. В полосе 90-го пограничного отряда наступали 29-й армейский и 3-й моторизованный корпусы 1-й танковой группы гитлеровских войск. Немецко-фашистское командование намеревалось уничтожить наши пограничные заставы в течение первых тридцати минут боя.

Пограничникам пришлось противостоять врагу, десятикратно превосходящему их в живой силе и имеющему абсолютное превосходство в боевой технике. Вооруженные лишь стрелковым оружием, они мужественно защищали границу. На всем протяжении ни одна застава не оставила без приказа своих позиций.

— Мы открыли огонь из всех трех блокгаузов, — рассказывает Каретников. — В каждом блокгаузе было по станковому пулемету. До немцев всего сорок метров. Положили их целую роту. Фашисты отошли к Бугу и окопались. Но через некоторое время они опять обрушили на нас сильный артиллерийский и минометный огонь. Наш блокгауз был разрушен. Неезжалого ранило в голову, пограничники Федулов и Вечера были убиты. Старший сержант Мананников получил несколько ранений и потерял сознание. Но, когда фашисты пошли в атаку, сознание вернулось к нему. Он снова лег за станковый пулемет.

Неожиданно появился тяжелый танк и прямой наводкой ударил по второму блокгаузу лейтенанта Куклина. Там взорвались ящики с гранатами, и мало кто уцелел.

«Держитесь до последнего, — сказал начальник заставы, — ни шагу назад». И потерял сознание.

...Так вот ты какой, Буг! Плакучие ветлы по берегам, тихие мутные воды, золотистые песчаные отмели.

Время стерло блиндажи и траншеи; поросли бурьяном и осыпались воронки от снарядов и бомб. Прошло больше тридцати лет. Пройдут еще десятилетия, но в истории нашего государства и народа вечно нетленным останется этот день героического сопротивления врагу. Как и день нашей великой Победы. Да, здесь, на границе, она начиналась. Первую свою дивизию фашисты потеряли в боях с пограничниками.

— Наступила почь. За день мы отбили семь атак, уничтожили около батальона гитлеровцев, подбили одну танкетку, — продолжал свой рассказ Михаил Петрович. — Ночью пришел в сознание Анатолий Кузьмич Неежакалый. Он подозвал меня и дал свой пистолет: «Возьми, Миша... Мне не понадобится. Бейте врага до конца, пока дышите, бейте. Нас не забудут... Мы забытыми быть не можем...» Через полчаса он умер.

Рапо утром фашисты снова начали атаковать. Впереди двигались танки. Первый же танк удалось подорвать связкой гранат, остальные повернули назад. Все время была вражеская артиллерия. Кончились патроны. Отражать атаки гитлеровцев нам помог третий, последний блокгауз. Вскоре прямым попаданием снаряда был разбит и он.

Немцам удалось скрытно подойти к ходам сообщения и забросать их гранатами с химикатами. Ядовитый дым душил нас. Восемь оставшихся в живых пограничников во главе с политруком Воцаевым уползли в самый дальний ход, где в отверстие от взрыва снаряда поступал свежий воздух.

Потом фашисты стали подрывать ходы сообщения динамитом. При одном из таких взрывов меня ранило и контузило. Я потерял сознание...

Михаил Петрович умолк, достал из кармана папиросу, закурил. Руки его вздрагивали, глаза туманились, морщинистое, загорелое лицо было строгим, почти суровым.

На пиджаке бригадира я заметил множество крохотных дырочек, словно борт нарочно прокалывали толстой иглой.

Каретников перехватил мой внимательный взгляд, пояснил:

— Когда перед ребятишками выступаю, тогда надеваю... Война кончилась. Приехал я сюда навестить родную заставу, поклониться могилам, да вот и остался. И никуда отсюда не съеду до самой смерти...

Свято хранит волынская земля память о павших своих солдатах. Обелиски с высеченными в граните именами не вернувшихся с войны односельчан стоят на просторных площадях в деревнях и селах. Летом и осенью у их подножия много цветов.

Ранним утром остановились мы у такого обелиска с председателем колхоза «Комсомолец» Василием Марковичем Герасимчуком. Он совершал обход своего огромного хозяйства, и путь его в поля начинался всегда отсюда.

Не чужая ему эта волынская земля и не чужие люди в зеленых фуражках, охраняющие границу. Он в прошлом тоже пограничник и знает здесь каждую тропинку!

Прогрохотала война и откатилась дальше на запад, а на Волини еще прятались в лесах банды озверевших националистов. Совсем еще юный Василь Герасимчук переодевался в деревенскую одежду, уходил из отряда ночью и, бывало, не возвращался по неделям. Бандиты, хоронящиеся в подземных бункерах, не могли подумать, что тихий парнишка в рваном ватнике — пограничный разведчик.

Герасимчук любит свою землю.

В 1939 году, когда пришло освобождение от панского ярма, в этих местах Волини были созданы первые колхозы. Только пошли они в рост, началась война. Отца Василя расстреляли фашисты. И тогда поклялся сын отомстить за отца и продолжить его дело.

В послевоенные годы не хватало сельскохозяйственной техники, землю душили болота. Но хлеб был нужен всем. Каждый день. Чтобы продолжалась жизнь. И жители села Березовичи доставали из тайников заветные мешочки с семенами и несли их в правление колхоза.

Иногда людям надо оглянуться на прошлое, чтобы почувствовать всю важность проделанного. А вехи трудового героического пути — вот они. Даже отсюда, с поля, видны колхозные постройки, поселок — сотня добротных кирпичных домов, трехэтажное здание правления. Легкий, красивый, современных форм Дворец культуры, в котором выступают с концертными программами прославленные артисты Москвы, Ленинграда, Киева.

Кто бы мог подумать двадцать лет назад, что в Березовичах будет сцена, механизированная по последнему слову техники, свой духовой оркестр, колхозный хор, славящийся на всю область!

В селе — средняя школа, детский комбинат, своя автоматическая телефонная станция. А столовая здесь знаменита на всю Украину: ее кулинары завоевали первое место на республиканском смотре.

В квартиры колхозников подведены центральное отопление, канализация, водопровод. Почти у каждого — ванна, газовая плита, телевизор. И книги. Их много, на стеллажах и этажерках и просто стопками на подоконниках.

Мир колхозника не ограничивается полем и домом. Люди сельского труда хотят знать больше, видеть шире.

Во Дворце культуры есть зал бракосочетания. Он мало чем отличается от городских. И обязательно — веселые, подтянутые пары в пограничных фуражках. Какая же свадьба без пограничников. А когда на границе тревога, обрывается застолье, и каждый колхозник готов встать в дозор.

...По-над Бугом синее, глубокое небо. Струится над землей пар. Земля дышит.

Василий Макарович Герасимчук идет по поселку. День начинается. Еще одни среди тысячи других, прожитых здесь. День труда и мысли. Новый день на обновленной земле.

У стен Новороссийска

Письмо с Малой земли

С очередной почтой из Москвы мне было переслано письмо пулеметчика младшего командира Перегудова Ильи Васильевича. Пулеметчик сражался на Малой земле у Новороссийска и жаловался редакции газеты «Красная звезда» на то, что к ним в часть, на Малую землю, неаккуратно, с большими перебоями доставляются письма. Еще хуже обстоит дело со снабжением красноармейцев махоркой. Да и положенные фронтовые сто граммов не каждый день выдаются.

И редакция, и мы, фронтовые корреспонденты, знали, с какими трудностями снабжались части на Малой земле. Но жалобы, конечно, были справедливыми. И на письмо следовало ответить. Я вручил его своему коллеге, майору Н. Н. Прокофьеву, который находился в соединениях бывшей Черноморской группы войск. Прокофьев побывал на Малой земле и заодно проверил письмо пулеметчика Перегудова. Как мы и ожидали, пулеметчик оказался на все сто процентов прав.

А вскоре мне было приказано выехать под Новороссийск, чтобы организовать от начальника политотдела армии полковника Л. И. Брежнева статью о политической работе в обороне на примере частей с Малой земли. С телеграммой из редакции я зашел к члену Военного совета фронта, и он обещал позволить товарищу Брежневу.

И вот мы с майором Н. Н. Прокофьевым у Л. И. Брежнева. Молодое и выразительное лицо полковника с темными бровями над добрыми, умными глазами лучилось приветливой улыбкой. Он вышел из-за стола навстречу и каждому крепко пожал руку:

— Из Москвы или из Краснодара? Впрочем, товарищ Прокофьев прописан у нас. Встречались. А вы?

Я представился, рассказал о целях приезда в армию, показал телеграмму из Москвы.

Л. И. Брежнев какое-то время молчал, потом сказал:

— Мне звонили из Краснодара. И все-таки я должен вам дать отрицательный ответ. Для такой статьи сейчас не совсем подходящее время. Мы испытываем большие трудности, особенно со

снабжением. И боевые успехи не везде хорошие... Нет, лучше пока повременим. Вот сделаем дело, тогда посмотрим.

Убедившись, что поручение редакции выполнить невозможно, я вспомнил о письме пулеметчика Перегудова. Попросил Н. Н. Прокофьева показать его Л. И. Брежневу и рассказать о своей поездке на Малую землю.

Л. И. Брежнев слушал внимательно. А когда прочитал письмо пулеметчика, лицо его сделалось строгим, даже суровым.

— Видите? — поднял он на нас глаза. — А вы статью просите...

Он встал из-за стола и прошелся по комнате.

— Некоторые наши снабженцы, и даже командиры и политработники, к сожалению, еще не понимают, что письмо бойцу из дома или махорка — это тоже оружие. Продовольствие, почта — дело важное, политическое. А у нас к нему иногда относятся спустя рукава. Конечно, без патронов, снарядов, мин воевать нельзя. А без письма матери или жены, без курева боец проживет — рассуждают иные начальники. Как же это неверно! Какая в этом политическая близорукость!

Подковник говорил с сердцем, с гневом.

— Прошу, товарищи, оставить письмо пулеметчика мне. Мы сейчас как раз готовим вопрос о снабжении войск к заседанию Военного совета армии. Я прочитаю письмо товарища Перегудова членам Военного совета.

Потом, недели через две, я читал решение Военного совета 18-й армии о материальном снабжении войск на Малой земле. В документе угадывалась рука товарища Л. И. Брежнева. Во всяком случае некоторые фразы, прозвучавшие в разговоре с нами, целиком были приведены и в постановлении. Упомянулось в нем и о письме пулеметчика Перегудова.

А спустя некоторое время в «Красную звезду» пришло новое письмо от пулеметчика Перегудова: «Большое спасибо нашим армейским политработникам. Мне сообщили, что по моему письму заседал Военный совет. Но не это главное. К нам стала лучше приходить почта. С продовольствием дело наладилось. И махорка не переводится. А ведь все это, товарищи, — настроение. Хорошее настроение... Сейчас я в госпитале на Большой земле. За бои получил награду — орден Красной Звезды».

Дело капитана Щукина

Об этом деле мне рассказал член Военного совета фронта генерал В. А. Баюков:

— Очень советую зайти в наш военный трибунал и ознакомиться с делом капитана Щукина. Интересное и, главное, поучительное дело. Человек ждал суровой кары. Но вмешались мы, Военный совет, и дело приняло другой оборот. Вернее, вмешался на-

чальник политотдела армии товарищ Брежнев, а мы его поддержали... Очень советую ознакомиться с делом и, может, даже написать о нем.

На другой день я зашел в трибунал. Дело Ивана Леонтьевича Щукина вместилось в одну тоненькую папку. Суть его вкратце такова. При отступлении по степям Кубани в 1942 году у безымянной высоты близ хутора Н. противотанковый дивизион 45-мм пушек прикрывал отход части. К вечеру позицию дивизиона атаковали вражеские танки. Советские артиллеристы смело вступили в бой с противником, хотя на его стороне был явный перевес в силах. И вот будто бы в разгар отчаянной схватки командир второй батареи старший лейтенант Щукин Иван Леонтьевич, 1917 года рождения, член КПСС с марта 1942 года, женатый, уроженец города Ленинграда, имеющий два ранения и награжденный орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», бросил свое подразделение и скрылся в неизвестном направлении. В результате батарея якобы прекратила сопротивление и была раздавлена фашистскими танками. Изменнические действия Щукина, говорилось в деле, привели к гибели всего дивизиона, а также к неоправданно большим потерям части, которую он прикрывал.

В деле имелся рапорт командира дивизиона, его же показания следственным органам и показания трех рядовых артиллеристов, взятые у них в госпитале.

До апреля 1943 года дело Щукина лежало без движения. В апреле оно попало на глаза следователю. Был назначен розыск Щукина. Его нашли в одной артиллерийской части уже в звании капитана и в должности командира дивизиона. А когда нашли — арестовали и делу дали ход.

В деле хранилась и запись допросов Щукина. Капитан категорически отстал обвинения в бегстве с поля боя и рисовал совсем иную картину событий. Он утверждал, что его батарея первой вступила в бой с фашистскими танками и подбила четыре вражеские машины. После отражения атаки ему пришлось взять на себя командование всем дивизионом, так как командир уехал на грузовой машине в тыл за боеприпасами и не возвратился. Атаки фашистов продолжались до вечера. Дивизион подбил 12 танков. И наши потери были тоже тяжелыми — разбито 6 орудий, убито 12 и ранено 22 человека. Плохо стало с боеприпасами. Связи с полком и дивизией не было.

Поздно вечером в дивизион засел бригадный комиссар, фамилию которого Щукин не знал. Он поблагодарил артиллеристов за отвагу и мужество, помог организовать эвакуацию раненых, а прощаясь, обещал принять меры к усилению дивизиона и присылке боеприпасов. К утру, действительно, на помощь дивизиону подошла зенитная батарея капитана Скорнякова. На трех автомашинах привезли боеприпасы. Но в этот день фашисты артиллеристов не атаковали. Щукин сам ездил в разведку и врага поблизости не обнаружил. И вот лишь после этого он, по совместному решению

с командиром зенитной батареи капитаном Скорпяковым, отвел дивизион от безмянной высоты.

Дивизион сорокаятков и зенитчики в последующие дни четырежды вступали в бой с вражескими частями. В этих боях было потеряно еще три пушки и две зенитки. С оставшимися силами Щукин отошел к Майкопу, а потом еще дальше, до станицы Хаджепской. Тут он был ранен во время бомбежки и в беспмятном состоянии доставлен в госпиталь. Из госпиталя товарищ Щукин был направлен в управление артиллерией Черноморской группы войск и получил новое назначение.

Щукин просил сделать очную ставку с бывшим командиром дивизиона, а также разыскать капитана Скорпякова и допросить его. Еще он просил разыскать политрука Саркисяна, который был ранен у высоты и эвакуирован бригадным комиссаром. Саркисян наверняка знает фамилию бригадного комиссара. А комиссар может подтвердить все, что оп, Щукин, тут показал.

Скорпякова и Саркисяна прокуратура сразу не нашла. Зато очная ставка состоялась. После нее поверили не Щукину, а командиру дивизиона. Капитану грозило суровое наказание.

И тут узнал об аресте Щукина капитан Мучуч Саркисян. На другой день он был уже в политотделе 18-й армии, чтобы доложить о случившемся полковнику Л. И. Брежневу. Оказывается, к артиллеристам в район безмянной высоты заезжал именно оп, Л. И. Брежнев, оп же эвакуировал в тыл раненого Саркисяна.

Начальник политотдела хорошо помнил тот бой и при Саркисяне позвонил в Военный совет фронта и в военный трибунал. Л. И. Брежнев просил Военный совет вмешаться в дело капитана Щукина, так как, по его данным, которые он изложит сегодня же письменно, Щукин подлежит не наказанию, а награждению.

Позже я встретился с капитаном Щукиным. Счастливее его, казалось, не было человека на свете. Воевал оп отлично.

Я спросил, не бывал ли оп у Л. И. Брежнева.

— Был, как не быть, — отвечал капитан. — Ведь если бы не товарищ Брежнев, не знаю, как сложилась бы моя судьба... Оп меня принял, узнал, обнял. А благодарность мою переадресовал Саркисяну. «Благодари его, — сказал мне Леонид Ильич, — этого чудесного человека, настоящего большевика. А моя роль была тут второстепенная, служебная...» Согласен, Саркисян оказался действительно чудесным человеком. Но участия товарища Брежнева я век не забуду...

Батальон идет в бой

В грапитных расщелинах скалы, почти у самого моря, собрались коммунисты морского батальона, сформированного в основном из военных моряков Каспийской и Амурской флотилий. Одеты в бушлаты, на головах бескозырки. На груди повеньские автоматы. На ремнях патронташи, гранаты, ножи и другое снаря-

женпе морских пехотинцев. Лица молодые, почти черные от солнца и ветра. Круглые, скуластые, продолговатые. Не наберешь, пожалуй, и десятка людей одной национальности. Тут вся Россия с Украиной и Белоруссией, весь Кавказ и еще Казахстан, Узбекистан...

— Парторганизация в полном составе, товарищ полковник, — доложили начальнику политотдела армии.

Завтра батальон отправляется на передовую. Около месяца здесь, в скалах и долинах, проходили моряки сложную науку боя на суше. Учились действовать днем и ночью. С азартом и лихостью, с такой охотой и старанием, что часто отказывались от короткого отдыха. Торопились вступить в настоящий бой с фашистами.

Начальник политотдела армии, хороший знаток людских душ и характеров, вглядывался в незнакомые лица. Очень нравились ему эти молодые и крепкие парни.

Он знал историю формирования батальона, знал, с каким терпением каждый моряк рвался на фронт. Но знал он и другое. Знал участок фронта, куда завтра отправят батальон. Участок очень горячий, если не самый горячий на Малой земле. Знал, что в первом же бою не обойтись без потерь. Поэтому и захотелось ему лично поговорить с коммунистами батальона. Впрочем, здесь еще ни разу не отправляли на передовую части и подразделения, в которых бы перед боем не побывал начальник политотдела армии. Это было его правилом, его партийным законом.

И вдруг сверху, со скалы, отчаянный крик:

— Воздух!

Бушлаты и бескозырки прижались к камням. Встревоженные глаза устремлены в небо, где на голубом фоне хорошо выделялись черные «юнкерсы». Три десятка насчитали моряки. Чаще застучали сердца. Но не от страха. А от бессилия, от горького сознания того, что ни новенькими автоматами, ни самого последнего выпуска гранатами не достать до воздушных разбойников.

До скалы, где располагались моряки, оставалось, может, не больше километра, как перед «юнкерсами» выросла завеса серых разрывов. Потом справа и слева на вражеские самолеты налетели советские истребители.

Во время войны часто случалось, что свежие и боеспособные части из-за слабого зенитного и воздушного прикрытия еще до ввода в бой подвергались жестоким ударам самолетов противника и несли невосполнимые потери. Так бывало не раз и тут, у Новороссийска.

Но не так было сейчас. Полковник Л. И. Брежнев накануне договорился с командованием Черноморского флота и воздушной армии о надежной защите района сосредоточения и погрузки морского батальона. Штаб армии по просьбе политотдела перебросил сюда на время несколько зенитных батарей.

Схватка в воздухе была короткой. Молниями металась в небе трасса снарядов и пулеметных очередей. Вот уж охвачены огнем сначала один, потом два, а затем три «юнкерса». Моряки, следящие за воздушным боем, не сумели сдержать ликования и закричали «ура!».

Все это было неплохим вступлением к собранию и еще больше подняло настроение Л. И. Брежнева. Поэтому он говорил с необычайным подъемом и воодушевлением и с присущей ему откровенностью. Коротко информировал коммунистов об общем положении на советско-германском фронте. Красная Армия после победы у Сталинграда и на Кавказе добилась новых успехов. Но враг еще очень силен и в ряде мест пытается наступать. Одно из таких мест — Малая земля. У фашистов на этом участке фронта сил больше, чем у нас.

— Малая земля — заноза в обороне врага в Новороссийске, — говорил полковник. — Это удобный плацдарм для удара по нему, и мы этот удар готовим.

— Подготовка уничтожающего удара по врагу на фронте нашей армии — военная тайна, — продолжал Леонид Ильич. — А я вам, товарищи коммунисты, сообщаю эту тайну. Уверен, что никто из вас ее не выдаст, даже если попадет в руки врага.

И после паузы:

— Задача ваша тяжелая, но почетная. Командование надеется, что ваш батальон моряков сумеет восстановить наши утраченные позиции. Не буду скрывать — неизбежны жертвы. Но жертва жертве рознь. Нам, коммунистам, надо личным примером вдохновлять людей на подвиг во имя Родины. Каждый боец должен знать, что Родина никогда не забудет своих героев!

После приема в партию новых товарищей собрание перешло в душевную беседу. Полковник рассказал, как однажды на переходе морем к Малой земле ему пришлось искупаться: судно подорвалось на mine, и он оказался за бортом. Кто-то спросил:

— А к нам приедете?

— Обязательно, причем скоро, не позже, чем через неделю. В заключение Л. И. Брежнев посоветовал коммунистам обязательно хорошо поспать. Завтра будет не до отдыха.

В ночь на следующий день батальон начал посадку на суда. У трапа одного из кораблей стоял начальник политотдела армии Л. И. Брежнев: каждому он говорил ободряющие и сердечные слова.

Ровно через четыре дня морской батальон атаковал врага на участке, где гитлеровцы глубже всего вклинились в наши позиции. Краснофлотцы дрались отчаянно и умело. Противник не выдержал и отступил.

Л. И. Брежнев прибыл в батальон, когда он только начал закрепляться в отвоеванных у фашистов окнах и блиндажах. Командование успело к этому времени подсчитать, что на каждого погибшего и раненого моряка приходилось по девяти уничтоженных фашистов,

Поздно вечером начальник политотдела вручал партийные билеты и кандидатские карточки товарищам, принятым в партию на Большой земле неделю тому назад.

— Очень вы аккуратный, товарищ полковник, — сказал Леопиду Ильичу молодой коммунист Николай Окунев. — Сегодня неделя ровно.

— Вы тоже аккуратные и точные. Вон сколько побили фашистов!

— В укрытие! — раздалась команда.

Заухали взрывы мин и снарядов. И тут же в ответ на вражескую стрельбу грохнула наша артиллерия.

Бастيون на якорях

В первые дни войны мало кто из севастопольтцев обращал внимание на громоздкую металлическую коробку, пригнанную на отмели в Северной бухте. Коробка имела 44 метра в длину и 42 в ширину. Ржавые ее борта, возвышаясь над водой, глядели на город пустыми глазницами иллюминаторов. В бортах зияли пробоины, в которых, как в гротах, звонко плескалось море...

Сооружение это было частью корпуса линейного корабля — цитаделью. Ее построили специально для проверки прочности конструкций новых больших кораблей при подводных взрывах. Служил этот отсек и мишенью для торпедных атак. И вот, уцелев на полгоне, он был отбуксирован в бухту.

Над Севастополем в те дни были сирены, воздух сотрясала стрельба зенитных батарей, водную гладь рассекали корабли, шедшие на выполнение боевых заданий, а металлическая коробка стояла, казалось, всеми забытая.

Однако стоять ей без дела пришлось недолго.

На ржавую палубу ступил потомственный моряк, внук известного русского адмирала, капитан 2-го ранга Г. Бутаков. Он долго что-то замерял, высчитывал, спускался по трапам в железное путро, высвечивал фонариком помещение за помещением, этаж за этажом.

Тогда еще никто не знал, что именно он, Григорий Александрович Бутаков, даст железной коробке настоящую корабельную жизнь, полную схваток с врагом, бессонных матросских почей, штормов и тревог. Жизнь, которой может позавидовать любой боевой корабль.

Вскоре на палубе появились моряки. На лепточках их бескозырок пестрели названия почти всех кораблей Черноморского флота: «Шаумян», «Москва», «Красный Кавказ»... Они и составили экипаж плавучей батареи, в которую теперь решили переоборудовать линкоровский отсек.

Возглавил экипаж старший лейтенант Сергей Яковлевич Мошенский, недавний командир орудийной батареи линкора «Парижская Коммуна». Комиссаром батареи назначили старшего политрука Нестора Степановича Середу, призванного из запаса. Получили сюда назначение лейтенанты Николай Даньшин, Семен Хи-

гер, Михаил Лопатко — выпускники Черноморского высшего военно-морского училища, старшины и матросы Самохвалов, Андреев, Головатюк, Тягшверенко, Чумаков, Сихорулидзе, Донец, Лешев, Лебедев, Пидручный, Куликов, Бойченко, Биркин, Герусов... Всего 150 человек. Им вместе с рабочими Севастопольского морского завода предстояло вдохнуть жизнь в гулкие ржавые отсеки своего «корабля», который не имел ни носа, ни кормы, ни собственного хода.

Приземистые чумазые буксиры отвели корпус плавбатарей подальше от берега, и здесь под руководством мастеров морзавода батарейцы затопили несколько отсеков водою с тем, чтобы коробка стала устойчивой и осела.

Теперь борта возвышались на 5—6 метров. Один край был несколько выше, и его называли носом «корабля». Во всех отсеках кипела работа. Выносили мусор, отскабливали борта и переборки, оборудовали помещения, устанавливали вооружение.

18 суток команда плавбатарей не знала отдыха. И вот настал день, когда коробка оцетишилась стволами орудий и пулеметов. На единственной невысокой мачте взвился флаг. Старший лейтенант Мошенский обратился к стоящим на палубе морякам:

— Отныне мы — боевая единица Черноморского флота. Нам приказано стать на якорь на фарватере. Задача: не допускать вражескую авиацию к Севастополю, расстреливать ее боевые порядки, срывать прицельное бомбометание по городу и базе. Вооружены мы хорошо: четыре зенитные 76-мм пушки, два пулемета ДШК, прожектор, два 130-мм орудия, которые можно применить против фашистских кораблей и подводных лодок. Так что дело теперь за нами.

16 августа 1941 года плавбатарея № 3, как ее теперь называли, была поставлена на якоря в четырех милях к северо-западу от Херсонесского маяка. Начались боевые будни.

Вот уверенные в безопасности идут «юнкерсы». Выстроились заранее тройками, одна за другой. На квадратную коробку никакого внимания — есть цели покрупнее, поважнее. Курс на Севастополь!

На мостике боевой рубки батарее лейтенант Хигер, старшина 2-й статьи Куликов и несколько матросов. Зенитчики быстро готовят данные для стрельбы, звучат команды. Самолеты идут чуть левее в сторону берега.

Огонь! Хлопья разрывов вспыхивают в небе, вырастают на пути немецких самолетов. Залп, еще залп! Ага, не правится! Строй смешался. «Юнкерсы» уходят в море.

Но радоваться рано. Вытянувшись в цепочку, самолеты устремляются на батарею. По очереди входят в шкв и с ревом несутся вниз, сбрасывая бомбы. Возле бортов закипели, поднялись столбы воды. Душераздирающе воют сирены. Фашисты рассчитывают на испуг, на страх. Но моряки стойко отражают атаку за атакой. Разрывы зенитных снарядов все ближе и ближе к «юнкерсам», и вот

наконец за одним из них потянулся шлейф черного дыма. Бомбардировщик кренится на крыло и теряет высоту. Столб воды и облако пара вздымаются над волнами. Ура! Первая победа.

После боя старший лейтенант Мошенский произвел разбор действий батарейцев. Моряки дали достойный отпор врагу, сорвали план бомбардировки объектов Севастополя. Отважно действовали командиры и пулеметчики: Сихорулидзе, Чумак, Головатюк, Самохвалов, Береговой, Герусов.

И снова жаркое сражение, снова кипит море от падающих бомб и осколков. В боевой рубке — командир Мошенский и комиссар Середа. На мостике бесстрашный лейтенант Хигер. Лейтенант Данылин командует зенитными автоматами.

Отлично действует расчет старшины Самохвалова, в прошлом испытателя первых образцов 76-мм орудий, поступивших на вооружение флота. В этом бою зенитчики плавбатарен сбили два Ю-87.

Однажды наблюдатели заметили, что со стороны моря летит над самой водой наш истребитель, а на него заходят то с одной, то с другой стороны два Ме-109. Но вот «ястребок» изловчился и меткой очередью вогнал в море один из самолетов. Только, видно, и сам был подбит или боезапас кончился — стрелять перестал, повернул к батарее, надеясь на боевых друзей-зенитчиков. А на плавбатарею уже успели посадить за автомат снайпера зенитной стрельбы Тягниверенко. Он ведет огонь по «мессеру», отсекая его от нашего «ястребка», чтобы тот благополучно дотянул до берега. Сколько гордости и радости испытали моряки, когда летчики прислали зенитчикам плавбатарен благодарственное письмо!

Запомнился морякам день, когда на плавбатарею прибыли командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. Октябрьский и писатель Леонид Соболев. Автор будущей книги «Морская душа» воочию увидел, как воюют моряки на морских подступах к Севастополю.

В тот день фашистская авиация по-своему «отметила» прибытие командующего и писателя. На плавбатарею налетело несколько десятков «юнкерсов», подошедших со стороны Евпатории. Разделившись на три группы, бомбардировщики ринулись в атаку. Огонь по ним вели все орудия и пулеметы плавбатарен, поддерживал и берег.

Батарейцы сбили 3 бомбардировщика противника, показав, на что способны мастера боевого дела, слитые в единый морской экипаж.

— Какая батарея! — сказал восхищенно Леонид Соболев. — Да вас скоро немцы за несколько миль обходить будут.

А оно так уже и было! Кто-то из матросов пошутил:

— Разве зря батарея зовется «Не тронь меня»!

22 февраля 1942 года приказом командующего Черноморским флотом от имени Президиума Верховного Совета СССР за доблесть и мужество, проявленные в борьбе с врагом, были награж-

дены орденами и медалями наиболее отличившиеся моряки. Среди них старший лейтенант С. Мошенский и старший политрук Н. Середа, лейтенанты С. Хигер и Н. Даньшин, старшина 2-й статьи М. Бойченко, старшина 1-й статьи В. Самохвалов, краснофлотцы М. Биркин, Н. Пидручный, А. Лебедев, Т. Риуцкий, И. Чумак и другие.

И снова бои, бессонные ночи. Ни на минуту не уходили с боевых постов расчеты. Зачастую даже попеременно не удавалось пообедать, и бачковые приносили еду прямо к орудиям и пулеметам. Фашисты бросали на батарею не только авиацию, но и сосредоточили на ней огонь тяжелых немецких орудий. Вокруг отсека то и дело вздымались высокие столбы воды. Иной раз жизнь моряков висела буквально на волоске. Но не было места пашке. Все оставалось на боевых постах.

Батарея сражалась. Новые и новые вражеские самолеты находили свою гибель в водах Черного моря. За 10 месяцев героической обороны Севастополя было сбито 26 фашистских самолетов.

«Вчера не возвратился из квадрата смерти мой друг Макс. Перед этим не вернулись оттуда Вилли, Пауль и другие. Мы потеряли в этом квадрате уже 10 самолетов. Столько же вернулись подбитыми. Летать туда — значит погибнуть. Огонь этой батареи изумительно меток, страшен и беспощаден. Что там за люди, которые с нескольких выстрелов сбивают наших летчиков?»

Это строки из записной книжки сбитого фашистского летчика Гельмута Випцеля. Вот так отзывались о плавбатареях те, на чьем пути она стояла.

Обстановка под Севастополем становилась все более угрожающей. Затруднился подвоз боеприпасов и продовольствия. Батарею решили поставить в Казачьей бухте, недалеко от берега, для защиты Херсонесского аэродрома. Здесь она, посаженная на мель, сражалась до 27 июня. В этот день в нее попали две пятисоткилограммовые бомбы. Погибли многие из моряков-комендоров, другие были ранены. На руках у боевых друзей скончался командир плавбатареи Мошенский, к тому времени он уже был капитан-лейтенантом. Но уцелевшие орудия вели огонь — ими командовал лейтенант Хигер.

Горел Севастополь, горела искореженная взрывами плавбатарея. Началась эвакуация. На одном из кораблей были отправлены на Большую землю тяжело раненный комиссар Середа и несколько матросов. Оставшиеся в живых батарейцы сошли на берег и влились в ряды защитников города. Они дрались на улицах и в окнах, обороняли последний клочок севастопольской земли — мыс Херсонес.

Немного из состава легендарной плавбатареи дожили до победы, но те, кто сегодня жив, с гордостью и по праву могут сказать: «Я отстаивал Севастополь!»

Батарея называлась „Не тронь меня“

Мне, как одному из создателей плавучей батареи № 3, которую позднее стали называть «Не тронь меня», хочется продолжить рассказ о ее славных подвигах, дополнить его некоторыми подробностями.

Предложение переоборудовать линкоровский отсек в плавучую батарею обсуждалось на Военном совете флота. Идею одобрили и приказали срочно приступить к ее реализации. Буквально через считанные дни работа закипела. По сей день я с глубокой благодарностью вспоминаю директора Севастопольского морского завода Михаила Николаевича Сургучева, главного инженера Феликса Ивановича Кравчика, главного строителя батареи Владимира Акимовича Лозенко, рабочих, которые в чрезвычайно сложной обстановке, не зная ни сна, ни отдыха, под артиллерийским обстрелом и бомбежками трудились над тем, чтобы ввести быстрее в строй эту новую, невиданную ранее боевую единицу. Проблем возникало великое множество. Их надо было решать незамедлительно, ведь враг не ждал.

Помнится, сразу же перед нами встали такие вопросы: где будет главный командный пункт батареи, где разместить приборы управления артиллерийским огнем, как защитить командира и управляющих огнем от осколков? Одни предлагали оборудовать ГКП под верхней палубой. Но тогда не увидишь, что делается в воздухе и на воде. Другие высказывались в пользу боевой рубки, как на настоящем корабле. Но из чего ее сделать, где найти листовую броню? Обыскали все склады артиллерийского отдела, порта, завода — ничего нет подходящего. Наконец мне пришла в голову мысль: а не найдется ли что-либо полезное в учебно-артиллерийском отряде, в его богатых кабинетах?

Так оказался я на Корабельной стороне. Хожу по просторному двору и вдруг вижу: стоит настоящий броневой щит от морского орудия системы «Б-13». Что может быть лучше для боевой рубки? Но как доставить драгоценную находку с высокой горы, по узеньким переулкам, через широкую Северную бухту к месту стоянки отсека? Ведь надо организовать целую экспедицию. Понадобятся люди, кран, специальная автоплатформа, машины для ее буксировки. И мало ли еще что потребуется. А где все это найти?

Вот с какими невеселыми мыслями вернулся я к себе. Дай, думаю, поговорю с людьми, сообща обсудим, авось до чего-нибудь и додумаемся. После ужина собрались на палубе. Я рассказал о своей находке, спросил, что будем делать. И вот, помню, встает старшина 1-й статьи И. Гуленко, толковый, расторопный, сообразительный паренёк:

— Товарищ капитан 2 ранга, знаю я этот щит. Мы, когда учились в отряде, в нем лопаты, голки, швабры хранили. Выделите мне человек десять матросов, и все сделаем. Будет у нас боевая рубка, пристроим к ней крылья — станет мостиком. Ну, а на нем установим дальномер, высокий флажок и поднимем наш советский Военно-морской флаг.

Выделили мы в распоряжение Гуленко старшину 1-й статьи И. Белого, старшину 2-й статьи Д. Шарошина, старшину 1-й статьи К. Федосова, сигнальщика М. Кондрахина, еще пять молодых матросов. Посадили их на буксир и отправили на Корабельную сторону. Что они там весь день и всю ночь делали, что придумали, уже не помню. Но можно представить мое изумление и радость, когда на следующий день утром, переправляясь на катере с Графской пристани в Северную бухту, я вдруг увидел буксир «Терпеливый», который тащил за собой 100-тонный кран с орудийным щитом «в зубах». Вот уж действительно: чего не сделают матросские руки!

Нельзя не сказать несколько добрых слов в адрес экипажа этого 100-тонного крана, во главе которого стоял старейший флотский боцман — такелажмейстер Игнат Павлович Байрачный. Незвизрая ни на какие тревоги, кран неизменно работал все 250 дней героической обороны Севастополя. Перед уходом из города его затопили в Южной бухте, а главные части подъемных механизмов Байрачный спрятал в одном, только ему известном месте. Так и не удалось фашистам во время оккупации Севастополя использовать 100-тонный плавучий кран. А в 1944 году, после освобождения Главной базы флота, Байрачный, собрав своих старых товарищей по работе, извлек спрятанные детали, и после откачки воды из корпуса мощный кран первым оказался в строю и вновь начал свою пужную всему флоту работу.

Командование уделяло большое внимание строительству батарей. Дважды ее посещал и знакомился с ходом дел начальник Главного политического управления Военно-Морского Флота армейский комиссар 2 ранга Иван Васильевич Рогов. На плавбатарею приходили командующий флотом вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский и член Военного совета флота дивизионный комиссар Николай Михайлович Кулаков. Большую практическую помощь оказали нам начальник штаба флота контр-адмирал Иван Дмитриевич Елисеев, его заместитель капитан 1 ранга Август Андреевич Руль.

Наконец настал ясный, солнечный день 9 августа 1941 года. Покинули палубу батареи последние рабочие морского завода.

Подшли буксирь и повели за собой наше сооружеение. С удивлением и любопытством провожали его взглядами моряки стоявших на рейде кораблей, жители города: что это за «чудовище» ведут в море? Действительно, внешний вид этого странного на первый взгляд сооружеения вызывал недоумение: какой-то квадратный плавающий остров, хитроумно раскрашенный флотскими камуфляжниками в белые и синие волнообразные полосы под цвета волнующегося Черного моря. Военный корабль? Вроде бы нет. Трубы отсутствуют. Баржа? Тоже нет. Орудия на палубе, боевая рубка с мачтой и Военно-морской флаг на гафеле со всей убедительностью показывали, что это новая боевая единица в составе кораблей Черноморского флота.

Не повторяя уже известного читателям рассказа о славных делах плавбатарей, мне хочется дополнить его еще некоторыми эпизодами из боевой жизни экипажа.

Во время одного из боев с самолетами командир автомата Косенко был ранен осколками в голову и ноги. Он не уходил с боевого поста до тех пор, пока глаза видели в небе врага, пока руки могли держать оружие. Вот в нити прицеливания попал «юнкерс». Косенко поразил самолет. Он загорелся и рухнул в воду. Комендор вытер окровавленное лицо. Силы покидали его, и он ушел у автомата. Оглушительный взрыв разорвавшейся неподалеку от батареи бомбы вывел Косенко из забвения.

С трудом поднял матрос тяжелую, будто свинцом налитую голову и увидел рядом с собой бездыханное тело наводчика. Автомат больше не стрелял. Его ствол смотрел в зенит, где кружились еще два «юнкерса». Тогда Косенко собрал последние силы, пополз до автомата, кое-как поднялся на ноги, зарядил и выстрелил. Так, отчаянно борясь со смертью, он стрелял еще несколько минут, пока не свалился замертво, крепко обхватив руками орудийную тумбу.

Особенно мне запомнился командир батареи «Не тронь меня» коммунист капитан-лейтенант Сергей Моисенский, бывший до этого командиром башни главного калибра линкора «Нарвская Коммуна». Он привык к службе на оснащенном первоклассной техникой большом корабле, с налаженной организацией и был очень огорчен назначением на ржавую, самоходную «коробку». Однако види, как эта «коробка» руками рабочих морзавода и матросов постепенно очищалась от грязи, красилась, вооружалась и оснащалась так хорошо знакомой ему артиллерией, он быстро втянулся в дело. Офицер с большим опытом, он засучив рукава взялся за боевую подготовку личного состава, за сколачивание крепкого коллектива и вскоре добился того, что батарея стала отлично слаженным боевым подразделением.

Сам командир блестяще управлял артиллерийским огнем. Свидетельство тому — 26 сбитых фашистских самолетов. Плавбатарею нещадно бомбили, но так и не потопили...

Последними словами смертельно раненного Сергея Яковлевича Мошенского, обращенными к лейтенанту Хигеру, были: «Прощайте, друзья, я умираю. Но верю, что вы выстоите в бою. Передай, лейтенант, бойцам: командир приказал выстоять!» Это было 27 июня 1942 года.

Выполняя приказ Верховного Главнокомандования, наши войска к 3 июля оставили Севастополь. Мне не пришлось в те дни быть на батарее, ее уже отвели в Казачью бухту и посадили на мель. Но вскоре я встретился с некоторыми моряками из состава ее экипажа при необычных обстоятельствах. Как известно, часть личного состава плавбатарей погибла, раненых эвакуировали, а здоровые остались драться на суше. После оставления Севастополя судьба их сложилась по-разному. Я в это время находился в Батуми, имея свой брейд-вымпел на сторожевом корабле «Шторм». Однажды около 4 часов утра меня разбудил рассыльный:

— Вас вызывает к себе на гвардейский крейсер «Красный Крым» командующий эскадрой вице-адмирал Владимирский.

Быстро собравшись, я прибыл на крейсер и прошел в салон.

— Наш самолет, — сказал командующий, — обнаружил в море без хода какой-то катер с людьми. По всей вероятности, это севастопольцы. Сходите туда и приведите катер в Батуми.

Мы быстро снялись со швартовов и взяли курс в указанный район. Часа через два увидели покачивающийся на крупной зыби баркас. «Шторм» подошел к нему вплотную. Смотрим, лежат в нем без движения несколько моряков в тельняшках. Вдруг один из них приподнялся и, увидя меня, закричал: «Товарищ капитан 1 ранга, вот где пришлось встретиться!»

Пристально взглядевшись, я с трудом узнал в этом грязном, до неузнаваемости исхудавшем, заросшем, забинтованном моряке старшину команды славной батареи «Не тронь меня» Виктора Самохвалова. Мы немедленно подняли всех шестерых из баркаса к себе на палубу. Наш воспитатель и санитары тут же начали приводить их в сознание и оказывать медицинскую помощь. Только Самохвалов мог говорить, двигаться.

Взяв баркас на буксир, сторожевой корабль пошел в Батуми. Вот что рассказал мне Виктор Ильич:

«Семибалльный шторм не дал нашим катерам подойти к наскоро построенным причалам, около которых их ждали последние защитники Севастополя, оставшиеся на херсонесском пятатке (все причалы разбило сильным прибоем). В числе оставшихся были шесть моряков с батареей «Не тронь меня». К берегу прибило какой-то баркас. Осмотрели его. Дизель как будто в порядке, исправный. Собрали где могли остатки топлива, залили бак. В пустой бидон набрали, сколько нашли, пресной воды, немного сухарей.

Когда шторм начал затихать, темной ночью вышли в море, держа курс на восток, к кавказскому берегу. Благополучно, не

замеченные фашистами, оторвались от берега. Прошли сутки, затем вторые... В море — мертвая зыбь, палящее южное солнце. Сначала кончилась пресная вода, затем топливо. Дизель последний раз чихнул и заглох. Съеден последний сухарь. Прошли еще сутки — без хода, без продуктов, без воды. Барказ течением уносило к берегам Турции. Один за другим мы теряли силы, израненные, голодные моряки. И вот на пятый день «Шторм» нашел нас и спас от смерти...»

Так состоялась моя последняя встреча с моряками из экипажа плавучей батареи «Не трюшь меня».

Помнишь, товарищ?..

Когда встречаются старые, добрые фронтовые друзья, то в разговоре то и дело слышится: «А помнишь?..» Так было и у нас с Павлом Савельевичем Мазаловым на встрече, состоявшейся в Москве более чем через два десятка лет. И действительно, нам было что вспомнить. Еще до войны работали в газете 5-й армии «Боевой поход», там и застала нас война. Как корреспонденты мы часто выезжали в войска, которые, паходясь на правом фланге Юго-Западного фронта, вели в ту пору тяжелые оборонительные бои.

— Помнишь связного Хайдара Хасангалнева?
— А командира батареи Логвиненко?
— А помнишь капитана Чеснокова?
— Это того, что под Луцком из засады своими тапками разгромил тапковую колонну гитлеровцев?

...С командиром 152-го отдельного танкового батальона капитаном Сергеем Денисовичем Чесноковым мы встретились в первые дни войны под Луцком. О боевых делах батальона мы услышали еще в политотделе корпуса. Поэтому хотелось поскорее увидеть героя боев.

Летний день, помнится, подходил к концу. Сергей Денисович сидел на траве, усеянной нежно-голубыми незабудками. Густые русые волосы беспорядочно свисали на лоб. А около него заботливо хлопотала девушка-санитарка. Она осторожно сняла с плеча капитана окровавленный белый лоскут, оторванный, по всей вероятности, от нательной рубахи, быстро обработала рану и наложила на нее марлевую повязку.

— Ну вот и все, — ласково сказала девушка.
— Спасибо, родная.

Чесноков поднялся, широко расставив ноги, подтянул ремень и расправил под ним гимнастерку. Я обратил внимание на орден Красной Звезды. В первые дни войны награждали не так часто, и я спросил Сергея Денисовича, когда он получил орден.

— События трехлетней давности, — отмахнулся было Чесноков.

— А все же? — допытывался я.

Было это в 1937 году, когда, возглавив небольшую группу советских танкистов, он отправился в Китай для оказания помощи китайскому народу в борьбе против японских захватчиков. Выполняя свой интернациональный долг, советские воины-добровольцы в трудных условиях горной местности, полного бездорожья отважно сражались с японскими милитаристами, наносили им большой урон в живой силе и технике. За образцовое выполнение заданий командования советские воины-интернационалисты, в том числе и С. Чесноков, были отмечены правительственными наградами.

— А теперь про последний бой расскажите.

— Что же тут рассказывать? Вот он, бой, — показал Сергей Денисович на только что перевязанное плечо. — Но эта рана легкая, заживет. Есть рана потяжелее: Колю Добродушного потеряли в бою... Какой прекрасной души человек погиб! Геройский парень!

Чесноков глубоко вздохнул.

Он рассказал, как в первый день боевых действий батальон переподчинили 22-му механизированному корпусу генерала С. Копдрусева. Под покровом ночи танкисты совершили почти стокilометровый марш в направлении Луцка, навстречу наступавшему врагу. На рассвете 23 июня они прошли через город и, двигаясь дальше на запад, вышли к населенному пункту Александровка.

Здесь командира предупредили, что с запада в направлении Луцка движется колонна вражеских танков в количестве 15 машин. А до основного рубежа, на котором батальон должен был встретить врага и вступить с ним в бой, оставалось еще несколько километров.

— Что ж, товарищи, раз враг опередил нас, будем громить его на этом рубеже, — обращаясь к командирам подразделений, спокойно сказал Чесноков. — Это пока вражеский разведывательный отряд. Самое лучшее — устроить ему засаду.

Чесноков так расположил машины, что образовался своеобразный броневой мешок, в который и должны были втянуться танки врага. Не успел командир батальона проверить маскировку, наскоро поговорить с танкистами, по-отцовски напутствуя их перед боем, как на горизонте за клубилась пыль, стеной поднимаясь ввысь. Машины врага шли на большой скорости. Перед деревней они сбавили ход. На переднем танке откинулся люк. Из него высунулся офицер. Он приставил к глазам бинокль и долго просматривал окрaину деревни.

— Вот бы ему сейчас по очкам врезать, — нетерпеливо проговорил парторг батальона лейтенант Алексей Капустин, наблюдая вместе с Чесноковым за противником.

— Не торопись, братец, врежем. Да еще как! — ответил Чесноков.

А танки подходили все ближе и ближе. Чесноков, все больше напрягая внимание, всем телом подался вперед:

— По фашистским танкам — огонь!

И в тот же миг с разных сторон грянули выстрелы прямо по бортам вражеских танков. Советские воины стреляли метко, поражая цели с первого снаряда. Загорелся ведущий танк. Закрутился на месте замыкающий, получив удар в гусеницу. Сполз в кювет и больше не двинулся с места танк из середины колонны. Оказавшись «взаперти», остальные вражеские машины пытались уползти в стороны, но и здесь их настигал огонь советских танкистов.

Чесноков и в этой горячке боя не прекращал вести наблюдение и разведку. Он знал наверняка, что вслед за разведывательным отрядом должны появиться основные силы врага.

— Товарищ капитан, вас вызывает комкор, — доложил Чеснокову радист.

Командир подошел к рации:

— Слушаю вас... Здравия желаю. Спасибо. — Потом вдруг встал, выпрямился и четко ответил: — Служу Советскому Союзу! Есть передать вашу благодарность танкистам...

В это время к танку Чеснокова подрулил мотоцикл. С него прыгнул одетый в маскхалат командир разведзвода.

— Товарищ капитан, танки! — доложил лейтенант.

— Сколько? — спросил Чесноков у офицера, прикрывая ладонью микрофон.

— Много, очень много. Вместе с бронетранспортерами.

Чесноков отвел ладонь от микрофона:

— Только что доложили о новой группе танков. В нашем направлении... Обязательно проверю.

Генерал Кондрусев приказал Чеснокову принять все меры к тому, чтобы задержать танки врага, лишить их возможности прорваться на восточный берег реки Стырь.

— Поймите, нам нужно выиграть время. Время! — еще раз повторил комкор.

— Понял вас. Приказ будет выполнен...

Из колонны танки врага перестроились в боевой порядок и широким фронтом двинулись прямо на батальон, обтекая его справа и слева.

Комбат вызвал к себе командира танковой роты старшего лейтенанта Н. Добродушного. Он хорошо знал этого офицера, отличавшегося всегда высокой командирской подготовкой, распорядительностью и собранностью. А его экипажи славились в бригаде хорошей слаженностью и взаимозаменяемостью, умением поражать любые цели с первого выстрела.

— Быстро уводите роту на правый фланг. Там, вероятнее всего, противник попытается прорваться к реке. Местность для этого подходящая, а противотанковое прикрытие у нас рыхловато, — сказал Чесноков офицеру.

В полдень начался неравный бой. Советские танкисты, подпустив крестатые машины на близкое расстояние, внезапно открыли мощный огонь. В первые же минуты сражения враг потерял десятка полтора своих машин. Несколько танков на большой скорости пытались обойти батальон слева. Но, попав под губительный огонь наших артиллеристов, выкативших свои орудия на прямую наводку, остановились. А этого было достаточно, чтобы покончить с ними раз и навсегда.

Но враг продолжал пускаться. Еще одной группе его танков удалось обойти батальон. С ними вступила в единоборство танковая рота Добродушного. Танкисты смело атаковали фашистов. Маневрируя, они подбили и подожгли все прорвавшиеся машины противника.

В этом бою был смертельно ранен старший лейтенант Добродушный. В самый решительный момент боя, собрав последние силы, он крикнул: «Вперед, товарищи, за папу Советскую Родину!» Позже мы узнали, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1941 года командир танковой роты старший лейтенант Николай Петрович Добродушный награжден орденом Ленина.

Отважно сражался и парторг батальона лейтенант Капустин. Он действовал за командира орудия на командирском танке. Капустин поджег три вражеские машины. При попадании вражеского снаряда в командирский танк парторгу перебило ногу. Он быстро перетянул ее попавшим под руку полотенцем и продолжал вести бой. Еще один снаряд попал в танк.

Остаться в подбитой машине было опасно. Чесноков помог Капустину выбраться из машины и отвел его в безопасное место, а затем снял с танка пулемет, забрал патроны, укрылся за броней машины и всю мощь огня обрушил против десанта автоматчиков врага.

К вечеру бой утих. Фашистские танки и бронетранспортеры с цехотой, понеся потери, отошли на исходные позиции. Треть

Полковник в отставке С. Д. Чесноков
с внучкой Ларисой

своих машин потерял и наш батальон. Но танкисты выполнили боевой приказ, не пропустили врага за реку, выиграли то время, о котором говорил комкор капитану Чеснокову.

Это была первая и последняя моя встреча с отважным танкистом. В сутолоке фронтовых будней наши дороги разошлись. И теперь, спустя много лет, вспоминая со своим другом о капитане Чеснокове, я решил выяснить, как дальше сложилась судьба замечательного командира: жив ли он, куда увели его фронтовые дороги?

Начались поиски. В них мне помогали работники Острогожского райвоенкомата.

И вот вскоре пришло письмо от Сергея Денисовича. Он живет в Калининграде. Полковник в отставке Чесноков вспоминает в письме о тяжелых днях начала Великой Отечественной войны, боевых друзьях по танковому батальону, рассказывает, как война бросала его то на один, то на другой фронт. Участвовал в разгроме немцев под Москвой, поддерживая действия группы генерала Л. Доватора. В составе 4-го механизированного корпуса генерала В. Вольского танкисты Чеснокова крушили захватчиков у степ Сталинграда и на Дону, сражались на Карельском перешейке, за Таллин. В ознаменование одержанной победы полку было присвоено наименование «Таллинский».

У Сергея Денисовича об этом периоде боевых действий сохранились довольно интересные записи. Вот одна из них:

«В Эстонии с 17 сентября по 24 ноября 1944 года полк подбил и сжег 16 вражеских танков и самоходных орудий, разрушил дотов и дзотов — 21, уничтожил 27 противотанковых пушек, 39 пулеметных точек, 38 автомашин с продовольствием и боеприпасами, 8 складов, потопил 2 катера, истребил сотни вражеских солдат и офицеров, освободил от оккупантов 86 населенных пунктов...»

Танкисты под командованием своего опытного командира освободили Польшу, столицу Чехословакии.

...Все дальше и дальше уходят в историю суровые годы Великой Отечественной войны. Но тем величественней становятся в памяти нашей подвиги, совершенные воинами в тяжелой борьбе против опытного и коварного врага, каким был германский фашизм. И еще не раз старые добрые фронтовые друзья, встретясь, будут говорить: «А помнишь, товарищ?..»

Отраженный импульс

Эта директива и сегодня леденит кровь. Впервые обнародовали ее уже после войны, на Нюрнбергском процессе. А до этого она лежала в сейфах верховного командования вермахта, за семью печатями, и ознакомлен с нею был лишь узкий круг ответственных за исполнение лиц. Вот ее содержание:

«Гитлер решил стереть Петербург с лица земли. Предложено тесно блокировать город и путем обстрела артиллерией всех калибров, непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей...»

Ныне с директивой можно ознакомиться в одном из навильонов при входе на Пискаревское мемориальное кладбище в Ленинграде. Я видел, как по складам ее читал мальчик-дошкольник, и веснушчатое лицо его выражало внутреннее напряжение.

— Пап, а ведь фашисты могли совсем-совсем разрушить наш город? — дернул он за руку отца и не по-детски пытливо заглянул ему в глаза.

— Нет, сынок, не могли, — убежденно ответил ему отец.

— А почему? — не унимался сынишка.

А ведь тогда, поздней осенью сорок первого, когда появилась на свет эта директива, гитлеровцы сосредоточили огромные силы для исполнения чудовищного приговора городу, восхищающему людей своей красотой, бесценными архитектурными памятниками. Жерла тысяч орудий врага были нацелены на жилые кварталы, предприятия, музеи города. На ближайших аэродромах стояли в готовности эскадры бомбовозов. Пилоты их имели опыт налетов на Париж, Амстердам, Лондон...

Правда, гитлеровское командование знало о развитой системе ПВО Ленинграда. Но знало оно и другое: с отходом советских войск эта тщательно отработанная еще до войны система лишилась своего важнейшего звена — полосы предупреждения. Визуальные посты ВНОС теперь могли обнаруживать цели лишь на ближайших подступах к городу. И гитлеровцы надеялись, что смогут безнаказанно наносить массированные удары с воздуха по любым объектам.

Однако всякий раз, когда на город накатывалась новая волна «юнкерсов», «фоккеров» и «мессеров», их встречали огнем

советские «ястребки», вступали в бой зенитчики. Генералы люфтваффе не на шутку всполошились: что за секретная система оповещения у русских?

«15 апреля 1941 года под Ленинградом сформирован 72-й отдельный радиобатальон ВНОС. В мае поступили радиолокационные станции «Ревень» — 8 комплектов. 12 июня расчеты встали на позиции вдоль северо-западных границ Родины». — Это извлечение из боевой истории части.

А вот что рассказал один из ее ветеранов — офицер запаса Г. Шкуро.

Апрельским днем сорок первого группа бойцов (всего с полсотни человек) прибыла в Песочную, под Ленинград. От станции шли пенком, молчаливо месили сапогами тяжелую глинистую землю. В перелесках виднелся темный, ноздреватый снег. С поля дул теплый, влажный ветерок, в воздухе пахло весной. Люди шли навстречу новому, неизведанному. По тому, с какой тщательностью их подбирали, инструктировали, можно было заключить: им доверят новую и сложную — секретную технику.

Начальник штаба батальона, которому представили новичков, сказал:

— Будете осваивать радиолокацию.

Последнее слово он произнес по слогам, как бы давая возможность бойцам вдуматься в его смысл.

Пришло время — и бойцам доверили работу на станции. Они видели перед собой тонкую, сложную аппаратуру и, затаив дыхание, осторожно прикасались то к одной, то к другой ручке. Волнение вызвал у них маленький подвижной «светлячок», вдруг прорезавшийся на зеленовато-желтом поле экрана, — отметка от самолета, идущего отсюда за десятки километров. Это казалось чудом!

Конечно, возможности первых радиолокаторов были ограниченными. Они не могли выдавать координаты воздушных целей, а лишь фиксировали их пролет на определенном участке (между двумя удаленными друг от друга на 100 километров пунктами). У них небольшой экран диаметром всего 17 сантиметров. И располагался он не очень удобно — надо было смотреть сверху вниз, вертикально. Но это уже потом, в сравнении с другими радиолокаторами, они познали недостатки первенца. Тогда же «Ревень» им казался верхом технической мысли.

А теперь несколько отвлечемся от рассказа ветерана и обратимся к документам, боевым донесениям того времени. На 24 июня курсантам назначили экзамен. Но двумя днями раньше его принял... противник. И не условный, а реальный. Люди и техника выдержали первую пробу боем. Ранним утром 22 июня 1941 года несколько расчетов одновременно сообщили о вторжении вражеской авиации в воздушное пространство нашей страны.

Комплекты «Ревень» уже в первые недели войны были заменены более совершенными радиолокаторами «Редут» — первыми импульсными станциями. 22 июля 1941 года расчет станции «Ре-

дут» (смена во главе со старшим оператором старшим сержантом Н. Яковлевым) предупредил главный пост ВНОС о массированном налете на Ленинград. Наши летчики и зенитчики сбили свыше десяти «юнкеров» и «мессеров», остальные были рассеяны и к городу не прошли. В августе другой расчет «Редута» сообщил командованию авиаполка: к аэродрому приближается воздушный противник. Тут же стали выводить самолеты из-под удара. Бомбы упали на опустевшую стоянку.

Летчики и зенитчики все больше верили в боевые возможности радиолокационной техники.

Один из «Редутов» размещался в Токсово, на высотке с глинистыми берегами, зажатой меж двух озер. Поначалу расчет жил в палатке, а потом обосновался капитальнее — в землянке с прочным настилом из бревен. Обучением и боевой работой расчета руководил военный инженер 3 ранга Г. Шени. В радиолокации он был силен, чем сразу и покориł людей. Начнет рассказывать о методах радиолокации, отраженном импульсе, увлечется, всю доску испишет формулами, а потом замолкнет на секунду-другую, взглянет на застывшие в напряженном внимании лица операторов: «Это для вас еще сложновато» — и уже проще, популярнее изложит существо вопроса.

Шени проявил себя личностью творческой, одаренной. Заметим, что радиолокаторы того времени имели только один индикатор. Он позволял определять две координаты — азимут и дальность. А надо было знать и третью — высоту полета. И вот группа инженеров, в которую входил и Шени, рассчитала и сконструировала свою высотную приставку к станции «Редут». Она давала возможность (хотя и с некоторыми погрешностями) применять «Редут» для непосредственного наведения истребителей на цель.

Расчету станции, которую возглавлял Шени (позже начальником стал лейтенант Г. Клаптюк), суждено было оставить заметный след в боевой истории части.

...Наступили октябрьские дни 1941 года. Землю по почам схватывали первые морозцы. А днем надоедливо шелестел по сухим листьям мелкий, как из сита, дождик. Сплошной серой пеленой затягивало склоны ближайших высоток, покрытых порыжелыми мхами.

В один из таких непогожих дней на станции в Токсово дежурил расчет во главе со старшим оператором Шкуро. Он зорко следил за перемещением импульса на экране. Вот отметка от группы «юнкеров». Они, видать, отбомбились и сейчас держат курс на свой аэродром. Но что это? Отметка неожиданно пропала, растаяла, словно легкое облачко. Кстати, и на днях такое же случилось, притом в той же точке экрана. Прикинули расстояние. Где-то в районе Сиверской... А нет ли там вражеского аэродрома?

Шкуро тут же доложил на главный пост ВНОС о своих предположениях. Его переспросили: «А вы не путаете?» Как тут не задуматься хотя бы на мгновение? Ответственность на себя он берет большую. Но ведь и сомнений-то у него нет.

Прошли минуты, а расчету казалось — вечность. И снова на экране перемещается отметка. Наши самолеты! И идут к Сиверской. А еще через час на станции раздался телефонный звонок.

— Поздравляю расчет с большим успехом! — послышался в трубке возбужденный голос оперативного дежурного. — Вышли наши фашистам. Аэродром в огне...

По предложению А. Жданова, секретаря ЦК партии, члена Военного совета Ленинградского фронта, отличившихся представили к награде. Военинженеру 3 ранга Шенну вручили орден Красной Звезды, операторам Шкуро, Звереву, Ильину, Румянцеву — медаль «За боевые заслуги».

Со второй половины августа 1941 года радиолокаторы стали основным средством наблюдения за воздушной обстановкой. Они создавали сплошное поле радиолокационного обнаружения в радиусе до 150 километров (в ряде случаев удавалось пеленговать самолеты и на большем удалении). Визуальные посты ВНОС уже решали вспомогательные задачи: уточняли данные «Редутов» на ближних подступах к городу.

Пилоты люфтваффе, которым немало досаждали наши «Редуты», с маньяческим упорством выискивали их и с яростью атаковали. Но и под губительным огнем локаторники — многие из них были коммунистами — не оставляли своих постов, а место погибшего тут же занимал товарищ, ощущая на ручках управления неостывшее тепло рук...

Ветераны вспоминают день 13 сентября 1941 года. Тогда на станции «Редут» близ Пулковских высот дежурил оператор Николай Курчапов. В самый разгар боевой работы послышалась дробная пулеметная очередь и раздался оглушительный хлопок — разорвалась бомба. На станцию пикировал вражеский самолет. Пилот, видно, успел передать ее координаты артиллеристам. Едва смолк рев мотора самолета, как по высотке, где располагался «Редут», ударили из орудий и минометов. Все слилось в один сплошной, неистовый гул и грохот, которому, казалось, не будет ни конца ни края. Багрово и тревожно занялось небо над высоткой, языки пламени лизали сухую траву, огонь все ближе подбирался к станции. В какое-то мгновение осколки прошли ее степки, обожгли Курчапову грудь и голову. По лицу его побежала тонкая, густая струйка крови, и он неуклюже сполз с сиденья...

Погиб и наблюдатель рядовой Ярыза. А донесения, как и прежде, текли без промедлений на главный пост: место убитых заняла новая смена.

Героизм? Да! И он стал нормой поведения локаторщиков в подобных ситуациях. Для них не было ни дня, ни ночи, ни будней, ни выходных — все слилось в непрерывную вахту у экрана.

На боевом счету воинов ПВО Ленинграда — свыше полутора тысяч сбитых самолетов с черными крестами на фюзеляже. В этой цифре зримо воплотился воинский подвиг первых локаторщиков.

Фарватер Охрименко

Это был поединок мысли. С одной стороны — мысль врага, воплощенная в стальной сигаре новейшей магнитоакустической донной мины. С другой стороны — живая мысль советского минера, коммуниста капитан-лейтенанта Григория Охрименко.

Создатели этого в высшей степени хитроумного снаряда находились далеко от места поединка и окрествали, пожалуй, только престижем — уверенные в себе, они окрестили свое создание «национальной гордостью немецкого минного оружия». Флотский минер Григорий Охрименко рисковал прежде всего собственной жизнью. Однако не об этом он думал. Поединок носил слишком принципиальный характер, ибо происходил на рейде осажденного Севастополя в апреле 1942 года. От результата зависело, удастся ли врагу наконец осуществить план минной блокады Севастопольской бухты, перерезать единственную артерию, питающую защитников города-героя.

Впрочем, впервые увидев мину, Григорий Охрименко перестал думать и об этом, выбросил из головы все, не имеющее непосредственного отношения к предстоящему делу. Огромная стальная сигара, начиненная смертью, лежала на каменистом грунте у подводной скалы. Ее темный корпус слегка затянуло плом. Несколько минут капитан-лейтенант смотрел на мину, словно стараясь проникнуть взглядом в ее загадочное нутро. Потом шагнул к ней...

Немного предыстории. Против «национальной гордости» фашистской Германии, этого совершенного создания квалифицированной конструкторской мысли, выступил сын украинского крестьянина из села Гайворон, что на Черниговщине. С юных лет Григорий мечтал о море. Подался в 1927 году в Севастополь. Для службы он был еще молод и пошел в рыбаки. Тонул во время шторма, но и это не поколебало его намерения. В 1931 году по комсомольской путевке был направлен в Военно-Морской Флот. А уже через год упорный в своем стремлении юноша стал курсантом военно-морского училища. Там увлекся минным делом, что и определило его судьбу на всю жизнь.

Первый день войны застал капитан-лейтенанта Охрименко в Севастополе, где он находился в служебной командировке. Сразу же написал в Москву рапорт с просьбой оставить на действующем флоте. Просьбу удовлетворили. Охрименко получил назначение на должность младшего флагманского минера Черноморского флота.

В гитлеровский план внезапного нападения на Советский Союз входила и минная блокада наших военно-морских баз. Цель ее состояла в том, чтобы закупорить флот в базах и уничтожить корабли. В памятную ночь 22 июня фашисты сбросили с самолетов неконтактные мины на Севастопольский рейд. На одиннадцатый день войны в Северной бухте была подорвана первая донная магнитная мина. Затем военинженеру 3 ранга М. Иванову и капитан-лейтенанту Власову удалось разоружить такую же мину вблизи Очакова. Тогда фашисты стали ставить мины с хитрыми ловушками. При работе с одной из них погибли друзья Охрименко — инженер Лишневский и старший лейтенант Богачек. Попытка проникнуть в секрет немецкой акустической мины стоила жизни военинженеру 2 ранга И. Иванову, капитан-лейтенанту Ефременко и трем краснофлотцам.

И все же тайны магнитных и акустических мин были раскрыты, были найдены и способы их траления. Самоотверженный труд минеров сорвал попытку врага заблокировать Черноморский флот в его базах. Корабли выходили в море, выполняли боевые задачи.

Гитлеровцы, однако, не отказались от идеи минной блокады. В апреле 1942 года на фарватерах Севастополя появились новые мины, которые не поддавались воздействию существующих тралов. Их пробовали поднимать на поверхность, но, едва отделившись от грунта, мины сразу же взрывались. Тогда и вызвал к себе командующий Черноморским флотом капитан-лейтенанта Охрименко.

— Надо найти средство борьбы с новой миной, — сказал вице-адмирал Октябрьский. — Сейчас от этого зависит оборона Севастополя.

— Единственный путь — разоружить мину на грунте, под водой.

— А возможно ли это? И где мы возьмем водолаза, способного на такое дело?

— Займусь разоружением сам, — ответил Охрименко.

— Вы же минер, а не водолаз, — заметил командующий.

— Освою и водолазное дело.

Да, это был единственный путь. По всем признакам новая мина устроена так, что разоружить ее обычным способом невозможно. И все-таки, по мнению Охрименко, оставался один шанс из ста — педагогичные немецкие конструкторы могли не предусмотреть, что кому-либо придет в голову вскрывать мину прямо на грунте.

За рекордно короткий — восьмидневный срок освоил минаер водолазное дело. Учили его лучшие водолазы мичман Болгов и главный старшина Вилулов. И вот ранним апрельским утром водолазный бот вышел в район внешнего рейда. Где-то здесь лежала одна из мин, сброшенных с самолетов несколько дней назад. Первые попытки найти мину оказались неудачными: сильно мешал вражеский артиллерийский обстрел.

Выручил туман. Сначала под воду спустился главный старшина Вилулов. Обнаружив мину, он поднялся на поверхность. Наступила очередь Григория Охрименко.

...Несколько минут капитан-лейтенант смотрел на мину, словно стараясь проникнуть взглядом в ее загадочное путро. Потом шагнул к ней. Из-под ног взвились пузырьки. Вокруг жуткая тишина. Даже телефон по просьбе минаера был выключен: неизвестно, какая чувствительность у взрывателя.

Труднее всего было заставить себя дотронуться до мины. Но когда, пересилив чувство опасности, Охрименко провел рукой по гладкому корпусу, стало легче. Обнажилась от ила одна из горловин. Теперь минаер действовал спокойно и уверенно. Наклонив на хвостовое оперение петлю из пенькового троса, слегка затянул ее. Осторожно очистил корпус от ила и специальной мастикой снял слепки со всех горловин, болтов, гаек. Для первого знакомства было вполне достаточно. Важно то, что взрыватель при этом не сработал. Впрочем, не было никаких гарантий относительно того, что он не сработает при повторной встрече.

За ночь по слепкам сделали ключи. Утром следующего дня Охрименко вновь медленно подходил к мине. Под водой было сумрачно. Несколько минут он постоял у мины просто так, потом склонился над ней. На этот раз предстояла серьезная работа. Нащупав горловину прибора, который, судя по всему, предназначался для взрыва мины при подъеме ее на поверхность, офицер взял в руку инструмент. И сразу же почувствовал, как лицо, все тело под скафандром покрылось холодным потом. Болты поддавались с трудом. Один, второй, третий... Всего восемь.

Охрименко был хорошо знаком с двумя предыдущими образцами вражеских мин — друзья его недаром отдали свои жизни. Новая мина внешне походила на своих предшественниц. Однако внутри ее находился неизвестный взрыватель и была скрыта какая-то новая ловушка. Вряд ли удастся найти ее в полутьме морского дна. Значит, надо прервать цепь взрыва. Быть может, ловушка здесь, на грунте, не сработает.

Ловушка не сработала. Охрименко вывинтил взрыватель. Отдохнул немного, чтобы улеглось напряжение. Мышцы рук ныли — громадное физическое усилие требовалось, чтобы вывинтить взрыватель плавно, без рывков. Немного успокоившись, минаер медленно просунул руку в горловину, стараясь ни за что не за-
деть.

Охрименко нацупал прибор, и... сверху начали сигнализировать об опасности. Слышались глухие взрывы. Значит, туман рассеялся и немцы опять открыли огонь по водолазному боту. Капитан-лейтенант очень медленно вытащил руку из горловины и дернул за сигнальный конец — к подъему готов.

Следующим утром, едва рассвело, водолазный бот уже был на месте. Охрименко опять пошел на грунт. Как обычно, постоял немного у мины, послушал тишину, присмотрелся — не изменилось ли что за сутки. И осторожно просунул руку в горловину. Время для минера остановилось. Замерли чувства. Казалось, даже кровь перестала стучать в висках. Работали только мозг и пальцы. Когда задержался сигнальный конец, требуя от Охрименко немедленного выхода наверх, прибор с гидростатом лежал у него на ладони. Из горловины торчали два тонких провода.

Наверху начался артиллерийский обстрел. Впрочем, теперь это было уже не столь важно. Главное в том, что мину можно доставлять на берег, чтобы завершить ее разоружение.

Делалось это со всеми предосторожностями. Поездочек еще не закончился. Еще не сработала ловушка. Оставив своих помощников в укрытии, Григорий Охрименко в четвертый раз пошел к мине, теперь уже лежавшей на берегу. Когда он приблизился вплотную, внутри мины что-то глухо взорвалось. Видимо, в то мгновение и тронула темные его волосы первая, не по возрасту, седина.

Вот она, коварная ловушка!

Ловушка все-таки сработала, но с опозданием и уже не смогла вызвать взрыва мины. Однако мина оставалась опасной, пока утро ее было начинено всякими приборами. Лишь в конце работы, когда опасность взрыва была исключена на все сто процентов, начальник штаба В. Морозов сфотографировал капитан-лейтенанта Охрименко у поверженной им «национальной гордости немецкого миного оружия».

Так секрет комбинированной магнитоакустической мины перестал быть секретом. И это позволило быстро найти средства и способы борьбы с новыми фашистскими минами. Грозная опасность на севастопольских фарватерах была ликвидирована.

И не только на севастопольских.

А война продолжалась. Во многих боях на Черном море участвовал Григорий Николаевич Охрименко: сначала командиром дивизиона, а затем — бригады траления. Ведомые им тральщики открывали входы с моря в Очаков и Одессу. В 1944 году капитан 2 ранга Охрименко возглавил бригаду траления Дунайской военной флотилии.

Отступая, гитлеровцы буквально завалили Дунай минами. Стодвадцатикилометровый участок от Молдова-Веке до Белграда считался вообще непроходимым. В Молдова-Веке скопилось около ста различных судов с грузами — боеприпасы и горючее для на-

ших войск, хлеб и топливо для освобожденного Белграда. Все это надо было доставить по назначению до наступления зимы.

Чтобы полностью протралить основной дунайский фарватер на этом участке, требовалось слишком много времени. Тщательно изучив лоцию, скрупулезно все рассчитав, Охрименко принял решение проложить ближе к берегу новый фарватер.

— Так никогда здесь не ходили, — возражали местные лоцманы, — можно сесть на мель.

— Пройдем. Вода в Дунае сейчас прибывает. Зато у берега могут оказаться лишь случайные мины.

Капитан 2 ранга был тверд в своем решении. Другого выхода не было.

Головным шел тральщик «Бессараб» под флагом командира бригады. Вытянувшийся в длинную цепочку караван строго соблюдал курс флагмана. А по берегу, далеко впереди, уже неслась весть: русские прокладывают по Дунаю «дорогу жизни». Охрименко привел суда в Белград, избавив его население от голода и холода. За это он и был затем удостоен звания народного героя Югославии. А старые речники придунайских стран до сих пор называют проложенный советскими моряками путь «русским фарватером» или «фарватером Охрименко».

Годы идут. Нет-нет да и дадут о себе знать старые раны и контузии. Но сегодняшние сослуживцы контр-адмирала Григория Николаевича Охрименко привыкли видеть его всегда бодрым, энергичным, трудолюбивым. Видят они в нем и пример творческого, партийного отношения к нынешнему его делу, пример отеческой заботы о людях. По-прежнему Григорий Николаевич отдает все свои силы работе и не мыслит себя вне ее, как сорок лет назад, когда уехал из села Гайворон к манищему морю.

ПОЛЯ РАТНОЙ СЛАВЫ

Много на нашей земле мест, связанных со славой русского и советского оружия. Они дороги нам, эти места. Они — в памяти народной, освещенные подвигами былых битв и немеркнущим героизмом советских солдат, грудью защитивших родную страну.

В грозных битвах с фашизмом вдохновляли наших воинов на ратные подвиги идеи великого Ленина, победоносное знамя Октября. В боях за честь и независимость Родины воодушевляли их также и мужественные образы наших предков, сражавшихся на Чудском озере, на поле Куликовом, под Полтавой, на холмах Бородино.

Ратная слава воинов старших поколений помогала нам отстаивать свободу, честь и независимость Родины в боях гражданской и Великой Отечественной войн. Она и сейчас зовет нас на подвиги.

Тридцать лет нашей победе. В преддверии этой знаменательной даты «Красная звезда» опубликовала на своих страницах фотоочерки под рубрикой «Поля ратной славы». Они и предлагаются вниманию читателей.

ШРАМЫ ЗЕМЛИ

Пройдите по полю пешком. Поднимитесь на колокольню здешней церкви. Побывайте на Багратионовых флешах, на батарее Раевского. Поклонитесь братским могилам...

День Бородина... Седьмое сентября 1812 года. На холмистом поле, у безвестной ранее деревушки, решались судьбы России и наполеоновской империи. Агрессор был разбит

А в октябре 1941 года здесь, на Бородинском поле, держали оборону доблестные бойцы 32-й стрелковой дивизии под командованием полковника В. Полосухина. Высятся над полем молчаливые обелиски — памятники героям двух Отечественных войн

Тихий, задумчивый Буг. Здесь еще в древние времена на пологих холмах, покрытых зарослями береста, возникло славянское поселение — Берестье. После войны 1812 года правительство России начало строительство Брестской крепости, которое было закончено в 1842 году.

Здесь, у этих древних стен, в первые дни Великой Отечественной войны небольшой гарнизон крепости больше месяца сдерживал натиск гитлеровцев, изумив мир невиданной стойкостью.

У Центрального входа, выполненного в виде пятиконечной звезды, посетителей встречает почетный караул. Широкая бетонная дорога ведет к площади Церемониалов, где расположен главный монумент — над каменной глыбой возвышается голова воина. А рядом — стометровый штык-обелиск — символ славы советского оружия, доблести наших воинов

Защитники Сталинграда... На вас враг сбрасывал белые тучи листовок: «Рус, завтра — буль-буль!» А вы... вы писали на городских руинах: «Здесь стояли насмерть...» Ваш подвиг помнят потомки

Блиндаж под Прохоровкой

Прохоровка сегодня

Летим над Курской дугой. Змеится лента шоссе. Курс — на Прохоровку. На крупномасштабном листе карты у штурмана вертолета бросаются в глаза несколько деревень с одинаковым названием: Солдатское. Есть Большое Солдатское. Есть Малое Солдатское.

— Что, после войны названы?

— Нет, и до войны были, — отвечает штурман.

Давно стоят эти села. Стоят на земле, обильно политой кровью наших отцов и старших братьев. Кажется, что так и не впитала земля ту кровь до конца — из окна вертолета видны огненно-красные участки, — летим над районом знаменитой Курской магнитной аномалии.

Огненная дуга. Битва, не имеющая себе равных в истории. Битва, развернувшаяся на громадной территории. Белгород. Орел. Курск. Войска нескольких фронтов участвовали в ней. Здесь мы превзошли врага не только в героизме, но и в технике. Не помогли гитлеровцам

ни «тигры», ни «фердинанды», ни «пантеры». Здесь в душные июльские и августовские дни 43-го года завершился коренной перелом в ходе войны.

Штурман кричит: «Подлетаем к Прохоровке!» Внизу прерывистой ленточкой вьется Псел. Издалека виден бетонный элеватор. Мы — над поселком Александровским, административным центром Прохоровского района. Дом культуры, новые дома, стройные ряды совхозных ферм.

А было здесь пепелище. Печные трубы. Кучи щепы и битого кирпича.

Здесь, под Прохоровкой, произошло беспримерное по своему размаху танковое сражение, широко известное под названием «Прохоровское побоище». С обеих сторон в нем участвовало свыше 1500 танков. Этот день, по существу, стал днем окончательного краха «Цитадели», как называли гитлеровцы свою наступательную операцию на Курской дуге.

Село Нозо-Петровцы. Памятник освободителям Киева,
героям форсирования Днепра

Древний, легендарный Корсунь-Шевченковский. На переднем плане — музей истории Корсунь-Шевченковской битвы

Дорога жизни. Дорога подвига человеческого.

Как вечен город Ленина, так вечна память народа о подвигах твоих героев, легендарная Дорога жизни!

Здесь, на Пулковских высотах, насмерть стояли защитники города Ленина. За 28 месяцев ни на шаг не продвинулись гитлеровцы, а 14 января 1944 года занялось над разбитыми павильонами Пулковской обсерватории зарево артподготовки: начались бои за полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады

Там, где спокойная гладь Ладоги незаметно переходит в быстрые стремнины Невы, высится остров. На острове — древняя крепость. Ее первое имя — Орешек, второе — Шлиссельбургская крепость, «русская Бастилия», в которой томились борцы за народное счастье. Осенью 1941 года сюда прорвались гитлеровцы, но крепость боролась. Ее гарнизон поклялся: ни шагу назад. 500 долгих дней длился неравный поединок. Победили, выстояли воины острова! Враг не прошел

На двадцать первом километре шоссе Минск — Москва высится курган Славы. Поднимешься на него по бетонным ступеням, и кажется, что вся земля белорусская раскрылась перед глазами, привольная, добрая, счастливая. Земля подвигов и героев

Хатынь, наша вечная боль... Да не одна Хатынь: сотни деревень вместе с жителями уничтожил враг на земле белорусской...

Герои-фронтовики. Они и сейчас в строю, и трудятся так же самоотверженно, как воевали, отдавая все свои силы Родине, народу. В светлый день Великой Победы они достают фронтовые гимнастерки, ордена и медали — бесценные реликвии, награды Родины...

Низкий поклон вам, защитники Отчизны!

Комиссар Журба и его наследники

О том, как воевали солдаты гвардейской мотострелковой Красносельской ордена Ленина, Краснознаменной дивизии имени А. А. Жданова, я знал еще в сорок первом. И с тех пор пути-дороги нередко приводят меня к гвардейцам.

Недавно снова побывал у них. Встретился с молодым замполитом роты, умным и симпатичным лейтенантом Валерием Кшеванским. Он долго рассказывал о своих заботах, о людях подразделения. Вспоминал прошедшие учения.

...Наутро гвардейцы вышли к реке.

— Что будем делать, комиссар? — спросил командир роты своего заместителя.

— На подручных придется...

— Шутите? Вы сначала температуру воды измерьте.

Но шутить, понятно, никто не собирался. Небольшая лесная речушка могла сорвать задуманный маневр. Решили переправляться с помощью веревки. Но кто первый? Кому идти в ледяную воду? Из строя вышло четверо добровольцев. Замполит взял одного — Николая Алексеенко, в прошлом заядлого альпиниста. Они переправились первыми, а за ними и вся рота. Для «противника» выход роты в тыл оказался полной неожиданностью.

Слушал я Кшеванского, парня из Криворожья, армейского коммуниста, и представлял, как бы он действовал на фронте. Таким был и однополчанин Кшеванского — комиссар дивизии Георгий Журба, портрет которого теперь висит в комнате боевой славы. Родом он из села Степановки, что под Херсоном, — земляк Валерия. Биография Журбы похожа на тысячи подобных. В неполные семнадцать лет красный пулеметчик Журба с тачанки бил врагов под Каховкой и Херсоном. Гранатные осколки оставили ему боевую отметину того бурного времени.

Кончилась гражданская... Инструктором уездного ревкома колесил Журба по хуторам и селам, отбивая у кулаков каждый пуд хлеба для пролетариев Москвы и Питера. Потом руководил комсомольней Херсонского железнодорожного депо. И сутками вместе с хлопцами не вылезал из прокопченных цехов, восстанавливая позарез нужные для республики паровозы.

После Херсона Журба прибыл в город Ленна. Устроился на «Красном треугольнике». Вместе с тысячами бойцов первых пятилеток «вываривался» в «питерском» пролетарском котле. Ударничество, соревнование, встречный план — новые, досель незнакомые слова стали для него понятными, стали смыслом жизни.

Молодого парня из шинного заметили. Его назначили начальником участка, потом начальником цеха. По партийной путевке учился в промакадемии, работал в главке. В 1937 году вернулся на завод.

Когда началась Великая Отечественная война, коммунист Журба добровольцем отправился на фронт. Он не сразу стал комиссаром дивизии. Поначалу был полпобойцом. Кто они такие, политбойцы? Рядовые солдаты партии. Да, именно так. У них не было никаких привилегий, кроме одной — быть всюду первыми, подавать пример мужества, нести воинам страстное большевистское слово.

«Я сначала попал в разведбатальон. Восемь раз был с разведкой в тылу у немцев», — писал Георгий Владимирович с фронта. И в том же письме:

«Попробовал» всего понемногу. Был под авиабомбежкой, под шрапнельным и фугасным огнем. Но всего гнуснее минометный огонь, которым фашисты здорово владеют...

Наша дивизия две недели подряд не выходит из ожесточенных боев. Я уже сделал маленький вклад в защиту Ленинграда. Двумя гранатами поднял на воздух мотоцикл с коляской и тремя солдатами из охранного отряда СС...»

Но сорок первый был сорок первым, и мы сполна испытали горечь отступления. Более пятидесяти километров по непроходимым болотам, через лесные чащи пробирался Журба вместе с остатками полка на соединение со своими.

Позже он писал семье:

«Выснаться как следует нельзя. Иногда по 2—3 дня не умывались. Последние три дня бои шли у реки, а выкупаться нельзя. Я до того скверно себя чувствовал, что под огнем полез в воду и искупался».

В августе сорок первого года Журба распрощался с боевыми друзьями-разведчиками. Его назначили инструктором политотдела дивизии. Только трудно было усидеть ему в политотдельской палатке. Статную, крепкую фигуру его чаще видели в полках и ротах.

В блокадную зиму 1942 года Георгия Владимировича Журбу назначили комиссаром разведотдела штаба 55-й армии. В то время мне довелось с ним познакомиться. Он с жаром рассказывал, как разведчики брали «языка» под Красным Бором. Сколько в его рассказе было восхищения мужеством и отвагой бойцов! Да они и в самом деле были героями.

В то время на нашем фронте не было крупных операций. Разведка перемежалась с действиями снайперов, артиллерийские дуэли — с короткими схватками за выгодные рубежи. Но и это

было геройством для полуголодных защитников Ленинграда. И для одного-единственного броска в атаку не хватало сил... Мы всё получали по голодному пайку: и хлеб, и патроны.

Журбу почти невозможно было заставить в штабной землянке. Он знал в лицо и по имени не только своих, армейских, но и почти всех дивизионных разведчиков. Редкая вылазка обходилась без его участия.

Он был храбрецом. Не жалел своей жизни, но страстно хотел жить. Верил, что увидит своих детей. Тревожила судьба старшего, Виктора, оказавшегося в оккупации на Херсонщине. Тревожила жизнь жены Валентины и двух сыновей — Густава и Сашко в блокадном Ленинграде. Письма к ним проникнуты оптимизмом, нежной любовью отца и мужа.

В конце весны сорок второго года Журба вернулся в свою дивизию, но уже в качестве ее комиссара. И он спешит поделиться своей радостью с семьей:

«У меня произошли большие изменения. Я комиссар той самой дивизии, где начинал свою службу в качестве рядового разведчика. Я очень рад, что кончилась аппаратная работа. Она не по моему темпераменту. Я человек горячий и люблю горячую, живую работу. А что может быть интересней, живей и горячей работы комиссара полка или дивизии?»

Работа комиссара действительно была горячей. Вместе с командиром он делил всю ответственность за боевые действия, моральный дух и стойкость бойцов. Комиссар воспитывал у солдат ненависть к врагу и любовь к Родине, учил стойкости и мужеству. Журба постоянно был в ротах и батальонах, в самой солдатской гуще. Он знал, как спал солдат, что ел, как стрелял, почему у него пошла пуля за «молоком». Он любил обстоятельно побеседовать с бойцами, а то и просто побалагурить. Следил, чтобы они получали все положенное довольствие, и приходил в ярость, если узнавал, что кто-то хоть грамм урвал от солдатского пайка. Потому и в отношении себя Георгий Владимирович был удивительно скромным и неприхотливым человеком.

...Опьяненные летними успехами сорок второго года на юге, гитлеровцы вновь возвратились к мысли захватить Ленинград. К стенам города стягиваются свежие войска, танки, осадная артиллерия. Назревают тяжелые бои. Командование фронта принимает меры, чтобы сорвать планы врага. Дивизию ставят на один из ответственных участков фронта, под Невскую Дубровку, с задачей захватить плацдарм на левом берегу Невы.

«Мы переходим от обороны к активным действиям, — пишет Журба семье. — Недавно одним из своих полков принимали участие в боях за тот пункт на реке Тосно, где я был в прошлом году ранен. Нужно сказать, что полк дрался очень хорошо. Пункт взяли и фрицам морды набили основательно. Сейчас предстоят более серьезные схватки...»

А вот строки его последнего письма. Оно написано перед боем:

«Тинусенька, посылаю тебе свои фронтовые карточки, прошу их сберечь. Каждая такая карточка будет напоминать мне о многом, а если не буду жив, то для вас они, наверное, тоже составят какую-нибудь ценность. Крепко вас целую, мои дорогие. Будьте здоровы и счастливы!

P.S. Через несколько дней напишу интересное письмо. В успехе решения поставленной задачи уверен. Ваш батько. 23 сентября».

Через пять дней дивизия начала бои за плацдарм. В предрасветной дымке от правого берега отчалили лодки с бойцами 68-го стрелкового полка. В одной из них находился Журба. Подплывая к берегу, стрелки спрыгивали в воду и стремительно бросались в атаку. Появление комиссара в наступающих цепях воодушевило бойцов. И вот уже захвачена первая траншея противника. Но гитлеровцы опомнились и перешли в контратаку. Серой стеной они двигались на наших бойцов.

— За мной, орлы! В атаку, вперед! Ура-а!

Голос комиссара поднял бойцов. Они устремились за Журбой. И вдруг комиссар упал. Подбежали к нему бойцы. Сделали перевязку. Осторожно понесли к реке. Он нашел в себе силы улыбнуться и сказать:

— Держитесь, хлопцы! Держитесь, как гвардейцы!

Комиссара доставили в госпиталь. Там долго врачи боролись за его жизнь, но оказались не в силах побороть смерть. 21 октября 1942 года Г. В. Журбы не стало.

...В дивизии я разговариваю с ротным замполитом гвардии лейтенантом Валерием Кшеванским. Он рассказывает о своих делах, о своих заботах. И все у него, казалось, получается просто, легко, как свойственно только молодости.

— Вчера Миша Григорян отличился: первой гранатой танк «подбил», — говорит лейтенант.

А еще недавно молодой солдат Григорян боялся стрелять из гранатомета. И от этого недуга «лечил» его замполит. Как? Личным примером. Сам лейтенант прекрасно владеет всеми видами стрелкового оружия, хотя, как признался он, больше всего уважает пулемет.

Однажды роте пришлось участвовать в тушении лесного пожара. С десятком самых смелых ребят восемь раз высаживался Валерий с вертолета. И каждый раз в самые «огненные» места. Иные объясняют это молодостью. Думаю, молодость тут ни при чем. Просто коммунист Валерий Кшеванский не мог действовать иначе. Ведь он наследник комиссаров Великой Отечественной.

„Шквал“

на связь

не вышел...

Срочный вызов

Поздним вечером 24 августа 1943 года в рубке оперативного дежурного охраны водного района (ОВР) зазуммерил телефон. Начальник поста службы наблюдения и связи (СНИС) на мысе Кодор докладывал, что по пеленгу 250 градусов далеко в море наблюдается зарево пожара. Оперативный бросил взгляд на карту и еще больше встревожился: направление на зарево почти совпадало с пеленгом на место, где с наступлением сумерек легло в дрейф дозорное гидрографическое судно «Шквал». Свои координаты командир «Шкала» сообщил в 20.30 и больше на связь не выходил.

— Продолжайте наблюдение, — приказал оперативный начальник поста СНИС. — Если что-то заметите, докладывайте немедленно!

С папкой свежих радиограмм в рубку вошел дежурный по связи главный старшина Субботин.

— Что-нибудь от «Шкала»?

— Нет, текущие донесения.

— Почему молчит «Шквал»? Радист там хороший?

— Первостатейный, товарищ оперативный. Горлов с 520-го. Давно его знаю, надежный царь.

— Вызывайте «Шквал». Может, ответит.

...Пробило час ночи. «Шквал» на связь не вышел. Тревога за его судьбу в штабе все нарастала. По приказанию оперативного дежурного на поиски судна из Сухуми вышел сторожевой катер «СКА-0108». В 5.30 с озера Палеостоми в воздух поднялись гидросамолеты. Однако ясности они не внесли.

Лишь к исходу дня 25 августа в штабе прояснилась картина драматических событий, разыгравшихся накануне вечером в Черном море, в районе, который в документах того времени имел наименование «квадрат 2795».

...В Потийской гавани стояла обычная для августа парная духота. Спать не хотелось. Лейтенант Бакчевников только смежил веки и лежал в полудреме, прислушиваясь к бойкому квакапью лягушек. Что-то далекое, родное всплывало в памяти. Станица на Дону... Детство...

Стук в дверь вернул офицера к действительности.

— Товарищ командир, — в каюту вошел моторист Лаушкин, — семафор получен: оперативный приказал «Шквалу» подойти к стенке ОВРа, а вам срочно прибыть в штаб.

— Добро. Заводи!

Ступив на причал ОВРа, Бакчевников обратил внимание на группу старшин с вещевыми мешками, на пулемет ДШК, ящики с боезапасом и другое военное имущество, подвезенное к месту швартовки «Шквала». Но только в штабе он понял, что все это имеет к нему самое прямое отношение. Оперативный дежурный объявил приказ начальника штаба базы, согласно которому гидрографическое судно «Шквал» с 20 августа 1943 года вступало в распоряжение охраны водного района и по готовности (то есть с установкой пулемета, радиостанции и размещением четырех прикомандированных моряков) должно выйти в квадрат 2795 для несения дозорной службы.

Работы по снаряжению «Шквала» в дозор были закончены далеко за полночь. Бакчевников доложил оперативному дежурному о готовности и получил добро на выход.

В 2.00 «Шквал» покинул тихую Потийскую гавань.

Бакчевников поудобнее устроился на ходовом мостике рядом с рулевым. Ночи стали прохладными, пришлось на плечи накинуть дождевик. Ровно постукивает дизель. Чуть-чуть покачивает. И тишина — словно и нет войны.

...На судах гидрографии лейтенант Бакчевников начал плавать с мая 42-го. До этого в морской пехоте воевал. Командовал минометным взводом под Севастополем, ротой — на Керченском полуострове. Потом кадровики задумались: зачем же инженера-судоводителя держать в морской пехоте, когда таких специалистов на кораблях не хватает. Так Федор Бакчевников, лейтенант сорока четырех лет, стал офицером гидроотдела флота. Командует гидрографическими судами — ГИСУ, как их называют военные моряки. Сначала у него был «Град», теперь вот «Шквал». Конечно, это отнюдь не океанский лайнер или трудяга-сухогруз, на которых в довоенные годы Бакчевникову довелось пройти всю морскую табель о рангах — от юнги до капитана дальнего плавания.

ГИСУ «Шквал» не сравнить и с его тезкой — сторожевым кораблем «Шквал», без участия которого (это знал Бакчевников точно) не обошлась на Черном море почти ни одна более или менее крупная операция.

Но все же и гидрограф «Шквал», если все взвесить хорошенько, добрый корабль. Не стоит у причальной стенки, воюет в меру своих возможностей. Кроме главного дела — промеров глубин на фарватерах и в местах якорных стоянок кораблей — «Шквал» возил подкрепления на фронт, эвакуировал раненых из Одессы, доставлял имущество гидроотдела из Севастополя на Кавказ, высаживал десанты, выполнял множество других — не всегда заметных, но всегда важных, диктуемых войной задач. Не раз при этом

попадал в переделки. Однако непосредственно боевого соприкосновения с кораблями противника у «Шквала» не было, поскольку штатного вооружения судно не имело. И команда вся — из вольнонаемных.

Теперь «Шквал» получил первое по-настоящему боевое задание. Конечно, ни командир, ни экипаж не догадывались, что пойти на такой шаг командование побудили серьезные обстоятельства. Хотя шел третий год войны и машина вермахта уже катилась под нашими ударами вспять, на запад, враг оставался сильным. Летом 1943 года активизировалась деятельность его подводных лодок у Кавказского побережья, то есть в оперативной зоне главной базы флота, развернувшей свой флагманский командный пункт в Потти. Требовалось всемерное усиление дозорной службы. А сил не хватало. За два года войны много малых кораблей и катеров погибло в различных операциях. Так что приходилось иногда вооружать пулеметами и радиостанциями и посылать в дозоры суда, подобные «Шквалу».

Впрочем, высокие соображения командования сейчас мало занимали лейтенанта Бакчевникова. Как командир, он привык за два года войны мыслить конкретными категориями и верить в разумность и силу приказа. Коль поставлена ему вполне определенная задача, значит, он обязан ее выполнить. Как и с кем он будет ее выполнять, за него никто, разумеется, думать не будет. А уверен ли он, командир, в своих людях?

На «Шквал» Бакчевников пришел не так уж давно, но о каждом члене экипажа успел составить вполне определенное суждение. Все они люди хотя и гражданские, но с хорошей военной закваской. Вот рядом стоит вахтенный рулевой Григорий Головин. В юности работал на военных стройках Севера, служил связистом на Дальнем Востоке, участвовал в боях на Халхин-Голе. Там же, на Востоке, прошел боевую закалку Александр Лаушкин — кавалер ордена Красного Знамени. На Хасане ходил в танковые атаки Алексей Ксенофонтов, механик. Бывший катерщик, он, как и Бакчевников, плавал на судах Черноморского пароходства, а после женитьбы, перед самой войной, перешел работать в отряд гидрографических судов флота.

Интересный человек этот Ксенофонтов. Вся команда помнит его рассказ о том, как в ночь с 30 июня на 1 июля 1942 года из горящего Севастополя уходил гидрограф «Черноморец», на котором Ксенофонтов был механиком. В небе висели зловещие карусели «юнкеров». Вода кипела от взрывов бомб. Пробойна за пробойной. И все же моряки выдержали. После боя — прямо в море, подремонтировались — и в Батуми. А их уже в покойники зачислили. За этот поход Ксенофонтова отметили орденом. И жена его Вера была с ним тогда, за ранеными ухаживала. Как-то она заходила на «Шквал». Сразу видно, боевая женщина...

О боцмане «Шквала» Василии Робертовиче Одынском и говорить не приходится: вся команда питает к нему уважение. Шес-

той десяток разменял, но сохранил крепость духа и тела. А в работе и молодые не всегда угонятся за ним. Наконец, моторист Иван Сиротюков. Потомственный керченский рыбак, пулемет знает не хуже двигателя.

Вот и вся штатная команда. Пять человек. И прикомандированные: радист старшина 1-й статьи Григорий Горлов, рулевой старшина 2-й статьи Петр Ванцев, пулеметчик старшина 2-й статьи Анатолий Болонкин и сигнальщик старшина 1-й статьи Алексей Будин. Бакчевников припомнил сейчас, что слышал о них в штабе: толковые моряки.

...Минула ночь. В квадрате 2795 стояла совсем мирная, полетному ласковая погода: чистое небо и подный штиль. Бакчевников отправил донесение о прибытии в район дозора и собрался было часок отдохнуть после ночного бдения. Но война очень скоро напомнила о себе: по пеленгу 350 градусов сигнальщик Будин обнаружил силуэт подводной лодки, идущей в надводном положении.

— Боевая тревога! На румб 350 градусов! — скомандовал Бакчевников, поднося к глазам бинокль. Лодка шла курсом на восток. Оповещения о ней не было. Значит, чужая.

Подлодка заметила идущее на нее судно, изменила курс и через несколько минут скрылась под водой. Оперативный дежурный штаба, получив донесение, одобрил действия командира и подтвердил, что лодка была действительно вражеская.

Утром следующего дня сигнальщики заметили плавающий предмет, напоминающий мину. Подплыли поближе. Нет, не мина — коряга. Но вид ее показался подозрительным: не маскирует ли под нее перископ подводная лодка?

Бакчевников собрал команду, сказал:

— Всех наблюдателей прошу быть внимательнее. Лодки противника в этом районе есть. Мы с вами в этом уже убедились.

Корягу взяли под наблюдение. Однако в течение дня ничего подозрительного за ней не замечалось.

Наступил вечер 24 августа. Бакчевников приказал мотористам застопорить машину и лечь в дрейф. Так делали согласно инструкции для кораблей, несущих дозор: с наступлением темноты предписывалось останавливать двигатели и усиливать прослушивание шумов. Для чего и мотористов тоже подключали к верхней вахте.

В 20.30 лейтенант Бакчевников донес в штаб о своем местонахождении и действиях. Не предполагал, конечно, Федор Васильевич, что это донесение окажется последним...

Поединок

Радист Горлов возвратился в кубрик усталый, с тревожным чувством: при передаче последней радиogramмы что-то не ладилось с мотор-генератором рации.

Сегодня утром Григорий Горлов узнал из сводки Совинформбюро о том, что советские войска завершают освобождение его родного Донбасса. «Вернусь из дозора, — подумал он, — напишу письмо старикам. Живы ли?»

Войну Горлов встретил в Одессе, на учебном корабле «Днепр», где он, в то время лаборант кафедры радиотехники Черноморского высшего военно-морского училища, стажировался вместе с курсантами. Курсантов отозвали в училище, а он так и остался на корабле радиотелеграфистом. 3 октября 1941 года на пути из Новороссийска в Севастополь корабль торпедировали «хейнкели». Горлова подобрал из воды тральщик «Якорь».

Потом он воевал в Керчи, на Тамани, под Новороссийском, а теперь служил в дивизионе катерных тральщиков. Их «КТЦ-520» почти не выходил из дозоров, в базу заглядывал накоротке — для пополнения запасов. Утром 20 августа, едва вернулись с моря, Горлова вызвал на узел связи главный старшина Субботин. «Получай, — сказал, — рацию, пойдешь в дозор на «Шквале». Так флагманский связист распорядился. Ты же у нас ударная сила...»

«Ударная сила», — не без укора для себя повторил теперь Горлов, снова вспомнив капризы мотор-генератора. Он уже привстал с койки, намереваясь вновь подняться в рубку, однако тут же раздался сигнал боевой тревоги. Первым к трапу кинулся механик Ксенофонов. Горлов выскочил на палубу вслед за ним.

Взревел мотор. Застучал судовой пулемет. Метрах в двухстах от судна Горлов отчетливо разглядел темный корпус подводной лодки.

— Горлов, — крикнул с мостика лейтенант Бакчевников, — срочно передайте оперативному: «В 21.30 обнаружил немецкую подводную лодку. Вступил в бой».

Горлов кинулся к рации, щелкнул тумблером и... зло выругался от досады: мотор-генератор не возбуждался. Никогда еще его руки не работали с такой быстротой и ловкостью. Но тут что-то жгучее и острое рвануло по спине. Ранен... В следующее мгновение пулеметная очередь прошла рацию. Изнемогая от залившей тело слабости и острой боли, Горлов поднялся наверх к командиру.

— Донесение передать не успел, товарищ лейтенант. Рация разбита, я — ранен...

— Пожар тушить сможете? — спросил Бакчевников. — Быстрее на ют!

Развернув судно так, чтобы пулемет получил сектор обстрела, лейтенант командовал Сиротюкову:

— По рубке, огонь!

Очереди тассирующих пуль ложились точно. На палубу подводной лодки выскочила орудийная прислуга. Сиротюков пустил очередь по ней.

Пока бой только завязывался, лейтенант Бакчевников рассчитывал своим огнем задержать вражескую лодку до прибытия на-

ших кораблей или самолетов. Узнав, что рация не работает, а следовательно, о бое никто не узнает, командир понял, что экипажу остается одно: драться в неравном бою до последней возможности. И чем дольше будет длиться этот бой, тем меньше станет у фашистской субмарины шансов выполнить поставленную ей задачу.

Всех, кто не был связан вахтой, Бакчевников послал тушить пожар, а сам следил за маневрами и действиями подводной лодки.

Умолк пулемет: убит Иван Спротюков. Его место тут же занял старшина 2-й статьи Анатолий Боложкин. Огненные трассы вновь протянулись в сторону врага. Вдруг Бакчевников почувствовал, что судно круто покатило влево. Обернулся — на штурвале повисло безжизненное тело старшины 2-й статьи Петра Ванцева.

— Головин! — позвал было своего рулевого командир. Но тот не услышал, увлеченный тушением пожара. На руль стать пришлось самому.

Машина работала четко. «Молодцы Ксенофонов и Лаушкин!» — подумал командир. Все еще надеясь, что их заметят наши проходящие корабли и придут на помощь, он постреливал из ракетницы и пытался оторваться от противника в сторону берега. Но командир вражеской лодки разгадал этот маневр. Имея преимущество в скорости, он пошел наперерез «Шквалу», обстреливая его из пулемета и орудия. Деревянный «Шквал» вновь запылал.

А бороться с огнем и водой становилось все труднее. Тяжело ранен сигнальщик Будин. Рухнул на палубу подкошенный пулей боцман Одынский. Еще две раны получил радист Горлов. Осколки снаряда перебили штуртрос рулевого устройства, повредили пулемет.

«Шквал» оказался совсем безоружным.

Думай, думай, командир, что делать дальше! Люди ждут твоего приказа, готовые выполнить свой долг до конца...

«Поведение команды за все время боевых действий безупречное...» — напишет потом, после боя, лейтенант Бакчевников в рапорте на имя начальника района гидрографии и командира ОВРа. А пока они действуют.

Действуют четверо военных и трое гражданских моряков. Действуют как единый, сплоченный боевой экипаж. Алексей Ксенофонов — в машине, весь почернел от гари и пота, но не выпускает рукоятку насоса, непрерывно качая горючее в продырявленный пулями расходный бачок. Александр Лаушкин, весь в ожогах, налаживает управление рулем из машинного люка. Борются с огнем Григорий Головин и Анатолий Боложкин. Даже тяжело раненные Горлов и Будин, лежа на палубе, зачерпывают воду и заливают пламя.

Видя, что советские моряки огня вести не могут, фашисты осмелели. Подводная лодка подошла лагом к борту «Шквала». Послышалось сначала гортанное «хальт!», потом по-русски:

— Сдавайтесь, а то всех утопим!..

— Заткнись! Черноморцы не сдаются!

На палубу «Шквала» в том месте, где лежал радист, грохнулся какой-то ящик. Горлов тотчас выбросил его за борт. И вовремя: то был фугас, он взорвался прямо у борта, но людям вреда не причинил.

Бакчевников попытался снова оторваться от лодки. Он застопорил ход и чуть переложил руль влево. Подлодка ушла вперед. Когда на большой циркуляции она показала свой борт, у командира мгновенно созрело решение.

— Самый полный ход! — крикнул он в машину. — Идем на таран!

Удар пришелся как раз по рубке. На лодке погас свет. Она отошла подальше и снова открыла огонь, двигаясь параллельным курсом. А «Шквал» опять развернулся и вновь пошел на таран. На сей раз ударили в корму субмарины.

Не ожидая столь решительных действий советского судна, вражеская лодка теперь отошла на почтительное расстояние. Воспользовавшись этим, Бакчевников вновь стал прижимать «Шквал» поближе к берегу. Судно уже горело от форштевня до кормы. Рухнули верхние надстройки, провалилась носовая палуба. Языки пламени захватили машинный люк. Он дымил так, что в машине стало невозможно работать. Ксенофонов уже не успевал откачивать воду, вот-вот затопит дизель...

Около трех часов длился этот неравный поединок горстки оставшихся совсем без оружия советских моряков с отлично вооруженным вражеским кораблем. Но их силы и возможности были уже на исходе. Как спасти оставшихся в живых людей? Бакчевников велел Лаушкину, заменившему боцмана, осмотреть шлюпку-двойку. Она оказалась невредимой. Командир приказал морякам покинуть судно.

В первую очередь в шлюпку опустили тяжело раненных Григория Горлова и Алексея Будина. С болью простились с павшими — Василием Робертовичем Одынским, Иваном Алексеевичем Сиротюковым и Петром Ивановичем Ванцевым. Взять их тела не было возможности: двойка и в штилевую погоду едва шестерых держала, а тут семеро — и на волне.

Отвалили от борта и тут сообразили: не дадут ведь фашисты уйти им живыми. Обмануть их надо. А как? Разумная мысль родилась у Лаушкина: дать — хоть ненамного — судну ход, пусть враг думает, что команда на месте. А самим, пользуясь темнотой, в противоположную сторону грести.

— Добро, Кузьмич, действуйте, — согласился Бакчевников, — только поосторожней...

Лаушкин вернулся на «Шквал». В машине бушевало пламя. Быстро отыскав брезент, Кузьмич обмакнул его за бортом, закутался и кинулся в машину. С трудом включив муфту, он выскочил на палубу и бросился к сектору руля, заклинил его так,

чтобы судно на ходу не рыскало. Сделав все это, Лаушкин оторвал доску от обшивки и прыгнул за борт.

Хитрость удалась. Подводная лодка увязалась за пылающим «Шквалом», продолжая его расстреливать.

Измученные боем, израненные, обгоревшие и еще не верящие в свое спасение, моряки налегали на весла, стараясь побыстрее отойти от места, где их еще могла обнаружить и уничтожить или пленить вражеская подводная лодка.

«Шквал» постепенно удалялся, превращаясь в зарево. То самое зарево, о котором докладывал оперативному дежурному наблюдательный пост на мысе Кодор. На этот мыс держали теперь курс чудом уцелевшие моряки «Шквала», еще не осознавая меры своего героизма.

* *
*

Более трех десятилетий отделяют нас от событий, происшедших на Черном море в августе 1943 года в квадрате 2795. Оставшиеся в живых моряки «Шквала» благополучно добрались тогда до мыса Кодор. Их встретили жители грузинской деревни Дранды, они и оказали морякам первую медицинскую помощь. Старшина 1-й статьи А. М. Будин вскоре умер от ран в госпитале в Гульрипше, а другие шкваловцы, вылечившись, получили новые назначения и продолжали воевать.

...В отделе гидрографии мне показали записку, которую адресовал на имя капитана 1 ранга А. В. Солодунова, возглавлявшего гидрографию флота во время войны, старший моторист «Шквала» А. К. Лаушкин. Датирована записка 1946 годом, а в ней слова: «Живу сейчас в Керчи, работаю на заводе». Пишу в Керчь. «Старая гвардия скрипит, но не сдаётся», — вскоре написал мне Александр Кузьмич. Там же, в Керчи, отыскался и бывший рулевой «Шквала» Г. Н. Головин. Они рассказали, что А. И. Ксенофонтов умер в 1951 году, но в Севастополе проживает его семья — жена Вера Семеновна и сын Евгений. Вера Семеновна работала поваром у военных моряков, а Евгений учился в Черноморском высшем военно-морском училище имени П. С. Нахимова.

Работники Центрального военно-морского архива полковник П. Г. Тарасов, капитан 2 ранга К. П. Буйко, старший научный сотрудник Ш. Я. Билевич, заведующая читальным залом Г. В. Фомина и другие помогли не только установить судьбу Федора Васильевича Бакчевникова, но и выяснить многие важные подробности боя «Шквала», а также дальнейшие судьбы остальных членов его экипажа.

До конца войны Ф. В. Бакчевников плавал на судах гидроотдела флота, в 1947 году уволился в запас по возрасту в звании старшего лейтенанта. До последних дней своих трудился Федор Васильевич в Одесском порту и после тяжелой болезни

умер в 1959 году. Об этом написал мне его сын Владимир Бакчевников, инженер.

Отыскался и радист «Шквала» Г. Р. Горлов. Он плавал на боевых кораблях флота до 1947 года, после увольнения в запас вернулся в родные Шахты и трудился по горному делу. Сейчас на пенсии по болезни.

Итак, здравствуют и поныне трое героев «Шквала» — Г. Р. Горлов, А. К. Лаушкин и Г. П. Головин. Не выяснена судьба четвертого — А. П. Болонкина. По данным архива, он уволился с флота в 1949 году и направлен в Челябинский горвоенкомат.

История войны на море хранит в своих анналах не один случай, когда малые или слабовооруженные советские корабли, подобно широко известному североморскому «Туману», вступали в неравную схватку с превосходящим по силе врагом. По-разному складывались эти бои, но моральное превосходство всегда оставалось на стороне советских моряков. Потому что это было не простое противоборство сторон, а поединок людей разной духовной закваски, противоположных идеологий. Именно морально-политические качества советских воинов, преданность великим идеалам коммунизма делают их непобедимыми.

Бой «Шквала» с фашистской подводной лодкой — еще одно тому подтверждение.

Первая фронтовая пленка

(Из воспоминаний кинооператора)

День за днем, год за годом вели кинолетопись Великой Отечественной войны более 150 фронтовых операторов. Мне довелось быть в их числе. Сейчас, по прошествии более чем трех десятилетий, как-то особенно тянет перелистать военные блокноты, ощутить дыхание далеких и грозных лет.

Как специалист по авиационным киносъемкам я был направлен в бомбардировочную авиацию.

Вместе с моим ассистентом Борисом Вакаром мы прибыли в политотдел дивизии бомбардировщиков, которой командовал полковник Городецкий. Нас встретил полковой комиссар Брагин, старый партийный работник.

Это было трудное для советской авиации время. В первые дни войны гитлеровцам удалось разбомбить ряд наших аэродромов. Самолеты горели, не успев подняться в воздух.

— Вы сами видите, — Брагин развел руками. — В боях участвуют машины, уступающие вражеским по техническим данным. Но полк Пушкарева, куда вы направлены, — иное дело. Он укомплектован новыми, современными машинами. Вы увидите их в деле.

Брагин подошел к карте.

— Гитлеровцы рвутся к Киеву. Они намерены нанести удар отсюда, — полковой комиссар указал нам место севернее Киева, резко опустил карандаш, — и отсюда, с юга. Действия их авиации тоже развертываются на этих участках.

Аэродром бомбардировочного полка Пе-2 располагался на поле близ деревни Малая Девица.

Командир полка полковник Пушкарев — высокий, крепко сложенный мужчина с загорелым, обветренным лицом, с двумя орденами Красного Знамени на кителе — оказался радушным хозяином. Нас быстро зачислили на довольствие, оформили пропуска на аэродром, отвели жилье.

Понравились нам летчики полка. Они с уважением относились к своим командирам, которые сами летали и отлично воевали. Допоздна сидели мы в большой избе и слушали рассказы о первых полетах,

Июль 1941 года. Аэродром Малая Девница

Ночью я получил разрешение вылететь на одном из самолетов, чтобы заснять боевую работу летчиков. Зарядив кассеты, приготовив выданные мне летный шлем и комбинезон, я лег на жесткую кровать.

— Стало быть, летишь! — с завистью сказал мне рано утром Вакар. Ему тоже не терпелось принять участие в боевом вылете.

Боря Вакар еще успеет навоеваться. Он будет летать на бомбардировщиках, с автоматом и киноаппаратом драться в развалинах Сталинграда, его наградят орденом Красного Знамени и Государственной премией. Этот храбрый, добрый товарищ, талантливый оператор погибнет в гитлеровском тылу, участвуя в знаменитом рейде Ковпака. Его жизнь оборвется, когда он вместе с передовым отрядом партизан будет отстреливаться от эсэсовцев.

На аэродроме я узнал, что полечу с летчиком Ерёминим. Батальонный комиссар Фадеев сказал мне: «Чтобы взять вас, мы снимаем с самолета одну бомбу».

Кабина у Пе-2 тесная, я с трудом уместился между летчиком и стрелком-радистом над бомболюком, прижав к груди кинокамеру.

«Пешка» быстро набрала скорость, оторвалась и круто пошла вверх, пристраиваясь к ранее взлетевшим самолетам. Сразу стало прохладно.

Коков, девятнадцатилетний стриженный наголо паренек с острым носиком, взял надо мной шефство. Он обещал предупредить меня за пять секунд до начала бомбометания. Позавчера я

фотографировал Кокова, присутствуя на немногочисленном партийном собрании, где полковой комиссар Брагин вручал ему красную книжечку — членский билет коммуниста (этот снимок через несколько дней был напечатан в «Правде»).

Штурман показал вниз. Я догадался — пролетаем линию фронта. Собственно, ее и не видно: с той и другой стороны желтые прямоугольники полей, там и здесь островки садов. Слева — дым. Это горит Белая Церковь.

Рядом шли другие самолеты. Их плоскости едва не соприкасались. Через плексиглас соседней машины я разглядел командира эскадрильи капитана Шабашова. У него было забинтовано лицо.

За плечами Шабашова немалый опыт. Он участвовал в боях у Халхин-Гола, бомбил линию Маннергейма. Неделю назад его машину атаковал целый рой «мессеров». Самолет загорелся. С большим трудом Шабашов выбрался из пламени, но слишком рано раскрыл парашют. Гитлеровцы начали охоту из пулеметов за безоружным пилотом. Они стреляли по парашютным стромам.

Однако несколько уцелевших кое-как удерживали кунол, пока обгоревший Шабашов не спустился на передовую. Потом он добрался до наших окопов. Каким-то чудом избежав госпиталя, Шабашов снова вел теперь свою эскадрилью на врага.

Вдруг самолет резко тряхнуло. Я успел заметить черное облачко, быстро уносившееся назад.

— Ничего, зенитки бьют, — наклонившись к уху, протянул Коков.

То тут, то там рвались снаряды, иногда совсем близко от нашего строя.

Внизу, как спичечные коробки, по извилистой дороге пылили вражеские танки. Самолеты рассредоточились и один за другим пошли в пики.

— Готовьтесь! — Коков сильно толкает меня в плечо, и я ловлю в визир камеры соседний бомбардировщик.

Наша машина пошла следом за Шабашовым. В кабине что-то пронзительно засвистело. Меня сильно прижало к стенке.

В какую-то долю секунды мелькают желтое полотно дороги, забитой танками, и огромные столбы разрывов. Штурман Заварихин точно положил бомбы! Уже на выходе из пики я заметил дымящиеся танки, из которых, как тараканы, выпрыгивали фашисты.

Сбросив свой смертоносный груз и круто развернувшись, все машины повторили заход на цель: на этот раз обстрел велся из пушек.

— Дали жару! — восторженно крикнул Коков. Через штурманское окно были видны чадающие танки.

Вдруг Ерёмин тревожно закрутил головой:

— Стрелок! «Мессеры»!

Сверху, маскируясь в лучах солнца, попарно устремлялись в атаку гитлеровские истребители,

Перед боевым вылетом

Рядом с нашей плоскостью прошла дымная трасса. Ерёмин бросил самолет в сторону так сильно, что у меня от перегрузки потемнело в глазах. В кабине резко запахло порохом — стрелок открыл огонь. И мы стали уходить на бреющем.

Четыре машины из нашей «девятки» не вернулись.

С отснятой лентой я срочно вылетел в Москву и там немедленно ее проявил. Редакции центральных газет попросили дать им на выбор кадры. На другой день эти снимки были напечатаны в «Правде» и «Красной звезде».

С первой же копией своей киноленты я полетел в полк, туда, где с нарастающей силой кипело сражение за Киев.

— Покажи пленку, — сказал мне комиссар. — Мы будем мстить за смерть друзей.

Никогда не забыть мне этого необычного почтового киносеанса под открытым небом! На белой простыне, заменившей экран, ожили люди, погибшие в боях с гитлеровскими захватчиками всего лишь день, два, три назад. В отсветах экрана было видно, как сдвигаются брови, как сжимаются губы летчиков.

Да, конечно, они сполна отомстят за гибель друзей, отдавших жизнь за то, чтобы свобода была вновь возвращена народам, чтобы снова воцарился на земле мир.

Мы сидели на этом необычном киносеансе рядом с комиссаром.

Жалел ли он теперь, что из-за моего киноаппарата пришлось снять с бомбардировщика бомбу?

Приказ отдало сердце

Александра Третьякова покидала Ростов-на-Дону при грохоте орудий. Ее с трехлетним сыном Валеркой взяли с собой артиллеристы, отступавшие на Зерноград. Там, на хуторе Верхние Хоролы, жили дед и бабушка Третьяковой.

— Валерку оставляю у них, а сама думаю на фронт. Муж у меня подполковник, летчик, — объяснила она командиру дивизиона майору Мошечкову и попросила помочь ей определиться в армию.

Майор пообещал, однако надеть солдатскую гимнастерку Александре не пришлось. У Верхних и Средних Хоролой 29 июля 1942 года завязался жестокий бой.

— Силы наши на исходе, — сказал Мошечков Третьяковой, прибежавшей на его командный пункт. — Придется отходить. От имени всех прошу: оставайтесь, Александра Петровна, на хуторе, позаботьтесь о раненых. А сейчас уходите, иначе поздно будет.

К хутору Александра проскочить не успела. Спряталась в кукурузе. А когда грохот орудий и треск пулеметов заметно удалились, она вышла к плотине. На поле — убитые и раненые. Сделала перевязку одному, другому и вдруг увидела девушек. Они тоже хлопотали около раненых. Чуть подалее пожилая женщина с кринкой молока в руках склонилась над солдатом.

— Утоли жажду, сынок! — донесся ее голос.

Третьякова пока не знала своих подруг. Имена их стали ей известны позже. Тут были Тania Бодрягина, Анна Казачкова, Анна Кумкова, Дарья Киселева.

Страх, овладевший женщинами и девушками в часы боя, исчез. Одна мысль тревожила их — скорее перевязать кровоточащие раны бойцов. Вдруг на пыльной дороге показалась колонна.

— Это фашисты, убегайте в лесопосадку! — скомандовал раненый офицер.

— Нужно перенести раненых в лесопосадку и кукурузу, — распорядилась Шура.

Сутки хоролыцы, стар и млад, не знали сна. Тяжелоранеными были заполнены контора правления колхоза и амбар. А многих жители разместили в своих домах. Вал фронта откатился дальше,

в хуторе противника не было. И тогда жители решили всех раненых, 51 человек, разместить в одном месте — в школе. Шестерых из них выводить не удалось — умерли. Одиннадцать солдат и офицеров, быстро подлечив раны, перебрались через линию фронта к своим. А 34 человека лежали долго, прикованные к постели.

...Идут и идут к школе люди. Несут у кого что есть: яички, молоко, мясо, хлеб, одеяла, простыни, подушки... Ежедневно шагает туда с узелком и Матрена Марковна Карлашова.

...На канаву, в которую свалился истекающий кровью политрук Александр Сердюков, наехал вражеский танк, с ходу развернулся. Ноги политрука были переломлены, тело завалило землей. Виднелась только одна голова.

— Мамка! Там красноармеец законан, — указал в сторону канавы шестилетний сын Карлашовой Алеша.

— Беденький! Жив ли?

И она энергично начала разгребать землю руками.

Штат госпиталя скомплектовался сам собой. Девушки и женщины, оказавшие первую помощь раненым после боя, день за днем проводили в школе. Потребовалось разграничить обязанности. Собрались на совет, Александру Петровну Третьякову избрали начальником — врачом госпиталя, Таню Бодрягину — ее заместителем, Марию Киселеву — медицинской сестрой. Таня Зинченко, Анна Казачкова, Катя Карлашова, Клава Карлашова, Галя Сильченко и Паша Ивашина, Клава Горбанева, Рая Карлашова стали нянями-санитарками, Анна Кумкова и Дарья Киселева — поварами. Утвердили и график дежурств. Няни и повара работали в две смены, сутками. Труд Третьяковой, Бодрягиной и Марии Киселевой не регламентировался — сколько нужно, столько и трудились.

Лейтенант Борис Кондыба, подбивший танк противника, был ранен в голову и не приходил в сознание. Требовалась срочная операция. А кто ее сделает? У Третьяковой медицинское образование — курсы санинструкторов, ее помощницы и того не имели. Где найти врача? Разузнали — на хуторе Веселом, километров за тридцать, живет хирург. Послали гонца. Врач отозвался, приехал. Бориса отравили в больницу. Три раза навещала его там Александра Петровна, возила продукты. Последний раз вернулась в слезах: и врач не смог предотвратить печальный исход.

У Григория Хижняка пуля застряла под лопаткой.

— Можем сами удалить, — предложила Третьякова.

Хижняк согласился.

Операция готовилась по всем правилам.

И вот три наиболее сильные девушки навалились на ноги и руки Хижняка, а Третьякова добиралась до пули. Пулю извлекли, на рану наложили скобу, она быстро зажила.

Вскоре начали кончатся медикаменты. Пошло в ход все, что было собрано вокруг разбитой санитарной повозки, опустели найденные на поле боя санитарные сумки.

Скатывая простерилизованный старый бинт, Третьякова спросила у Бодрягиной:

— Что будем делать, Таня?

— Есть у меня один план — в Ростов пробраться.

— А кому это поручим?

— Я там кое-кого знаю.

В тяжелые месяцы фашистской оккупации в Донском крае появился термин «меняльщики». Так называли людей, которых нужда гнала в путь добывать крайне необходимое.

Таню обрядили меняльщицей. Сделали ей легкую тачку, положили в нее масло и муку. Девушка двинулась в семидесятикилометровый путь. Почти неделю госпиталь не покидала тревога за Таню. Наконец она появилась, уставшая, но с радостной улыбкой.

Через месяц с такой же тачкой шагала в Ростов Третьякова.

Три раза в сутки дымилась во дворе школы кухня, построенная женщинами. Ежедневно раненым подавались завтраки, обеды, ужины и даже легкая закуска к полудню. Как ни скудны были запасы продовольствия у хорольцев, госпиталь особенного недостатка в них не ощущал. Люди, отказывая в питании себе, несли продукты раненым. Потом продукты начали втихую доставлять из общественных кладовых. Первая трудность возникла с хлебом. Зерно имелось, смолоть же его было негде. Пришла однажды утром Бодрягина, а Кумкова ей докладывает:

— Хлеба только на завтрак.

Таня пригласила Анну Казачкову.

— На хуторе Булочкин сохранилась мельница. Пойдем туда просить хлеба.

По дороге сам собой возник вопрос: для кого просить? Для себя? Молодые, здоровые — и вдруг попрошайки? Высмеют и не дадут. Для раненых? Опасно говорить.

— Скажем, для больницы, — нашли выход девушки.

Первый дом. Таня с мешком остается на улице, Аня подходит к окнам:

— Пожертвуйте, ради бога, больным хлеба.

Хозяйка выносит буханки и в прибавку кусок сала. И так у каждого двора. Появились и банки с медом, яички, масло. Видать, слух о подпольном госпитале дошел и до соседних селений. Ничего не жалели жители для раненых воинов. Еле дотащили подарки. В очередные походы от мешков отказались, брали тачку.

Ко многому привыкли девушки: побороли в себе боязнь смотреть на раны, стыд, когда приходилось переодевать и мыть мужчин. А вот ночные стоны переносить было неумогу.

Что делать? На помощь пришли бабушки, когда-то изготовлявшие свое домашнее спотворное для детей. Они посоветовали поить раненых перед сном настоем из трав.

Текли дни, недели, месяцы. Госпиталь жил, действовал. Бывали часы, когда звучала здесь и песня. Придет вечерком слепой баянист Иван Тихонович Зинченко, растянет мехи, и польется

песня. Но никогда не оставляла госпиталь настороженность. Десятки раненых — не один человек, которого можно спрятать на чердаке, в сарае или в другом месте. Как ни старались хорольцы хранить тайну о госпитале, слухи о нем докатились до зерноградской фашистской комендатуры. Неожиданно в школе появился полицай и грозно приказал Третьяковой:

— Немедленно к коменданту.

Александра вздрогнула, но тут же взяла себя в руки.

— Разрешите захватить документы, — попросила она.

Только два человека — Третьякова и Бодрягина знали, что среди раненых 17 офицеров и 21 коммунист. Офицеров переодели, постригли. Удостоверения личности, партийные и комсомольские билеты спрятали в надежном месте. В госпитале хранились лишь жетоны убитых и раненых солдат. Их-то и имела в виду Александра, когда просила разрешения захватить документы.

К счастью, все обошлось благополучно. Комендант не стал вникать в подробности. Ему, видимо, было не до раненых. Да и зачем себя обременять лишними хлопотами. В школе лежали неподвижные люди. Ни на какие работы они не годятся. Так, видимо, рассудил комендант и спросил у Третьяковой, есть ли офицеры и коммунисты. Услышав «нет», он потребовал от Шуры письменное подтверждение и уехал.

А вскоре в Хоролы пришла весть: в районе отряд эсэсовцев. Грабят, убивают без разбора. Как избежать опасности? Наконец придумали. У входа во двор школы крупными буквами начертили: «Здесь тиф!» Появились эсэсовцы, прочли надпись и тут же оставили хутор.

Стоило человеку обрести силы — он рвался за линию фронта. Проводили в путь офицеров Неделько и Михайличко. И вот собрался пробираться к своим войскам политрук Николай Ищенко. За ним отправился в длинную дорогу на еще не совсем окрепших ногах Сердюков. Ушел Арутюнян и многие другие. Всем им нужно было сшить или где-то найти одежду, раздобыть безопасные документы, а подлинные спрятать в тайнике одежды. Каждого требовалось снабдить четырех-, пятисуточным пайком и проводить при строгой тайне.

Велась бы в госпитале письменная летопись, завершающие ее страницы датировались бы началом января 1943 года, днями прихода в Хоролы частей Красной Армии. В эти части влился последний отряд раненых. Мужчины ушли воевать, а те, кто их спас, поставил в строй, спешили теперь по утрам на колхозный двор поднимать разрушенное хозяйство. Третьякова возглавила сельский Совет.

...Шесть лет верхнехорольские пионеры разыскивают и тех, кто лежал в госпитале, и тех, кто их лечил. Список отозвавшихся растет. Часто почта доставляет их взволнованные письма. А в последние годы 9 мая, в праздник Победы, они съезжаются в Хо-

роли. Сюда приезжают Николай Ищенко, заведующий отделом газеты «Советская Абхазия», Александр Сердюков, проживающий в Баку, участник боев за Хороли подполковник Александр Уляев и другие, чтобы поклониться могилам павших товарищей, вспомнить пережитое и еще раз сказать хорольцам сердечное спасибо. А заодно вместе с ними порадоваться большим переменам, которые произошли на хуторе. Нет теперь в нем ни одного покосившегося дома. Выросли новые улицы. Построена и новая школа. В просторные, по-городскому обставленные квартиры пришел достаток.

Один из Поликарповых

В Кунцевский райвоенкомат города Москвы пришло взволнованное письмо.

«Дорогие товарищи! — писала Капитолина Дючкова. — В книге Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» есть фотография солдата. Кто он — не сказано, и подписи никакой нет, но я уверена, что это мой отец Поликарпов Николай Михайлович...»

В агентстве печати Новости хранятся тысячи фронтовых снимков, переданных Совинформбюро. Дорогой ценой оплачена эта фотолетопись пылающих лет Великой Отечественной войны. Многие военные фотокорреспонденты не вернулись в редакции с передовой. Вместе с ними навсегда утеряны и подробности, связанные с фотографиями.

Усталые лица солдат, застывшая в ночном небе ракета, взрывы снарядов, атаки, атаки, атаки... Разные сюжеты, и часто — ни одной подписи. Кто эти люди? Какова их судьба? Живы ли они?

Подбирая иллюстрации для своей книги, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков задержал взгляд на фотографии минометчика. Подписи под ней не было, но мужественное лицо солдата влекло к себе, напоминало о нережитом. И маршал решил поместить эту фотографию в книгу своих воспоминаний.

Интересно, что эту же фотографию хранил у себя и Маршал Советского Союза И. С. Конев. В дни создания памятного мемориала Сталинградской битвы на Мамаевом кургане он подарил ее известному скульптору, лауреату Ленинской премии Евгению Викторовичу Вучетичу.

Снимок много раз публиковался в советской и зарубежной печати. И всегда возникал вопрос: кто этот солдат, замерший на мгновение перед прицелом миномета? Письмо в Кунцевский райвоенкомат, казалось, и было прямым ответом. Но вскоре пришло второе письмо. Ленинградец Геннадий К. писал:

«Это мой отец. До войны он работал фрезеровщиком на станкостроительном заводе. В сорок первом пришел однажды в военной форме. Вечером он беседовал с нашим соседом — дядей Сережей. Помню его слова: «Не устоять им, гадам, перед советским народом...»

Потом мы пошли провожать его до калитки. Мать заплакала, и отец осторожно вытер краем пилотки слезы у нее на щеках. Прикурил папиросу, и, пока горела сипчка, я последний раз смотрел на его лицо. Потом сипчка погасла. Но я помню каждую черточку, каждую морщинку. Поверьте, это мой отец!»

Внизу приписка: «Сын прав. Это мой муж — его отец». И подпись матери Геннадия К.

Это было неожиданностью. Но письмо из Ленинграда оказалось не последним...

«Поймите меня, пожалуйста, — писала С. из Хабаровска. — Я не могу ошибиться. Ведь это мой единственный сын, Ваня...»

Письма продолжали приходиться. Одни утверждали, что солдат у миномета — их одноклассник по консерватории, другие рассказывали об инженере, который ушел добровольцем на фронт. Его называли сыном, братом, другом...

«Мой сын погиб. Не знаю, на какой земле высятся могильный солдатский холмик: под Оршей, Курском или где-нибудь на чужбине. Но теперь я знаю, что воевал он, как герой...»

Как ответить этой матери, что она ошиблась? Кто возьмет на себя такое право?

Надо было во что бы то ни стало разыскать фотокорреспондента Владимира Петровича Юдина. Предполагалось, что это его снимок. Коль так, то он мог уточнить, кто же запечатлен на фото.

В разные концы страны по сохранившимся адресам полетели заказные письма. Ответа не было. И уже считали, что Юдина нет в живых, как вдруг пришло письмо. Фотокорреспондент фронтовой газеты «За честь Родины», прошедший с фотоаппаратом от Киева до Сталинграда и от Сталинграда через Киев до Берлина, писал:

«Этот снимок сделан мною за несколько часов до освобождения Киева 5 ноября 1943 года в Пущеводицком лесу. Шел ожесточенный бой. Как воронье, взлетали от взрывов комья земли. Со скрипом рушились подрезанные осколками деревья...»

Я помню этого солдата. Лицо — в пороховой копоти. В отрывистых ответах какая-то злоба, невыразимая жадность боя. В го-

Солдат Николай Поликарпов

лове мелькнуло: не завидую тому, кто встретится с ним в атаке. Сказал об этом. Неожиданно солдат улыбнулся. Стали заметны веснушки. Ответил: «Не звери мы. Люди! За людей воюем, не против людей».

Мне очень жаль, но блокнот не сохранился и фамилии минометчика я не помню...»

И снова повис вопрос: кто же более точен в своих утверждениях?

Поиск продолжился. Было решено выяснить, кто из тех, кого узнали на фотографии, участвовал в упомянутом бою. На помощь пришли юные следопыты Ивановской средней школы Мордовского района Тамбовской области, работники архивов Президиума Верховного Совета СССР, Министерства обороны, партийных архивов и архивов местных Советов, офицеры военкоматов, ветераны минувшей войны. Не считаясь со временем, люди разных возрастов и профессий считали своим долгом хотя бы чем-то быть полезными.

Круг лиц, которых признали на фотографии, резко сократился. Но оказалось, что почти все они участвовали в боях под Киевом.

Как найти ключ к решению тайны фотографии? Неужели солдат так и останется неизвестным? Эти вопросы продолжали волновать многих. На помощь пришла наука. Присланные родственниками и близкими фотографии легли на стол эксперта научно-технического отдела одного из управлений МВД СССР Николая Федоровича Маркова. Началась кропотливая сверка каждой черточки, каждой морщинки, изгиба губ, очертаний лица.

— Опознавая фотографию, ошибиться может брат, сын, знакомые, даже мать. Нам такого права не дано. Часто за этим стоит судьба человека, — говорит мне Николай Федорович. — Люди привыкли верить экспертизе. И это понятно. Мы используем все известные научные методы анализа. Ошибки здесь не должно быть.

Строчка за строчкой заполнялась справка экспертизы. «Краткие обстоятельства дела...» «На исследование поступили...» «Исследованием требуется установить...» «Исследование...» Трудно передать всю кропотливость и сложность этой работы. Передо мной лежит готовая, уже заполненная таблица сравнительного анатомического анализа. Детально проанализированы особенности волос, головы, лба, лица, бровей, глаз, носа, рта, губ, подбородка, завитка и мочки уха. Казалось бы, что можно увидеть на поблекших от времени фотографиях, но эксперт увидел невидимое. Сосчитал количество и измерил изгибы всех морщинок, определил форму подбородка, размеры и контуры глаз, характер лица. Просмотрел десятки сравнительных альбомов. И вот вывод:

«Перечисленные признаки совпадения образуют неповторимую индивидуальную совокупность и дают основание считать, что на представленных фотоснимках изображено одно и то же лицо — Поликарпов Николай Михайлович»,

Итак, Поликарпов Николай Михайлович.

Вот уже несколько часов мы сидим втроем. Наступил вечер. Острая верхушка самой высокой ели сонно покачивается за окном. Евдокия Константиновна Поликарпова — жена солдата и его дочь Капитолина задумчиво молчат. Может показаться странным, но иногда даже очень близкие люди не в состоянии во всей полноте воссоздать образ дорогого им человека.

Вот она, биография бывшего неизвестного солдата, составленная по рассказам очевидцев.

...Привезли с полей первой мировой империалистической войны больного отца. Только п радости было, что увиделись. Умер Поликарпов-старший от тифа. Умерла и мать, пытавшаяся спасти мужа от страшной оконной болезни. Заколотили односельчане окна поликарповского дома крест-накрест досками, а сына их — Николая взяли на воспитание чужие люди.

Научили мальчишку писать, читать. Остальному учился у жизни. С уважением отзывались о вихрастом парне, любили за правду, честность, доброту к людям. Николаем Михайловичем величали. До сих пор вспоминают на Тамбовщине о неугомонном организаторе культпоходов, вечеров ликвидации неграмотности в деревне Вязовке...

Так, в заботах, и шли дни. Пятеро детей. Сказку к вечеру придумать нужно: не про царевну, про трактор-великан. Утром, с зарей, — в поле. Любил в редкие минуты отдыха помечтать о том, как люди заживут богато и счастливо, а он, Поликарпов, вырастит особый сорт роз, какого и в Париже не видывали. Только вышло все по-другому. В начале 1942 года положил Поликарпов на стол колхозную печать с колосьями в гербе и ушел на фронт. Стал председатель солдатом.

Судьба и здесь не баловала. Сразу же ранило на Калининском фронте в руку. В первых месяцах 1943 года получила Евдокия Поликарпова похоронную на мужа. Выплакала слезы тайком от детей. И вдруг письмо. Жив, оказывается, Николай. Ранен, лежит в госпитале под Свердловском.

Потом снова фронт — и опять горькое известие: «Пропал без вести». Но в августе 43-го пришло другое письмо:

«Добрый день, Ваня, — писал Поликарпов своему брату. — Крепко жму твою руку... Нахожусь опять в госпитале после ранения. Нога уже стала нормальная. Хожу, п хромота почти незаметная, а врачи никак на фронт не пускают. Говорят, месяц еще лечить надо. Упросил, чтобы разрешили помогать местным колхозникам в поле работать. От семьи, Ваня, писем нет. Может, жива моя Евдокия? Если встретишь, передай ей п детям поклон, а еще скажи, все отвоюем. Ползать буду, а в обиду земли нашей не дам...»

Сдержал свое слово солдат. Перед женой, детьми, перед Отчиной своей. Только сам не вернулся из боя. Погиб в июне 1944-го.

Язык один — огонь по врагу!

Вспоминая войну, я отчетливо вижу нашу самолетную стоянку. Она была для нас и мастерской, и столовой, и командным пунктом, и «спальным помещением». Отсюда уходили на подвиг и смерть. Сюда возвращались на израненных машинах. Здесь было всегда жарко. Не случайно даже младший лейтенант Г. Брегадзе, привыкший к южному солнцу, говорил сокрушенно:

— Ну и погода! Не могу, понимаешь?

Но через минуту он спешил вслед за старшими лейтенантами Б. Есеркеповым и Д. Берестовым подняться в небо. И так день за днем, час за часом.

Много было у меня фронтовых друзей: русские и украинцы, казахи и литовцы, таджики и молдаване. Одни веселые и шумливые, другие спокойные и задумчивые, но все были смелыми, мужественными, любили свою Родину — Союз Советских Социалистических Республик.

Когда Героя Советского Союза майора запаса Анвара Гатауллина просят рассказать о войне, он задумается на минуту, а потом обязательно пачнет так:

— Были у меня друзья Дима Никулин и Павка Хрусталеv. Славные были ребята. Летал я вместе с ними на Пе-2...

Штурманом в экипаже у Гатауллина был Павел Хрусталеv. Небольшого роста. Осанистый. Белокурые волосы спадают на лоб. Глаза серые. Он быстро стал душой не только экипажа, но и всего полка. А Диму Никулина часто путали с ним. Тоже коренаст. Также белокур. Он еще до войны служил стрелком-радистом. Мало кто мог сравниться с ним в мастерстве. Он, как и Хрусталеv, был нашим любимцем.

10 октября 1944 года Анвар Гатауллин повел машину за линию фронта. Задание предстояло выполнить трудное и опасное. Под огнем вражеских зениток без истребителей прикрытия надо было произвести фотографирование оборонительного рубежа противника. Вылетели рано утром. Сначала держались повыше, а перед линией фронта пошли на снижение. И Хрусталеv еще не успел включить фотоаппараты, когда услышал голос Никулина:

— Я засек места расположения зенитной артиллерии. Когда она откроет огонь, дам ответный.

— Хорошо, — согласился Гатауллин. Плотность зенитного огня возросла. А когда зашли над позициями в третий раз, фашисты открыли ураганный заградительный огонь. В самолете сразу засияло несколько пробоя. Но экипаж не свернул с курса... Хрусталеv производил съемку. Никулин без усталости стрелял из пулемета.

Вдруг машину сильно тряхнуло. Никулин доложил командиру, что легко ранен. Осколок задел и Хрусталева.

— Что будем делать? — обратился к друзьям Гатауллин.

— Продолжать работу, — ответил за себя и за Никулина Хрусталеv.

Когда стрелок-радист передал на землю координаты расположения зенитной артиллерии, новый взрыв потряс самолет. В кабине запахло бензином. Загорелось левое крыло. Машина круто накренилась.

«Эх, Анвар, хороший ты летчик, — подумал Никулин, — сто девять раз вылетал на боевые задания и все сто девять возвращался на свой аэродром. Двадцать раз тебя подбивали, и все двадцать дотянул до своих. Но сегодня, наверное, ничто не поможет...» И Никулин схватился за грудь. Кровь! Но Анвару ни слова, нельзя в такой момент волновать друга.

Молчит штурман Павел Хрусталеv. Он занят подсчетами. И хотя до линии фронта рукой подать — надежды мало. Уже горят унты. На время Анвару удалось вывести машину в горизонтальный полет, но тут же, получив очередную порцию вражеского металла, она устремилась вниз. Фашисты остервенело добивали ее.

— Анвар, Диму убило, — услышал Гатауллин голос штурмана.

— Отомстим гадам! — крикнул он в ответ и направил горящий самолет на зенитно-артиллерийскую батарею.

Наши наблюдатели на переднем крае видели этот мужественный поступок. Видели и огненный столб на фашистской позиции, слышали мощный взрыв. В рапорте командующему фронтом Маршалу Советского Союза Л. А. Говорову говорилось:

«Подбитый зенитной артиллерией противника Пе-2, плохо управляемый, весь охваченный огнем, врезался в расположение артиллерийских и минометных батарей фашистов. Экипаж погиб, нанеся значительные потери врагу».

За этот подвиг 18 августа 1945 года Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил гвардии старшим лейтенантам Анвару Гатауллину и Павлу Хрусталеву звание Героя Советского Союза.

Но Анвар остался жпв. Позже он рассказывал, как в воздухе взорвались бензобаки и его, раненного, выбросило из кабины...

Есть в моем семейном альбоме фотография, которая особенно мне дорога. С пожелтевшей от времени карточки смотрит почти юное лицо. Чуть прищуренный взгляд, слегка вздернутый нос,

по-девичьи припухлые губы. Именно таким и запомнился мне Николай Сергеенков, Герой Советского Союза. Мы хорошо знали, что он смел. Мы не раз были свидетелями его удали.

Однажды нас собрали в штабной землянке. Командир полка сказал, что получен приказ разбомбить штаб фашистского соединения. Он подошел к карте, и указка ткнулась в крошечный кружочек. Штаб размещался в деревне Ушино.

Потом мы знакомились с обстановкой, изучали фотопланшет, место расположения штаба, наносили необходимые данные на карты. Один лишь Сергеенков стоял в стороне. Я спросил, почему он не наносит обстановку.

— Мне там каждый кустик знаком, — ответил Николай и хотел выйти из землянки.

— Звено на выполнение задания поведете вы, Сергеенков, — обратился к нему командир полка.

Самолеты, выполнив маневр, шли строем на деревню Ушино. Когда время истекло, я увидел небольшую деревеньку и нашу цель — крытый черепицей кирпичный домик, у которого стояло несколько замаскированных машин. Это говорило о том, что данные разведки были правильными. Самолет Николая Сергеенкова летел первым. Мы видели, как он выполнил заход на цель и как от него отделились маленькие смертоносные точки. Зенитки открыли огонь, но было уже поздно. Под нами полыхало пламя, фашистский штаб был разбит.

Когда самолет приземлился, Сергеенков долго еще не покидал кабину. Потом сошел на землю. Лицо его было бледным.

— Что с тобой, Коля? — спросил я.

— Ушино — моя родная деревня, а дом, который мы разбомбили, наш дом. Там мой отец и сестренка Соня...

Мы долго молчали. Сколько надо иметь мужества и силы воли, как надо любить свою Родину и свой народ, чтобы, не колеблясь, выполнить такое задание.

В очередной боевой вылет я был назначен штурманом в экипаж лейтенанта Виктора Алексеевича Манова. И впервые, когда зачитывался боевой приказ, услышал имя и фамилию воздушного стрелка-радиста — Надежда Журкина.

После короткой подготовки поднялись в воздух. Сообщаю Надежде пункты пролета и разведданные. Интересуюсь:

— Все передано?

— Все, — отвечает спокойно.

Через несколько минут убедился, что Надежда хорошо наблюдает за воздухом. Под нами была крупная железнодорожная станция, а над нами...

— Сверху, справа, — два «мессера»! — докладывает командиру Журкину. Висит она спокойна. Но мы-то знаем, каково ей впервые. Держись, Надежда, от тебя сейчас многое зависит. Но командир, понимая ее состояние, сказал лишь одно слово: «Приготовиться!»

Она открыла огонь на пужной дистанции. Ни секундой раньше или позже. Именно ее меткие очереди помогли нам избавиться от преследования. Но в районе Орла на нас напала еще одна пара Me-109. Наде снова пришлось вступить в единоборство с ними. И то, что они не смогли подойти к нам на близкое расстояние, опять было заслугой стрелка-радиста.

Вечером перед строем командир полка объявил комсомолке Надежде Журкиной благодарность. С этого дня и началась ее боевая слава. Она была умелым тактиком воздушного боя, снайпером огня и мастером эфюра.

В майское утро сорок четвертого мы получили особо ответственное задание.

— Слушай боевой приказ, — говорил командир чуть торжественно и сурово, — по заданию командования 2-го Прибалтийского фронта... Площадное фотографирование переднего края обороны противника в ограничителях Остров — Идрица... Шестью заходами. Экипаж ведет командир эскадрильи майор Берестов... Воздушный стрелок-радист...

Надя, выйдя из строя, сделала три шага. И все мы тут же услышали: «...сержант Надежда Журкина!»

Шесть заходов над таким укрепленным районом, как Остров. Шесть заходов через частокол разрывов на малой высоте. Сказать, что это опасно, — значит сказать очень мало. После первого пролета на самолет ринулась пара вражеских истребителей.

Надежда не отдавала им ни одного метра, удерживая на почтительном расстоянии. Но на помощь фашистам пришла еще одна пара. Пришлось с боем уходить на свою территорию.

Выждали семь минут — и на новый заход. На этот раз было тихо. Фашисты просто не ждали такой дерзости. Но, опомнившись, бросились на разведчика четверкой. Штурман и Надя вели по фашистам прицельный огонь, командир умело маневрировал, сбивая с толку преследователей.

Четверка «мессеров» распалась на пары. Надежда, стараясь разгадать их замысел, вспоминала рассказы бывалых стрелков-радистов. Ей стало уже ясно, что, пока верхняя пара продолжает атаки, вторая попытается подобраться снизу. Решила перейти на люковый пулемет.

— Штурман, работайте с верхними, — попросила она, — я отобью нижних.

А внизу чистое небо. «Неужели я ошиблась, попала на удочку фашистов? — мелькнула у нее мысль. — Нет! Вот они, крадутся...» Первая же очередь пришлось по бензобакам «мессера». Он вспыхнул, а другие приотстали и сыпали свинец с большой дистанции, не причиняя разведчику вреда.

Вскоре мы поздравили Надю Журкину с первым орденом Славы. Я говорю с первым, потому что к концу войны она стала кавалером ордена Славы трех степеней.

Потом был май сорок пятого. И был букет полевых цветов, с любовью собранный Надеждой. И еще были слова командира, необычные, майские: «Ну, что, Надежда, отвоевали?» Но в ответ прозвучало тихое — «нет». И Надя вскоре воевала на Дальнем Востоке...

В нашем полку было несколько Героев Советского Союза. Среди них татарин Анвар Гатауллин, русский Дима Никулин, мордвин Т. Горячкин. Сыновья разных народов сделали все, что было в их силах, чтобы приблизить победу. Но многим не удалось до нее. Погибли в боях Хрусталева и Богудский, Никулин и Сергеевков. О них мы вспомнили девятого мая, когда собрались на традиционную встречу ветеранов. Там я увиделся вновь с Надеждой Кнек (Журкиной). На груди у нее рядом с тремя орденами Славы мы увидели орден Трудового Красного Знамени. Для нее бой за счастье народа не окончен.

Как и для всех нас.

Тайна

„Корабля-камня“

Недалеко от Феодосии со дна моря поднимаются скалы. Имя им — «Корабль-камень». Четыре суровых гранитных великана, вырвавшись из объятий глубин, словно ильвуют над волнами, удивительно напоминая шхуну под парусами.

Идут мимо корабли. Одни спешат в порты Кавказа, другие — в Азовское море. Пассажиры долгим взглядом провожают причудливые скалы. И мало кто знает, что в суровые дни войны эти скалы были свидетелями подвига черноморских моряков-гидрографов. Разве что ветеран, участник дерзкой Керченско-Феодосийской десантной операции, оказавшийся рядом, припомнит далекую декабрьскую ночь 1941 года и скажет:

— Беспрецедентной храбрости были те смельчаки, что сумели в шторм зацепиться за ледяную поверхность вон той самой большой скалы и под боком у фашистов зажечь ацетиленовый фонарь...

Слышал об этом подвиге и я. Еще в Астрахани, где учился в военно-морском училище. Шла война. К нам, курсантам, тогда часто приезжали фронтовики. Помню, однажды у нас на курсе появился старший лейтенант. Черноморец, участник десанта в Феодосию. И стал рассказывать, как прорывались корабли в порт. Среди других боевых эпизодов промелькнул тогда и рассказ о гидрографах. Их было двое. Лейтенанты. К сожалению, фамилий офицеров мы тогда не смогли узнать.

...В ночь на 29 декабря 1941 года специально подготовленные штурмовые отряды и десантные войска должны были занять порт Феодосия. Согласно решению командования десант намечалось высадить с боевых кораблей непосредственно на шпрсы и стенки гавани, но для этого следовало осуществить прорыв в Феодосийский порт.

Трудность заключалась в навигационных особенностях этого мелководного района. Большие боевые корабли могли войти в порт только по фарватеру. В мирное время им помогал в этом Феодосийский маяк. Теперь же маяк не горел, и в темные зимние ночи трудно было найти надежные ориентиры для быстрого входа в порт. Тогда решили использовать в качестве ориентиров подвод-

ные лодки, которые должны были всплыть и, находясь в подводном положении, включать источник света.

Предложили свою помощь и гидрографы флота. Задача им ставилась весьма сложная. В условиях штормовой погоды надо было скрытно подойти на подводной лодке к скалам, от которых до берега, занятого врагом, рукой подать, высадиться и зажечь огонь. Но приблизиться к «Кораблю-камню» не удалось. Тогда с подводной лодки спустили на воду тузик — маленькую шлюпку. В нее осторожно сошли два человека с аппаратурой. Это были гидрографы лейтенанты Демьян Выжгул и Владимир Моспан. Тузик, взлетая с волны на волну, направился к скалам и вскоре исчез в ночной темноте.

На подводной лодке знали, как трудно и опасно будет смельчакам высадиться с крутой волны на скользкую скалу. Но и другое знали моряки: кораблям с десантом на борту нужен в это время светоориентир, чтобы прорваться в гавань. И гидрографы его дадут.

Двое дали свет. С подводной лодки увидели, как со скалы прорезал зимнюю ночь яркий луч. Потом его заметил штурман головного корабля десанта, внес поправку и проложил уточненный курс на Феодосию. Ночная операция по захвату порта началась. И пока корабли десанта шли сложным фарватером под огнем противника, со скалы призывно светил им огонь.

А погода тем временем быстро ухудшалась. Лейтенантов Выжгула и Моспана, выполнивших боевой приказ, подводникам не удалось снять своевременно. Моряки одного из кораблей, доставлявших в Феодосию подкрепление, рассказывали, что видели в море полузатошленный тузик. Борта его были прошиты пулевыми очередями. Но люди отсутствовали.

Трудно сказать, принадлежал ли тот тузик гидрографам.

Что произошло с лейтенантами Выжгулом и Моспаном? Потопил ли их вражеский самолет, или шлюпку перевернуло волной? А может быть, они сумели все-таки добраться до Большой земли? На эти вопросы до сих пор нет ответа.

Совсем недавно удалось установить, что Демьян Герасимович Выжгул родом из Одесской области. Войну встретил штурманом гидрографического отдела Черноморского флота. Владимир Ефимович Моспан — киевлянин. До описываемых событий служил начальником гидроучастка Туапсинской военно-морской базы. На этом сведения о них обрываются.

Тридцать с лишним лет хранят тайну скалы под Феодосией. Каменный корабль памятником вознесся над морем, как бы напоминая людям о суровом военном времени, о героях, не щадивших себя при выполнении боевого задания.

Тревожные высоты

Заревое небо Ленинграда

Истребитель, казалось, крикнул от натуги: под него подвесили две 250-килограммовые бомбы. Они мрачно чернели под короткими плоскостями. Подошел ведущий инженер, хлопнул по крылу:

— Ну, с богом, Андрей Григорьевич!

Кочетков уже сидел в кабине, глаза его слезились от ветра: мороз под тридцать. Заурчал мотор, от стабилизатора метнулись полосы сухого, как песок, снега.

Кочеткову, как одному из опытных летчиков-испытателей, поручили, как говорится, с ходу испробовать истребитель в бомбометании. Взрыва бомб на полигоне летчик не увидел — огонь смазало дымом и туманом. Лишь на аэродроме Кочеткову сказали: щит разнес в щепки.

А потом испытателя вызвали в штаб ВВС: раз эксперимент удался — требуется учить бомбометанию фронтовые истребительные полки. Главком заметил:

— Бомбардировщики у нас есть, по их не хватает. Поэтому крайне важно расширить боевые возможности истребителя, чтобы паносить врагу с воздуха еще больший урон.

Время не ждало, и через сутки Кочетков был уже на Калининском фронте. Командир истребительной авиадивизии полковник Г. Иванов скептически отнесся к идее превратить истребитель в бомбардировщик.

— Какую цель бомбить? — спросил Кочетков.

— Ну хотя бы мой КП.

— Жалко. Промаха не будет. Вон телеграфная линия. Можно по шестому столбу?

— Можно по любому.

Под истребитель подвесили фугаски крупного калибра. Механик Федя Игумнов озабоченно заглянул под крыло, потрогал шасси — все в порядке.

Истребитель набрал семисотметровую высоту и ринулся в пики. Кочетков видел, как шестой от аэродрома колышек начал укрупняться, словно на глазах вырастал ствол диковинного де-

рева. Когда до того ствола осталось две сотни метров, разомкнул замки бомбодержателей и бросил машину в боевой разворот. Теперь он увидел и всполох взрыва, и косую, валящуюся колонаду дыма. Не оказалось только телеграфного столба.

Комдив почтительно пожал Кочеткову руку:

— Связь с дивизией прервал..

Посмотреть бомбометание истребителя высypал весь аэродромный люд. Андрей четыре раза поднимался на высоту с фугасками, четыре раза превращал в прах сколоченные наспех автофургоны — щиты. Подходили летчики, командиры, инженеры. Все считали долгом высказать свое восхищение. Но охотников повторить увиденное пока не находилось. Да и сам комдив, хотя и признал: «Дело стоящее», не торопился экспериментировать. Попросил обучить новому делу пока одного летчика.

Кочетков полетел с командиром первой эскадрильи. Это было не так просто. Рождалась новая «профессия» истребителя. Все казалось необычайно сложным — и прибавившийся вес машины, и эти непривычные атаки наземных целей, и само не присущее истребителю бомбометание.

После Калининского фронта Кочеткова послали на Карельский. Там он тоже показывал, лично обучал бомбометанию летчиков-истребителей, готовил кадры инструкторов, и добрая молва о нем докатилась до берегов Ледовитого океана. Командующий авиацией Северного флота генерал Андреев сам нашел Кочеткова:

— Покажите морским летчикам, как можно бомбить с истребителя.

Андрей прибыл в знаменитый сафоновский полк. Первого командира полка уже не было — Борис Феоктистович погиб два месяца назад.

Догорало скупое полярное лето. Шли дожди. Ледовитый гнал караваны туч, которые опрокидывались на материк то ливнями, то снежными зарядами. И настроение людей было под стать погоде: гибель командира потрясла полк, летчики, особенно молодые, как бы потеряли опору. Генерал Андреев так и сказал:

— Надо поддержать людей.

Прямо с полосы Кочетков, «перепрыгнув» сопку, вышел к заливу, где покачивались буксирные в качестве мишени отслужившие свой век катера. И вдруг на траверзе мишеней Андрей увидел подводную лодку. Она шла на глубине, но так ясно прорисовывалась сквозь зеленоватую воду... Рука застыла на рычаге бомбосбрасывателя. Пришлось делать второй заход. Лодка уже ушла, и катера, как отбившиеся от выводка утята, засновали по заливу. Истребитель круто падал к воде. Две, четыре, шесть секунд... и над заливом вздыбился столб воды и дыма. Один катер бесследно исчез в кипящем водовороте, второй шибануло о береговую скалу.

Потом испробовали то же самое полковые летчики. Вернулись довольные, повеселевшие. Командующий сказал Кочеткову:

— За бомбы спасибо. Теперь мы вроде в два раза становимся сильнее. Но, может быть, и пилотаж на малой высоте покажете, а?

Предложение не вызвало восторга у испытателя. Нет, малой высоты он не боялся — сколько раз выхватывал машину у самой земли. Но то было на равнинных аэродромах. А тут вон сопки вокруг торчат.

Кочетков никогда не рисковал бездумно. Он допускал риск осмысленный. Он и здесь прикинул возможности машины, предельно допустимую малую высоту вывода из пике. И в один из редких ясных дней устроил показательный пилотаж. Вертел истребитель на таких маневрах, что наблюдавшие за ним известные всему флоту асы изумились.

За дружеским ужином командующий объявил:

— За помощь флотским летчикам представляю вас, Андрей Григорьевич, к ордену Красной Звезды.

То была первая боевая награда Кочеткова.

Там, на Севере, его прозвали «шаровой молнией» — паверное, за тот молниеподобный каскад фигур, от которых, казалось, могло расколоться само небо. Но он и внешне, и характером сродни своему пилотажу. Невысокий, в неизменной кожаной куртке со следами парашютных лямок на плечах, с лихим чубом над синью глаз, он, казалось, не ходил, а бегал, всегда куда-то спешил по неотложному делу. В июне сорок третьего он так же спешно прибыл по вызову начальника НИИ ВВС. Тот с ходу объявил:

— Командировка в Ленинград. Вылет сегодня.

При одном упоминании о Ленинграде у Андрея защемило сердце: это его город. Там он жил, учился, работал. Там сейчас отец, мать, сестренка. Живы ли? С тех пор как сомкнулось кольцо блокады, он ничего не слыхал о них. Андрей ожидающе взглянул на генерала:

— Задание?

— Сложное задание, Кочетков, — генерал со вздохом выпустил клубы махорочного дыма. — Только что был в Ставке. Спрашивают, почему на Ленинград стали прорываться «Фокке-Вульф-190». Почему наши истребители не могут их перехватить? Приказано разобраться и доложить.

— Как не могут? — почти вспылил Кочетков. — Мы же сами их испытывали, определили им надежную высоту. Они запросто достают высотные «фоккеры».

— Говорят, наши данные сильно завышены.

— Я сам летал.

— Вот вам и карты в руки. В помощники можете взять Кубышкина.

Улетели в тот же день. С трудом разглядел Андрей выплывший из марева купол Исаакья, подпирала низкое задымленное небо Петропавловская крепость. И только иглы Адмиралтейства, всегда горевшей раскаленным штыком, не было видно. В горле пересохло. Здравствуй, Ленинград! Где-то там и его, Андрея Кочеткова, родной очаг.

Через полчаса после приземления он был у командира корпуса. Генерал тяжело поднялся из-за стола, тряхнул сухую Андрееву руку, осведомился о цели прибытия и тут же подтвердил:

— Да, нам не дотянуться до «фоккеров».

— А на какой они высоте ходят? — поинтересовался испытатель.

— Тысяч десять, а может, и больше.

— Но ведь мы и до одиннадцати поднимались.

— Это еще надо доказать, — хмуро обрезал комкор и тут же спросил: — Что намерены предпринять?

— Надо в паре слетать на высоту, чтобы сами летчики поверили в возможность такого полета.

— Оказывается, вы не только испытатель, но и психолог, — не то с одобрением, не то с иронией заметил комкор.

Приехали в полк. Кочетков сразу занялся знакомством с самолетами и удивился: на многих не оказалось кислородного оборудования. Кто-то решил, что якобы в бою кислородные баллоны взрываются. Кочетков попросил командира полка собрать всех летчиков. Сидя за столом лицом к лицу с пилотами, на груди которых пылала целая радуга орденов, Андрей думал: «Ведь мужественные ребята. Воюют здорово. А вот на высоту не идут...» Собственно, и начал с этих размышлений:

— Ничего сложного нет. Нужно только усвоить два правила. Первое — сама машина, оборудование должны быть в идеальном состоянии. Немедленно поставить кислородное оборудование, проверить, научиться дышать кислородом. Это даже приятно. Второе — самим настроиться на высоту... Есть вопросы?

Вопросов было много. Он на все ответил, а потом сам спросил:

— Кто желает со мной?

Наступила пауза. Поднялся комэск, белобровый, сухопарый капитан с красным шрамом через весь лоб:

— Разрешите?

Проверили оборудование, договорились о скорости набора высоты, направлении полета — в сторону Ладожского озера. Если что — вызовут по радио подмогу.

Взлетели. Комэск идет ведомым. Кочетков до боли в шее вертит головой, не выпускает из виду напарника, подсказывает, какую скорость, какой угол набора высоты выдерживать, напоминает — надо следить за обстановкой. Где-то уже на пределе эшелона спросил:

- Высота?
- Десять шестьсот...
- Можно еще выше.

Удивительно: отсюда, с высоты, они увидели фашистских истребителей, и те поспешили ретироваться. И ленинградцы, наверное, с восторгом и надеждой глядели тогда на расчерченное белыми полосами небо, поняв, что там хозяйничают наши летчики.

Вернулись на аэродром, и белобровый комэск, возбужденный, сияющий, первым выскочил из машины и подбежал к шагнувшему на плоскость Андрею.

— Теперь я могу всю эскадрилью вести.

— Не торопитесь, капитан. Поначалу в паре, звеном слетайте.

Комкор повез Андрея в другой полк и теперь уже сам ему представил комэска:

— Карпов, Герой Советского Союза.

Карпов артистически воздел руки к небу:

— Сразу сдаюсь. Мне не нужны доказательства. Верю данным вашего института.

Но на всякий случай Андрей уточнил:

— Самы бывали на высоте?

— Летал на девяти тысячах.

— Маловато. Можно тянуть до одиннадцати.

Комкор, однако, приказал провести заиятия со всеми летчиками полка. Кочетков проверил знания, растолковал особенности набора больших высот. В тот же день улетел в третий полк. Опять летал, показывал. И ленинградские летчики освоили высотные полеты. Фашистским «фоккерам» был поставлен заслон.

На исходе командировки Кочетков отпросился у комкора в город. Не шел, а бежал знакомым проспектом. Вот тут, за Обводным каналом, должен показаться четырехэтажный дом под ципковой крышей. Там, на третьем этаже, девятая квартира... Вначале он не понял, что случилось — думал, заблудился. Но нет, вот соседний шестой дом с заржавевшей табличкой... А его, четвертого, дома нет. Груда кирпича да страшная глазница единственного окна. Андрей не помнит, сколько простоял у развалин родного очага — час, а может, и два. Вспомнил всю свою жизнь, мать, отца, сестренку, дорогу к заводу... От дум оторвал глухой голос:

— Чей, сынок, будешь? — Перед ним стояла сухая, как зимняя ветвь, старушка.

— Кочетков я, Андрей, бабушка Аня, — узнал он в старушке соседку по дому. — Где наши?

Старушка заморгала глазами:

— Григория Фирсовича бомбой... А Зину с дочкой эвакуировали. Через Ладогу...

Андрей достал из противогазной сумки завернутый в газету хлеб и молча протянул его старушке, а сам, хрустя битым стеклом, зашагал через пустырь к Обводному каналу.

В канале колыхалось красное небо блокадного Ленинграда.

Прыжок над Ниагарой

Когда французским летчикам из полка «Нормандия — Неман» предложили на выбор любой истребитель — американскую «аэрокобру» или английский «спитфайер», они сказали: «Дайте нам Як-3!»

Так было. Не приглянулась французам «аэрокобра». Та самая, что поступала к нам по ленд-лизу. Не из лучших поначалу был самолет. Но что поделаешь, не хватало тогда у нас машин. Это знали и летчики, как знали и то, что в бою с врагом их выручает не только техника, но и величайшее мужество, боевое уменье.

Что касается «кобры», то у нее как бы в соответствии с названием обнаружили довольно-таки коварный нрав. При полетах на ней погибли несколько наших летчиков, в том числе опытные испытатели К. Груздев и К. Овчинников. Летал на «кобре» и Андрей Кочетков. Но «поймать» ту критическую грань, вслед за которой разрушалась конструкция самолета, ему долго не удавалось. Происходило это, вероятно, при каких-то определенных условиях. Но при каких? При пилотаже у самолета, попросту говоря, скручивало хвост. «Кобра», оказалось, «прихварывала» и плоским штопором. Заявлял он о себе также неожиданно, но всегда с неизменным результатом: вгонял машину в землю.

Вот что пишет о «кобре» в своей книге «Цель жизни» Генеральный авиаконструктор А. С. Яковлев: «...на первых сериях этой машины были обнаружены серьезные дефекты и зарегистрировано несколько катастроф из-за поломки в полете стабилизатора. Мы немедленно поставили об этом в известность американцев, и тогда в Москву прибыли специалисты с заводов фирмы «Белл».

С этими специалистами (среди них были Лейгтон Роджерс, Джорж Рей и другие) в поездке по авиачастям находился подполковник Андрей Кочетков. Американцы знакомились с обстоятельствами происшествий и имели полную возможность убедиться в справедливости предъявленной рекламации. Перед отъездом пообещали:

— Результаты будут представлены фирме.

Шли долгие военные месяцы. На фронте, не угасая, полыхало пламя сражений, но фирма «Белл» почему-то не торопилась с уведомлением. Наконец из Америки сообщили о сделанных на самолете доработках, предложили прислать летчика и инженера, чтобы они убедились в этом на месте. Дело ответственное. Кому поручить? Кандидатура Кочеткова ни у кого не вызвала со-

мнения. Испытатель квалифицированный, и о «кобре» может судить профессионально. Из инженеров назвали фамилию Федора Супруна. Он тоже был летчиком (как и его родной брат Степан Супрун, знаменитый испытатель, дважды Герой Советского Союза). Окончив академию, работал инженером-испытателем в НИИ ВВС, свободно говорил по-английски.

После многодневного пути Кочетков и Супрун прибыли в Буффало — город, раскинувшийся у самой Ниагары. Дымили заводские трубы: фирма «Белл» делала бизнес на военных поставках. Принял их Ларри Белл, президент фирмы. Согласовали программу испытаний. Пилотажную зону определили над Ниагарским водопадом. Ориентир прекрасный: в случае внезапного ухудшения погоды выходить на реку, по ней — на аэродром.

«Кобра» выделялась среди таких же, стоявших поблизости, двумя желтыми скрещенными полосами. Они были нанесены на носовой части фюзеляжа, впереди кабины летчика. Знак этот указывал: самолет экспериментальный. При встрече с ним на земле или в воздухе любая машина беспрепятственно освобождала путь.

Кочетков выходил в пилотажную зону, проверял летные качества машины на предельных режимах. Далеко внизу грохотала Ниагара. После посадки обрабатывались показания контрольно-записывающей аппаратуры.

Настал черед штопора. Первый полет. «Кобра» резко опрокидывалась на крыло, ввинчиваясь в воздух, устремлялась вниз. Снова взлет, снова срыв. В какой-то момент «кобра» вдруг завертелась как-то необычно, вскидывая нос к горизонту. Сомнений не оставалось — плоский штопор.

Плоский... Любой летчик знает, что это такое. Но знает, как бы сказать точнее, больше теоретически или со слов других. Мало кому случалось попадать в этот коварный штопор. И еще меньше тех, кто выходил из него живым.

Может, на какой-то миг Кочеткову подумалось и об этом. Но испытатель был поглощен работой. И была теперь только одна мысль: «Вырваться из опасной круговерти». Человек боролся.

Но самолет не повиновался. Рули были бессильны. Не помогло и последнее — использовать силу мотора. Вращаясь, машина неотвратимо неслась вниз. Словно захватил, завертел ее крылья дьявольский рев Ниагары.

А земля все ближе. Совсем мало высоты. Тысяча... Восемьсот метров. «Пытаться еще выводить? — пронеслось в голове. — Не успеть!» И тут же новая мысль: «Выключить двигатель. Перекрыть горючее». Это для того, чтобы упавший самолет не вызвал пожара, не причинил большой беды.

Теперь — прыгать. Машина в левом штопоре. Прыгать надо в сторону вращения. Так предписывает инструкция. Но левая дверца, как назло, загромождена аппаратурой. Придется прыгать через правую.

Оттолкнувшись, Кочетков ничком свалился на крыло. И вдруг ощутил, как неимоверная тяжесть сковала тело. Не пошевеливаться. Надо же, первый прыжок с парашютом. Первый в его жизни, и такое начало. Срывая до крови ногти, он изо всех сил тянулся к задней кромке крыла. Наконец достал. Вцепился. Резко оттолкнувшись, ринулся в бездну...

Наблюдавший за падением самолета полисмен передал о случившемся по радиотелефону фирме.

Федор Супрун находился в это время на аэродроме. Не хотелось верить, что стряслась беда. Но опасения подтвердились. С американскими авиаспециалистами он тут же помчался на автомобиле к месту катастрофы и был несказанно рад, когда увидел Кочеткова живого и невредимого. Накоротке провели анализ случившегося. Сонлись в одном: центровку самолета надо изменить. После доводки укрощенная Кочетковым «кобра» стала лучше.

В те дни Андрею преподнесли «Золотую гусеницу». Прислала ее фирма «Ирвинг», рекламирующая столь необычным образом свои парашюты. На обратной стороне знака размером в натуральную величину шелкопряда с рубиновым глазком были выгравированы фамилия летчика и дата: «29.4.44 г.». «Золотая гусеница» вручалась за спасение с парашютом в весьма критической ситуации. Первым обладателем такого сувенира еще в двадцатые годы стал Михаил Громов.

Приземляясь, Кочетков ушиб ногу. Тогда как-то не почувствовал боли. Но на другой день, когда они с Супруном зашагали, как обычно, на аэродром, Андрей начал заметно прихрамывать.

Программа испытаний «аэрокобры» завершалась. Очередной полет — воздушный бой. Проводить его, как значилось в задании, надо с боевым истребителем. Неплохо бы с «мессером», но его здесь нет. С «мустангом»? Самолет этот состоял на вооружении американских ВВС. По своим боевым качествам он явно превосходил «кобру», поступающую к нам по ленд-лизу. Как быть? Фирма запросила Пентагон. Там долго думали, наконец разрешили.

Летчик испытательного аэродрома Райтфилд безупречно посадил «мустанг». Зарулил, ловко спрыгнул на землю: «О'кей, рашн пайлот!» Он был высок ростом, подвижен, с молодого лица не сходила белозубая улыбка. Пентагон на нем остановил свой выбор. Специалисты фирмы стояли поблизости. Выделялся своей импозантной внешностью испытатель Стенли, летавший на реактивном «Джет прополшн». «Божьей милостью пилот», как вещала печать, находился в зените славы. С лацкана его пиджака косили рубиновыми глазками три «Золотые гусеницы».

О Кочеткове, казалось, все в тот момент забыли. Не могуч сложением, худощав, он в сравнении с тем холеным, улыбчивым парнем как-то мало походил на летчика. А теперь и вовсе зате-

рялся среди этих важных джентльменов в смокингах. Рассеянно засмотрелся вдаль. Почувствовал вдруг саднящую боль в ушибленной ноге. И в душе. Не сразу расслышал, о чем заговорил Федор Супрун. Тот, сосредоточенно рассматривая цветок, сорванный в чахлой аэродромной траве, мечтательно продолжал:

— Эх, какие у нас клевера...

— О чем это ты? — встрепенулся Андрей.

— О приднепровских дугах, — уточнил Федор. — Скоро домой ведь. — И неожиданно добавил: — Увидел бы тебя Чкалов...

И память увела Андрея в летнюю молодость. Полковые летчики ждали испытателей. Они должны были показать пилотаж и воздушный бой. И вдруг к Андрееву «И-5» подходит Чкалов:

— Как машина?

— В порядке. Но есть особенности.

— Вот с ними сейчас и разберемся.

Чкалов взлетел на кочетковском истребителе. С ходу развернулся, с прижимом пронесся над аэродромом, и вдруг этот тихий, бочкастый И-5 стал неузнаваем: насадно ревя мотором, он у самой земли раскручивал ураганный каскад фигур, а затем, рванувшись на высоту, с переворота пошел на снижение. Стоявший рядом с Кочетковым его техник Куценко крикнул:

— Вот какой у нас самолет!

Андрей понял это по-своему: «Вот так и тебе, Кочетков, надо летать».

Передавая Андрею истребитель, Чкалов прогрохотал:

— Хор-рош жеребец!

И еще не раз встречался Кочетков с Чкаловым — и в полках, и на воздушном параде. То были неповторимые чкаловские уроки.

...Спустя полчаса «мустанг» и «кобра» схлестнулись в бою. Ревя моторами, они круто ломали линию полета, то устремляясь к земле, то свечой врезаясь в зенит. Улыбчивый парень не щадил «мустанга». Пилотируя легко, с какой-то игривой бесшабашностью, все убыстрял темп схватки, создавал предельные перегрузки.

Чувствовалось сразу: на Райтфилд умели подбирать пилотов. Вот и этот, что носился над аэродромом. Порой было такое впечатление, будто он задался целью разломать машину. Казалось, еще миг, и его верткий «мустанг» из фотопулемета «срежет» противника.

Но мига не было. Был все тот же воздух, вскипающий белыми струями.

Потому что работал Кочетков, советский истребитель. Работал так, что, казалось, трещало небо Америки.

Бой длился десять минут. Закончился ничью. Но эта ничья была равносильна победе. «Мустанг» обладал большей скоростью и скороподъемностью. Однако и здесь, как бывало на фронте, не одна техника решила исход поединка. Все мастерство вло-

жил в этот бой Кочетков. И одержал верх. После посадки улыбочивый парень долго расстегивал парашют. Его руки тряслись.

Ступив на землю, Кочетков вновь почувствовал саднящую боль в ноге. Заметил неподалеку Стенли. Тот смотрел испытующе. Их взгляды встретились. Пилот с импозантной внешностью понимающе улыбнулся. Подошел к Кочеткову, пожал руку: «О'кей, рашн пайлот!»

Тайны «мессера» и «анаконды»

Тяжкий гул советских бомбардировщиков уже висел над имперским бункером, а фюрер все еще верил в чудо: нацизм спасет новая, неведомая доселе техника, в том числе реактивные «мессершмитты». Но чуда не случилось. Судьба фашизма была предрешена, а несколько реактивных «мессеров» стали нашими трофеями.

Был среди них одноместный истребитель Me-262 с двумя турбореактивными двигателями. Летчики, инженеры с интересом осматривали диковинную машину, интуицией, догадками познавая ее конструкцию: никаких описаний, инструкций не оказалось. Единственное, что знали наши испытатели: немецкие летчики потерпели на этих машинах ряд страшных катастроф. Как ни парадоксально, скоростной Me-262 не любил больших скоростей — сваливался в пике и с адским воем врезался в землю. Никто из летчиков не успевал радировать о том, что случилось. Вместе с жертвами «мессеры» уносили с собой свою тайну.

Наши испытатели решили раскрыть эту тайну. Раскрыть, не потеряв единственного трофейного опытного образца.

Кому поручить невероятно трудный, опаснейший эксперимент? Выбор опять-таки пал на Кочеткова. Генерал П. Стефановский подошел к нему в ту минуту, когда тот сидел в кабине и разбирался в ребусе приборной доски.

— Что скажешь, Андрей Григорьевич, если тебе доверим испытать эту диковинку?

— Постараюсь, — как всегда с готовностью отозвался Кочетков.

Пятнадцатого августа 1945 года на взлетную полосу испытательного аэродрома вырулил необычный, с двумя зевами турбин истребитель. Кочетков посылает сектор газа вперед. Нарастает рев двигателей, и самолет берет разбег. Все, кто был на аэродроме, впиваются глазами в начиненную тайнами машину. Как оторвется? Как наберет высоту? Все пока нормально. Вот уже убрано шасси, вот самолет поднял острый нос. А теперь круги. Один, второй, третий...

И взлет, и посадка прошли нормально. Первое знакомство состоялось. А теперь — испытания. Не терпелось узнать: как же он, турбореактивный, поведет себя на предельной скорости? Не

хотелось думать о прежнем. Но почему «мессер» не любит больших скоростей? Парадокс. Загадка.

Счастлив тот пилот, который, садясь в самолет, умеет отсеять все другие мысли и чувства, кроме одного: как лучше повести машину. Кочетков умел отсекал тревоги и сомнения. И даже в тот миг, когда, разогнав «мессершмитт» до максимальной скорости, вдруг почувствовал, что самолет затягивает в пикирование, был спокоен и властен. Властен над своими чувствами и над самолетом. Обостренным чутьем инженера уловил причину неповиновения «иностранца»: отказало управление стабилизатором. Сейчас требуется как можно тоньше, ловчее использовать рули высоты. А «мессер» все же поровит врезаться в землю. Вот он резко «клюнул» и задрожал, как в ознобе. Кочетков на миг увидел наползающий горизонт, всем своим существом почувствовал, как на рули высоты навалилась невероятная тяжесть. Ручка управления, казалось, намертво застыла. Огромным усилием он потянул ее на себя. Ручка чуть подалась. Он продолжал прижимать ее к себе... И «мессер» медленно, нехотя стал поднимать нос. Земля постепенно отступала, уплывала под фюзеляж...

Может, это и была та тайна, которая испепелила первых немецких пилотов? Сейчас трудно сказать, что именно спасло машину от падения. Наверное, не одни рули высоты, а целый заряд кочетковского искусства: инженерное чутье, пилотская выдержка, физическая сила. Как бы там ни было, самолет подчинился воле летчика. Привезенные из того полета данные оказались нелишними для конструкторов наших реактивных машин.

Одним из первых Кочетков сел в отечественный «миг». Испытания уже подходили к концу, для заключения оставалось выполнить последний полет — опробовать оружие на практическом потолке.

Погода, как назло, испортилась — облака наглухо закупорили аэродром, и финал государственных испытаний задерживался. В штабе долго «колдовали» и наконец приняли решение: пробивать облачность и там, за тучевой грядой, выйти к полигону. Кочетковский «миг» словно прожег облака и вымахнул на верхний эшелон. Вешним громом зарокотали пушки, и вдруг вместе с пушечным грохотом оборвался турбинный гул. Оба двигателя остановились. Аккумулятор быстро садится. Связи нет. Компас и приборы «слепого» полета не работают. А самолет на двенадцатикилометровой высоте. Снижаться в окно над полигоном нельзя — без двигателей оттуда не дотянешь до базы.

Кочетков решает идти напрямую к аэродрому. Используя высоту, беря курс по солнцу, он ведет за облаками, по существу, безмоторную машину с молчащей рацней и безошибочно пробивает облачность над аэродромом. Полоса чуть в стороне. Небольшой доворот, и молчаливый истребитель касается бетонки.

Опытный самолет спасен. Впервые выявлен опасный дефект первых реактивных машин — самовыключение силовой установки при стрельбе на больших высотах. Дефект устранен. «Миг» идет в серию.

Трудно подчинить самолет с омертвевшими двигателями, но еще труднее, если они живы, но как бы всей своей мощью направлены на ускорение штопора. Правда, Кочетков на этот раз сам вогнал истребитель в штопор: такое задание — определить срывные характеристики.

Вогнать-то вогнал, а вывести не может. Не слушается машина, в ревущей круговерти идет к земле. Количество витков растет, высота падает. Остается 3000 метров. Ясно помня все варианты продувок модели на штопор, испытатель решает применить другой способ вывода. Если не выйдет через два витка, надо покидать самолет... Через полтора витка истребитель вывернулся из штопора, и верхушки сосен, над которыми он пронесся, заколыхались от жаркого дыхания турбин.

И вот на бетонке первый сверхзвуковой. Кочетков — его ведущий летчик-испытатель. Но испытание сегодня необычное. Наземное. Опытный самолет не пойдет на высоту — ему пока предвisan только подлет. Что это такое? Разгон и отрыв на метр-полтора, и опять пробег по бетонке. Тонкая, искусная работа: за полторы секунды подлета успеть определить устойчивость и управляемость машины. Малейшее промедление — и полосы не хватит для погашения скорости.

Готовясь к своеобразному акробатическому прыжку, Кочетков дал двигателю полную тягу, разогнал до скорости отрыва, взял ручку на себя... И машину выбросило вверх на восемь метров. Летчик убрал тягу двигателя. Самолет заскользил на крыло. Казалось, катастрофа неминуема... Кочетков решил продолжать полет на самолете, который, по существу, не был подготовлен к этому.

Он дает полную тягу турбинам и переводит истребитель в набор высоты. Но это оказалось не так просто. Самолет начало раскачивать. После станет ясно недоработка в системе управления. А пока надо сражаться за сверхзвуковик.

Летчик решил затяжелить управление. Ничего не получается — самолет теряет высоту. Надо хотя бы метров сто наскрести. Ничего, он потерпит эту раскачку, есть сила в руках... И есть уже высота. Теперь можно включить тяжелое управление. Самолет еще минуту, словно на гигантской волне, покачался с носа на стабилизатор, потом как бы утихомирился и пошел по кругу.

Генеральному конструктору доложили: «У Кочеткова вынужденный взлет». — «Такого не может быть!»

...Мощный, хищно вытянутый по корпусу перехватчик нарекли «анакондой». За необычную длину фюзеляжа. И за странный, вскинутый кверху нос. Но не только за внешнюю схожесть. «Анаконда» показала и свой характер.

Техник новой машины застенчивый, белобрысый Вася Жданов ходил вокруг «анаконды» и, казалось, не знал, с какой стороны к ней подступиться: все сияло таинственной новизной. Вместе с ведущим инженером они ее готовили несколько дней, и теперь, когда Кочетков подошел к машине как испытатель, Вася тихо, сбивчиво произнес:

— «Анаконда»... то есть самолет готов...

— Хорошо, Вася. Спасибо.

Кочетков испытывал перехватчик на предельной высоте. Был ясный солнечный день, небо пылало синью, а где-то далеко внизу желтела созревающая озимь. На востоке низым паром клубились облака. И словно в лад этому безмятежному миру ровно и певуче звенели турбины «анаконды». Только временами, когда летчик давал полную тягу двигателям, они обретали воющую ноту, ревели на форсаже, вынося самолет ко второму барьеру звука. По всем параметрам и самолет, и силовые установки показали себя с наилучшей стороны. И вдруг в наушники врывается тревожный голос руководителя полетов:

— Тридцатый, вам посадка! Закрывает аэродром.

Не сразу «спрыгнешь» с высоты в тринадцать тысяч метров. Пока снижался, неведомо откуда наползшая дымка заволокла аэродром. И все же садиться надо. Другие аэродромы тоже закрыты. Единственное, что вселяло надежду, — блеснувшая фольгой река. Кочетков вышел на нее безошибочно. Рядом должна быть полоса. Но ее не видно.

Пошел на второй круг. Вновь нырнул в плотную, как пыль, дымную мглу. И опять полосы не увидел. В третий раз гонит испытатель новый истребитель на круг и в третий раз бросает его в синюю купель дымки. И тут «анаконда» взъярилась. Он уже увидел полосу — вон она серой ящерицей распласталась вдоль реки. Но «анаконда» не хочет лететь, она почти падает. «Зависли» двигатели — как были на холостом ходу, так и остались лишними тяги. А до полосы совсем немного — сто метров, не больше. Ну хотя бы еще немножко подтянуть!.. Но нет, «анаконда» не слушается. Вот-вот сорвется. Надо планировать...

Не хватило всего полусотни метров. Бетонка была уже рядом, когда шасси зацепилось за одичавшее приаэродромное поле. Споткнувшийся самолет упал на нос. Ревматично хрустнуло шасси, дико взвизгнул металл плоскостей. В лицо пахнуло пламя. Но он боли уже не чувствовал: ударившись лицом о приборную доску, потерял сознание.

Очнулся, когда пламя почти сжевало его старую кожаную куртку. В каком-то горячечном бреду попытался сбросить фонарь кабины. Фонарь ни на сантиметр не сдвинулся. Заклишило...

Человек в клетке, объятый пламенем. И дым. Дым. Нечем дышать. Забивает кашель. Да!.. Он же может катапультироваться. А если катапульта сработает, а фонарь не откроется? Его в лепешку раздавит. К испытателю на миг возвращается холодная

ясная мысль: надо исподволь передвигать рычаг катапульты. Вначале должен открыться фонарь, а потом выстрелит сиденье.

Летчик нащупал рычаг, осторожно подвинул вперед... Между фонарем и кабиной прорезалась щель. Он поднялся, сдвинул фонарь и вырвался из пламени.

Пятьдесят метров до полосы он пробежал бегом. И тут как-то машинально поднес ладонь к лицу. Пальцы прикоснулись к окровавленному месиву. Лица не было! Была кровь. Это он понял только сейчас, потому что и лес, и бетонка, и некогда белые ромашки у полосы были красными.

Первой он увидел жену. Она глядела на него полными слез глазами: «Больно?» Он слабо качнул головой. Говорить не мог — все лицо в бинтах.

Потом были Генеральный конструктор, начальник института, друзья-летчики. И конечно же, техник Вася Жданов. Он принес обгоревшие лямки парашюта. На память. Кочетков будет хранить те почеревшие лямки вместе с вытяжным кольцом парашюта, на котором выпрыгнул над Ниагарой.

Хирург М. Светлаков самым серьезным образом пообещал: «Сделаю вам, Андрей Григорьевич, самый красивый нос в мире. Хотите греческий?» — «Не надо мне греческий, доктор. Сделайте мой, русский...» И профессор сделал все, чтобы не изменилось лицо Андрея Кочеткова.

Он и впрямь мало изменился. Только косой шрам пролегал через весь лоб да некогда есенинской русости чуб сделался совсем белым.

...А «анаконда» позже была все-таки усмирена.

Люди подвига. Они шли навстречу огненному валу, бросались на таран, вели в атаку пылающие танки. Подвиг Андрея Кочеткова — это бой каждодневный. Ведь испытательный аэродром, в сущности, тот же передний край, где обретают силу боевые крылья нашей авиации. Именно потому для Героя Советского Союза Андрея Кочеткова бой не кончился и в сорок пятом. Он один из тех, кто и поныне на огненной черте. Уже в мирные дни он удостоен шести боевых орденов. Генеральный авиаконструктор А. С. Яковлев, с которым мы беседовали, сказал о нем коротко и емко: «Скромный и мужественный. Солдат и труженик».

Н. КОСОГОРСКИЙ,
*бывший командир 46-го танкового полка,
почетный гражданин города Тихвина*

Последний и решительный...

«...29.XI.1941 г. в ожесточенной атаке на кордон лесника танк, в котором находился военком Кузьмин, был подбит. Отважный военком стрелял до последнего снаряда и патрона, танк был подожжен. Военком решил погибнуть в танке, но не попасть в руки врагу. Своим поступком показал, как должен драться большевик и как он умеет умирать за Родину...»

Это строки из наградного листа на политрука М. К. Кузьмина. Копию наградного листа я постоянно храню при себе, как память о человеке, чья короткая жизнь была подобна метеору. Вспыхнул и погас. Но навсегда запомнился он тем, кто был с ним рядом.

...Осень 1941 года. Самое тяжелое время войны. Враг, блокировав Ленинград, одновременно вышел на реку Свирь, форсировал ее, продолжая наступление. На тихвинском направлении завязались ожесточенные бои.

Крещение огнём наш 46-й танковый полк принял в октябре в районе деревень Озерки, Яндеба. Нам было приказано атаковать противника и освободить эти населенные пункты. Когда пошли в наступление, направляющей оказалась рота тяжелых танков, где находился политрук Михаил Кузьмич Кузьмин. Прибыл он в полк незадолго до начала боев, но уже успел завоевать прочный авторитет. Политрук хорошо знал танк, уверенно водил его, метко стрелял. Быстро сошелся Кузьмин с людьми. В первом же бою он сумел увлечь танкистов своим примером. А бой оказался трудным.

Рота преодолела две вражеские траншеи, уничтожив десятки фашистов и раздавив две минометные батареи. Однако сопротивление врага не ослабевало.

В один из моментов боя далеко вперед вырвался танк, где командиром экипажа был младший лейтенант Голицын, механиком-водителем Кудрин, стрелком-радистом Скакунов и заряжающим Лебедев. Сметая огневые точки врага, боевая машина выскочила на широкий, покрытый пышной зеленью луг, за которым просматривалась позиция вражеской батареи.

— Вперед — на батарею! — скомандовал Голицын. Танк ринулся к цели и вдруг стал оседать, теряя скорость. Под гусени-

цами оказалась тряпина. Вскоре мотор заглох. Осколки и пули непрерывно и зло стучали по броне.

Кудрин, считая себя виноватым, попросил командира:

— Разрешите, проберусь к своим! Вытащат.

— Нет, — отверг командир танка. — Водитель нужен в экипаже. Пойдет Скакунов.

Но едва стрелок-радист покинул машину, рядом грохнула мина и осколок настиг танкиста. Кудрин выпрыгнул из танка на помощь товарищу. Укрыв в траве погибшего друга, сам раненый, он вернулся под защиту брони.

— Будем драться, машину не бросим, — принял решение командир.

Вечер и ночь они провели в осаде, отражая попытки врагов захватить машину. Утром противник открыл огонь по танку из орудий, один снаряд пробил броню, погибли командир танка и заряжающий. Оставшись один, Кудрин продолжал отбиваться от фашистов. Его беспримерный поединок с врагом продолжался пять дней и пять ночей. Застрявший танк остался непобежденной крепостью. Когда мы на пятые сутки пробились к героической машине, то увидели вокруг нее десятки вражеских трупов.

За этот подвиг Н. С. Кудрину было присвоено звание Героя Советского Союза. Помню, с каким волнением рассказывал танкистам о подвиге героя и его товарищей политрук Кузьмин, одним из первых пришедший на помощь Кудрину. «Я верю, — говорил он, — что в новых боях появятся в нашей роте новые герои. Люди не могут не быть героями, когда защищают самое дорогое, что у них есть, — свободу, честь и независимость социалистической Родины».

Мы еще не знали тогда, что список Героев Советского Союза в роте суждено продолжить самому политруку.

В начале ноября полк вел бой под Тихвином, препятствуя продвижению вражеских войск. Контратакуя врага, мы освободили несколько населенных пунктов и остановились в десятке километров севернее Тихвина. Обстановка была пёстрой. Мы лишь слышали впереди активное движение, гул многих моторов. Выслали разведку, и ей удалось взять «языка». Пленный показал, что его батальон численностью до 500 солдат и офицеров на автомобилях, с танками и артиллерией готовится утром совершить бросок на север для соединения с фашистскими войсками, вышедшими на реку Свирь.

Время не ждало, и я принял решение организовать на пути врага танковую засаду. Для этой цели было выделено два тяжелых танка, десять танков Т-34 и пять танков Т-26 с огнемётами. Командиром отряда был назначен капитан В. Свешников, комиссаром — политрук М. Кузьмин, зарекомендовавший себя исключительно храбрым, активным и находчивым политработником.

Командир и комиссар отлично организовали засаду. Кузьмин побеседовал с танкистами, объяснил им задачу, призвал беспощадно уничтожить врага, тонтавшего землю Родины, приносящего неисчислимые страдания советским людям. Танкисты поклялись выполнить задачу с честью.

Когда мы с комиссаром полка — батальонным комиссаром А. Тарасовым приехали на место засады, то не сразу обнаружили танки: так тщательно они были замаскированы. Люди находились в машинах в полной готовности, орудия и пулеметы заряжены. Неподалеку от основных сил засады капитан Свешников расположил в лесу пять огнеметных танков.

Некоторое время огромная, засыпанная снегом поляна перед нами была пустынной. Затем показалось походное охранение фашистов. Его пропустили. Главные силы врага шли на небольшом удалении плотной колонной. Вот они уже в двухстах метрах от наших тяжелых танков. Именно в этот момент капитан командовал:

— Огонь!

Мощный залп разорвал морозную лесную тишину. Вспыхнули головные машины врага, колонна остановилась, на миг словно оцепенела.

Второй залп!..

Уцелевшие фашисты побросали машины, заметались по снежному полю, барахтаясь в сугробах.

Механики-водители завели двигатели. Свешников командовал:

— В атаку — вперед!

Разбросав маскировочные ветки, танки ринулись в атаку.

Не выдержав натиска, фашисты кинулись к ближнему лесу, и, когда они уже приблизились к спасительной опушке, по ним хлестнули пять огненных струй — это повели огонь легкие танки. Снег на поляне потемнел, покрылся трупами фашистов. В том бою танкисты 46-го танкового полка уничтожили более трехсот гитлеровцев, 27 было взято в плен. Разбито 44 машины, 5 танков и 5 тягачей с орудиями.

Нам некогда было отмечать эту большую победу, и все же политрук Кузьмин в короткие минуты отдыха успел не только назвать всех героев боя, но разобрать действия многих экипажей, дать оценку боевой работе коммунистов и актива. Удивительно, как он успевал все замечать в пылу сражения!

Вскоре разгорелись бои под самым Тихвином. Танкисты ходили в атаки, окрыленные крупной победой. Однако каждый метр отвоеванной земли доставался нам нелегко. Особенно жестокий бой развернулся за лесной кордон, превращенный фашистами в мощный опорный пункт. Атакуя его, наша головная рота уничтожила два закопанных танка; Кузьмин, как всегда шедший впереди, раздавил гусеницами своей машины три бронеколпака. Но, как это нередко случается в бою, его танк ото-

рвался от роты и потерял с нею зрительную связь. Внезапно по радио услышали голос политрука:

— В танк попал снаряд, все, кроме меня, погибли, танк горит... Выполняю задачу...

Несколько экипажей устремились на выручку любимого политрука, но было уже поздно. Только радисты слышали, как затухающим голосом политрук пел в огне: «Это есть наш последний и решительный бой...»

За геройский подвиг в битве с фашизмом Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 декабря 1941 года политработнику Кузьмину Михаилу Кузьмичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем в городе Тихвине названа улица. На месте гибели воздвигнут обелиск, у подножия которого даже в зимнюю стужу лежат живые цветы.

У сердца — партийный билет

Этот снимок сделан в сентябре 1942 года во время боев под Туансе. Бригадный комиссар Л. П. Брежнев вручает партийный билет красноармейцу Александру Малову.

«Иду в бой коммунистом», «Если погибну, прошу считать меня коммунистом», «Родная партия! Мы твои сыновья — солдаты. Мы клянемся стоять насмерть на этом рубеже!». Сколько таких вот волнующих документов сохранила история Великой Отечественной войны.

В те суровые годы наша партия предстала перед всем миром как борющаяся партия, как партия героев. Более половины своего состава она направила на фронт. Коммунисты находились

на самых ответственных и опасных участках вооруженной борьбы. Своим личным примером, страстным словом великой партийной правды они вдохновляли, вели за собой.

И не было для советского воина выше чести, чем стать в ряды коммунистов. Миллионы бойцов, командиров вступили в годы войны в ряды ленинской партии.

Так было на фронте.

Так же и в наши дни. Человек с партийным билетом у сердца — пример для всего личного состава в учебе и службе. На него, члена ленинской партии коммунистов, равняются, с него берут пример.

Подводные рейды „Л-20“

Конец «Муансы»

Наша подводная лодка называлась скромно — «Л-20». Но за литерой «Л» стояло ко многому обязывающее слово «Ленинец». Так по названию головного именовалась вся серия этих больших подводных кораблей.

«Мы — ленинцы», — с гордостью говорили о себе моряки нашего экипажа и своими делами стремились оправдать славное наименование. Об одном из эпизодов, в котором проявилось это стремление, я и хочу рассказать.

Шли первые часы нового, 1943 года. Мы выходили в надводном положении из Конгс-фьорда, в вершине которого выполнили мишную постановку. Слева чернел высокий скалистый мыс, за которым расположился городок Берлевог. Справа мгlistая темнота безлунной ночи уже растворила очертания берега. Впереди открылось спокойное Баренцево море. Приглушенно чавкали дизеля. Встречная зыбь начала плавно раскачивать подводную лодку.

Мы благополучно выбрались из фашистского логова, и настроение у всех было отличное. Теснина вражеской бухты несравнима со свободой морского простора. «Теперь нас не так-то просто поймать, мы и сами можем крепко ударить, — думал каждый из нас. — Самое страшное осталось позади...»

— Корабли справа по носу, — неожиданно прозвучал голос сигнальщика.

И верно, справа виднелись расплывчатые контуры судов конвоя.

— Боевая тревога! Стоп дизеля! Оба электромотора — средний вперед!

В кильватерной колонне идут три транспорта. Сидят низко, видимо, с полным грузом. Сзади держатся большие противолодочные катера. Курсовой угол противника благоприятен для атаки, а если отвернуть немного влево, то будет еще лучше.

Снизу поднимается старном Редькин с ночным прицелом в руках. Передавая прицел, он просит:

— Разрешите остаться на мостике?

Обычно его место в центральном посту, по там сейчас старший инженер-механик Горчаков, и на него можно положиться. А Редькину пора приобретать командирский опыт, да и в любой момент он должен заменить меня.

— Добро! Присматривайтесь. Стрелять будем по среднему, самому большому транспорту. С этой стороны охранения нет. Эскортные корабли, надо полагать, держатся мористее. Немцы, видимо, считают невозможной атаку со стороны своего же берега. Подойдем поэтому к ним поближе.

Устанавливаю на правом крыле рубки почной прицел. Начинаем выходить на боевой курс. Подводная лодка медленно подкрадывается к неприятелю. Победа близка. Но она — в руках каждого члена экипажа. Ни один из них не вправе дрогнуть, ошибиться. Иначе усилия всех остальных пойдут насмарку.

Тяжело груженные суда совсем близко. В мгlistо-серой пелене они отчетливо выделяются, словно нарисованные тушью.

— Носовые аппараты, товсь!

Момент перед залпом самый напряженный и ответственный. Главное здесь — успеть использовать оружие прежде, чем нас обнаружат. На мостике абсолютная тишина. Прильнув к ночному прицелу, внимательно слежу за тем, как наползает цель на визирную линию. Наконец точка прицеливания совмещена...

— Аппараты, пли!

Лодка несколько раз вздрагивает — это выходят торпеды. Мы знаем, что на их бортах матросы написали: «За Ленинград!», «За Сталинград!», «За Родину!».

Теперь наступило томительное ожидание — будет попадание или нет? Ведь в те времена командир определял курс и скорость цели на глаз, что при плохой видимости могло привести к ошибке.

Корабли продолжают движение. Ничего не меняется, как будто мы и не стреляли. Все молчат, никто не решается произнести слово «промах».

Но вот блеснула вспышка огня, и высокий столб вспененной воды высоко поднимается перед мостиком транспорта. Вскоре мы ощущаем, именно ощущаем, а не слышим, взрыв. Он подобен удару гигантского молота по стальному корпусу лодки.

Смертельно раненое судно вздрогнуло, как будто наскочило на подводный риф, сразу осело носом и стало быстро тонуть. Охранение конвоя пришло в движение.

— Все вниз! Срочное погружение!

Лодка начала стремительно проваливаться. Было слышно, как потоки воды врывались в ограждение рубки. В центральном — радостное оживление. Горчаков, не выдержав, обнял меня и поздравил с победой.

— Передать по отсекам, — приказал я, — что торпедирован транспорт противника водоизмещением порядка десяти тысяч тонн.

(После войны выяснилось, что был потоплен транспорт «Муанса», 5500 брутто-регистрационных тонн, что соответствует 12—14 тысячам тонн водоизмещения.)

Эскортные корабли противника, как доложил акустик, устремились в сторону моря. Поэтому мы не побоялись снова всплыть, чтобы посмотреть на результаты нашего удара.

Катера вылавливали остатки экипажа погибшего судна.

— Может быть, вы разрешите команде взглянуть, как вылавливают мокрых фашистов? — спросил старпом.

— Добро!

Я знал, как мечтал экипаж об успешной торпедной атаке. До сих пор мы занимались исключительно минными постановками во вражеских водах и, естественно, не могли видеть своими глазами, как действует наше оружие. А ведь это очень важно — самим убедиться в его силе...

На мостик вместе с другими моряками вышел Горчаков. Глядя на возню гитлеровцев, он сказал:

— А ведь, пожалуй, мы первыми открыли счет потопленным кораблям в новом году (так оно впоследствии и оказалось).

— Придем в базу — проверим, — отозвался старпом. — Да и не в этом суть. Главное, действовали мы, как и положено ленинцам...

Едва закончились «смотрины», как появился радист с телеграммой. Нам предписывалось немедленно следовать в другой район.

Дизеля заработали на полную мощность. Начиналась новая операция...

В черной пасти фьорда

Минные постановки не выглядели так эффектно, как торпедные атаки. Да и результативность их была заметна не всегда и не сразу. Только спустя немало времени после победы узнали мы, например, что в один из периодов войны на Севере от мин погибло в пять раз больше неприятельских кораблей, чем было записано на счет наших подводных минеров.

А ведь каждый выход на минные постановки был сопряжен с большим риском, с колоссальным напряжением нервов. Вот как выглядел один из боевых походов подводного минного заградителя «Л-20».

— Поднять перископ!

Послышалось приглушенное жужжание электромотора, и стальная труба начала двигаться вверх. Из-под сальника просочилось несколько капель воды и покатило вниз. Накопец из шахты показалась нижняя головка перископа. Откинув рукоятки, я прильнул глазом к оправе окуляра.

Перед нами был вход в Порсангер-фьорд. Слева виднелась высокая заснеженная горная цепь, обрывававшаяся в море мысом

Сверхолът-клуббен. Справа хорошо просматривался остров Магере, ограничивающий залив с запада. Мыс Нордкап, известный каждому школьнику, — северная оконечность этого острова.

Темнело, короткий зимний день медленно угасал. Да, по существу, его и не было. Мы находились за 71-й параллелью, где солнце в это время не восходит, а утренние сумерки незаметно сливаются с вечерними.

Мы покинули базу во второй половине декабря 1943 года и вот уже второй день плавали перед входом в залив: тщательно изучали систему противолодочной обороны фашистов, устанавливали курсы дозорных кораблей, следили за полетами самолетов, выискивали посты наблюдения. Нас интересовало все, что могло способствовать выполнению задания: прорваться в этот фьорд и там, далеко от входа в него, поставить мины.

Продолжая наблюдения, я еще раз пристально взгляделся в чернеющую даль залива, страшную и загадочную...

Подозвав старшего помощника Новожилова, инженер-механика Горчакова и штурмана Ямщикова, я сообщил им:

— Доразведка окончена. Мы уточнили обстановку и завтра прорываемся в залив.

Задолго до рассвета мы снова подошли к входу в Порсангер-фьорд. Лодка незаметно проскользнула в залив.

Весь день мы тихо двигались вперед. Время тянулось томительно долго. Вахта сменяла вахту, обед и ужин подавались в обычные часы. Внешне все выглядело обыденным. Но чувствовалась настороженность — все понимали, что кругом чужие берега и что опасность подстерегает нас на каждом шагу. В перископ часто были видны мотоботы, катера, буксиры. Порой эти мелкие суда проплывали прямо над нами. Тогда лодка быстро уходила на глубину...

Стемнело. Сидя на разномылке, обтянутой парусиной, я прислушивался к тяжелому дыханию старшины трюмных Леднева и других моряков. Содержание кислорода в воздухе значительно сократилось. В ушах стоял звон. Голову сжимала тупая боль.

— Товарищ капитан третьего ранга, — обратился ко мне Ямщиков, — глубины не соответствуют счислимому месту. Около двух часов мы не имеем определений.

— Будем всплывать, штурман. Приготовьтесь подняться со мной на мостик. Акустик, прослушать горизонт!

— Вблизи горизонт чист!

— По местам стоять к всплытию! — И наконец: — Всплывать!

Отдав команду, я поднялся по трапу к рубочному люку. От резких движений сердце учащенно застучало, в виски как будто вбивали костыли... Потом острая боль резанула уши — сняли давление. Лодка всплыла.

Развернув кремальеры и выжав, как штангист, тяжелую крышку рубочного люка, я выскочил на мостик. Осматриваясь, глубоко вбирал в себя морозный, пыпяще-чистый воздух. Было

темно, но заснеженные берега с черными прожилками на крутых склонах выделялись четко. Горели маяки.

— Митрофанов, смотреть внимательнее! — крикнул я сигнальщику.

Вскоре послышалось чавканье заработавшего двигателя. Подправив курс, мы двинулись дальше на юг, в глубину фьорда.

Прошло около двух часов, когда вдруг налетел снежный заряд и все скрылось в белом вихре.

— Стоп дизель! Левый электромотор — малый вперед! Акустику внимательно слушать!

Это все, что мы могли сделать. Остановиться невозможно, ибо корабль без хода беспомощен.

Теперь мы шли, как слепые, ничего не видя, рискуя разбиться о берега, островки или скалы. Минута сменяла минуту, а пурга не унималась. Глаза слезились от бьющих в лицо снежинок.

— Курсовой ноль градусов, шум винтов! — крикнули снизу. Почти одновременно прямо по носу проглянули отличительные огни судна. Оно шло прямо на нас. Расстояние дьявольски мало.

— Срочное погружение!

Мостик мгновенно опустел. Лодка стремительно ушла на глубину. Безмолвно, затаив дыхание, мы стояли в центральном посту и прислушивались к мерному стуку двигателя проходящего над нами корабля. И каждый мучительно думал: заметили нас или нет. Если да, то спасения не будет: мы слишком далеко забралась.

Ритмичный шум винтов начал постепенно стихать, и все облегченно вздохнули.

Лодка снова всплыла. К нашей радости, снежный заряд прошел, показались берега. Запустив дизель, мы двинулись дальше.

Поздно ночью у острова Стуре-Тамсе пурга с новой силой заплясала вокруг нас. Здесь было опасно погружаться, поэтому лодка круто повернула, прошла небольшое расстояние и спряталась за островом.

«Скоро полная вода, — подумал я. — На этот момент рассчитана постанковка мин. Если задержит погода — положение наше намного усложнится». Но тут снегопад, как по заказу, прекратился, видимость улучшилась. Ютившееся на полуострове селение Репвог отчетливо просматривалось в темноте. В некоторых окнах горел свет.

— Товарищ командир, до полной воды осталось двадцать пять минут, — напомнил мне штурман.

— Будем ставить мины вовремя. Сейчас мы находимся против Странбукты, севернее ее и поставим «шарики». Кстати, корабли там держатся вплотную к урезу воды, и мы должны подойти как можно ближе к берегу. После поворота сразу начнем постанковку.

Страшное дело — подходить к берегу в чужой бухте. Стало так тихо, как будто на мостике никого нет. Напряжение достигло

предела. Уже казалось, что не лодка движется к берегу, а черная скалистая стена жутко и неотвратно надвигается на нас. Камни, торчащие из воды, совсем рядом — у меня даже захватило дух.

«Еще немного, — прикидывал я в уме, не сводя глаз с узкой полоски воды между форштевнем и берегом. — Еще... ни секундой раньше, ни секундой позже...»

— Право па борт!

И вот нос медленно, а потом все быстрее покатился вправо. Лодка развернулась, и сразу последовала команда:

— Ставить мины!

Под ногами ощутился легкий толчок.

— Первая мина вышла! — доложил командир отделения миперов Величко.

Через равные промежутки времени мины уходили на глубину. И вдруг... Вдали возник силуэт мотобота, а с другой стороны показался пассажирский пароходик. По расчетам, он должен был пройти совсем близко от нас.

Расстояние сократилось. На освещенной палубе маячили одинокие человеческие фигуры. Кто-то подошел к поручням (сейчас увидит нас!), выбросил окурок и скрылся в тамбуре.

Мы не погрузились и даже не прервали наше маневрирование. Не то чтобы мы окончательно обнаглели, а просто посчитали, что в темноте среди островков обнаружить лодку не так-то легко. И действительно, судно проследовало мимо, не заметив нас.

Наконец, последний гостинец оставлен врагу на память, и штурман засек границы минных банок. Лодка направилась к выходу...

Когда мы были уже в море, я поднялся на мостик. Несмотря на смертельную усталость, спать не хотелось. Как-то не верилось, что мы около суток находились в непрерывном нервном напряжении, много раз подвергаясь смертельной опасности. Шутка сказать, проникли почти на 25 миль в глубь фьорда! А результат? Он станет известен только потом.

Но на этот раз ждать победных вестей пришлось недолго. Едва лодка вернулась в Полярное, нас порадовали донесением с самолета-разведчика, который видел на месте постановки наших мин тонущий транспорт, охваченный огнем. А позднее стало известно о гибели на том же месте тральщика.

Да, не зря был совершен этот один из самых глубоких рейдов к базе фашистского флота.

„Горбатые“

Трудно сказать, где и когда, на каком участке фронта, петлявшего от студеного Баренцева моря до морской твердыни Севастополя, самолеты-штурмовики были наречены «горбатыми». Одни говорят, на Западном фронте, где они во время контрудара советских войск в районе Ельни показали свою силу и завоевали широкое признание. Другие — на Южном, где появление бронированных штурмовиков с их страшной мощью охладило пыл танковой группы армии фон Клейста, рвавшейся к Ростову.

У самолетов, как и у людей, свои судьбы, свои дороги. Штурмовику Ил-2 была уготована славная боевая жизнь. Даже Генеральный конструктор Ильюшин говорил, что, рассматривая на ватмане штурмовик, он и сам не представлял тогда всей его грозной мощи и значения на войне.

— Шварц тодт! Шварц тодт! (Черная смерть! Черная смерть!), — кричала обезумевшая от страха фашистская пехота, падая под ливнем пулеметно-пушечного огня, ударов бомб и реактивных снарядов с «иллов».

А они шли над полем боя, одетые в рыцарские доспехи — тагильскую катаную броню. Над позициями советских войск вверх взлетали шапки и гремело могучее «ура!». Так восприняла наша пехота появление штурмовиков Ил-2. С первых минут она распознала в них своего могучего боевого друга, на которого можно опереться и в обороне и в наступлении.

Да, но я так и не досказал, почему же штурмовики были наречены «горбатыми».

Так называли их не только за внешний вид, но прежде всего за ратный труд на поле боя. Они напряженно горбатились, трудились, нанося удары по врагу и принимая на себя огонь всех видов оружия противника. Вот за это их и окрестили «горбатыми», вложив в это неказистое слово солдатскую любовь и восхищение.

Это прозвище было в известной мере узаконено. Даже в высших штабах, отдавая приказ истребителям, так и говорили: вылететь на сопровождение «горбатовых» или прикрыть «горбатовых».

Говоря о самолете, одновременно говорим и о тех, кто сидит за его штурвалом. Удачное сочетание огня и брони штурмовика множилось на волю к победе, бесстрашие и отвагу летчиков, на их верность Родине.

Прошло три десятилетия после войны. Но даже всеспяное время не сотрет в памяти подвиг летчиков-штурмовиков, чьи боевые дела подобны легендам. Вот так иногда закроешь глаза — и сразу нахлынут воспоминания, и так резко очерчивается прошлое, как будто это было вчера.

«Горбатые». Им повелевали летчики-штурмовики нашего ордену Суворова и Александра Невского Новгородского штурмового авиационного полка Герои Советского Союза Ульяновский, Федяков, Титович, мастера штурмовых ударов Белов, Платонов, Кустов. Это они вели штурмовики на воспетые в песнях высоты Сиявина и станцию Мга. Это они прокладывали путь пехоте, громили вражеские опорные пункты в Любани, Тосно, Чудово, Гатчине, освобождая Ленинград. Многие из них не вернулись на свои аэродромы. Многие из них приняли в свои холодные объятия Ильмень-озеро и суровая Ладога.

«Горбатые»... Смотришь, бывало, на прилетевших летчиков и думаешь: жизнь, жизнь, какая же ты неистребимая, зовущая, властная! Только что смотрели летчики смерти в глаза. Не вернулись с задания Афанасьев, Извеков. Сбит над Сиявино старший сержант Трипольский. И сейчас вот каждую минуту может выйти из КП наш батя — командир полка и прикажет кому-то лететь. И кто-то не вернется, и чья-то мать, как матери Афанасьева, Извекова и Трипольского, будет в безысходной тоске заплаканными глазами смотреть на дорогу, ждать треугольничек от сына. А летчики, собравшись у КП, шутят, смеются, словно не они летали и не им лететь. Что это, бахвальство? Нет. Презрение к смерти? Тоже нет. У каждого самое дорогое — жизнь. Страх, как и боль, присущи каждому. Только волевые, смелые люди могут подавлять его. И никому никогда не дано видеть на их лицах растерянность, слабость. Они все скроют улыбкой, смехом, песней.

«Горбатые». Своим мужеством вы покоряли даже видавших виды асов-истребителей, сопровождавших вас в бою. Вот один из многих тысяч боевых эпизодов, одна маленькая страничка из жизни летчика-штурмовика.

Лейтенанту Андрееву, голубоглазому парню, было всего двадцать лет. Но на его груди уже красовались три ордена Красного Знамени, два Отчужденной войны I и II степени и два Красной Звезды. Дважды он горел, был сбит. Но никогда даже тень грусти не омрачала его лица. Своей жизнерадостностью, весельем он заражал и других.

Вот он примостился на березовом пне с неизменной гитарой. Привычно тронул струны. Раздались мажорные звуки аккорда. Летчики окружили его тесным кружком и запели немудреную,

но полюбившуюся полковую песенку штурмовиков на мотив популярного в двадцатых годах напева:

Вот выходит батя, говорит:
— Сейчас шестерка Кустова летит.
Кустов, Густов, Ярошенко,
Томаров, Колесниченко,
А Андреев «с фото» полетит.

А в это время никем не замеченный на пороге КП стоял батя — наш суровый, седой подполковник Кузнецов. О чем думал этот прославленный боевой командир? Жаль ему было прерывать веселье летчиков. Он по-отечески любил своих мальчишек — Витек, Генок, Юрок и Петек. Но война есть война. Здесь не до сентиментальностей.

— Лейтенант Андреев! — тихо, но властно сказал командир. И сразу оборвалась песня, как ветром сдуло улыбки с лиц.

— Я, — ответил Андреев и подошел к командиру, привычным движением руки открывая планшет с картой.

— Андреев! Приказ вам такой: сейчас в паре с лейтенантом Колесниченко вылетите на свободную охоту. Выйдете в район станции Луга и по «железке» пройдитесь до станции Плюсса. Все, что представляет интерес, сфотографируйте...

— Есть, будет сделано, — бодро ответил Андреев.

Через пять минут пара «илов» взлетела с полевого аэродрома и, развернувшись над притихшим, скованным льдом Ильмень-озером, взяла курс на запад. Через двадцать минут боевая пара вышла в назначенный ей район и, «привязавшись» к «железке», пошла на юг к станции Плюсса.

Лейтенант Андреев не верил своим глазам: от горизонта до горизонта протянулись сплошные дымки идущих впритык друг к другу воинских эшелонов... «Знать, торопится фельдмаршал фон Кюхлер — командующий группой армий «Север» — унести свои ноги из-под Ленинграда», — с радостью подумал ведущий и передал ведомому:

— Видишь?

— Вижу, — ответил тот и добавил: — Здорово дают им прикурить наши.

Вот и станция Плюсса. Задание выполнено. Можно уходить на свою базу. Но внизу под двойной тягой движется фашистский эшелон.

«А... Торопитесь? — зло подумал лейтенант. — Нет, гад, далеко не уйдешь».

Присутствие врага волновало и горячило кровь летчика.

— Атака! — резко, как удар, передал он ведомому и ввел самолет в пики.

Атака захлестнула все мысли, все чувства, все существо летчиков. Они не замечали сплошных разрывов зенитных снарядов, не видели протянувшиеся огненные трассы пулеметов. Они ви-

дели только эшелон, который нужно уничтожить. Все ближе цель. Эшелон как будто несется навстречу. «Спокойно, спокойно, — командует сам себе лейтенант. — Бить, так наверняка. Вот теперь пора».

Палец вдавливают кнопку сброса — и огненные стрелы реактивных снарядов ударяют по эшелону. От взрыва самолет тряхнуло. Летчик вывел штурмовик из пике. Окутанные паром, валились под откос паровозы. Рушились, переламываясь, словно игрушки, вагоны. Разрасталось пламя пожара. Вторым заходом пара прошла горящий эшелон из пушек и пулеметов и взяла курс к своему аэродрому.

Увидев отставшего ведомого, Андреев приказал:

— Подтянись, подтянись... — и не договорил.

От сильного удара на миг потерял сознание. Придя в себя, он с большим трудом выровнял самолет и запросил по переговорному устройству воздушного стрелка:

— Николай, Николай, ты жив?

Ответа не последовало.

«Убит», — с горечью и болью подумал лейтенант. Но раздумывать было некогда. Он видел, как сзади сверху заходил на повторную атаку «мессершмитт», и приказал Колесниченко на форсаже уходить на базу. Вражеский летчик, увидев безвольно задранный кверху пулемет нашего воздушного стрелка, понял: убит. И, не опасаясь ответного огня, приблизился на короткую дистанцию и дал по советскому штурмовику длинную очередь из пушек и пулеметов. Загорелась правая плоскость штурмовика. Болтались ключьями отшибленные рули. Но штурмовик не падал. Он все шел и шел на восток.

Тогда фашист в пятый раз ринулся в атаку. Приблизившись к штурмовику, он выпустил шасси, убрав газ, чтобы погасить скорость, и начал методически в упор расстреливать его. Но штурмовик продолжал держаться. Тогда в бессильной злобе фашист пристроился сбоку, чтобы увидеть нашего летчика. Кто он? Человек или сам дьявол, которого не берет ни пуля, ни снаряд? И он увидел: с залитым кровью лицом, весь подавшись вперед, советский летчик твердо держал ручку управления.

Андреев не помнил счета атакам «мессершмитта», думал об одном: перетянуть за линию фронта, доставить важные сведения. А силы иссякали. Страшная боль сковала тело, кровь заливала глаза. Правая нога беспомощно уперлась в педаль, унт все больше наполнялся кровью. Рули заклинило. Винт, прошитый снарядами, тряс самолет. Приборы разбиты, компас вышел из строя. Шасси произвольно вывалились из замков с перебитыми воздухопроводами, замедлили скорость самолета. А вражеский истребитель все бил и бил из пушки.

Но не берет крупновская сталь тагильскую броню, надежным щитом прикрывшую жизненные узлы самолета.

Советский штурмовик пересек линию фронта. В этом смертельном поединке победила воля к победе, сознание долга. Лейтенант Андреев посадил плохо управляемый штурмовик поперек летного поля.

Долго удивлялись видавшие виды командир полка, прилетевший командир дивизии полковник Грицевец и представитель завода, как можно было лететь и вести штурмовик, представляющий собой грудку металла. Механики насчитали свыше трехсот двадцати пробоин.

Покачав головой, командир дивизии сказал:

— У меня нет слов, чтобы выразить свое восхищение и гордость мужеством, стойкостью и волей к победе наших летчиков.

«Горбатые»... Вы и кто управлял вами навсегда остались в памяти народа как символ героизма и беспредельного мужества.

Зенитчицы

В этот день он встал рано, в сумерках. Тихо, стараясь не потревожить сна жены, вышел из комнаты.

На улице просыпалась весна. В Воронеже весны особенные, чем-то не похожие на другие. Может, так ему казалось? А может, просто город у самого Дона так не похож на остальные города?

Человек с выправкой солдата, с непокрытой седой головой идет дорогой, по-видимому выбранной им давно. На минуту останавливается, будто стараясь разглядеть что-то вдаль. Наверное, там, на месте выстроенного сейчас Дворца культуры, ему представилась старая одноэтажная школа. Здесь весной сорок второго он, комиссар зенитного полка Гавриленко, вместе с командиром принимал пополнение девушек-добровольцев.

— С маши-ин! В две шеренги ста-но-вись!

— Здравствуйте, девушки, — поздоровался майор Белавинец, быстро проходя вдоль неровного строя.

Командир полка — такой маленький, худой, а голос зычный, на лице то и дело играют первые желваки. Он суховат, юношески подвижен, с преждевременными морщинками на лице, с бурой загоревшей шеей и сверлящими глазами. А на гимнастерке — орден Красного Знамени.

— Вы прибыли в сто восемьдесят третий зенитно-артиллерийский полк, — несется вдоль шеренги басовитый голос майора. — Здесь будете проходить курс молодого бойца, учиться сбивать немецкие самолеты...

Девчата. Милые девчата. Они внесли в службу новый элемент дисциплины. Ходили подтянутые: старшина баловал их, разрешал каждой подолгу выбирать гимнастерку, юбку, шинель по росту, сапоги по ноге. Даже когда начинались налеты — все равно на линзах приборов не было ни одной песчинки, сверкали стволы винтовок, блестели начищенные сапоги. Летние ночи короткие. За четыре часа надо выкопать землянку для себя и укрытие для орудийного прибора. От лопаты не сходили мозоли на руках. А когда приказали заменить заряжающих девушками, они быстро освоили обязанности всех номеров орудийного расчета.

Ночь. Тихо кругом. Но всегда зенитчики в дозоре: птица пролетит — и ту услышат. Звезда упадет — и ее обязательно заметят. Следят за небом разведчицы. Замаскированные, глубоко врытые в землю орудия, нацелившись стволами в звезды, застыли в тревожном ожидании — готовы в любую минуту открыть огонь.

— Воздух!

Загудели в вышине моторы. Не пани моторы. Вспыхнули, как молнии, прожекторы. Их лучи, разорвавшие на косые клетки звездное небо, ловят приближающиеся самолеты. Вот они скрестились.

— Цель поймана, — кричит дальномерщица Вера Решетник.

— По фашистским стервятникам — огонь! — приказывает командир.

Бесконечным громовым раскатом далеко разнеслось по ночному небу эхо орудийной пальбы — открыли огонь батареи. Град снарядов прорезает фашистский строй. И вот задымился самолет и упал едва ли не на самое Задонское шоссе...

Как тогда ликовали девчата. Вот, оказывается, какой он, пьянящий вкус первой, пусть маленькой победы. Но была это только первая встреча с коварным врагом, подходившим все ближе к Дону.

Темнеет. Лежат разведчицы в дозоре: прислушиваются к шорохам. Глаза у Нюры Кибальниковой большие, словно испуганные.

— Вера, а если фашисты пойдут? — спрашивает девушка. — Слышишь, гремит уже совсем близко...

— Ну и что? — рассеянно отвечает Решетник.

— А если тапки? Мы же без прикрытия, — по-прежнему шепотом допытывается Нюра.

Шорохи усиливаются. В глубине густого, непроницаемого мрака ночи горят два больших таинственных глаза.

— Смотри!

— Чудачка! Да это же филин! — приглушенно смеется подруга.

Лицо у Веры почти круглое. Рыжие волосы и голубой блеск глаз.

— Эх, война, война. Так и не подарила мне мама часики... И жакетку хотела купить, знаешь, такую модную...

Улеглись шорохи, зато послышался неровный глухой гул...

— Ветер? — шепчет Нюра.

Обе насторожились, сжались, точно тугие пружинки, превратились в один напряженный слух...

На утро из Девицкого леса со стороны Семилук вышли фашистские танки.

...На тех огневых позициях, где когда-то стояли зенитные батареи, высятся сейчас жилые дома. На мемориальных досках — имена солдат 183-го зенитно-артиллерийского полка, Воронеж-

ского Краснознаменного. И может, поэтому переехал сюда жить и работать после войны его бывший комиссар Борис Владимирович Гавриленко? Вот идет он по городу, ставшему ему второй родиной, идет среди воспоминаний, навечно посеянных в этой земле, политой кровью его боевых товарищей. На берегу Дона, у Чернявского моста, Гавриленко останавливается и долго смотрит вдаль. Тогда, в июле сорок второго, вон там, на склоне, и появились они, первые фашистские танки.

В бинокль он разглядел их очень хорошо, насчитал несколько десятков. Шли они, не торопясь, будто и не ожидали на пути серьезной преграды, будто собирались так спокойно идти долго и далеко.

Первой на их пути оказалась 7-я батарея под командованием лейтенанта Н. Петелина. Всегда поднятые к небу стволы зениток непривычно прильнули к земле. Тишина накалилась до предела. Петелин, пригнувшись, как перед прыжком, упрямо ждал. Не было сейчас в его батарее ни девушек, ни парней — были только солдаты. Он знал, что каждый из них выдержит все, выдержали бы только пушки...

— Батарея! По фашистским танкам... прямой наводкой... Огонь! — сорвался от напряжения голос лейтенанта.

Казалось, треснула земля. Почти одновременно ударили зенитки. Ответили танки.

— Быстрее, синеглазые! Снаряды давай! — командир огневого взвода Горбовский уже сам стоит у орудия.

Как тени, снуют в крошечном дыму бойцы приборного отделения. Тяжелые ящики с боеприпасами пригибают их хрупкие фигуры к самой земле.

— Заряжай! Быстрее, а то нас...

Вздрагивает, как живая, зенитка, подпрыгивает, будто от земли оторваться хочет. Вздрогнул вдруг и головной танк, споткнулся на полном ходу, задымил.

— К орудью, девчата! Расчет убило. Маша, наводи под самую башню... Маша!

Маша Гостева лежит у самого орудия, волосы в крови.

— Огонь!

Некогда горевать о подруге. Сорокина видит только башню с нацеленным на нее жерлом. Дернулся в смертельной судороге и этот танк. Едва успели перезарядить зенитку — грохнул вражеский снаряд совсем рядом. Из расчета в живых осталась одна Быстрякова...

Первая атака фашистов захлебнулась. За ней последовала вторая: с воздуха на позиции ринулись 40 «юнкерсов» и 9 «мессершмиттов». Потом пошли снова танки с пехотой... Сколько их было, этих упрямых, яростных ударов врага, пытавшегося с ходу смочь оборону города!

Только за два дня, 5 и 6 июля, зенитчики 3-й дивизии ПВО, взаимодействуя с частями Воронежского гарнизона и одним тан-

ковым батальоном, отбили 16 танковых атак противника и 25 воздушных налетов.

...Идет подполковник в отставке Гавриленко мимо тех мест, где стоял когда-то насмерть его зенитный полк. Вспоминает боевых друзей. В этот весенний день его мысли безраздельно отданы девушкам в выгоревших гимнастерках. Они были настоящими солдатами. Многие из них остались в этой земле навсегда. Поистине — мертвые остаются молодыми. Хрункими девочками остались в памяти комиссара Маша Свиридова, Рая Седых, Зоя Гущина, Лида Кузнецова, Саша Шапинская...

Весной изгородь у памятника павшим красят в цвет зеленеющей листвы. А когда сюда приходят пионеры, красные галстуки, как языки пламени, вспыхивают вокруг.

9 мая встречаются здесь ветераны. И среди них больше всего женщин. С разных концов приезжают сюда бывшие зенитчицы. Многие присылают письма комиссару. Комсорг дивизиона Вера Решетник — редактор одного из крупных издательств, Аня Сорокина стала после войны партийным работником, Маша Калашникова заведует почтой, Клава Вечерко — директор школы. Они и сейчас, в мирном труде, отвоеванном их руками, оплаченным дорогой ценой, боевые, упорные, отважные фронтовички.

Всего один эпизод

Было это глухой ночью 4 ноября 1942 года, за три дня до праздника 25-й годовщины Октября. Еще не началось наше генеральное наступление, еще не угасла у противника вера в то, что, укрывшись в утепленных им сталинградских подвалах, он досидит до весны, а затем все же сбросит 62-ю армию в Волгу. Именно в канун Октябрьского праздника в Сталинграде и возникло движение, возглавленное коммунистами и комсомольцами: встретим 7 ноября подарками матери-Родине!

...В тесной, пропахшей копотью и соляровым маслом землянке, что была вырыта под обрывистым волжским берегом, я оказался свидетелем незабываемых, непередаваемо волнующих приготовлений группы воинов-сталинградцев, которые решили отбить у гитлеровцев большой П-образный дом, расположенный неподалеку от Волги. До сего времени захватить дом никак не удавалось.

И вот эту задачу взялась выполнить группа добровольцев, образовавшая штурмовую группу в составе девяти человек. Перечисляю их так, как они значатся на страницах моей записной книжки.

Гв. мл. лейтенант Соломатин Н. В., командир взвода, гв. ст. сержант Черных Стефан Сергеевич, гв. кр-ц Долженко Николай Павлович, гв. кр-ц Малинский Бронислав Григорьевич, гв. ст. сержант Бурлаков Николай Лукич, гв. кр-ц Булкин Николай Михайлович, гв. кр-ц Щербинин Ал. Иванович, гв. кр-ц Максимов Дмитрий Иванович, гв. кр-ц Лобжинидзе Илья Виссарионович.

Кто вел последний разговор с этими отважными хлопцами в ту глухую ноябрьскую ночь, не помню. Ниже списка участников штурмовой группы в моей записной книжке отмечено: «Нач. разведки ст. л-т Капралов Михаил Григорьевич». Но вроде разговор с гвардейцами вел не он, а сам командир полка. У него, немолодого уже человека, было очень усталое лицо и негромкий надтреснутый от простуды голос.

Командир поочередно брал у каждого автомат, выходил из блиндажа и давал короткую очередь — хотел лично убедиться, что автоматы не откажут. Затем придирчиво осмотрел экипиров-

ку каждого воина — одеты они были в бушлаты, стеганые телогрейки, в шапки-ушанки (уже начинались холода), на некоторых были плащ-палатки. Каждому участнику предстоящей операции было выдано по десять гранат, по две бутылки с горючей смесью, достаточный запас патронов для автоматов и ручного пулемета и продовольствие: сухари, консервы, по две-три плитки шоколада. Фляги наполнили водой.

Скоротечный бой, на который рассчитывал командир, тщательно разработанный план штурма дома, мог по тем или иным причинам затянуться. И не только на несколько часов, но и на несколько дней. Это и имелось в виду, это предусматривалось заранее — слишком сильно был укреплен П-образный дом, все подступы к нему были минированы и пристреляны.

Но вот проверено оружие, снаряжение каждого бойца. Теперь ничто не должно выдать продвижение смельчаков к рубежу, откуда они сделают решающий бросок.

Командир немногословен, он лишь уточняет детали плана захвата. Главная гарантия успеха состоит в том, что надо атаковать дом с тыла, прорваться же в тыл к противнику невероятно трудно.

Наступил момент выходить. Командир всматривается в лицо одного, второго, третьего, подолгу задерживая свою руку в руке каждого солдата, будто не желая отпускать в нелегкий и опасный путь. Он волнуется, он ужасно волнуется, уставший от бессонницы и нечеловеческого напряжения, но старается скрыть свое состояние. Тщетно, конечно, ибо сейчас не менее командира волнуется каждый участник штурмовой группы...

Я слово в слово записал то, что ответил командиру на его напутствие гвардии старший сержант Стефан Черных: «Дом мы займем. Двое останется нас в живых — все равно займем. Будем действовать дружно. Фашист уже лапы опустил. Надо сделать, чтобы не мы его боялись, а он нас. Немцу будет жарко внизу, да и нам хорошо будет погреться».

И вот они ушли.

Томительно тянутся минуты, прошло около часа, вот и подошел срок.

— Ракету — в зенит! — негромко приказывает командир, и в небо вонзается голубой огонь.

Мы стоим у входа в блиндаж. Рядом, совсем у наших ног, плещется Волга, холодная и неприветливая в эту осеннюю ночную пору.

И — началось!

Поначалу трудно было определить по трескотне автоматов и пулеметов, по взрывам гранат, что происходит там, за невидимой роковой чертой, именуемой передовой. Но стало ясно, что произошло самое худшее. Группа была обнаружена фашистами раньше, чем она ворвалась в дом. Об этом младший лейтенант Соломатин дал знать условной ракетой. И тем не менее гвардей-

цы ворвались в дом и завязали неравный, тяжкий, бесперспективный бой.

Прошло пять часов, восемь, десять...

Подразделения полка делали неоднократные попытки помочь группе Соломатина, бросаясь в яростные атаки, — тщетно!

Прошли сутки, вторые, третьи... Из П-образного еще доносились слабые отголоски боя. Наступило 7 ноября, и в доме стало совсем тихо... Скорбный день. Воины-гвардейцы, решившие в день праздника подарить Родине-матери один дом, подарили ей свои молодые жизни, свой подвиг...

Невозможно было примириться с мыслью, что там, в этом разрушенном, трижды проклятом П-образном погибли все до одного. Но в Сталинграде — ветераны это знают — бывало всякое, возможно, кто-то и уцелел, кому-то, может быть, удалось пробиться к соседям, и теперь, прочитав эту небольшую заметку из истории Сталинградской битвы, он напомним о себе или расскажет о своих павших товарищах, фамилии которых Родина не забудет никогда.

Позже, в последних числах ноября, в дни наступления, когда П-образный дом был взят штурмом, пленные гитлеровцы рассказали, какие огромные потери понесли они от горстки смельчаков, ворвавшихся в дом 4 ноября.

Да, победа в Сталинграде — это в первую очередь их победа. Слава вам и вечный покой, милые, дорогие ребята!

Генерал Полбин

Год рождения гвардии генерал-майора авиации Ивана Семёновича Полбина — тысяча девятьсот пятый. Место рождения — тюрьма. Его мать, малограмотная крестьянка, была арестована полицией за то, что после январских кровавых событий выступала на сельской сходке и рассказывала правду о расстреле рабочих. Она не могла примириться с тяжелой батрацкой судьбой, хотела иной жизни для себя и своих детей.

Грянула Великая Октябрьская революция — и сбылась мечта Ксении Полбиной. Сын ее Иван получил образование, стал летчиком, офицером. Ему, кадровому военному, выпала нелегкая и почетная задача — охранять от врагов первое в мире государство рабочих и крестьян, созданное Лениным. Он был смел, инициативен, энергичен, мудр. Его отличала беспредельная преданность делу партии и любовь к Родине. Он был настоящим коммунистом.

В мае 1939 года Полбин впервые повел эскадрилью бомбардировщиков не в учебный, а в настоящий бой. За участие в разгроме японских агрессоров на реке Халхин-Гол его наградили орденом Ленина. А в июне 1941 года командир полка майор Полбин сгинул на запад.

157 боевых вылетов сделал в годы Великой Отечественной войны И. С. Полбин. Вместе со своими летчиками он бомбил позиции врага, уничтожал опорные пункты, танки, артиллерийские батареи, склады оружия и топлива, переправы. Умелый тактик, он стремился выполнить любую задачу так, чтобы нанести противнику наибольший урон и сохранить свои экипажи. Именно Полбин разработал и применил знаменитую «вертушку», которая позволяла пикирующим бомбардировщикам метко поражать цели и вести эффективный огонь против истребителей.

Полбин проявил себя хорошим командиром, умелым воспитателем, опытным ведущим. Показывая пример личной храбрости и мужества, он учил подчиненных воевать не только силой оружия, но прежде всего силой разума. В тяжелый период Великой Отечественной войны с 16 июля 1941 и по 2 августа 1942 года полк под его командованием произвел около трех тысяч вылетов, из них 829 — ночью. В ноябре 1942 года Полбин был назначен командиром дивизии, а в марте 1943 года ему было доверено коман-

довать авиационным корпусом. За три с лишним года войны майор Полбин стал генерал-майором авиации. Ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. 11 февраля 1945 года он погиб, выполняя свой 157-й боевой вылет. Второй Золотой Звездой Героя Советского Союза его наградили посмертно.

О генерале Полбине много написано. Но, наверное, никто не расскажет о нем, его мечтах и думах лучше, чем он сам. Вот почему личные письма Полбина, любовно сохранные женой Марией Николаевной, представляют сейчас особый интерес. Они помогают лучше понять этого замечательного человека, увидеть в нем не только опытного командира, но заботливого мужа, любящего отца, надежного, чуткого друга. Жизнь и боевая деятельность И. С. Полбина — хороший пример для молодежи.

«Мы уверенно, без колебаний идем в бой»

Они и сейчас, как в годы войны, гордятся тем, что были учениками Полбина, что часто после успешного полета на вражеские позиции слышали ставшее привычным: «Молодцы, пикировщики!» Они любили своего командира, потому что был он человеком высокой пробы. Они, не колеблясь, шли за ним, зная, что решение их командира в любой обстановке будет единственно верным, а удар по противнику молниеносным и точным. Они верили ему, потому что был он кристально чист и честен. Перед своей совестью, перед ними, перед Родиной.

В каждой, даже самой короткой весточке, посылаемой семье, он не забывал сказать хотя бы несколько строк о тех, кто воевал рядом с ним.

25 июля 1941 года. «Здравствуй, Маня! Здравствуйте, Витик, Людочка и Галочка! Всех вас очень крепко и много раз целую!

Я пишу, даю о себе знать очень редко. Ты, дорогая, прости меня за это. Время настолько сжато, уплотнено, что не всегда выберешь минутку, чтобы написать! Боевая обстановка. Иначе нельзя.

С 15.7.41 г. мы уже в действующей армии, уверенно, без колебаний идем в бой. Люди работают прекрасно, весь личный состав за первый же боевой вылет получил от командования благодарность.

Дошли слухи, что в нашем городе идут разговоры о моем ранении. Это, Манек, не верно. Не было ни единой царапины, хотя уже имел серьезные боевые встречи с противником. Единственный человек у нас легко ранен — это лейтенант Николаев, он штурман у Пасхина. И то он уже через 3—4 дня снова будет в строю. Ну, ты сама понимаешь, война — это война. Она не проходит без жертв.

Дорогая моя, за меня будь спокойна. Цена и значение нашей прекрасной Родины, ее будущее значительно выше интересов отдельной личности. Все прекрасное, что имеет в своей жизни наше

поколение, мы должны сохранить, уберечь от варваров для наших детей, так же как берегли для нас паши деды и отцы в прошлом».

3 августа 1941 года. «Друг мой! Наступил август, я со своими людьми воюю уже больше полумесяца. Люди работают прекрасно! Немцев бьем днем и ночью. Для них наш полк является страшной, неумолимой силой. Неоднократно кроме благодарностей всему составу полка от командования мы получали выражение признательности и от наших наземных войск, которым приходится помогать с воздуха. А в помощи не отказываем — помогаем днем и ночью».

23 февраля 1942 года. «Состояние моего здоровья без перемен — хорошее! Боевое самочувствие прекрасное. Доволен своей работой и работой своих подчиненных. Правительство отметило наиболее достойных товарищей орденами и медалями, а таких у нас сейчас много. Буквально из простых, рядовых людей в будничной боевой работе рождались и рождаются Герои!!!»

2 марта 1942 года. «...Я вот уже 8 месяцев нахожусь в действующей армии... Люди служат так, что их работой можно восхищаться. И я руковожу ими и веду их в бой так, что ни один никогда не заикнется выразить недовольство.

Сейчас у нас много награжденных за Отечественную войну. Из них несколько товарищей по два и три раза! Несколько человек представлены к званию Героя Советского Союза, ждем указа! Полк представлен к Гвардейскому — тоже ждем.

Сейчас уже 23.50, но мне подвернулась «Анна Каренина» под руку, и я ее снова с большим желанием читаю!»

16 августа 1943 года. «Я жив и здоров. Радуюсь со всем нашим народом успехам Красной Армии в боях летом 1943 года. Для нас особое значение имеет наш успех, ведь мы испытали всю горечь отступлений первых лет войны. Мы уверены в нашем окончательном успехе, мы его организуем и добьемся. Я работаю с моими соколами на одном из важных направлений наступления наших войск! Вкладываю вырезку из газеты, прочтя которую представишь некоторые вопросы».

И вот перед нами одна из газетных вырезок, присланных Полбиным Марии Николаевне. Статья называется «Комбинированный бой «Петляковых-2».

«...Недавно нашей части пикирующих бомбардировщиков пришлось провести ответственную операцию, из которой можно сделать поучительные выводы. Группа из 17 самолетов получила задачу бомбардировать железнодорожные эшелоны противника на станции А. Решили бомбить и штурмовать с горизонтального полета из-под облаков. Наша группа удачно ударила по станции, подожгла два эшелона, взорвала склад боеприпасов, разрушила ряд зданий и сожгла много автомашин. Делая второй заход, мы увидели, что другая железнодорожная станция, находившаяся рядом с первой, еще более забита составами, и повели самолеты на этот объект.

Сильные взрывы и пожары подтвердили правильность этого решения.

Когда и со второй станцией было покончено, я развернулся от цели в сторону своего маршрута и через несколько минут увидел на своей высоте в кильватерной колонне 18 Ю-87. Мы находились над вражеским аэродромом. Внизу подруливала к старту еще одна группа «юнкерсов».

По команде: «Внимание, в атаку, за мной!» — резким поворотом в сторону группы противника, наращивая скорость, пошел на сближение. Электроцепь оружия и освещения прицела включена. Молниеносно сокращается расстояние между группами «Петляков-2» и Ю-87. Заметив наше преследование, немцы, теряя боевой порядок, попытались мелкими группами уйти с разворотом, но было поздно. Я дал первую очередь с дистанции 800 метров, «юнкерс» вспыхнул и камнем пошел вниз. В то же время часть экипажей группы занялась штурмовкой аэродрома и подожгла два немецких самолета на земле. Почти одновременно удачными атаками сбили по одному Ю-87 гвардии лейтенант Плотников и стрелок-радист Серебрянский...

В результате воздушного боя группа моих пикировщиков уничтожила 6 самолетов Ю-87 и сорвала задуманный немцами вылет на бомбометание по нашим войскам. Одновременно истребители прикрытия (ведущий гвардии майор Носов) сбили 3 Ю-87, 3 Ме-109 и 1 ФВ-189. В общем итоге немцы потеряли 13 машин».

Полблиз много сделал для развития и совершенствования тактики пикирующих бомбардировщиков. Каждый его полет был не только боевым, но и своего рода испытательным. Он искал новые формы боя и с пользой для себя и своих подчиненных применял в полетах на задания.

«Не могу быть нечестным в службе»

Небольшой, неровно надорванный конверт. Адрес полевой почты. Четыре странички, исписанные четким, мелким почерком. Письмо было послано 9 января 1943 года.

«Здравствуйте, многоуважаемый командир, учитель и друг Иван Семенович. Посылаю Вам свой горячий боевой привет и желаю успехов в Вашей службе на благо нашей Родины. Вы знаете, где я нахожусь и чем занимаюсь, поэтому опишу подробно, как мы работаем. Опишу потому только, что все это не может Вас не интересовать как командира и воспитателя этой части, который провел ее через упорные бои с изумительной славой и мастерством, как командира, завоевавшего гвардейское Знамя, как Героя Советского Союза, возродившего славные традиции русской гвардии в авиации».

Далее с большими подробностями автор рассказывал о боевых делах части, делился своими планами, говорил о недостатках в организации полетов,

Под письмом размашистая подпись: «Л. Жолудев». И вот мы в гостях у Героя Советского Союза Леонида Васильевича Жолудева. Он бережно берет конверт, вытаскивает пожелтевшие листочки и с интересом перечитывает их.

— Это ваше письмо?

— Конечно, мое, — он на минуту задумывается. — Только забылось. Столько времени прошло.

Леонид Васильевич вспоминает далекие грозные годы. Он говорит о войне, о боевых делах однополчан, о своих вылетах на бомбометание. Ему посчастливилось быть ведомым у Полбина, дружить с ним.

— Это был Человек с большой буквы, — говорит он о Полбине. — Другому я, может быть, не написал бы так откровенно, как ему.

Мы показываем генералу письмо Ивана Семеновича Полбина, написанное в начале сорок третьего. Леонид Васильевич внимательно вчитывается в потускневшие строчки и только изредка отрывается, чтобы еще раз повторить наиболее яркую фразу или заметить:

— Чувствуете, какой человечиче? Вот таким он и был в жизни.

«Здравствуй, милая и дорогая Маня. Целую тебя и дорогих детей — Витю, Люду и Галочку. Сердечный привет маме! Манюта, все, что я мог сейчас сделать лучшее, это послать к тебе от меня человека. В связи с продвижением по службе и в звании ответственность моя в условиях войны на фронте значительно повысилась. Я рассчитывал, что, если до весны буду командовать дивизией и иметь хорошего заместителя, смогу упробить начальство и поехать к вам хотя бы на короткое время. Но эта надежда и мой план встречи с тобой и всеми вами рухнули. А получилось так потому, что меня повысили в должности. Ты ведь понимаешь, раз мне дают право командовать все более обширным соединением, значит, и больше забот. И это все связано с большой ответственностью государственного характера. В свободную минуту (в минуты затишья) подумаешь о встрече с вами. Просить начальство — не позволяет моя совесть. Ведь ты, дорогая, знаешь, что я не могу быть нечестным в службе. Я ей отдаюсь весь!»

«Ты должна помнить, что у нас растут дети...»

В уютной московской квартире на Ленинском проспекте, где живет Мария Николаевна, жена Полбина, все напоминает о нем. Сюда пишут письма. Сюда приходят его друзья. В гостиной он улыбочиво смотрит на вошедших с большой фронтовой фотографии.

У генерала Полбина трое детей: Виктор, Галя и Люда. Сын пошел по стопам отца. Был военным летчиком-истребителем,

водил пассажирские самолеты. Сейчас он — инженер в одном из управлений гражданской авиации. По мечту подняться в небо не оставляет. И когда зашел у нас разговор о нем, Леонид Васильевич Жолудев сказал:

— Думаю, что Виктор снова сядет за штурвал. Галя окончила Московский авиационный институт, работает инженером. Люда — врач, заведует клинической лабораторией.

— Ваня очень заботился о детях. Души в них не чаял, — говорит Мария Николаевна и достает из комода объемистую папку с письмами.

1 февраля 1943 года. «...От вас, дорогие, давно уже ничего не получал. Как ты, Маня, себя чувствуешь? Поправляется ли твое здоровье? Лучшее средство для тебя — не нужно волноваться, излишне переживать! Ты должна помнить, что у нас растут дети, их нужно воспитывать полезными обществу! На это тоже нужно здоровье».

26 апреля 1944 года. «Несказанно рад, сердечно благодарен за письмо-весточку и фото малышей. Для меня фото от вас — небывалое явление, очень редкий случай. Ведь в моей памяти сохранился каждый из вас в том виде, как вы провожали меня на фронт три долгих года назад. И эти три года значительно изменили каждого из вас, и особенно детей. Они растут и растут неуждимо. Галя на этом фото уже большая, рослая девочка, очень хорошо, не по годам свободно себя держит... А Витя, Людочка стали такими взрослыми. Но Виктор что-то худой на лицо. Людочка так и осталась кругленькой. А в общем, молодцы, замечательное потомство. Я много думаю о них. Не один раз память о детях, их славный и милый образ воодушевляли их отца на славные боевые ратные дела! Значительные трудности уже пройдены. Дело идет к развязке, а за ней и долгожданная встреча с вами, мои любимые и дорогие!»

Одно письмо лежит особняком от других. Оно написано Полбиным 22 июня 1944 года. Гремела война. Сотрясалась от взрывов земля. Горели села и города. Враг, отступая, не щадил ни стариков, ни детей. И в это суровое время Полбин, с трудом выкроив свободную минуту, старательно выводил на листке, вырванном из ученической тетради:

«Дорогой мой сын Витя! Здравствуй. Обнимаю и крепко, крепко целую. 21.6.44 г., Витя, получил первое твое письмо, которое ты написал 25.3.44 г. и в конце его нарисовал самолет-бомбовоз. Я бесконечно был рад твоему короткому, но для меня дорогому посланию! Благодарю, Витя, и еще раз целую в знак отеческой благодарности.

Витя, читая твое письмо, я вспоминал свое детство, тяжелые условия жизни и учебы! И тем более я радовался твоему письму, потому что ты, Витя, первый из малышей нашей семьи начал постигать начало наук, общей грамотности. И наконец, меня радуют твои успехи в учебе. Но не надо, Витя, зазнаваться. Не надо

успокаиваться достигнутым! Старайся еще лучше учиться, добейся по всем предметам только хороших и отличных оценок».

«Победу надо довести до конца»

В ноябре 1942 года Полбин был отозван с фронта в Москву. В штабе Военно-Воздушных Сил нужны были опытные командиры, умеющие руководить войсками. Иван Семенович получил солидную должность, но штабная обстановка оказалась не по нему.

«Манек, живу по-старому, без изменений. Здоров, бодр. Сейчас снова в действующей армии. Три с половиной месяца работал в Москве. Работа эта, да еще в условиях войны, не по моему характеру. Оторвать меня от техники, от самолета — непостижимое дело! А теперь опять упорно работаю над задачей скорейшего разгрома врага, мечтая вернуться с победой!»

— Знаете, — говорит Мария Николаевна, — стоило Ване попасть снова на фронт, и от него сразу же стали приходиться такие бодрые, боевые письма. Он очень хотел быстрее до Берлина дойти.

Полбин безумно любил небо. Летное дело было его призванием. Об этих чертах в характере Полбина хорошо сказал Маршал Советского Союза И. С. Конев в своих записках, опубликованных в свое время в журнале «Новый мир».

И. С. Конев в конце войны приказал не выпускать без его ведома генерала Полбина в полет. Он считал, что командир такого ранга должен руководить действиями частей и подразделений с командного пункта. Но однажды, когда командующий наземными войсками попросил Полбина поддержать его с воздуха, тот, понимая всю сложность обстановки, решил лично вести девятку бомбардировщиков.

Это был последний полет Ивана Семеновича Полбина. Он, как всегда, летел ведущим в группе. Первым увидел цель, первым ввел свой бомбардировщик в крутое пикирование. Вернуться из этого полета ему не было суждено. Прямым попаданием зенитного снаряда он был убит. Человек крылатой души, он погиб в небе, на боевом посту.

Ровно сорок лет прожил Иван Семенович Полбин. Он погиб 11 февраля 1945 года, в день своего рождения. Жизнь его была такой яркой, потому что был он человеком большой души и легендарной храбрости, человеком непоколебимой веры в правоту нашего дела.

*Полковник запаса Ф. ТРЕТЬЯКОВ,
бывший заместитель начальника
политотдела 47-й Невельской
стрелковой дивизии*

Рекомендация в партию

Необычная, какая-то зыбкая тишина повисла над передним краем. В низине было душно, сильно палило солнце.

Командир орудийного расчета старшина Елисеев сел на снарядный ящик, снял с головы запыленную пилотку, рукавом гимнастерки вытер потный широкий лоб, из старого планшета вынул бумагу, карандаш и стал писать донесение:

«Атаку отбили, но орудие вышло из строя. Рядом вел бой расчет сержанта Яхонтова. Весь расчет погиб. Я перебрался к его орудию и открыл огонь. Близко разорвался снаряд, и мы теперь остались вдвоем с Федотовым. Снарядов имею 2 и по 3 патрона на автомат. Гранаты вышли все... Когда выйдут последние боеприпасы, есть руки и ноги, чтобы душить и топтать врага... Откажут они — зубами будем грызть горло фашистам. Прошу подбросить снарядов и патронов. Стоять буду до конца, как Павка Корчагин.

Старшина Елисеев».

Елисеев, немного подумав, приписал: «Окраина селения Старые Вайхане, на невельском направлении».

Старшина осмотрелся по сторонам. Тяжелая усталость охватила его: болела голова, гудели ноги, руки. Хотелось вот так, расслабившись, ни о чем не думая, забыться.

— Товарищ старшина, что это? — воскликнул солдат Василий Федотов, стоявший рядом.

— А что такое? — не понял Елисеев.

Он вынул из кармана небольшое зеркальце, взглянул в него и охнул. На висках густые пряди каштановых волос заметно побелели. Словно кто-то пудрой посыпал волосы. Старшина задумался. В памяти всплыли события прошедшего утра.

...Батарея меняла огневые позиции. Один тягач отказал, и 152-миллиметровое орудие осталось на прежнем месте. Фашисты поняли, в какую беду попали советские артиллеристы, бросились в атаку. Видимо, хотели захватить орудие. Но враг был встречен метким артогнем и продвинуться не сумел.

В самый разгар схватки разрывом вражеского снаряда изуродовало казенную часть орудия, и Елисейев с оставшимися в живых артиллеристами перебежал к соседней, только что умолкнувшей пушке и открыл из нее огонь. Спокойный, неторопливый в движениях наводчик сержант Виктор Акимычев не давал подняться с земли фашистским солдатам.

Артиллеристы то и дело припадали к земле — настолько близко рвались свои снаряды. Было видно, как фашисты ошалело бегали по кустам, что-то кричали, стремились во что бы то ни стало продвинуться вперед. Отдельные из них подбирались совсем близко к нашим бойцам. Тогда в ход шли гранаты.

Но вот около орудия разорвался снаряд. В живых остались только двое. Теперь Елисейев сам наводил и сам стрелял по врагу, а Федотов едва успевал подносить снаряды и заряжать пушку. Иногда Елисейев хватал автомат, давал по врагу очередь и снова наводил орудие. Строчил из автомата и Федотов. Они сразили тогда не один десяток гитлеровцев.

Наконец все смолкло. Вблизи от Елисейева на высокий куст села маленькая, с взъерошенными перышками птичка и часто-часто зацывкала. Пичужка настолько была мала, что нежный побег куста под пей не гнулся. Старшина улыбнулся птахе...

А рядом в ровике лежал сержант Акимычев. Старшина присел возле него, снял с его залитой кровью гимнастерки орден Славы и две медали, вынул из кармана партбилет, раскрыл его. В партбилете увидел небольшой листок бумаги. Стал читать. Лицо все сосредоточеннее.

— Подойди ко мне, Василий, — обратился старшина к Федотову, который в это время ветками кустарника обтирал пушку. — Давай присядем и покурим.

Солдат подошел. Закурили.

— Что угрюмый такой? — спросил Елисейев. — Видишь, сколько фашистов положили, а ты нос повесил.

— Это верпо. Но и нас не густо осталось.

— Да, товарищей не вернешь. Война без крови не бывает.

Прокопий Елисейев — опытный, храбрый воин. Его имя было хорошо известно в дивизии, на груди блестело пять правительственных наград.

— Скажи, Василий, был у тебя разговор с Акимычевым о вступлении в партию?

— Был, — ответил Федотов. — За рекомендацпией к нему я обращался.

— Ну и что он ответил?

— Обещал дать. Много месяцев вместе воевали. Не раз помогал мне. Хороший, правильный коммунист. Многому он научил меня. Спасибо ему...

Федотов подносил ко рту папиросу, делал одну затяжку за другой, глотая густой, едкий дым.

— Жаль вот, не успел дать рекомендацию. Обещал, да не успел...

Елисеев порывисто встал, будто и усталости не было. Поглядел на Федотова и сказал:

— Успел! Понимаешь, успел Акимычев! Вот его рекомендация. Слушай, что он написал про тебя.

Старшина развернул листок бумаги, исписанный ровным мелким почерком.

«Рекомендуя в партию одного из лучших солдат батареи, Федотова Василия Федоровича, — читал старшина, — надеюсь, что он достоин и оправдает высокое звание коммуниста. Несу за него полную ответственность...»

Федотов поднялся с земли и низко поклонился погибшему.

Старшина спросил Федотова, сколько у него рекомендаций.

— Выходит, теперь две — командир батареи дал и вот эта, Акимычева...

— Считай мою третьей! — командир расчета протянул Федотову крепкую руку.

Солдат растрогался. Полный нахлынувших чувств, стоял он, не зная, что делать.

Елисеев вынул из планшета бумагу, сел на снарядный ящик и стал писать.

— На, держи, — сказал он. — Всегда будь честен и предан партии... Помни, наша партия борющаяся, а мы, коммунисты, ее солдаты.

— Спасибо, товарищ старшина! — взволнованно ответил солдат.

Вскоре после этого случая мне довелось вручить кандидатскую карточку рядовому Федотову.

Я знаю, что Прокопий Елисеев после войны уехал в свой родной Днепронетровск, а вот след Федотова затерялся...

Глазастый демон

В полк ночных бомбардировщиков, вооруженный самолетами По-2, прибыло пополнение. Был среди новичков и восемнадцатилетний летчик комсомолец Вася Лапкин. Общительный, жизнерадостный, он быстро перезнакомился со всеми и сразу же стал донимать сослуживцев расспросами — как они воюют. У него была какая-то неудержимая страсть к боевым полетам. Когда ставили боевую задачу и объявляли график вылетов, он с напряжением смотрел на командира, как бы опасаясь, что тот может не заметить его. А услышав свою фамилию, облегченно вздыхал и широко улыбался.

Прошло немного времени, и экипаж Васи Лапкина выдвинулся в число снайперских, которым обычно поручались наиболее сложные задания. У Лапкина обнаружилась удивительная способность к детальной ориентировке ночью. Он, казалось, каким-то особым чутьем находил цель, умел точно вывести на нее самолет и создать штурману условия для точного прицеливания. И проявлял при этом незаурядную отвагу, смело пробивался через огонь зенитной артиллерии.

Однажды полку поставили задачу: действовать по прифронтовой железнодорожной станции, где, по данным воздушной разведки, скопилось несколько эшелонов противника. Начали летать и бомбить. В первые полтора-два часа ничего особенного не произошло. Бомбы, по докладом летчиков, рвались в районе станции, но какой урон терпел противник, определить было невозможно. Но вот подошла очередь экипажа Лапкина, и он полетел на задание. А когда возвратился, то доложил, что бомбил железнодорожные цистерны с горючим, взорвал и зажег одну из них, а за ней стали гореть и взрываться другие. Вылетевшие после него летчики подтвердили, что на станции бушует море огня.

— Как это у тебя получилось, Вася? — спрашивали Лапкина товарищи. — Случайно попал в цистерну или видел ее?

— Видел.

— Кошачьи у тебя глаза, что ли?

Лапкин рассмеялся:

— Да мы подсветили себе ракетами.

В другой раз экипаж Лапкина взорвал крупный, хорошо замаскированный склад боеприпасов, который никак не удавалось

уничтожить. Этот удар был продуманно организован командованием полка. Два самолета отвлекли на себя огонь зенитной артиллерии, третий подвесил на парашютах светящиеся авиабомбы, а экипаж Лапкина с малой высоты прицельно ударил по складу. И тот взлетел на воздух. Но и сами они — летчик и штурман — чуть не погибли. Силой взрыва их самолет сильно подбросило, чуть не опрокинуло. С большим трудом Лапкин успел его выровнять и вывести в нормальное положение. Самолет весь был посечен осколками, сам Лапкин ранен в голову и только каким-то чудом сумел дотянуть до своего аэродрома. Пришлось ему с месяц «проскучать» в лазарете. А когда поправился, снова с прежним энтузиазмом начал летать.

— Ну, Вася, крепко они тебя пометили, — шутили товарищи, рассматривая на его лбу багровый рубец.

— Ничего, я еще с ними рассчитаюсь, — ответил Лапкин и, помолчав, тихо добавил: — И за остальное тоже...

На его лице появилось суровое выражение. Он, видимо, вспомнил что-то тяжелое и мучительное. Летчики не стали его ни о чем расспрашивать, хотя чувствовали, что есть у парня какое-то затаенное горе.

Вскоре ему пришлось выполнить одно специальное задание. Сугубо секретное. И никто из летчиков не знал, куда и с какой целью улетел в ту темную ночь Лапкин, да еще один, без штурмана. Узнали только тогда, когда он благополучно вернулся обратно.

— Не летчик, а прямо демон! — шутили в полку.

— Вот именно — глазастый демон, — подтвердил капитан, командир эскадрильи. — Только лермонтовский демон умел так ночью летать.

С тех пор к нему так и прилипло это прозвище — «глазастый демон».

А задание заключалось в том, чтобы вывезти с территории противника советского разведчика с важными материалами. Как объяснил прибывший из штаба армии офицер, на выбранной площадке никаких сигнальных костров не будет, ибо недалеко населенные пункты с вражескими гарнизонами. Площадка будет показана летчику только миганием двух-трех карманных фонариков. Осветительную фару самолета включать при посадке запрещено. Действовать надо четко и быстро, чтобы самолет успел улететь, а встречающие его люди скрыться, прежде чем немцы поднимут тревогу. Выполнение задачи осложнялось и тем, что летчик должен лететь один, без штурмана, ведь задняя кабина нужна для пассажира.

Лапкин успешно справился и с этой задачей. Прошел год. Василий возмужал и даже как будто стал выше ростом. На его груди красовались два боевых ордена, а на погонах — лейтенантские звездочки. Он уже был командиром звена. Теперь он не

только сам летал, но и обучал боевому мастерству молодых летчиков. А его боевой авторитет признавался всеми.

Но служба в ночной легкомобардировочной авиации Василия уже не удовлетворяла. Слишком слаб казался ему бомбовый удар самолета По-2, слишком однообразны были вылеты: ночь, ночь... Он до сих пор даже не видел наземного боя. И Лапкин мечтал перейти в штурмовую авиацию, пересесть на грозный Ил-2.

И вот наступил день, когда его мечта могла осуществиться. Говорим — могла... если бы его не разоблачили.

А произошло это так. В полк приехали представители воздушной армии отбирать лучших боевых летчиков для штурмовой авиации. Наметили в кандидаты и лейтенанта Лапкина.

— Пойдешь? — коротко спросил командир полка, хотя по его лицу видно было, что ему не очень-то хотелось отпускать Лапкина.

— С радостью! — просиял тот.

— Тогда иди на медкомиссию.

Лапкин слегка смутился:

— Зачем эти формальности, товарищ подполковник? Я же здоров как бык!

— Так положено, — ответил командир.

Все врачи признали Лапкина здоровым и вполне пригодным для службы в штурмовой авиации. Последним осматривал его глазник. Велев летчику закрыть картонкой левый глаз, врач палочкой стал тыкать в таблицу и спрашивать, какие буквы он показывает. Лапкин правильно называл все буквы. Потом таким же образом врач стал проверять другой глаз. Лапкин немного напутал, но тут же поправился и отвечал правильно. Врач настроился. Он подошел к Лапкину, подозрительно осмотрел его глаза, затем плотно закрыл платком его правый глаз и, ткнув палочкой в таблицу, переспросил:

— Какая буква?

Лапкин молчал.

— А это?

Молчание.

Тогда врач вынул из кармана зажигалку, поднес ее к широко открытому левому глазу летчика и зажег ее. Глаз на свет не реагировал.

— Так вы же слепой на один глаз!

Лапкин, как бы очнувшись от оцепенения, отошел к окну и угрюмо опустил голову.

Пораженный таким открытием, доктор некоторое время молчал.

— Давно это у вас?

— С рождения...

— Как же вы летали?

— А вот так и летал...

Василий вдруг резко повернулся, сжал кулаки и двинулся на врача:

— Что, я плохо летал? Плохо бомбил? — кричал он, как будто тот нанес ему тяжкое оскорбление. — Разве мне слепой глаз мешал?

Врач в испуге понятился, выскользнул в дверь и направился к командиру полка. А Лапкин постоял еще минуту с поднятыми в гнев кулаками, потом бессильно опустился на стул и заплакал. Тайна, которую он так хранил, была раскрыта. И теперь его, конечно, ожидает отчисление из авиации.

Вскоре Лапкина вызвали к командиру полка. Он вошел бледный, расстроенный и молча остановился у двери. Командир с изумлением посмотрел на летчика и, кивнув головой в сторону сидевшего в углу врача, спросил:

— Это правда, товарищ лейтенант?

— Правда, — тяжело выдохнул Лапкин.

На лице командира выразилась явная растерянность.

— Что же теперь делать? — после продолжительной паузы спросил он не то летчика, не то самого себя.

Лапкин устремил на него умоляющий взгляд, прерывающимся голосом страстно заговорил:

— Товарищ командир, пожалейте меня! Я не могу не летать. Я должен защищать Родину! И за отца и за мать я должен метить. Я должен летать! Как отца родного прошу...

Командир смотрел на Лапкина, и чувство жалости и восхищения наполняло его душу. Каким упорством и какой силой воли надо обладать, чтобы с таким врожденным дефектом стать летчиком, да не середнячком, а отличным боевым летчиком! И как беспредельно нужно любить свою Родину, чтобы так рваться на фронт. А какую смелость и отвагу он проявлял при выполнении боевых заданий. И сколько у него находчивости, инициативы, чувства ответственности! Нет, не мог он подрезать крылья такому человеку.

— А что с родителями? — спросил командир.

Лапкин вздохнул:

— Отец погиб под Москвой, в ополчении был. А мать умерла в эвакуации, на Урале. В цехе были сквозняки, заболела воспалением легких...

— Кто же из родных остался?

— Никого, я один...

Командир нахмурился и взволнованно забарабанил пальцами по столу. Наступило тягостное молчание. Потом он повернулся к Лапкину:

— Ты понимаешь, Вася, что о переходе в штурмовую авиацию и речи быть не может?

— Это я понимаю, — согласился Лапкин и с надеждой взглянул на командира. — Но у вас-то я летать могу?

— У нас — да, — улыбнулся командир.

Но тут вмешался врач.

— Не волнуйтесь, доктор, падо понять человека, — прервал его командир. — А как же тебя, одноглазого, в авиацию-то приняли? — снова обратился к Лапкипу комполка. — Ты же с полдюжины медкомиссий проходил...

И тут Василий Лапкин поведал, что выучил наизусть таблицу, знал, где какая буква расположена. И когда закрывал здоровый глаз, то оставлял малюсенькую щелочку, чтобы правильно называть буквы. Так все и сходило.

Командир громко смеялся. Смеялся и повеселевший Лапкин. Даже строгий врач и тот, глядя на летчика, смягчился.

Когда летчики узнали, что Лапкин одноглазый, они сперва даже не поверили. Потом долго и весело смеялись — очень уж хитро обводил он вокруг пальца врачей. И продолжали по-прежнему называть его глазастым демоном.

После окончания войны старшего лейтенанта Василия Лапкина демобилизовали и направили учиться в техникум. Ведь ему только-только перевалило за двадцать.

Уходили братья на войну...

Когда немецко-фашистские полчища вторглись в пределы нашей страны, на священную освободительную войну поднялся весь советский народ. На фронт уходили целыми семьями. Из братьев создавались фамильные экипажи и расчеты. Широко известна династия танкистов Михеевых. Прославился на Ленинградском фронте минометный расчет братьев-сибиряков Шумовых, выпустивший по врагу 13 986 мин. В историю Великой Отечественной войны вошел подвиг Героев Советского Союза артиллеристов братьев Луканиных.

Многие знают о москвичах Орловых. Глава этой семьи Федор Михайлович Орлов одним из первых явился в Дзержинский военкомат и добился зачисления в народное ополчение. Его назначили командиром роты, позже он командовал дивизией, на фронте был несколько раз тяжело ранен. А было этому человеку в 1941 году 64 года. Он не отличался крепким здоровьем: давали знать раны и контузии, полученные еще в гражданскую войну...

Три сына его и дочь, все офицеры, сражались на разных фронтах. Под Ленинградом пал смертью храбрых начальник штаба полка коммунист капитан Владимир Орлов. На Одере погиб командир механизированного корпуса полковник Василий Орлов, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. В Чехословакии закончил свой боевой путь офицер Евгений Орлов. Подполковник Мария Орлова была инженером прославленного авиационного полка, которым командовала Марина Раскова.

Жена Федора Михайловича, активная участница гражданской войны, по возрасту и состоянию здоровья не могла принимать участия в боях. Но она своей патриотической деятельностью в тылу активно помогала фронту. Мария Иосифовна приобрела на свои средства танк и подарила его той части, которой командовал сын Василий. Танк, носивший гордое имя «Мать-Родина», участвовал в боях на завершающем этапе войны. Сегодня боевая тридцатьчетверка стоит на пьедестале в Н-ской части. У этой дорогой реликвии молодые воины дают клятву на верность Родине.

В нашей стране много семей, славные патриотические дела которых еще не получили широкой известности. В течение длительного времени я разыскиваю такие семьи, веду с ними пере-

писку. Мне хочется рассказать о некоторых из них, внесших достойный вклад в общее дело победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Солдатские треугольнички

Их присылали солдаты с фронта. И не было для родных и близких фронтовиков ничего дороже этих сложенных треугольником, наспех исписанных карандашом листков бумаги.

К ним и теперь прикасаешься с невольным волнением. Пожелтела от времени бумага, стерлись отдельные строчки. Но от них веет огненным дыханием боевых дней. Письма, которые я держу в руках, написанные разными почерками, адресованы Колбасиной Капитолине Павловне в деревню Овинищи Ивановской области. Авторами их являются ее сыновья Василий, Михаил, Александр, Ефим и Николай.

Братья Колбасины до войны жили мирной жизнью, честно трудились, были счастливы. Василий работал мастером на стройке. Михаил был председателем колхоза. Александр столярничал на текстильной фабрике. Там же трудился и Ефим. Николай служил действительную, мечтал учиться на командира.

В грозную годину все братья грудью встали на защиту Отечества. Они служили в разных частях, били врага на разных фронтах.

«Чувствую себя бодрым и бесстрашным», — сообщал матери перед боем Ефим. «Дорогая моя мама! Как бы трудно здесь ни было нам, — писал Александр, — но мы все умрем, а не пустим врага к Волге. Это мое тебе сыновье обещание».

Больше всего писем — от младшего сына, Николая. «О моем здоровье, — просил он мать, — не беспокойся, оно крепкое, потому что сейчас мои руки нужны не только мне, но и тебе, и всем, кто доверился нам и ждет, когда мы прогоним фашистов. А прогоним мы их обязательно... Быстрее разбить врага, выгнать его с нашей земли — наша главная задача. Мы обязательно победим... Я буду биться за Родину, не щадя своей жизни...»

Не забывал мать и Михаил, воевавший на Ленинградском фронте. Василий писал часто, но кратко. «Пламенный красногвардейский привет из действующей армии!» — так обычно заканчивал он свои письма.

В 1943 году в дом Капитолины Павловны начали приходить горестные вести. Под Сталинградом сложил свою голову Александр. На подступах к Смоленску пал смертью героя Ефим. А вскоре погиб в бою Николай.

Горе и боль утраты не сломили семью патриотов. Капитолина Павловна в письмах к сражавшимся на фронте двум своим сыновьям просит их бить беспощадно фашистских извергов, гнать их с нашей земли.

«Мы день и ночь наводим страх на врага, — отвечал матери Михаил. — Я мщу за моих братьев, которые отдали свои молодые жизни за Родину».

Василий поклялся матери выполнить ее наказ — громить гитлеровцев до тех пор, пока руки способны держать оружие.

За бой в районе Ковеля, за участие в прорыве обороны противника на Висле, за проявленную доблесть при овладении городом и крепостью Познань сапер Василий Колбасин удостоен благодарностей Верховного Главнокомандующего. Подвиги старшего сержанта отмечены двумя орденами Славы.

Не так давно от Василия Ефимовича, проживающего с матерью там же, в деревне Овниници, я получил письмо. Он вспоминает, как саперы помогали наступающим войскам переправляться через Одер для решающего штурма фашистского логова — Берлина. Василий и его товарищи работали днем и ночью, в ледяной воде, под сильным огнем врага, но со своей задачей успешно справились. «На Одере, — пишет Василий Ефимович, — я сильно простудился и, к сожалению, не смог оставить свой автограф на стене рейхстага. Но я счастлив тем, что мои однополчае дошли до Берлина, водрузили над ним алые знамена нашей Победы, за которую отдали свою жизнь три моих брата».

Шестеро отважных

Работая над архивными документами, я узнал о братьях Комаровых. Их шестеро. Родились в крестьянской семье в Сычевском районе Смоленской области. Самый старший, Григорий, на фронт ушел в первые дни войны и закончил ее под Берлином. Его брат Евсей, вступивший в самом начале войны в народное ополчение, на фронте несколько раз был ранен, но победу встретил в строю активных бойцов.

Мне довелось видеть в деле бригаду морских пехотинцев, в которой служил третий из Комаровых — Леонид. Это было под Ростовом и Таганрогом. В бескозырках и черных бушлатах, отважные и неустрашимые, они своими яростными атаками вызывали панический страх в стане врага. В одном из этих боев Леонида ранило. Потом он воевал в составе артиллерийской части. Участвовал в освобождении родной Смоленщины. Войну закончил на Одере.

Когда враг подходил к столице, пошел в народное ополчение Архип Комаров. Он храбро отражал натиск фашистских танков и пал под Медынью смертью героя.

Пятый из Комаровых — Анатолий, артиллерист, участвовал в боях под Сталинградом. Свой боевой путь закончил на земле Чехословакии.

Шестого, самого младшего из Комаровых — Абрама, война застала на Балтийском флоте. В 1942 году, корректируя огонь артиллерии, он погиб на одном из островов Балтики.

Недавно я встретился с Леонидом Михайловичем Комаровым. Он много лет проработал на ленинградском заводе «Красный треугольник», не так давно ушел на пенсию.

— Мы, Комаровы, — говорит Леонид Михайлович, — обычные советские люди. Без всего того, что дала нам Октябрьская революция, мы не представляли себе жизни. И потому все шестеро в самом начале войны оказались среди тех, кто защищал Родину от фашистов. Двое из братьев пали на поле боя, четверо других были ранены.

Леонид Михайлович на фронте вступил в ряды ленинской партии, был парторгом в подразделении. А на заводе после войны коммунисты избрали бывшего фронтовика группарторгом цеха. Доверие товарищей всегда было для него дорого.

Я обратил внимание на боевые награды братьев Комаровых. Почти все они кроме других правительственных наград удостоены медали «За отвагу». Солдаты Комаровы отважно защищали свою Родину, завоевания Великого Октября.

Экипаж Зайцевых

Еще в довоенное время в танковых войсках служили четыре брата Зайцевых. Отец танкистов лесник Василий Илларионович Зайцев и мать Ирипа Яковлевна обратились к Наркому обороны СССР с просьбой перевести их сыновей в одну часть и образовать фамильный экипаж.

Просьбу родителей уважили.

Так в одной из воинских частей появился экипаж братьев Зайцевых, в котором Всеволод был командиром. Валентин — механиком-водителем. Георгий — радистом-пулеметчиком, а Леонид — башенным стрелком. Братья упорно учились. И вскоре их экипаж стал лучшим в части.

На пятый день войны экипаж Зайцевых вступил в бой.

Первый танк Зайцевых Т-28 был подбит. На некоторое время братья стали пехотинцами. Но под Ленинградом им вручили Т-34 — лучший танк минувшей войны.

В блокадные дни тридцатьчетверка Зайцевых принимала участие во многих жестоких схватках. В одной из контратак гитлеровцы подожгли танк. Был ранен Всеволод, получил контузию Георгий. Но через десять дней все Зайцевы снова находились в строю.

В бою, где враг имел численный перевес, танк братьев Зайцевых оказался перед четырьмя машинами гитлеровцев. Экипаж не дрогнул, храбро выполнял боевую задачу. В критический момент по команде Всеволода механик-водитель на предельной скорости пошел на таран. Тридцатьчетверка, врезавшись в фашистскую машину, разворотила ей борт, сорвала гусеницу.

Экипаж братьев Зайцевых (снимок довоенных лет)

«Наш боевой путь, — пишет мне Валентин Васильевич Зайцев, — это бои в Псковской области, под Ленинградом. Мы участвовали в прорыве блокады города Ленина, очищали от врага родную землю. Я, Георгий и Всеволод в связи с тяжелыми ранениями в 1944 году были уволены из армии, а Леонид встретил День Победы на Эльбе».

У Василия Илларионовича и Ирины Яковлевны был и пятый сын, тоже танкист, Анатолий. Его боевой путь начался под Сталинградом и закончился в Австрии. Он командовал танковой ротой.

После войны братья Зайцевы собрались в родной деревне Чаркли, что в Чувашской АССР. Несмотря на ранения и увечья, все они активно трудятся. А в праздник Победы, надев свои лучшие костюмы и прикрепив боевые награды, идут к белоствольной березке, что стоит в ста метрах от отцовского дома. Она тоже имеет свою историю.

В 1940 году лесник Зайцев с супругой, проведив в армию сыновей, посадили ее у своего дома в память об этом важном семейном событии. Шли годы, а березка росла, набиралась сил, хорошела, стала крепким деревом. У этой березки братья вспоминают бои и походы, своих однополчан, живых и павших.

Братья Колбасны. Вверху: Василий, Михаил,
Александр. Внизу: Ефим, Николай

Это лишь небольшая частичка собранных мною материалов о славных советских патриотах, ушедших на фронт целыми семьями.

Девять часов боя

Волхов, Ильмень, Новгород. Много преданий и былин связано с этими древними названиями. Из поколения в поколение передаются рассказы о доблести русского народа, преградившего путь тем, кто шел к нам с огнем и мечом. В Великой Отечественной войне советские люди приумножали славные традиции своих предков.

Действовавшие здесь войска Северо-Западного фронта уже в первые месяцы войны сорвали наступательные планы гитлеровцев, прочно удерживали свои позиции. Борьба была ожесточенной и кровопролитной. Об этом, в частности, свидетельствует бой у деревни Пустынька под Новгородом.

Холодный декабрь 1941 года. Землянка в заснеженном лесу. Рядом со мной, выполнявшим тогда обязанности корреспондента «Красной звезды», находился молодой человек среднего роста, черноглазый, с широкими, почти сросшимися бровями. Это был комсомолец старший сержант Исрафил Магарамович Мамедов. Здесь, у Пустыньки, ему пришлось выдержать тяжелое испытание.

42-й стрелковый полк 180-й стрелковой дивизии еще в начале осени занял оборону на широком фронте. Леса и болота были его хорошими союзниками. Но когда наступили морозы, сковавшие болота ледяной броней, возросла опасность обходов и охватов флангов наших подразделений. Рота, в которой служил Мамедов, оборонялась неподалеку от командного пункта. Командир роты Смолин, политрук Калинин делали все, чтобы избежать всяких случайностей.

И все же случилось именно то, чего больше всего опасались. Это было третьего декабря. Предрассветную тишину вдруг нарушили разрывы снарядов и мин. А вскоре на белесой, заснеженной местности воины увидели едва различимые силуэты. Не было сомнения — в нашем тылу появился враг. Каждый понял, что под покровом темноты противник совершил глубокий обход и теперь собирается нанести удар по самому чувствительному месту обороны.

Защита командного пункта, где находилась радиостанция, была возложена на Мамедова. Сил в его распоряжении было мало — всего два десятка бойцов.

Хладнокровие командира, его спокойствие и уверенность благотворно действовали на подчиненных. Укрываясь в ходах сообщения, ничем не выдавая себя, они пристально наблюдали за гитлеровцами. 200... 100 метров отделяют их от нашей позиции. И тут Мамедов подает команду: «Огонь!»

Первые же выстрелы скосили немало фашистов. Оставшиеся в живых попадали, высматривая укрытия, пользуясь которыми можно было бы отползти назад. Но отползти удалось немногим. Атака была отбита без потерь с нашей стороны.

По-иному развивались события там, где располагались первый и второй взводы. По всему было видно, что бой становился затяжным. Мамедов хотел было помочь соседям, но тут же его позиция подверглась пулеметному обстрелу. Взметнулась вражеская ракета, за ней другая. Огневые нити тянулись в том направлении, где укрепились наши солдаты, — это гитлеровцы ракетами указывали цель своим артиллеристам и минометчикам.

— В блиндажи, — приказал командир. Лишь один наблюдатель остался в окопе.

Потянулись долгие минуты, а разрывы снарядов не утихали. Содрогалась земля, сыпался песок с потолка.

Новгородскую землю в то время оскверняли сапоги не только гитлеровцев, но и фалангистов Испании из печально известной «Голубой дивизии». Письма и дневники вражеских солдат, выдержки из которых публиковались в газетах, давали нашим воинам богатый материал для острот и шуток. Вот и сейчас кто-то извлек из кармана измятый листок.

«Моя дорогая, — читал он, — если бы ты знала, какие муки ада мы тершим здесь, под Новгородом... Мое тело, которым ты любовалась... отдано ныне во власть вшей. Они пропикают всюду, и нет им числа...»

Где-то совсем близко раздался взрыв.

— Может быть, вот такой вшивый и плюется сейчас снарядами, — со злобой сказал один из солдат.

Обстановка накалялась, и неизвестность беспокоила людей. Мамедов настраивал на худшее — на новую атаку врага. Но какой она будет на этот раз? Несомненно одно: враг встретит достойный отпор. Так и было. И опять гитлеровцы вынуждены были отступить, оставив на поле боя много убитых.

Боевой успех! Как он возвышает душу солдата. Сознание выполненного долга удваивает силы. Но часто бывает, что радость победы омрачается чувством глубокой скорби. Это испытывали Мамедов и его фронтовые друзья. Навсегда ушли из жизни ставшие родными дорогие товарищи. В строю стало меньше людей, истощались запасы патронов. Передышки же не предвиделось.

Наблюдатель доложил, что гитлеровцы обходят позицию с фланга. По врагу открыли огонь, но, несмотря на потери, противник лез вперед. Еще минута, и блеснувшая струя немецкого огнемета принесла смерть одному из лучших наводчиков роты. Место убитого за пулеметом занял старший сержант Карамнов. Он достойно отомстил гитлеровцам: первой же очередью сразил огнеметчика и еще нескольких фашистов.

Третий штурм нашей обороны отличался от предыдущих тем, что враг делал ставку на сочетание огня и маневра. Однако и это не дало желаемых результатов. Гитлеровцы вновь отошли назад.

— Эти бешеные собаки будут зализывать там свои раны, — сказал Мамедов, показывая на лес, где скрылись фашисты.

Командир делал все, чтобы наступившее затишье использовать для укрепления обороны. Но застрочил вражеский пулемет.

— Наверное, опять пойдут, — сказал Мамедов и добавил: — И лягут здесь.

По его приказу воины быстро заняли укрытия. А он ходил от солдата к солдату, уточнял направление стрельбы, заботился о том, чтобы не было на местности непоражаемого пространства. Ведь теперь людей в обороне стало меньше и остановить врага можно лишь в том случае, если пули преградят ему путь в любом месте. Но больше всего, как и прежде, он заботился о том, чтобы солдаты не падали духом, верили в победу.

...Это была четвертая атака. Шел девятый час непрерывного боя. Патроны на исходе. Ручной пулемет отказал. Он много поработал сегодня и нуждался в чистке, но когда и кому разбирать его? Старший сержант Карамнов по указанию Мамедова вооружился винтовкой. Всем дан строгий наказ беречь патроны.

Сгущались вечерние сумерки, а схватка с врагом развертывалась с новой силой. Чтобы огонь был непрерывным, Мамедов привлекал на помощь раненых. Собственно, привлекал — не то слово, они сами рвались в бой. Одни заряжали диски к автомату Мамедова, а он в это время стрелял из винтовки. Затем «поспевал» автомат, готовый вступить в дело. Иные раненые и сами стреляли по врагу.

Темп огня по мере сокращения расстояния между обороняющимися и наступающими возрастал. Когда враг подошел совсем близко и вот-вот мог ворваться в окопы, раздалась новая команда Мамедова и вступило в дело самое ближнее средство боя — карманная артиллерия. Гранаты рвались в гуще атакующих. Дрогнули, заметались фашисты. В эти переломные секунды борьбы наши солдаты слышали голос Мамедова:

— Бей фашистских гадов. Вперед, за мной!

И все, а их было только шестеро, выскочили из окопов и бросились за командиром. Измученные девятичасовым боем, оставшись без патронов, они нашли в себе силы, чтобы вступить с

врагом в рукопашную схватку. И еще десятью гитлеровцами стало меньше на земле. Тройх из них сразил штыком Мамедов.

Так закончилась четвертая вражеская атака на маленький клочок новгородской земли.

Когда мы после боя беседовали в блиндаже с Мамедовым, трудно было заметить еще одну черту его характера — скромность. Мы уже знали, что против роты Смолина действовали подразделения двух фашистских батальонов, оставивших на поле боя около 300 трупов. На личном счету Мамедова числилось несколько десятков убитых гитлеровцев. Но он мало говорил о себе. И я подумал тогда: действительно, скромность всегда рядом с героизмом. Зато с большой душевной теплотой рассказывал Мамедов о делах своих товарищей:

— Вот, например, старшина Шиловский. В отличие от всех нас, находившихся в окопах группами, он был один, но дрался за десятерых.

Так же высоко оценивал Мамедов и автоматчика Мушаева, пулеметчика Карамшова. Словом, кругом были герои.

Мне вспоминается сейчас и еще один день, связанный с событием у деревни Пустынька. В районе города Валдай, где располагался штаб Северо-Западного фронта, заседал Военный совет. Командующий войсками генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин, ныне генерал армии, Герой Советского Союза, тепло встретил Мамедова, получившего после памятного боя первое офицерское звание — «младший лейтенант».

Объявили Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 декабря 1941 года о присвоении мужественному воину Мамедову Исрафилу Магарамовичу звания Героя Советского Союза. Исрафил произнес тогда краткую, взволнованную речь, поблагодарил партию и правительство за высокую оценку его фронтовых дел и пообещал не жалеть своих сил и самой жизни ради любимой Родины.

После вручения награды состоялась беседа с героем. Мамедов рассказал о своем боевом коллективе, о друзьях-товарищах. А когда узнал, что и они отмечены высокими правительственными наградами, радостно заблестели его глаза.

Следует заметить, что уже в первые месяцы войны стало очевидным: надо вносить серьезные поправки в ведение боя. Чувствуя одного из лучших воинов, руководство фронтом пристально интересовалось тактикой, которая была применена Мамедовым и принесла ему заслуженную славу.

Интересные мысли высказал в связи с этим член Военного совета корпусной комиссар В. Богаткин.

— Мы очень ошибаемся, — говорил он, — когда пропаганду ведем только штатными силами политработников. О передовом опыте должны говорить больше и чаще его носители. Язык дел самый доходчивый, самый убедительный.

Корпусной комиссар посоветовал Мамедову чаще выступать в подразделениях. И, поглядев в сторону корреспондента «Красной звезды», добавил:

— О делах Мамедова хорошо бы рассказать всей стране.

Владимир Николаевич Богаткин не знал, что в газету уже послана статья героя, которая и была напечатана в «Красной звезде» 19 декабря 1941 года.

Тут же командующий фронтом преподнес Мамедову свой автомат с запасом патронов.

— Этим оружием вы владеете мастерски, — сказал он, — продолжайте и впредь метко истреблять фашистских захватчиков. Доброго вам боевого пути. — Генерал обнял и поцеловал Мамедова.

Мамедов умер уже после войны, в 1946 году. В Кировабаде, в парке, находится его могила. Славному своему сыну, первому из азербайджанцев Герою Советского Союза, народ воздвиг памятник. Поэты слагают о Мамедове стихи, воспевают его подвиги ашуги. Память о нем навсегда сохранится и в сердцах повгородцев, на земле которых, у маленькой деревушки с простым, скромным названием Пустынька, он совершил свой славный подвиг.

На заре

Мурманское направление первого лета мпвувшей войны. Заполярье. Среди нагромождения сопок — голых или поросших ягелем, среди озерков и болот, в глубоких лощинах не могли вернуться танкп. Круглосуточный день позволял кипеть воздушным боям без ночной передышки. Военные моряки Севера помогали пехотинцам огнем кораблей и дерзкими десантами.

Гитлеровское командование бросило на мурманское направление горноегерский корпус, уже имеющий боевой опыт. Против него пришлось действовать многим нашим командирам, впервые познавшим в Заполярье горную тактику. Учась в боях, они ее обогащали мудростью, инициативой, основанной на разумном риске. Особенно мне запомнились искусные действия молодого командира полка майора Харитона Худалова. И сейчас перед моими глазами бой, проведенный им за высоту 314,9.

Но несколько слов о предшествующих боях, в которых Худалов еще был командиром разведбата. В те дни командный пункт 52-й стрелковой дивизии, только что подошедшей из Мурманска на подмогу несколько отступившей от границы 14-й стрелковой дивизии, разместился в гроте. Лишь скала над гротом заслоняла штаб от мощных атак «юнкерсов». Затем бросились в наступление вражеские дивизии. Не считаясь с потерями, горные егеря форсировали реку Западная Лица, вклинились в наши боевые порядки, вплотную подошли к огневым позициям. Ни один солдат не оставил позиции. Все помнили приказ командира дивизии генерал-майора Н. Никишина: «Ни шагу назад. Отступать некуда. Позади Мурманск».

Почти вся наша артиллерия была прямой наводкой, а кое-где пушкари вместе с пехотинцами вступали в рукопашные схватки. В некоторых местах фронт как бы представлял собой слоеный пирог. Наши позиции оказывались подчас позади вражеских цепей, атаки которых отбивали резервные и тыловые подразделения.

Вот уже сколько часов без отдыха и сна управлял боем генерал-майор Николай Николаевич Никишин! Прорвавшееся вражеское подразделение обстреливало командный пункт. Работники штаба заняли круговую оборону. Комиссар дивизии М. В. Орлов

и начальник политотдела Г. Н. Касьяненко, все политотдельцы были в рядах контратакующих.

В этот кульминационный момент мне и довелось впервые увидеть майора Худалова, крепыша в танкистской форме. Седоватый генерал со впалыми от усталости глазами положил ему одну руку на плечо, а другой, показывая на противоположную высоту, сказал:

— Видите, вот на том гребне находится рота пятьдесят восьмого, а к нам ближе — фашисты. Они мне мешают. Немедленно с ротой прочешите. Я буду здесь.

Майор, козырнув, не ушел, а побежал. Что он сказал роте, можно было только догадываться. На размышления и подготовку к атаке обстоятельства давали ему буквально минуты. От комбата требовалось молниеносное решение.

На глазах поднялся и стал расти смерч, все приближаясь к тому месту, на которое указывал комдив. Стрельба. Крики. И вскоре сумятица кончилась. Оказалось, что Худалов задался целью навязать противнику рукопашный бой и в таком темпе и так дерзко атаковал, что егеря, побросав оружие, бежали.

К утру следующего дня части дивизии перешли в контратаку и очистили всю долину восточного берега реки. Враг оставил около полутора тысяч убитых.

Это было первое поражение так называемых «героев Нарвика». Но их командир — гитлеровский генерал Дитл еще не терял надежды преподнести фюреру обещанный Мурманск. Через несколько дней он предпринимает обход севернее, с тем чтобы окружить наши части и ударить по ним с тыла.

Наша разведка быстро вскрыла это намерение врага, и тотчас же был снят с позиции 58-й стрелковый полк и послан по бездорожью навстречу противнику. Полк выступил утром 13 июля. Ему предстояло преодолеть труднодоступный район и дать встречный бой.

Уже полк выступил, когда стало известно о смене его командира. Вместо прежнего был поставлен командир разведбата майор Худалов. Но каково будет в этой ситуации выдвиженцу? Ведь ему не дается времени на то, чтобы изучить людей, которых он немедленно поведет в смертельно опасный бой.

Худалов вступил в командование полком, когда одни его подразделения были на марше, а другие уже вступили в бой с вражеским авангардом, достигшим перевала. Долго рассказывать, как в течение нескольких дней новый командир сумел всюду побывать, всех увидеть.

Он был строг, требователен. И в то же время доступен для всех: «Вы иного мнения? А ну-ка изложите. А ведь верно». В боевой обстановке именно такие завладевают сердцами. Это быстро поняли комбаты капитаны А. Ф. Шаров, Н. К. Солдатов, В. Ф. Гринев. Поняли ротные, политруки, взводные, рядовые. В подразделениях находились и поднимали людей на подвиг

политотделыцы во главе с полковым комиссаром Касьяненко.

В результате встречного боя противник был сброшен с перевала в глубокую лощину с озером на дне. Горные егеря, понеся большие потери, поднялись и закрепились на противоположной высоте с отметкой на тогдашней карте 314,9. С ее вершины проглядывалась вся окружающая местность на десятки километров, и в том числе единственная дорога с тыла к нашей передовой на реке Западная Лица. Восточные скаты высоты были столь круты, даже отвесны, что противник почувствовал себя в безопасности.

И вот этой высотой, о которой упоминалось вначале, предстояло овладеть. Майор Худалов провел тщательную подготовку. Он дождался подхода артиллерийского дивизиона и минометной батареи. Ведь орудия на конной тяге пришлось на особенно трудных участках чуть ли не тащить на руках. Вместе с артиллеристами было разработано несколько вариантов штурма высоты.

Была обеспечена полная внезапность. Исходное положение у подножия высоты представляло не поражаемое огнем мертвое пространство, да и визуального наблюдения противник был лишен.

Когда был подан сигнал к атаке — взмыла ввысь красная ракета, — стрелки часов показывали четыре утра. Привычный в такую пору встречать рассвет, я записал в блокнот: «Штурм начался на заре».

Но на самом деле никакого восхода не было. Солнце уже много суток, днем и ночью, не исчезало с небосвода над тундрой Кольского полуострова.

Не так давно я перелистывал газетные страницы 1941 года и в номере «Красной звезды» за 7 августа увидел свою корреспонденцию о том бое, а в пей фразу, записанную в блокноте после сигнала к атаке.

Неточность? Но может, все же верно сказано? Ведь летом срок первого не столь часто, как нам хотелось, мы могли видеть, как наши наступают. Зато контрудары начального периода Великой Отечественной войны вполне можно считать зарей наших многочисленных мощных ударов по врагу во втором ее периоде. Но и тогда... Надо уточнить: описываемое событие относится к двадцатым числам июля и лишь из-за перебоев связи попало в газету несколько позже.

Орудия и минометы открыли огонь по выявленным огневым точкам противника. Батальоны цепями стали подниматься на высоту. Но их встретил шквальный огонь, и пришлось залечь. Наступила в атаке та самая тягостная пауза, которая как бы дупит и неслышно кричит, вопрошая:

— Что делать дальше, командир?

Он мог заставить залегших подняться и идти вперед. Однако неизвестно, удалось бы в этом случае дойти до вершины.

Командир полка внес поправку в свой вариант штурма. Под огнем он перестроил боевые порядки. Взводы образовали отдельные огневые группы с минометами. Карабкаясь по крутым склонам обходами, они уничтожали огневые точки противника. А с фронта велись отвлекающие действия. Одна из таких групп во главе с младшим лейтенантом Лягуном так скрытно подползла к немецкому пулеметчику, ведущему огонь, что он не заметил, как его схватили за куртку и сбросили со скалы.

Первым ворвался на высоту лейтенант Василий Рожницын. Будучи дважды ранен, он продолжал командовать ротой. И вот уже первый батальон, а за ним и весь полк достигли вершины. Почти вся высота была усеяна вражескими трупами, брошенным оружием. На командном пункте одного из немецких батальонов, занимавших высоту, осталась пишущая машинка с недопечатанным текстом такого содержания:

«Нет возможности дальше сопротивляться русским. Крутизну скатов, на что мы так рассчитывали, русские без особых трудностей преодолели. Батальон понес большие потери. Что делать?..»

Неплохую аттестацию 58-му стрелковому полку и его командиру оставил битый офицер горных егерей. Еще бы ему надо было сказать, что наступавшие русские — не горные, а обыкновенные пехотинцы — понесли намного меньше потерь. Правда, Худалов — сын гор. Он родился и вырос в глухом ауле Северной Осетии. Но, очевидно, не только это обстоятельство сыграло роль в штурме неприступной высоты. Сказались и командирские качества майора Худалова, комбатов, ротных, взводных, сержантов. И высокое сознание правоты того дела, за которое шли на штурм все — от командира до рядового. Именно это подчеркнул побывавший на высоте командующий нашей 14-й армией генерал-лейтенант Валерий Александрович Фролов, ставший вскоре командующим Карельским фронтом.

Через несколько месяцев Худалов был назначен командиром 14-й стрелковой дивизии. А еще спустя некоторое время стал командовать 52-й стрелковой дивизией, получившей за большие успехи в боях наименование 10-й гвардейской.

В 1944 году Худалов ведет 10-ю в наступательные бои, очищая советское Заполярье и Северную Норвегию от фашистской нечисти.

Уже на другом фронте, куда я был переведен, в номере «Красной звезды» за 17 октября 1944 года читал:

«Гвардейцы Худалова посеяли в стане врага страх и смятение. Они уничтожили вражеские гарнизоны в трех крупных опорных пунктах и почти без потерь форсировали реку Титовка».

Угадывал в этих словах худаловский характер. Как-то довелось мне слышать его разговор с вышестоящим начальником. Примерно такой:

«Если дадите мне еще один день на подготовку, возьму высоту с минимальными потерями. Могу доложить интересный вариант...»

С 10-й гвардейской Харитон Алексеевич в начале 1945 года громил гитлеровские орды в Померании. Худалов назывался в приказах Верховного Главнокомандующего. Четыре ордена Красного Знамени — признание мужества гвардейского комдива, а ордена Суворова и Александра Невского — свидетельства командирского таланта.

Размышляя над последним, как тут не сказать, что командирская судьба Худалова весьма типична для судеб многих и многих. Еще в годы первых битв за молодую Советскую республику Владимир Ильич Ленин с гордостью говорил, что Красная Армия выдвигает из своей среды офицеров, прошедших испытания «жесточкого курса войны». Ленинское утверждение, основанное на глубокой вере в правоту нашего дела, в силу и могущество социалистического строя, получило яркое подтверждение и в годы Великой Отечественной войны. Сколько мы знаем офицеров, генералов и маршалов, возвращенных партией, военный талант которых с блеском проявился в минувшую войну.

В последнее время я несколько раз встречался с генерал-лейтенантом в отставке Харитоном Алексеевичем Худаловым.

Вспоминали прошлое, и в том числе штурм высоты 314,9. Рассказал он мне и о поездке в Норвегию, где его сердечно встречали как освободителя. Выступая там, он говорил, что ему довелось читать в западной печати материалы, в которых все изображено так, что вроде и не было советских солдат, изгонявших немецких горных егерей с норвежской земли. Генерал Худалов, кавалер королевского ордена Норвегии, знающий, сколько жизней и крови стоило нашим солдатам освобождение Северной Норвегии от фашистских оккупантов, разоблачал фальсификаторов истории войны.

Харитон Алексеевич показал мне рукопись своей книги «У кромки континента». Я ее читал. Это интересная и поучительная повесть о заполярном фронте.

А главное в ней — правда, та самая, что останется жить вечно.

Страстное слово бойца

Когда люди встречаются с ним теперь, то видят перед собой поповлевшего, седовласого человека с добродушной улыбкой. Я же помню Василия Ивановича Рагулина совсем молодым — ловко затянутым в военную форму, быстрым, энергичным. А волосы, как смоль. Только вот улыбка и в сорок третьем году под Смоленском — там мы с ним встретились впервые — была такая же: открытая, приветливая и чуточку застенчивая.

Мы тогда стояли под Ярцевом, передний край проходил по реке Ведоса. Шла подготовка к предстоящим наступательным боям. Василий Иванович был агитатором в батальоне, а по фронтовой специальности — пулеметчиком. Среди бойцов много было молодых, еще не обстрелянных. Агитатор Рагулин, уже имевший боевой опыт, по рекомендации командиров и политработников проводил встречи молодых воинов с бывалыми бойцами, вел беседы, организовывал обмен опытом отличившихся в боях.

В августе начались бои за Ярцево. После артподготовки наши подразделения выбили гитлеровцев из первых траншей. Но дальше дело застопорилось. Фашисты подбросили подкрепления. В течение дня наши воины отбивали контратаки врага. А ночью на помощь нашим пришли свежие силы, в их составе находился и пулеметчик Рагулин. С раннего утра начались жаркие схватки с врагом.

Дело усугублялось тем, что в начале своей контратаки фашисты огнем артиллерии накрыли наши батальоны. Ряды бойцов поределели. Тяжело ранило комбата старшего лейтенанта Данилова.

В середине дня фашисты численностью до роты предприняли контратаку во фланг батальона. И вот тут-то сказал свое слово пулеметчик Рагулин. Огнем пулемета он положил цепи наступавших и не давал врагу поднять голову. Но в этот момент — прямое попадание снаряда в пулемет. Убит второй номер расчета. Контужен Рагулин. Наши воины забрасывают наступающих гранатами. Рагулин ранен. И кто знает, как бы все сложилось для Василия Ивановича, если бы не подоспевшие солдаты соседней роты.

После того боя в нашей дивизионной газете появилась статья «Сильнее натиск на врага!». В ней подробно описывался бой и

действия в нем пулеметчика Василия Рагулина. Умел солдат владеть своим оружием — пулеметом. Умел он владеть и оружием агитатора — страстным партийным словом. Этим словом он не раз поднимал под губительным вражеским огнем цепи наших бойцов.

В тот же день, о котором я рассказывал, фашисты потеснили нас на правом фланге. Создалось критическое положение. И тогда, весь перебинтованный, поднялся Рагулин:

— За Родину! Мы же советские! Впереди наша земля! За мной!..

Кругом грохотал бой. И все-таки Рагулина слышали. Вслед за ним поднялись остальные. И уже ничто не могло остановить бойцов. Наша дивизионная газета писала тогда, что «в жаркой схватке Рагулин уничтожил шестерых гитлеровцев, в том числе одного офицера».

В разгар боев Рагулин не забывал и об обязанностях агитатора. Информировал воинов о материалах Совинформбюро, опыте отличившихся.

После ожесточенных, кровопролитных боев полк был выведен во второй эшелон на короткую передышку. Повстречался тогда с бойцами командир дивизии полковник В. Полевик. Обращаясь к заместителю командира полка по политической части И. Груздеву, комдив спросил:

— А где тот герой, что поднял людей в контратаку словами: «Мы же советские! Впереди наша земля!..»?

Замполит показал на Рагулина.

— Мал золотник, да дорог, — с улыбкой сказал комдив. — Спасибо, сынок, хорошо воевал. Видел я, как поднимаешь ты людей. Спасибо.

Комдив обнял и расцеловал Рагулина и прикрепил к его гимнастерке орден Красной Звезды. А на другой день комсомолец Рагулин был принят кандидатом в члены партии.

Грянули новые бои. В районе населенного пункта Свищево некоторые подразделения полка оказались отрезанными от основных сил. Пехота противника прорвалась к наблюдательному пункту командира полка. В этот критический момент Василий Рагулин вызвался пробиться к резервному батальону, с которым была прервана связь. Используя лощины и заросли кустарника, он добрался под пулями и снарядами до батальона, объяснил задачи и вместе с подразделением участвовал в контратаке. В бою его снова контузило. На неделю вышел из строя, но полка не покинул.

В те памятные бои на Смоленщине Василий Рагулин стал комсоргом батальона. А в боях за Белоруссию он возглавлял комсомольцев полка. За ним молодежь шла, как говорится, в огонь и в воду. И все потому, что вожак в каждом бою показывал образцы мужества и отваги.

Мы, политотдельцы, решили тогда обобщить опыт партийной и комсомольской работы в боях. И большое место в том материале занимал рассказ о В. Рагулине, его умении опираться на актив, быть всегда впереди. Опыт этот изучался впоследствии во всех ротах и батальонах.

...В октябре 1943 года дивизия завязала на дальних подступах к Орше тяжелые бои.

Приближалась 25-я годовщина ленинского комсомола. По инициативе комсомольцев полка, непосредственно на передовой, было написано в ЦК ВЛКСМ письмо-клятва воинов. Они клялись Родине, что в предстоящих боях не посрамят чести ленинского комсомола, не пощадят крови и самой жизни для освобождения Родины. Это письмо-клятва, впоследствии переданное по Всесоюзному радио, ходило по траншеям, его подписывали и комсомольцы, и несоюзная молодежь.

Бои в этом районе носили тяжелый характер. В ходе их немцы предпринимали отчаянные попытки сохранить за собой занимаемые рубежи, используя доты, бронированные колпаки, минные поля, проволочные заграждения и другие сооружения. Однако эти усилия врага оказались тщетными. После перегруппировки войск наше соединение в составе 3-го Белорусского фронта было в первом эшелоне наступающих. Оно взломало оборонительную систему врага. Комсорг Рагулин был в самой гуще сражавшихся. Утих бой. Рагулин-комсорг, Рагулин-агитатор пишет листок-молнию о рядовом Нурисламбекове, уничтожившем пятерых гитлеровцев, рассказывает воинам о комбате Роцине, геройски погибшем в бою...

Тридцать лет прошло с тех памятных событий. Но если вы сегодня встретите на улицах Ворошиловграда (где живет сейчас Василий Иванович Рагулин) невысокого роста мужчину в гражданском костюме, пополневшего, с седой головой и открытой, добродушной улыбкой, знайте — это один из героев войны, один из тех, кто в нашу общую победу внес достойный вклад.

Слав мысли и воли

Писатель и военный историк Михаил Брагин в дни битвы на Волге был корреспондентом газеты «Правда» и журнала «Знамя» на Юго-Западном и Донском фронтах. Увиденное им в то время отображено в книгах «Великое сражение под Сталинградом», «От Москвы до Берлина» и других.

Направляя меня на Юго-Западный фронт, к Сталинграду, редактор «Правды» П. Н. Поспелов ставил задачу освещать не только отдельные боевые эпизоды, но и ход общего наступления, что и определило место военного корреспондента в войсках. Поясняя задачу, редактор сказал, что читатели, особенно партийный актив, разъясняющий массам события войны, должны своевременно получать сведения о них из газеты. Это не могло не беспокоить: надо было думать, как осмыслить операцию на громадном театре военных действий, безошибочно их оценить и верно отразить, не нарушив военной тайны.

Поколение офицеров, к которому я принадлежу, выросло, осваивая теорию глубокой операции. Мы познали необходимость наступления на всю оперативную глубину обороны противника, видели возможности танковых войск — ведущей силы в глубокой операции, верили в победу Красной Армии и ждали торжества ее военного искусства.

И вот я на наблюдательном пункте 1-й гвардейской армии генерала В. И. Кузнецова, прорывающей оборону противника на Среднем Дону. Тяжело давался прорыв. Плацдарм за Доном, с которого началось наступление, открыт наблюдению: необрущенные стебли подсолнуха почти не маскируют наши Т-34. Медленно ползут они по снегу, скрывающему минные поля. Вражеская артиллерия прицельно бьет с высот Задонья, особенно вредит нам узел обороны у села со злым названием Гадючье.

И все же к исходу короткого декабрьского дня соединения 1-й гвардейской армии продвинулись вперед, а танковые корпуса под командованием генералов П. Полубоярова, П. Павлова, Б. Бахарова, довершая прорыв обороны противника, устремились в глубину.

С радостью я узнал, что за ними вводится в прорыв танковый корпус генерала В. Баданова. Он командовал в 1934 году танковым батальоном 5-го механизированного корпуса им. Калиновского, а мне выпала удача командовать ротой БТ в этом батальоне. Замечательный командир с боевым опытом первой мировой и гражданской войны, учитель по призванию и службе до революций, добрейший Василий Михайлович Баданов хорошо учил подразделения.

С кем же, как не с ним, быть мне в операции! Но специфические задания редакции диктовали свои условия. Нельзя сразу бросаться в тактические звенья войск, если хочешь уяснить обстановку на всем фронте, нельзя отрываться от штаба фронта, не передав в редакцию статью о прорыве, потому что в рейдирующем танковом корпусе телеграфной связи с Москвой нет.

Пользуюсь тем, что с началом наступления корреспондентам разрешается следить за его развитием в штабе фронта, а захваченные документы противника и допросы пленных офицеров помогают сопоставлять данные, всесторонне уяснять обстановку. Очень полезны были беседы с мудрым, неизменно спокойным генералом В. Кузнецовым. С благодарностью вспоминаю генерала Г. Родина, командовавшего бронетанковыми войсками Юго-Западного фронта, с которым побывал в стрелковых частях, где отлаживалось взаимодействие с танками.

Стало известно, что корпус Баданова прорвался на небывалую в то время глубину в 250 километров и захватил станцию Тацинскую.

Наконец в «Правду» отослана статья «Удар на Дону», и я получаю возможность пуститься в догон за тапкистами. Проскакиваю освобожденные станции и в одном из хуторов нагоняю остановившуюся «эмку». Из открывшейся дверцы показываются руки с костылями. Опираясь на них, из машины выходит командующий 3-й гвардейской армией генерал Лелюшенко, знакомый мне по службе в том же 5-м мехкорпусе им. Калиновского. Он ранен, но продолжает руководить войсками.

— Ты куда? — спрашивает меня озабоченный командарм.

— К Баданову.

— Не проскочишь. Его корпус дерется в окружении. Принимаем меры, чтобы ему помочь.

Вот она, быстро меняющаяся, сложная и острая обстановка, когда наши танковые соединения наносят удары по глубокому тылу врага, а он, спасаясь от катастрофы, мобилизует все силы и отвечает опасными контрударами.

С тяжелыми боями пробивались стрелковые дивизии к Тацинской, а корпус Баданова, уничтожив на аэродромах у Тацинской 350 самолетов противника, нанеся потери его дивизиям, вырвался из окружения.

Начальником штаба корпуса, обеспечившим в труднейших, критических условиях искусное и твердое управление бригадами,

оказался полковник А. Бурдейный (ныне генерал-полковник, Герой Советского Союза). С ним и с нашим наставником В. Бадановым в часы затишья разбирали мы рейд на Тацинскую, принесший корпусу гвардейское Знамя и наименование «Тацинский», а его командиру — первому в Красной Армии — орден Суворова.

Корреспонденту необходимо было видеть и тактические действия, и людей переднего края, поэтому место мое оказалось в танковой бригаде, которой командовал полковник С. Нестеров.

Помнится, как начальник штаба бригады майор В. Шанин (ныне генерал-лейтенант) раскрыл новую группировку вражеских танков. Меры были приняты, но для понесших потери бригад бои приняли неравный, тяжелый характер. В этот момент подоспели резервы Главного Командования, и войска Юго-Западного фронта, отбрасывая противника, двинулись на Донбасс.

Задание редакции повело меня снова к Сталинграду, где Донской фронт довершал разгром окруженной 6-й армии Паулюса... Статья «Великое сражение под Сталинградом» была своевременно опубликована в «Правде».

С глубокой признательностью я часто думаю о редкой для военного историка возможности, предоставленной мне командованием и редакцией «Правды», — воочию видеть боевые действия войсковых масс, их беспримерный героизм, оценивать массированное применение боевой техники, писать об этом с фронтов. Но сегодня хочется сказать о творческой силе нашего командования, без которой не действуют ни войска, ни техника.

Мысль командиров зрела в острейшей борьбе. Она билась в часы трудного прорыва, когда мозг командира осаждается множеством противоречивых данных. Так, Баданов решал, вводить ли ему корпус в глубину обороны. Мысль работала непрерывно, днем и ночью, в штабе полковника Алексея Бурдейного, управлявшего стремительным движением бригад на марше, их действиями в неожиданно встывших боях с резервами врага в глубине его обороны. При этом нельзя было ни разбрасывать силы, ни замедлять продвижение к главной цели, к Тацинской. И когда уставшие в боях и на маршах танкисты собрались в районе Скосырской, мысль командира корпуса и его штаба решала: продолжать ли движение, несмотря на крайнюю усталость экипажей, и на рассвете атаковать Тацинскую или ночь отдыхать, а с утра двинуться вперед с риском потерять фактор внезапности? Надо было также решать, как атаковать противника, чтобы его самолеты не успели подняться в воздух — иначе возникнет, образно говоря, схватка льва с кондором, причем первый окажется без прикрытия с воздуха...

А когда корпус Баданова выполнял задачу и был блокирован танковыми дивизиями противника, командующий фронтом генерал Ватутин дал право комкору решать самому, когда выходить из рейда. Баданов и Бурдейный сначала атаковали противника,

затем незаметно и быстро от него оторвались и вышли к своим стрелковым соединениям.

Эти заметки касаются главным образом успехов Тацинского корпуса, но его успехи стали возможны и потому, что он действовал в составе побеждающих фронтов, направляемых их командованием и Ставкой...

В титаническом единоборстве социализма против фашизма армия социалистического государства побеждала, ибо она руководствовалась марксистской военной мыслью, опиралась на силу войск, на их оружие и военное искусство, на их массовый героизм, на талант, героизм труженников тыла, на весь советский народ.

Советская военная мысль побеждала потому, что была коллективна, рождалась, крепла, осуществлялась с максимальным творческим усилием каждого ее посетителя — от Ставки до штаба подразделения, она была победоносна и потому, что была в своем стремлении едина у маршала, генерала, офицера, солдата, каждый из которых «своей маневр понимал», вкладывая в него все силы разума и души.

В тиши кабинетов высшего командования мысль эта рождалась в муках, потому что невероятно велика была ответственность военачальников перед страной, ее народом, ее армией. Она рождалась во фронтовых и армейских штабах под авиабомбами противника, на которые не обращалось внимания, потому что высшим мерилом поведения людей была не забота о личной безопасности, а забота о победе своих войск в тяжелой, кризисной борьбе, когда обстановка сложна и опасна, когда от ясности, верности замыслов командования зависит судьба подчиненных соединений и частей.

Мысль действовала в боевых порядках войск, где витает смерть, где командир должен сидеть, стоять, лежать под жестоким огнем, сохраняя полное спокойствие, присутствие духа, проявляя ясность сознания, смелость и обоснованность решений. Это — труднейший героизм, по сравнению с которым командиру кажется порой более легким бросок в атаку во главе подразделения...

О мысли в боях пужно писать, потому что значение ее сейчас многократно умножилось, как умножилась разрушительная сила оружия, направляемого военной мыслью.

И когда сейчас, по прошествии более чем трех десятилетий со времени битвы на Дону и на Волге, меня спрашивают, что я видел в те дни, я отвечаю: видел героических воинов-сталинградцев, видел доблесть, военное мастерство войсковых соединений, видел грозное оружие, разившее сильного, коварного, отлично вооруженного врага, и видел творческую, героическую мысль наших командиров в победоносных сражениях.

Подвиг хирурга

— Товарищ майор!

Комарович оглянулся — опять застряла подвода. Ездовой размахивал вожжами, еще надеясь выбраться из кювета.

Комарович дал знак остановиться, подобрал полы шинели и быстро зашагал в хвост колонны. Солдаты-повозочники из команды выздоравливающих, обгоняя майора, побежали выручать застрявших. Колонна полевого передвижного госпиталя, оставив в тылу свои автомобили, преодолевая весеннюю распутицу и бездорожье, на повозках двигалась на запад, вслед за наступающими частями.

Когда вытащили повозку, Комарович дал команду двигаться дальше.

— Товарищ старшина, откуда в госпитале взялся этот долговязый майор? — спросил ездовой рядом шагнувшего Глебова.

— Ты что, не знаешь? Это же наш ведущий хирург. Его прислали к нам из группы усиления. Перед ним шапки надо снимать: он с первых дней войны на фронте, сколько нашего брата спас — счету нет...

На третьи сутки Комаровича начала одолевать дрема. Сделать бы привал... Нельзя... Ни на один час нельзя — там ждут раненные.

Миповали село, спустились в ложпну. На подъеме все увидели «виллис», застрявший в грязи. Вокруг него ходил генерал Черняховский с адъютантом и шофером.

— Кто такие? — спросил генерал в ответ на приветствие.

— Хирургический госпиталь следует в местечко Сбарай, — доложил Комарович.

— Я тоже еду в передовые части. Выручайте своим «войскам».

Когда машину вытащили, генерал вытер платком руки и обратился к солдатам:

— Спасибо, товарищи! Вижу, как вам трудно. Этот переход — тоже подвиг. Раненные ждут вашей помощи, и поэтому надо спешить.

Обоз прошел за трое суток по весенней распутице 103 километра! Начальник госпиталя (он выехал вперед на день

раньше) и представитель медицинского отдела армии встретили колонну.

— Отдыхать не придется, товарищи, — сказал начальник госпиталя. — В местечке скопились сотни раненых.

Госпиталь разместился в монастыре и прилегающих к нему зданиях. В кельях развернули три операционные на одиннадцать столов. Как только все было готово к работе, Феликс Петрович Комарович вышел в приемно-сортировочное отделение. Хирург ходил среди раненых и отрывисто говорил:

— В первую очередь... Тоже... Немедленно... Во вторую... А этого? — хирург наморщил лоб. — Рядовой Ольховой? Иван Сазонович! Опять встретились...

Ольховой давно водил глазами за Комаровичем — он сразу узнал его... Да как не узнать, когда уже дважды врачевал его раны этот высокий, слегка сутулый доктор.

— Опять к вам попал, товарищ майор. С вашей легкой руки снова вернулся на фронт и дойду до Берлина.

— Не сомневайтесь, Иван Сазонович, залатаем тебя по-нашему, по-сибирски — крепко и надолго.

Ольховой повеселел.

— Доктор! Родимый! Спасите! — метался раненый, к которому подходили врачи. Комарович откинул шинель — ноги не было. Хирург застыл на мгновение, заколебался.

— Срочно на стол! — произнес он решительно.

— Но... — попытался возразить врач Колосов, намекая на безнадежность раненого.

— Без всяких «но», Петр Артемович.

Раненого внесли в операционную. Комарович быстро отсекал омертвевшие ткани, удаляя остатки раздробленной кости. Пальцы хирурга не очень уверенно держали скальпель, слегка дрожали колени, а по бледному лицу медленно стекали холодные капли пота — сказывались дни перехода! Но так было первые минуты, пока Комарович не вошел в привычный ритм. Вскоре глаза его видели только одно — рану солдата.

— Ольга Сергеевна, остальное доделайте сами, — выпрямившись, распорядился Комарович. — Переливание крови, физраствор. И наблюдайте. Как фамилия раненого?

— Безруков, — ответила сестра.

Миновали первые сутки. Измученные трехдневным переходом, люди временами засыпали прямо у операционных столов. Комарович был все время на ногах, ни разу не прилег: оперировал, консультировал, подбадривал подчиненных и раненых. Крепкий организм и сознание долга помогали ему находить в себе силы работать на втором дыхании, работать и тогда, когда организм, казалось, уже не мог обойтись без сна и отдыха. И только когда все неотложные раненые были обработаны, ведущий хирург дал команду сделать перерыв,

Наскоро пообедав, люди засыпали непробудным сном. В течение суток всем работникам операционной удалось поспать по четыре часа. Один Феликс Петрович сновал туда-сюда. Дело дошло до того, что уже начальник госпиталя потребовал, чтобы он прилег отдохнуть.

— Вы за меня не волнуйтесь, мой организм меня не подведет, — ответил хирург.

Но стоило ему присесть, пока готовили очередного раненого к операции, как он мгновенно заснул.

Комарович ежедневно осматривал нетранспортабельных раненых. Не меньше двадцати человек постоянно ждали его решения: кого уже можно эвакуировать, кому еще полежать, а кого вновь положить на операционный или перевязочный стол. И в этот раз, зайдя в палату, где стояло два десятка носилок с ранеными, он приседал на корточки, нагибался, заглядывал под края повязок, всматривался в лица раненых. Безруков выглядел молодцом, а Ольховой, раненный осколками в мягкие ткани левой руки и правой ноги, с трудом, но уже двигался по палате. Он уприсил Комаровича не отправлять его в тыл.

— Раны-то мои пустяковые. Я поправлюсь — и опять в свою роту, — настаивал Ольховой, которому шел шестой десяток. — Присядьте хоть на минутку, товарищ майор, — пододвигая табурет, попросил Ольховой.

— На минутку можно, Иван Сазонович, не больше.

Отпустив врача госпитального отделения, который сопровождал его во время обхода, Комарович присел.

— Ну и работенка у вас! — сказал Ольховой. — Только сейчас понял... Вы же седьмые сутки на ногах! На передовой и то бывают перерывы.

Комарович не ответил. Голова его медленно склонялась, а длинные руки, лежавшие до того на коленях, повисли как плети, едва не касаясь пола. Он все еще пытался удержать голову, но она склонялась все ниже и ниже и наконец опустилась на грудь.

Ольховой приподнялся на локте.

— Ребята, — сказал он полушепотом, — хирург заснул.

...Счет смены дней и ночей был потерян — работали 17 суток непрерывно. Ведущий хирург строго следил за очередностью отдыха подчиненных, а сам проваливался в забытье лишь в минуты ожидания подготовки раненого к операции. И когда на восемнадцатые сутки обработали и эвакуировали последних раненых, Комарович облегченно вздохнул. Ему показалось странным, что не надо куда спешить. Он присел. Сели все, кто где стоял: на винтовые табуреты, операционные столы и просто на пол — не верилось, что все кончилось.

— Спасибо, друзья, — помолчав, промолвил Комарович. — Молодцы! Такого я еще не видел.

Захотелось глотнуть свежего воздуха. Он вышел на улицу, радостно вздохнул полной грудью и... упал лицом вниз, выбросив вперед руки.

К нему подбежали, осторожно повернули на спину.

— Потеря сознания от переутомления, — заключил один из врачей.

Подполковник медицинской службы Феликс Петрович Комарович сделал за время войны свыше десяти тысяч операций. Потом он шестнадцать лет работал ведущим хирургом Краснодарского военного госпиталя. Здесь ему было присвоено звание заслуженного врача РСФСР.

Пламя на холмах

Грозовой рассвет

Мина, еще мина... Тысячи их ложатся в жирный курский чернозем, давно не паханный плугом. Тысячи их затаила в себе земля до поры до времени — в шесть раз больше, чем в обороне под Москвой, в четыре — чем на сталинградской земле.

Нынешней ночью, как прошлой и позапрошлой, минеры, лишь только спал июльский зной и сгустились сумерки, опять начинали взрывчаткой поле — узкий, вытянутый вдоль железной дороги «язык», занимавший каких-нибудь три-четыре вершка на карте-двухверстке огромного Курского выступа в двадцать две тысячи квадратных километров.

Когда новое минное поле было готово, командир отряда Подопригора подошел к командиру роты Цедрову.

— На совесть сделали, товарищ старший лейтенант. Можете не проверять.

Минеры устало вглядываются в горизонт, повитый ранней предрассветной дымкой. Что там, за ним, за теми черными холмами, где небосвод всю ночь тревожно рдеет синим мертвенным светом ракет?

Вчера к минерам приезжал командующий фронтом. Высокий, осанистый, любимец солдат, он мало говорил сам, зато очень внимательно слушал других. Только после того как командир бригады доложил ему все до мельчайших подробностей о расположении минных полей и в глубине обороны, и перед передним краем противника, Рокоссовский спросил ровным, спокойным голосом:

— Не будет ли большого разрыва между полями?

— Не будет, товарищ командующий.

— А если немцы пробьют бреши в ваших полях или обойдут с фланга? Тогда как, Михаил Фадеевич? — Генерал армии Рокоссовский знал комбрига Иоффе по Донскому фронту, как был знаком и со многими солдатами и офицерами бригады.

— Тогда на пути танков встанут подвижные отряды, — комбриг посмотрел на солдат, как бы говоря: «Вот они, живые бастионы». И в самом деле, это были отважные люди, герои Ста-

Генерал Рокоссовский с боевыми соратниками

Линграда, с гвардейскими значками, с лесенками нашивок за ранения.

Командующий несколько секунд молчал, припоминая что-то. Еще по боям на Волге и Дону знал он, что такое подвижные отряды заграждения — этот новый, рожденный в огне войны метод борьбы с вражескими танками, когда они атакуют или вклиниваются в глубь обороны. Тогда уже не минные поля, а сами люди вступают в единоборство с броней.

Рокоссовский, хмурясь, молчал в раздумье. Во взгляде его, только что приветливом, лучистом, вдруг появилось что-то напряженное и тревожное. Еще раз посмотрел на комбрига и спросил озабоченно:

— Мин хватит?

— Пока есть, — чуть помедлив, ответил тот, — по мало, товарищ командующий. И это нас заставляет искать резервы.

— И где ж, интересно, вы их находите?

— За счет маневра минами в ходе боя.

— Молодцы! — Рокоссовский обвел всех светло-голубыми глазами. Затем неторопливым шагом прошелся вдоль траншеи, и тут неожиданно его взгляд остановился на приземистом, широкогрудом, точно отлитом из бронзы креныше, из-под пилотки которого вихрился непокорный льняной чуб.

— Никак, знакомы, гвардеец?

— Так точно, товарищ генерал.

Сержант Силанов резко выбросил руку к виску и замер, не мигая. Орден на его вылинявшей до белизны гимнастерке едва приметно оттягивал хлопчатобумажную ткань. И, видя, что командующий его слушает, напомнил:

— Вы мне, товарищ генерал, орден вручали у Казачьего Кургана. Помните, товарищ генерал, я ихних два танка сжег! Ихними же минами и спалил!

— Что ж, чтобы не в последний раз, — улыбнулся командующий. — Комсомолец?

Минер на миг вспомнил, как еще там, в тесной фронтовой землянке на крутом волжском берегу, начальник политотдела вручил ему партийный билет, вспомнил, как поклялся биться с врагом до последнего дыхания, до последней капли крови, как положено сыну ленинской партии.

— Коммунист! — выдохнул Силанов.

— Это хорошо! Коммунисты, они крепче любой крупновской стали, — загорелое лицо командующего тронула улыбка. — Выходит, вместе Паулюса колотили? — Рокоссовский сделал паузу, а потом строго и твердо сказал, как давно выношенное и решенное: — А теперь будем бить Моделя. Танками грозит. А их у него, как показывают данные разведки и пленные, немало. — И, помолчав, добавил: — Да если еще учесть пехоту, минометы, пушки, авиацию. Тараи огня и стали! — Командующий снова сделал паузу, заглянул в притихшие, выжидающие глаза минеров и неожиданно спросил: — Знаете, что такое «тигр»? Не побойтесь, не струсите, когда навалится эдакая железная язгающая гора в шестьдесят тонн?

В траншее стало оживленно. Послышались голоса, твердые и уверенные:

— Устоим!

— Надеюсь, верю вам, — с благодарностью сказал Рокоссовский. — Сталинградцам, да еще гвардейцам, ничего не страшно.

Уезжал командующий от минеров, когда по склонам уже ползли тени, окутывая сизой дымкой минные поля и проволочные заграждения за ними. Пологую балку заливал сумеречный туман. Над холмами и березовыми рощами дотаввала звездная июльская ночь, как никогда, настороженная, тихая и душная, обещающая грозу. Она и впрямь разлилась на рассвете...

Казалось, сам воздух источал огонь. Туда, где еще лежали не высохшие от росы поля, напозал, ширясь и густея, темно-бурый удушливый дым. Черные, как антрацит, глаза командира бригады Иоффе вспыхнули тревожными блесками. Сдерживая неизбежное в таких случаях волнение, он порывисто крутнул ручку телефона. На том конце провода послышался голос командира второго батальона инженерных заграждений майора Ванякина:

— Я — «Миша»...

— Танки рвутся в глубину обороны. С минуты на минуту они могут оказаться у вас. Рубеж держите любой ценой, — все это комбриг произнес с твердостью в голосе. От напряжения его кустистые брови круто вздернулись. — По какому варианту действовать, вам виднее по обстановке...

Наблюдательный пункт майора Ванякина, выдвинутый к самой окраине Понырей, располагался за железнодорожной будкой. Отсюда, с насыпи, простым глазом он видел, как по дальнему полю двигались танки, подминая под себя стебли вызревающей ржи, и из их длинных как жерди стволов выплескивались сгустки пламени. Впереди двигались «тигры» с десантом автоматчиков, к ним жались бронетранспортеры с пехотой.

В трехстах метрах от первой волны катилась вторая — средние танки, а за ними проворным бегущим строем двигались штурмовые пехотные батальоны. И снова третья волна — опять средние и легкие танки и густые цепи пехоты в мундирах мышиного цвета. Танки с каждой минутой набирали скорость, однако издали казалось, что они ползли медленно, грузно переваливаясь с пригорка на пригорок. Над ними зловеще клубилась серая висячая пелена взбитой пыли.

Но еще до того, как этим стальным волнам выплеснуться на поле, по всем нашим телефонам, траншеям, окопам полетело тревожное, предупредительно-требующее:

— «Гроза»? «Гроза»? Танки! Дайте огня!

«Гроза» — это командир противотанковой истребительной бригады, с которой взаимодействовали минеры Ванякина.

— Сам вижу... Пусть подойдут поближе.

Откуда-то с косогора зло и резко ударили противотанковые орудия. За ними — минометы. Били из окопов бронебойные ружья. Через минуту-другую над беслым ржаным полем и бугристо-темным перелеском бушевал шквал огня.

Подавляя нервный озноб, Ванякин не сводил взгляда то с танков, то с пологой балки, затопленной снизу утренним туманом. В эту минуту ему больше всего хотелось, чтобы танки непременно пошли по этой балке, только по ней. И, словно угадав его желание, они и впрямь повернули к ней, но в самый последний момент вдруг замедлили ход и, неуклюже переваливаясь, стали разворачиваться. Свернув, однако, с одного минного поля, они патолкнулись на другое, соседнее, установленное вдоль железнодорожного полотна. Под гусеницами всыхнуло пламя. Сразу загорелось шесть танков.

Стальная волна начала менять курс движения. Хитрят черти! Ванякин глянул прямо в лицо Цедрову, стоявшему рядом. Тот понял комбата с одного взгляда.

— Разрешите?

Фашистские танки медленно выплывали из полосы дыма. Раз, два, пять, семь, десять... — глаза Цедрова лихорадочно блестят.

Он козыриул, как положено, и кинулся бегом за пригорок, где в широколиственном кленовнике его поджидала полуторка, обычная, выносливая, изрядно потрепанная машина с деревянными лотками для сброса мин.

— Подопрпгора! Живо! — Старший лейтенант вскочил на подножку, и машина помчалась по дну балки туда, к дороге, куда вероятнее всего могут свернуть танки. Сейчас они двигались уже не волнами, их боевой строй под огнем нашей артиллерии сломался, стал дробиться на мелкие ромбы и клинья. Двенадцать танков, отделившись от основной массы, не пошли напрямую по задымленной местности, а на ходу изменили направление атаки и теперь двигались к ложнине, которая давала им возможность ударить с фланга по нашим огневым позициям.

— Ишь, чего захотели, гады ползучие! — у Подопрпгоры от злости перехватило дыхание. Вглядываясь в большие тупорылые коробки с черно-белыми крестами, он подумал, что если они не сбавят скорости, то преградить им путь будет трудно или почти невозможно. Поэтому и сам он, и все его минеры, потные, усталые, с лихорадочной поспешностью ставили мины и тут, на покатои склоне, и там, на плоском гребне косогора, откуда били наши орудия, и дальше до самой дороги.

Старшего сержанта Щепцова с бойцами Бескоровным и Абрахиным Подопрпгора послал на дорогу. Но тут же забеспокоился: успеют ли?

Танки на высокой скорости, с воем моторов и лязгом гусениц подошли к балке и, дав длинные очереди из пулеметов, стали переезжать ее. И под их днищами загремели взрывы.

...Комсомолец Александр Андрухов, стиснув до хруста в пальцах мину, выскочил на миг из укрытия, помчался было туда, к танкам, как вдруг, веря и не веря себе, увидел, как из пелены едкого дыма возник человек. Андрухов не сразу узнал его, в прожженной почерневшей гимнастерке, без пилотки. А когда он как-то косо, неестественно горбясь и шатаясь, подошел ближе, Андрухов бросился к нему.

— Вася, ты? Что с тобой? — Андрухов обнял его за плечи и только теперь заметил, как у того плетью висела перебитая рука. — Ранен? Как же это, а?

Силанов шевельнул короткими опаленными бровями и улыбнулся одними губами с грустной усталостью.

— В огне, Саша, сам знаешь, брода нет. — Он оглянулся, посмотрел туда, где чадно дымил тяжелый танк. — Это я его тряхнул на мине... — Минера все еще трясло как в лихорадке.

И было от чего. Когда передний танк, тяжелый, приземистый, наскочил на мину, а идущие за ним стали менять направление, Василий Силанов метнулся куда-то в балку и исчез в зеленоющем кустарнике. Танк двигался прямо на него, и два глазка, две прорези — водителя и стрелка — в упор смотрели на минера. Страшно ли ему было? Боялся ли смерти? Что и говорить, не

каждый бы отважился на такое, а он вот, коммунист, бесстрашно бросил вызов сатанинской силе и победил ее. Это был восьмой танк, подорванный в тот день на минах отряда гвардии старшего сержанта Григория Подопригоры.

В стонущем, раскаленном воздухе остро и ядовито пахло жженым металлом и тухло — толом. А танки с черно-белыми крестами все накатывались и накатывались черными волнами...

Живые бастионы

Когда старший лейтенант Титов взбежал на высокую железно-подорожную насыпь и огляделся, то глазам своим не поверил: танки ползли на них, как в прошлый раз, страшные, огромные, только на этот раз их было больше.

Рубеж старшего лейтенанта Титова, в сущности, представлял собой маленький щит, прикрывавший подход к станции Поньри. Надо было сдерживать, во что бы то ни стало сдерживать бешеный натиск врага. Сдерживать любой ценой, любыми средствами.

— Ефрейтор Цибизов, немедленно к переезду. И Струкова с собой возьмите. Не пускайте танки к переезду. Ясно? — Титов чуть помедлил: — Если не сумеете, то хоть задержите. Ясно? А мы тут встретим их, как положено.

Беда тем неожиданнее приходит, чем напряженнее ждешь ее. В горячке боя, в смятении самых противоречивых чувств и мыслей, когда сами действия опережают мысли, командир роты, оставшись с горсткой бойцов, не сразу заметил, как вражеские танки повернули вдоль железной дороги. «Надо первыми. Надо успеть перехватить их прежде, чем они это сделают», — мелькнуло в голове Титова. Он расстегнул душивший его ворот гимнастерки. Ожидание этого последнего мгновения перед броском вызывало в нем протест и жажду биться, он поднялся в полный рост и скомандовал:

— Вперед!

Машина выскочила из укрытия, стала рассеивать мины по отлогому косогору. Над ней засвистели осколки. Фашисты били из минометов. Осколком перебило рулевое управление, и машина стала беспомощной. Титов приказал миперам снять мины из лотков и продолжать минирование участка местности, на которую вот-вот должны выскочить танки. А сам, работая локтями, пополз к косогору. Под мышкой у него была мина в плоской металлической коробке. Но поставить ее в грунт, а тем более хотя бы чуть-чуть прикрыть дерном, чтобы не было видно, он уже не смог: головной танк, перевалив через гребень косогора, открыл по нему огонь. Выждав еще малость, когда он подойдет ближе, Титов уловил мертвое спасительное пространство. Теперь уже было не так опасно. Одним прыжком мипер очутился около самых гусениц, швырнул мину под них и упал, зная, как страшны ее осколки, когда она рвется в пяти—десяти шагах от тебя,

Когда рассеялся дым, Титов поднялся со дна узенькой щели, спасшей его, и оглянулся вокруг. Метрах в десяти от него, у самого переезда через железнодорожное полотно, дымились еще три танка, а подле них, у катков с сорванными гусеничными лентами, лежали два его минера, убитые осколками своих же мин.

У перекрестка дорог, на краю оврага с желтоглинистым обрывом, танки уже поджидали минеры-электрики капитана Сталева. Пятью — десятью минутами раньше к ним звонил командир батальона.

— Ну, как у тебя там, на дороге? Жарко? — спросил он Сталева. — И у меня, дорогой, хоть рубашку выжимай. Удержать рубеж — вот наш долг. Будь жив, дорогой. — И еще раз, должно быть больше для себя, встревоженно предупредил: — Смотрите не прозевайте.

Сидя в окопе, Сталев неотрывно смотрел туда, где стлались ровными прямоугольниками электризованные заграждения. В густом травостое их не было видно, как и не было видно того источника, который их питал током высокого напряжения.

— Ну, нет, им тут не пройти, — Сталев гневно сверкнул глазами. — Лишь бы не повернули, лишь бы не уклонились левее.

— Там тоже минное поле, товарищ капитан. Пусть только повернут, и каюк им...

Тут же, в окопе, сидели и минеры Сталева: командир кабельного отделения сержант Иван Просвиряков, связист Алексей Байбулатов, шофер Иван Кульнев, пожилой, степенный, с большими мозолистыми руками. Со вчерашнего дня все они не сомкнули глаз, наработались и смертельно устали.

Командир роты подождал еще с минуту и, определив, куда нацеливают свой удар танки, отдал приказание на включение боевого напряжения.

Плотный дымный воздух дрожал от рева моторов. Танки двигались, невзирая на ожесточенный огонь наших артиллеристов, бывших откуда-то со стороны Тепловских высот. Снаряды со свистящим шелестом летели над головами минеров, с оглушающим грохотом рвались то у перекрестка дорог, то у оврага с желтоглинистым обрывом. Тут и там всныхивали дымными кострами подожженные танки. Другие же, не разбирая дороги и не подозревая, что их ожидает на этой затравеневшей луговине, лезли вперед. Вот они проскочили еще несколько метров и тут попали на электрофугасы. Безавшие за ними автоматчики еще какое-то мгновение беспомощно барахтались в сетках, пораженные током. По их трунам остервенело лезли другие...

Похоже было, что атака врага вот-вот захлебнется. Но в это время с фланга вышли еще десятка два танков и повели огонь, укатывая гусеницами все живое и мертвое. Земля вздыбилась. Кустарники и травы почернели. Книпящие клубы пыли, дыма, огня наползали на траншеи и окопы...

О подробностях событий 6 июля стало известно через много лет из документов архива Министерства обороны, а чуть позже — из уст того же капитана Сталева, ныне полковника, старшего преподавателя Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, доцента, кандидата военных наук.

Узнав о цели моей встречи с ним, он с минуту сидел молча, должно быть напрягая память. Времени-то сколько пролетело! Можно сказать, целая жизнь! Но то, что пережито и выстрадано в огне войны, вряд ли забывается.

— Надо сказать, — начал свой рассказ Георгий Федорович, — что гитлеровцы в первые дни боев на Курской дуге в силе были. Только в первую атаку на Поньри Модель бросил более 150 танков. Они непрерывно атаковали и с севера, и северо-запада, napрoлом лезли, хотели сровнять нас с землей. Им удалось протаранить в одном месте наши электризованные заграждения. Но это дорого обошлось врагу: он потерял семь танков и до ста солдат и офицеров.

Сталев снова задумывается:

— Да, ребята у нас были один к одному. Помнится, артиллерией сильно разрушило кабельную сеть. И, несмотря на то что там, на минном поле, все еще продолжали рваться снаряды, мины спокойно делали свое трудное дело. Сержант Иван Просвиряков с Алексеем Забродиним и Николаем Игнатовым произвели все исправления в сети, и к моменту атаки противника высокое напряжение тока передавалось на препятствия.

О себе же Сталев говорит неохотно. Воевал, мол, как все.

— А все же как?

— Теперь-то уж всего и не припомнишь. Сколько их было, танков боев, — до самого Берлина.

Тогда я показываю ему выписку из боевого донесения командира батальона подполковника А. Рождественского, датированного 6 июля 1943 года. В нем рассказывается, как смело и находчиво действовал капитан Сталев со своей ротой. Георгий Федорович даже привстал от неожиданности.

— Не может быть, не может быть, — повторял он одну и ту же фразу, вкладывая в нее не то свое неверие, не то радость; так он сидел с минуту, ошеломленный тем, что история, оказывается, не забыла ни его, ни его минеров. — А ведь могло бы все сложиться трагично в тот день, если бы не прикрыли огненные валы Соловьева.

— Кто такой Соловьев?

— Их у нас было двое, и оба — офицеры. В данном случае речь идет об Александре Константиновиче. Живет он под Москвой, в Жуковском. — Полковник Сталев поглядел на часы — ровно через пять минут начинаются занятия слушателей академии и ему идти в учебный класс. Я спрашиваю Георгия Федоровича, о чем, если не секрет, он писал свою кандидатскую диссертацию.

Он улыбнулся:

За мужество, храбрость, отвагу

— Все о том же... — И повторил, делая ударение на каждом слове: — О том, что было и осталось делом всей моей жизни...

На другой день по найденному адресу я повстречался с еще одним человеком из племени бесстрашных минеров. Всматриваюсь в его фотокарточку фронтовых лет и с трудом узнаю на ней того, совсем еще молодого офицера, каким он был в дни Курской битвы: погрузил, раздался в плечах, некогда темная шапка волос стала белой.

Это и был Александр Константинович Соловьев, бывший заместитель командира батальона по технической части, совсем недавно ушедший в запас в звании полковника-инженера.

— Что такое огненные валы? — переспросил он и, взяв лист бумаги, начал чертить схему миного поля, управляемого по радио. Впервые минеры бригады испробовали это новшество в качестве эксперимента в сталинградских боях. На Курской же дуге оно получило широкое применение. Управляемые мины в отличие от обычных рвались, взлетев над землей, на высоте трех — пяти метров, образуя огромные пламя. Это были испепеляющие огненные валы, наводившие на врага ужас и панический страх. — Да, многому нас научил Сталинград, — Соловьев вздохнул и задумался. О чем он думал? Быть может, о тех днях, суровых, огненных и удивительных, как легенда. А может, о своих друзьях-товарищах — все ли здоровы, живы? Нет, пожалуй, на свете ничего дороже фронтового братства и памяти о нем,

А может, виделось ему то свое далекое поле боя на холмистой курской земле, те старые, быть может, уже давным-давно стертые с лица земли окопы, где не один день и не одну ночь стоял он со своими минерами живым, непреступным бастионом?

Не одна и не две накатывались на него, как огненные смерчи, атаки, но всякий раз они отбивались; и тогда то тут, в лощине, то там, на покатоном склоне холма у самой железной дороги, густо дымили танки с порванными гусеницами. Два из них, черные, закопченные — один ткнулся пушкой в землю, другой с вскинутой башней, как сбитая к затылку шапка на голове, — подорвались на минах Ивана Джима. Бесстрашный минаер уже полз к третьему, спустившемуся по склону, но тут был смертельно ранен осколком в живот. Собрав последние силы, Джим окровавленными руками поднял над головой мину, но бросить ее уже не было сил — «тигр» раздал его и сам остановился недвижимым.

Туда же, к холму, где колонна, потеряв три танка, повернула к железной дороге, бежали другие минаеры, чтобы встать на их пути непроходимым барьером.

Обретшие бессмертие

Не добившись успеха на ольховатском направлении, противник с утра 7 июля перенес основные усилия на Поныри. Зловещие стальные клинья его двухсот танков атаковали непрерывно — и с севера и с северо-запада.

До полудня было отбито пять атак. Несмотря на героизм бойцов 307-й стрелковой дивизии, пятидесяти вражеским танкам с полком пехоты все же удалось ворваться на северо-западную окраину Поныррей.

Ни до этого дня, ни после не было, пожалуй, в боевой истории минаеров 1-й гвардейской инженерной бригады столь героической и трагической страницы, чем эта, написанная не чернилами, а кровью.

Минаеры 1-й роты второго батальона, возглавляемые старшим лейтенантом Александром Тушевым, оказались на самом острие танковой атаки. Они выставляли последний минный заслон уже в те минуты, когда, по существу, были отрезаны от своих основных сил.

Тушева знобило, его глаза черно и жарко горели на исхудавшем лице. Не впервые ему, бойцу Сталинградской битвы, приходится устанавливать мины под обстрелом и бомбежкой. На счету минаеров роты числилось 14 подорванных танков врага.

Как же сложится обстановка на этот раз? Стиснув кулаки, Тушев еще и еще раз бросал взгляд туда, на почерневшее открытое поле, где не было ничего, кроме этой грохочущей, ревущей, стреляющей, дикой, кровожадной стальной лавины. И он, укрощая прыгающее сердце, расчетливо ждал того момента, когда эта

лавина выплеснется на только что поставленное минное поле. Но вот на поле произошло что-то непонятное: 16 танков (он пересчитал их два раза), отделившись от колонны, повернули вдоль железной дороги. Это встревожило Тушева: могут обойти и замкнуть кольцо окружения.

Тушев связался с комбатом по радици:

— Нас окружают танки.

— Сколько? — спросил комбат.

— Двадцать шесть... Да еще заходят в тыл шестнадцать. На встречу им послал Гуляева.

Комбат Ванякин до боли в руке сжал нагрудный переключатель.

— Обложите себя минами, — с какой-то особой твердостью в голосе сказал он.

— Понятно, товарищ майор, — донесся в наушниках голос все того же Тушева. — Потом будем пробиваться к вокзалу...

— Ни в коем случае! — резко перебил комбат. — Ни в коем случае! — повторил он голосом, не допускающим возражения, и еще раз предупредил: — Туда нельзя! Слышишь меня, Тушев? Нельзя! Понял?

Здесь надо прервать изложение того, как развивались события дальше, и сказать, чем был так озабочен командир батальона. Дело в том, что на вооружении минеров бригады находилось еще одно грозное оружие — управляемые радиофугасы дальнего действия. Но поскольку способ применения этого оружия в то время был совершенно секретным, то о нем в бригаде знал весьма узкий круг людей.

Пишущему эти строки посчастливилось разыскать одного из них — Михаила Павловича Болтова, ныне проживающего в Ленинграде. В дни Курской битвы он с командиром роты капитаном Бутко и старшим сержантом Соковых устанавливал управляемые фугасы на стратегических объектах. Так было заминировано здание вокзала станции Поныри. В его подвале был установлен прибор с двумя параллельно включенными зарядами по две тонны взрывчатых веществ.

Когда немцы прорвались к вокзалу и заняли его, встал вопрос — взрывать здание или не взрывать. Отдать приказ на взрыв в бригаде никто не имел права, поэтому комбриг тотчас же связался с начальником инженерных войск фронта генералом А. И. Прошляковым. Тот в свою очередь сразу же доложил командующему Центральным фронтом. Рокоссовский ответил, что взрывать вокзал нет необходимости. Не сегодня-завтра фашисты будут выбиты из Понырей. Наши войска уже выиграли оборонительное сражение.

Обо всем этом старший лейтенант Тушев узнает несколько позже. А сейчас уже шел пятый час этого неравного поединка человека с броней. От роты осталась горстка людей. И вот, когда, казалось, обороняться уже невозможно, когда все или почти все

зависело от выдержки и самообладания, минеры услышали голос своего командира:

— Коммунисты, ко мне! — Тушев окинул взглядом поредевшие ряды и как-то уж очень доверительно, тихо, но отчетливо и твердо сказал: — Будем биться до последнего. — Рядом с ним уже стояли четыре коммуниста, оставшиеся в живых. Теснее сомкнули ряды комсомольцы, к ним потянулись остальные и даже раненые.

Да, это было логическое продолжение вчерашнего партийного собрания, на котором было принято решение: «Где трудно — там наше место. Считать уважительной причиной ухода с поля боя только смерть...»

...Митрофан Гончаров мысленно прикинул расстояние до танка, шедшего прямо на него, и не переставал разбрасывать мины. «Иди, иди ближе, гад!» — все в минере кипело и клокотало от испекающей ненависти. Главное, что сейчас страшило минера, когда он двигался навстречу танку, — это то, чтобы тот не остановился, не повернул. И когда танк, свирепо громяхая стальными траками, налетел на мину, а та оглушительно грохнула, Гончарова взрывной волной ударило о что-то жесткое. Кто-то крикнул на бегу:

— Митрофан, отползай за насыпь.

Тот сердито, протестующе мотнул головой.

— А тут... Кто тут будет охранять проход?

В ту же секунду сверкнуло, ударило в лицо пламя. Все поплыло перед глазами. В первое мгновение минера охватило отчаяние от сознания своей беспомощности: ведь у него почти ничего нет, кроме автомата да оставшейся единственной гранаты, которую он подобрал на поле боя. Танки не показывались, похоже, свернули к переезду. Но вместо них Гончаров увидел бежавших вражеских автоматчиков. Они уже стали было удаляться, и тогда Гончаров вслед им с силой швырнул гранату. В тот же миг взрыв снова бросил на минера жаркую волну воздуха, земли и осколков. И все стихло... Черные, медленно распадающиеся султаны, клубясь и светлея, тянулись к небу.

...Тушев устало осмотрел поле боя, увидел, как тут и там, вблизи и вдали, на исклеванной железом земле горели фашистские танки. Ни один из них не прошел там, где стояли коммунисты, сыны ленинской партии, люди стальной, негибимой воли. И сержант Иван Жерентаев, поставивший перед атакующими танками 34 мины, и старший сержант Николай Зыгин, взорвавший пять стальных машин, и сержант Петр Батанжаков, дважды раненный, но не покинувший поля боя...

И еще увидел Тушев, оглядывая дымное поле, то, от чего у него перехватило дыхание: к ним на выручку бежали наши стрелки. А первым среди них был высокий, сухощавый майор, бесстрашный комбат Ванякин. Похоже, что он вместе с ними шел в атаку.

Так оно и было. После разговора по радию с Тушевым майор Ванякин сел в машину и помчался туда, где бились в окружении его миныры. Дымом заволокло станцию. Пламя вихрилось над разбитыми вагонами и цистернами. Станционная постройка, в которую вошел Ванякин, была без потолка и крыши — всего четыре стены с выбитыми дверью и окнами. Здесь он и отыскал командира стрелкового батальона — им оказался капитан Петр Зозуля. Он-то и поднял своих людей в атаку вслед за нашими тапками. После короткой, но стремительной схватки кольцо окружения было прорвано.

Тушев, с черным лицом, оглохший и усталый до крайности, еле стоял на ногах. Из-под пилотки тоненькой стружкой сочилась кровь.

— В санбат! — только и произнес командир батальона. Тушев отрицательно качнул головой:

— Нет, не могу.

— А если прикажу?

— Не надо, товарищ майор, — старший лейтенант дрожал мелкой дрожью. Комбат посмотрел ему в глаза. Да, перед ним стоял тот самый человек, который только что так самоотверженно и бесстрашно бросил вызов стальной лавине, обладающей сатанинской силой, и победил ее: на минах его роты взорвалось 20 танков.

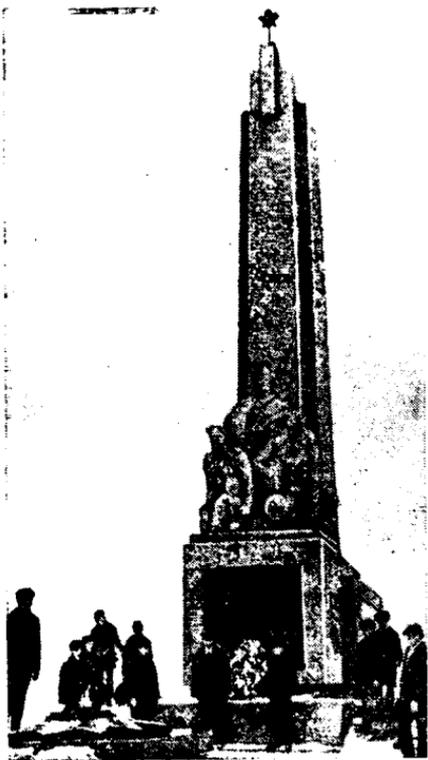
— Нет, не надо, товарищ майор, отправлять меня никуда, — на этот раз тверже повторил Тушев. — Не я один так поступаю. Каждый делает то, что партийная совесть велит.

Он мог бы еще добавить, что вот и Сафаров не переставал драться с «тигром» даже тогда, когда ему перебило руку осколком. Иван Джим предпочел погибнуть, но не пропустить врага. Подполковник Харченко, заместитель командира бригады, тоже остался в строю, даже когда его контузило и всего опалило. И Гуляев вот не отступил ни на шаг...

Ванякин молчал. Долго молчал, переживая смешанное чувство тревоги и какого-то окрыляющего возбуждения, и все больше проникался любовью к этому человеку и к его крепким и дружным парням, с которыми свела фронтовая судьба.

— Ну, смотри сам, приказывать не волен в таком случае...

Не думал не гадал майор Алексей Васильевич Ванякин в тот грозный час, что после победы на курской земле он пройдет еще длинный-длинный путь через поля Белоруссии, через Днепр, Варшаву, Одер, войдет в покоренный Берлин, останется живым, станет генералом и будет преподавать инженерное дело в Академии Генерального штаба; что, пройдя через все это, пережитое и выстраданное, уже спустя много лет после войны он придет сюда, на Поныревское братское кладбище.

Их подвиг бессмертен

...Генерал долго стоял в глубокой скорбной молчаливости и все ждал, когда уйдет из сердца боль — хоть опять валидол принимай, — но она не уходила. Рядом шумели молодые клены. Чистый, пронизанный солнечной дымкой воздух звенел над Понырями — там, где война все смела с лица земли и где теперь все было новым — и улицы, названные именами героев, и вокзал из бетона и стекла, и светлое здание Музея народного подвига в самом центре площади, окаймленной яблоневыми деревьями.

А там, за полотном железной дороги, от самых входных стрелок убегало вдаль неоглядное поле в шелесте хлебов, и посреди них, на плоской вершине кургана, стоял обелиск в честь людей бессмертного подвига, в честь тех, кому посвящен этот рассказ о первых днях жестокой обороны на многогострадальной, омытой кровью курской земле. О днях, самых

суровых и героических. Более 130 тысяч различных мин установили минеры в дни той битвы, в том числе 22 тысячи из них применили отряды заграждения в ходе сражения на боевых курсах вражеских танков. 192 танка и самоходных орудия противника подорвали минеры бригады — почти целую танковую дивизию гитлеровской армии.

Так, сражаясь бок о бок с пехотинцами, артиллеристами, саперами, танкистами, минеры 1-й гвардейской инженерной бригады вписали героическую страницу в летопись славной победы на Курской дуге.

...Еще и поныне нет-нет да и вывернет лемех плуга то всю изъеденную ржавчиной, перебитую гусеничную ленту, то осколок танковой башни,

Группа „Меч“

Был солнечный июльский день. На наш полевой аэродром прилетел генерал И. Подгорный — командир авиакорпуса. Иван Дмитриевич высок, подтянут, на вид ему тридцать — тридцать два года. Он расспросил о полковых делах, сказал:

— Знаете, как назовем вашу группу? «Меч»! Об этом у нас уже был разговор...

Мысль о создании специальной авиагруппы пришла не случайно. Она была продиктована очень сложной воздушной обстановкой, тяжелыми боями, назревающими новыми сражениями. Требовался резерв истребителей для выполнения важных, внезапно возникающих задач.

Генерал разрешил взять летчиков из других полков. Но, подумав, я отказался. Не хотелось отсылать своих в другие части, как бы в обмен на более сильных и более подготовленных. Лучше всего, думалось, иметь небольшую, но действительно крепкую группу летчиков, с которыми летал в бой и знаешь, кто на что способен. А успехи нашего 427-го полка были у всех на виду. В первые дни Курской битвы мы сбили 60 вражеских машин. Много было тяжелых боев и в последующем. Вот хотя бы этот фронтовой день...

С рассвета группа «Меч» приступила к боевому дежурству. Сидим в трех-четыре километрах от линии фронта, проходящей между Белгородом и Корочей, на аэродроме со странным названием «Тоненький». Вообще-то название соответствует аэродрому: это совсем крохотная полоска шириной менее ста и длиной около восьмисот метров, со всех сторон сжатая глубокими балками и оврагами с кустарником. Сюда мы прилетели вчера. На соседней площадке, у Кощеево, — «серые»: так мы называем теперь третью эскадрилью и других, летающих на «яках» серого цвета, в отличие от наших красноносых. Смотрю на часы. Все. Безмолвие кончилось. На соседней точке, в Кощеево, летчики запускают моторы; грохочет артиллерийская канонада, которая, видимо, не скоро кончится. Через три-четыре минуты над нами появятся «серые» и пойдут к линии фронта. Вот и они. Проходят над аэродромом.

Впереди Бондаренко, в его крыле Елинов. За ними, в прикрывающей группе, на значительном расстоянии и несколько правее, пара Коровушкин — Богун. Спустя несколько минут Бондаренко докладывает: «Вижу бомбардировщиков противника. Звенья собираются в общую группу!» Значит, взлетели они с двух-трех аэродромов, наметили точку сбора и вот выстраиваются в колонну. Бить их надо сейчас, немедленно, пока они разобщены расстоянием, пока не наладили огневого взаимодействия между звеньями, пока к ним не подошли истребители сопровождения. Минута — и в воздух уходят две пары из группы «Меч»: Иванов с Табаковым и Коротков с Демидовым. «Бей с ходу! Я атакую ведущих!» — это голос Бондаренко. Молодец, правильно мыслит и действует. Сам решил ударить по головному звену, а пару Коровушкина направил на тех «юнкерсов», что отстали.

Пока Иванов не вступил в связь с пунктом наведения, передаю по радио: «Поспеш! Помоги Бондаренко. Скоро должны подойти «мессеры». — «Вас понял», — басит Иванов. — «Бей его! Бей!» — кричит Бондаренко. «Слышишь?..» — запрашиваю Иванова. Слышит, но пока ничего не видит. Хуже нет быть на земле в такую минуту. Но приказ есть приказ. Сиди пока, командуй. Вот и сижу, вернее, стою. А если точнее, не нахожу себе места. Беру микрофон и прошу: «Иванов, поспеш!» И вот голос Иванова: «Табаков! Истребители, впереди справа и выше». — «Виджу!» — раздается в ответ. — «Набираем высоту!» Молодец Табаков, глазастый. Правильно решил Иванов: пока противник тебя не видит, запасись высотой. Все вроде идет неплохо.

Звено Бондаренко бьет бомбовозов. Полагаю, успешно. Иначе Иванов поспешил бы ему на помощь. А сейчас у него на прицеле «худые», как называем «мессеров». Табаков уточняет: «Смотри, смотри! С дымом идут». «С дымом» — это значит на полном газу, на полных оборотах мотора. Как видно, истребители противника заметили звено Бондаренко, спешат к своим бомбовозам. «Не упуст, Василий, момент. Бить надо вовремя, иначе...» Это я мысленно, про себя, тороплю Иванова. Сейчас я молчу, потому как ему на месте виднее, какова там обстановка, откуда и кого бить. «Командир! Сзади еще звено «мессеров», — предупреждает его Коротков, ведущий второй пары. — И еще...» — «Неважно, — отвечает Иванов. — Врага не считают, а бьют. Атака!..»

И началось. Все сразу смешалось — команды, крики, брань. То на самой высокой ноте, то с хрипом, будто из-под земли, то зло, то восторженно... «Федя! Бьем правую группу «худых». Вместе! Вместе, тебе говорят!» Это Короткову приказывает Иванов. Значит, атакуют звеном. Летчиков узнаю по обрывкам фраз, по интонации; кто-то не выдерживает, чертыхается со злости или поделится радостью. «Горит! Горит!» — надрывается Иван Табаков. Понятно: сбили «худого». Вот и Иванов подтверждает: «Вижу, горит. — И тут же командует: — Прикрой! Я прижму вон того, желтенького».

Кажется, я слышу свист рассекаемого воздуха, слышу рокот моторов, перестук пушек и пулеметов. А где сейчас летчики Зотова? Все еще спят? Хватит, пора сажать их в кабины. Шумлю: «Матвей! Готовность помер один!» Слышу топот бегущих. Вовремя вспомнил о них. Меня уже зовут к телефону, очевидно, прикажут очередную группу поднять в воздух. Так и есть. «Четверку из группы «Меч», — говорит начальник штаба дивизии. Звено порулило на взлет. А над линией фронта бой. Кто-то кричит: «Худые» бегут! Удирают...» Значит, все нормально. Да, но почему молчит Бондаренко? «Бондаренко, как меня слышишь?..» Тишина. Молчат и его ведомые. Меня охватывает чувство тревоги. Не случилось бы беды. Слышу голос Короткова: «Внизу рвутся бомбы!» Иванов поясняет: «На своих сбросили». И вдруг: «Горит! Горит самолет!» Непонятно, кто закричал, но как закричал — чувствую, наш горит. И опять тишина. Догадываюсь, в чем дело: ждут, выпрыгнет летчик или... Нервы напряжены до предела. А сквозь треск эфира: «Прыгай! Прыгай!..» И снова тишина. «Бондаренко, как меня слышишь?» Тишина, только шорох в приемнике. Запрашивает Иванов: «Звено Бондаренко! Кто меня слышит?» — «Я слышу, — отвечает Коровушкин. — Задашие выполнено, выходим из боя...»

Минут через десять на горизонте трое «серых». Мимо идут, в Кощеево. Одного нет. Неужели его, Бондаренко? Не хочется верить. Такой летчик. Собирались повысить его в должности, дать эскадрилью. Спрашиваю: «Кого потеряли?» Тишина... «Коровушкин, кого потеряли?» — «Командира...»

Подходит начштаба полка подполковник Рубцов. Докладывает, что летчики сели в Кощеево. Бондаренко сбили при атаке бомбардировщиков. Сам он уничтожил два вражеских самолета. Фашисты сбросили бомбы, не дойдя до линии фронта. Звено Бондаренко сбило три или четыре машины... Звено Бондаренко... Его уже нет, Бондаренко, а начальник штаба называет звено его именем. А как же летчики? Что у них на душе? Не просто пережить потерю боевого друга. «Борис Иванович, передайте замполиту, пусть он побывает у ребят, побеседует с ними, подбодрит».

Наш разговор прерывает звонок из штаба дивизии: «В воздух — звено из группы «Меч». Ведущим уходит Игорь Василевский. Командный пункт торопит его. То и дело напоминает о том, что надо быстрее набрать высоту, увеличить скорость полета. «Понял», — отвечает Василевский; в голосе сдержанность, потом нотки раздражения: «Не на снаряде, на самолете!» Не сказалась бы эта горячность в бою. А ведь он наш олимпиец: спокойный в воздухе, немногословный и выдержанный, а летчик просто прекрасный, скромница, каких редко сыщешь. Был инструктором в авиационной школе. Чувствую, обстановка в воздухе еще больше накаляется. Сажаю в первую готовность шесть экипажей во главе с Федором Коротковым. В бой пойдут те, кто сегодня уже летал. Остальных, если будет возможность, подержу на земле, надо поберечь силы

летчиков; много не навоюешь, если все будут в напряжении с утра до ночи. Снова звонок, и снова команда: «Шестерку из группы «Меч» — в воздух!» А в динамике голос Василевского: «Вижу большую группу «юнкерсов» в сопровождении «мессеров». Опять звонок, команда: «Четверку в воздух!» Взлетает звено Иванова.

Над полем боя схлестнулись десятки самолетов с обеих сторон. Ревут моторы, огненные струи расплосовали небо. Тяжело и жарко в воздухе. Горят самолеты, неясно чьи; то там, то здесь, повисая, раскачиваются парашютисты. А бой продолжается.

Но вот возвращаются те, кто взлетел первым. Раньше, бывало, мы пронеслись над стартом в плотном строю, оглашая округу ревом моторов. Ведущий, разворачиваясь влево, отваливал первым, за ним через пять-шесть секунд — второй, третий ведомый... Каждый при этом старался блеснуть четко выдержанными интервалами и дистанцией, энергичным маневром. И вправду, все это было красиво, впечатляюще. Сейчас ни проходов над стартом, ни тех разворотов. Сейчас все иначе — бредущим заходят в створ взлетно-посадочной, потом щитки навывпуск и перед самым приземлением — шасси. Обороты мотора убрал, и вот она — родная матушка-земля. Правда, перед тем как выпустить шасси, знаешь — надо посмотреть назад и вверх: вполне вероятно, что истребитель противника уже заходит в атаку по твоему самолету. Ударить исподтишка — излюбленный тактический прием гитлеровцев. Поэтому осмотрительность — прежде всего. Даже когда приземлился. Самолет еще не погасил скорость, а ты уже стоишь его с полосы, побыстрее рулишь к укрытию, чтобы освободить полосу для тех, кто идет за тобой на посадку.

День на исходе. Горячий июльский воздух пропитан дымом и копотью: красный диск солнца едва просматривается. Через четверть часа возвращается звено капитана Чувилева. Надо обеспечить безопасную посадку. Находясь на аэродроме, я наблюдал пару Ме-109 — пролетали на бреющем. Первый раз — южнее, второй — восточнее. Это — «охотники». Вероятно, засекли «Тоненький». Могут подкараулить звено Чувилева в момент захода на посадку. Для прикрытия поднимаю четверку Завражного. И оказалось — как раз вовремя. Едва звено взлетело, откуда-то вынырнула пара Ме-109. Они, конечно, не ждали, что точка будет прикрыта, и понеслись прямо на нашу самолетную стоянку. Но в последний момент, видимо, сработала интуиция, заметили-таки нашу четверку. Резкий маневр — и гитлеровцы убралась восвояси.

Вечер. Летчики у штаба. Я обращаюсь к моим однополчанам. Говорю, что сегодня в ожесточенной схватке с врагом погиб наш боевой товарищ — летчик Бондаренко. Все поднимаются, снимают кто шлемофон, кто пилотку с головы. Минута молчания. И сразу, чтобы отвлечь людей от горьких дум, перехожу к итогам фронтового дня. «Полк наш сегодня боевую задачу выполнил. Сбито 9 самолетов противника...»

А завтра — снова бой.

Штурм

Последние дни апреля 1944 года были теплыми. Крымские сады цвели. Не верилось, что идет война. Но о ней напоминали снаряды, прилетавшие со стороны Севастополя.

Наша 257-я стрелковая дивизия вышла на подступы к легендарному городу. В один из дней осколками снаряда был тяжело ранен командир взвода разведки. Вскоре прислали нового.

— Лейтенант Головня Михаил Сергеевич, — улыбнулся нам среднего роста красавец офицер с орденами на груди.

Он всем приглянулся. На следующий день лейтенант Головня поднял нас на рассвете, прогнал километра три к горному ледяному ключу. Прodelали гимнастические упражнения, а затем по пояс вымылись в студеной воде. Чего это он так, словно в мирное время? Фронт-то рядом, скоро опять в бой.

— А вы посмотрите на ту гору, — отвечая на наши вопросы, указал лейтенант рукой.

И он разъяснил нам, что Севастополь с восточной стороны прикрывает Сапун-гора, которая протянулась на целых 9 километров. Фашисты создали несколько ярусов оборонительных сооружений. От подошвы до гребня весь склон изрыт траншеями и окопами, которые покрыты железобетонными плитами. Весь склон опутан колючим заграждением, словно паутиной. Подход к подножию горы усеян минами. Повсюду рассыпаны долговременные огневые точки, вкопаны танки и самоходки, разбросано битое стекло. Взять этот крепкий орешек будет очень трудно.

— А мы как готовимся? — упрекнул нас Головня.

И начались восхождения на крутые склоны гор, спуски по веревкам с отвесных скал. Тем временем дивизия пополнилась, провела тактические занятия с новичками и вскоре продвинулась ближе к Сапун-горе со стороны Новых Шулей. Все говорило о предстоящем штурме.

Поздно вечером 6 мая в штаб полка вызвали командира взвода лейтенанта Головню, его помощника старшего сержанта Гупько, бывшего моряка Щebetовского, знающего хорошо город, и меня, комсорга взвода разведки. Командир полка майор Григорьев-Славевский вручил нам Красное знамя и приказал водрузить его на самом высоком здании в городе. Красное полотнище принял Ни-

колай Гунько. В торжественном молчании Николай поцеловал его, свернул и спрятал под гимнастерку.

— Задание будет выполнено! — заверил Головня.

Утро 7 мая выдалось солнечным. На небе ни облачка. Томительная тишина. Лишь изредка где-то в стороне, словно испуганный, протарахтит пулемет да грохнет мина. Все знают о предстоящем штурме. Чувствует это и враг. Потому и не стреляет, экономит патроны и снаряды.

Анисим Щebetовский, как реликвию, послал в своей сумке тельняшку. В этой тельняшке он был ранен в 1942 году. Теперь он ее снова надел. Побрился, умылся и причесался, словно собрался на праздник.

И вот началось! Одновременно ударило несколько сот орудий. Послышался гул моторов. Небо заполнилось советскими бомбардировщиками, штурмовиками и истребителями. И пошло! Солнечный день потемнел от порохового дыма и пыли. Пушки, минометы и «катюши» извергали потоки смертоносного огня, падали бомбы. Дым густыми, черными тучами сползал с Сапун-горы и катился в Инкерманскую долину.

Но и сквозь дым я вижу огромные головастые реактивные снаряды, прозванные нами «Иванами Грозными». Они глушат фашистов, как рыбу в воде. У ребят от радости блестят глаза.

— Так их! Давай! За Севастополь! — кричит Щebetовский.

И вот артподготовка отгремела. Ракеты возвестили сигнал атаки. Нам казалось, что после такой артподготовки мы полезем вверх по склону беспрепятственно. Но вновь ожили уцелевшие фашистские огневые точки, заговорили пулеметы.

Трудно было продвигаться в гору. Берем с боем траншею за траншеей.

На середине склона горы по нас ударил пулемет. Ребята укрылись в воронках и за камнями. Не помню, как это случилось, но я оказался впереди всех, в тридцати метрах от пулемета. Фашист бил длинными очередями. Я оглянулся назад и встретился взглядом с лейтенантом Головней. Он как бы спрашивал: сможешь?

Попробую, товарищ лейтенант! Это приказ командира — значит, надо выполнять его. И в глазах Щebetовского и Гунько я видел мольбу: пробуй, Илько, что же ты медлишь!

На поясе у меня две противотанковые гранаты. Снимаю одну. Пулемет не умолкает. Камень, за которым я лежу, стопет от дробы пуль. Пули рикошетят, пронзительно взмывают вверх, каменная пыль засыпает лицо.

Уже позднее мне стало известно, что Гунько и Щebetовский следили за каждым моим движением. Когда я приготовился, они оба дружно поднялись и из автоматов застрочили по пулемету. Пулеметчик перевел огонь на смельчаков. Стремглав я вскакиваю, рывком бросаюсь вперед, швыряю гранату и плашмя падаю на камни. И тут же раздалось громкое «ура!». Наши поднялись и

устремилась вперед. Кто-то, видимо посчитав меня убитым, наступил ногою на спину.

В этот момент был смертельно ранен Щebetовский. Без стона упал Анисим под ноги Гунько. Николай быстро распечатал индивидуальный пакет, склонился над ним. Но Анисим проговорил сурово:

— Отставить, полундра! — и потом тихо попросил: — Коля, если доведется быть в Севастополе, черкани на какой-нибудь стене одно лишь слово: «Щebetовский».

Николай Гунько крепился, но удержаться от слез не мог. Этот суровый, бесстрашный человек, Кошка-два, как мы его ласково называли в честь знаменитого матроса Кошки, закрыл другу глаза и прошептал:

— Отомщу, Аниська, за тебя!

Тем временем наши разведчики достигли уже гребня Сапун-горы. Это же, считай, победа! Гребень — это ключ к городу. Фашисты сопротивлялись с остервенением обреченных. Но поздно. Кругом мелькали красные штурмовые знамена, которые успели воины водрузить на камнях.

На другой день, 8 мая, враг бросил в бой все свои резервы. Из нашей группы разведчиков в строю остались лейтенант Головия, Гунько, Кириченко и я. Остальные погибли или были ранены. Но мы помнили, какую задачу нам поставили — водрузить знамя в городе.

Старший сержант Гунько подобрался к немецкому оружию и двумя гранатами перебил прислугу. Он спрыгнул в котлован и начал разворачивать пушку в сторону врага. Я поспешил к нему на помощь.

— Подавай снаряды!

Снарядов было много. И Николай прямой наводкой бил из трофейной пушки.

9 мая в центре города на здании метеослужбы зареяло наше Красное знамя. Разведчики с честью выполнили задание командира полка. А Николай Гунько, выполняя последнюю просьбу друга — Анисима Щebetовского, на стене одного здания начертил ножом: «За тебя, родной Севастополь, бьется бессмертный Щebetовский».

Перед нами, весь в дымящихся руинах, лежал город-герой. Но уже тогда мы верили, что Севастополь возродится, что станет он лучше и краше, чем был до войны. И мы, пророки в армейских пилюльках с красной звездочкой, не ошиблись.

Кутузовским трактом

Вторые сутки, как пропал федоровский батальон. Радисты напрасно выстукивали его позывные. Офицер связи, посланный на розыски, пока не вернулся.

Командир корпуса генерал Иванов дал нам на подготовку к наступлению на Бунцлау менее суток. Танковую бригаду, которой я командовал, надо было поскорее собрать, привести в порядок, а она до сих пор вела затяжные бои в районе Яуэр. Только к утру нам удалось вытащить из боя батальоны. Не хватало лишь одного. Начальник политотдела бригады Александр Павлович Дмитриев старался успокоить меня:

— Никуда не денется. Ты же знаешь этого хитреца Федорова. Не верю, чтобы гитлеровцы в горах его застукали.

Но настроение у меня было подавленное. Позавчера в одном из небольших населенных пунктов был убит командир батальона Савченков. Прямо на моих глазах. Места себе не нахожу: неужели и с Федоровым беда?

Вдруг слышу: «Федоров явился — не запылится». Действительно, прибыл целехоньким и невредимым. Да еще приволок добрую сотню пленных и десяток исправных машин, нагруженных оружием.

Ну и всыпал же я ему за опоздание! Грозил снять с батальона, прогнать в тыл. В общем, нагонял страху, давая себе разрядку. А он стоял и улыбался одними глазами.

— Чего застрял? Радиограммы получил?

— Получил. Да фашисты не пускали. Сначала я их зажал у выхода с гор, а потом они меня обошли с трех сторон — и давай колошматить. Только в темноте обманул их и выскочил.

— Ладно. Приведи себя в порядок.

Время было на исходе. Подготовка к наступлению завершилась. Новая задача сводилась к тому, чтобы с рассветом выйти на восточный берег реки Бобер, прикрыться с запада этой рекой, а главными силами ударить на Бунцлау и овладеть им.

Город Бунцлау, река Бобер являлись как бы воротами к долине реки Нейсе. Отсюда дороги ведут на Лаубан, Берлиц, Котбус и Дрезден,

Во второй половине дня мы усилили атаки. Огонь обрушился на город с трех сторон. На помощь танкам пришла вся наша артиллерия, минометы. В многоголосый хор орудий и танков влетались могучие голоса гвардейских минометов — «катюш». Вступила в бой и наша пехота. В городе возникли пожары, участились взрывы.

К вечеру сопротивление врага было окончательно сломлено. На северной окраине Бунцлау вспыхнули наши зеленые ракеты — путь свободен! Оставив раненых, танки, артиллерию, склады, базы, враг бежал на Лаубан, Герлиц, рассчитывая за рекой Нейсе спастись от наших ударов.

Начался невиданный снегопад. Колонны боевых машин и артиллерии продвигались по горящим улицам черепашным шагом. Танкисты открыли все люки, водители распахнули двери и наполовину высунулись, чтобы хоть что-нибудь видеть.

В центре города пожаров было меньше. Нашлась не тронутая войной тихая улочка. В одном из небольших домов разместился штаб бригады. Полетели донесения, сводки, заявки.

Я решил наведаться во второй батальон, повидать нового комбата, заменившего Савченкова. Но уехать не удалось: прибыла группа генералов и офицеров. Я узнал командарма Рыбалко. Как положено, отрапортовал ему о состоянии бригады и новой задаче.

— Не найдется ли у вас перекусить, комбриг? Сутки не ели, — сказал командарм.

— Как же! У нас великолепные котлеты по-берлински. Просим, товарищ командующий, к столу.

Всей группой вошли в дом. Пока шла сервировка стола, мы в другой комнате обстучали карту, у которой начальник армейской разведки докладывал о только что прибывшей на наш участок фронта 8-й танковой дивизии немцев. С этой дивизией паша бригада уже столкнулась в районе Рыбник и вела тяжелые пятидневные бои. Разгорелся спор о том, из каких краев она припожаловала — с юга или запада. Вступил в разговор корреспондент фронтовой газеты подполковник А. Безыменский.

— С моей поэтической точки зрения, — сказал он, — ясно одно: откуда бы ни пришла, капут ей обеспечен.

Подкрепившись, мы вышли из дома. День выдался по-зимнему ясный, погожий. Покоренный Бунцлау утих, пожары прекратились, войска спешили по расчищенным улицам на запад.

— Имейте в виду, Лаубан — крепкий орешек. Туда противник подтягивает новую дивизию, — предупредил командарм.

На улицах и в переулках стояли наши подразделения. В стороне от танков дымили походные кухни, гремели котелки. Вкусно пахло кашей с мясом.

Вокруг Павла Семеновича Рыбалко начали собираться люди. Завязалась беседа.

— Я хочу поблагодарить вас за вчерашние действия, — начал командарм. — Москва уже салютовала вам от имени Родины. Вчера ночью на Военном совете решено представить вашу бригаду к ордену Кутузова. Вы, конечно, знаете, дорогие товарищи, что этот великий русский полководец умер в городе Бунцлау. Я уже побывал в доме, в котором он провел свои последние дни.

Павел Семенович сделал небольшую паузу, как-то особенно тепло взглянул на танкистов и, немного повисив голос, добавил:

— Мы с вами идем дорогами ратной славы наших предков. Будем же достойны своей великой исторической миссии, правнуки Кутузова. Победа не за горами. Но ее надо еще добыть!

Рыбалко закончил свою краткую взволнованную речь. С искренней теплотой провожали воины своего генерала.

Через несколько минут мы с начальником политотдела уже были у высокого темно-серого обелиска с торжественной и трогательной эпитафией: «До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российскийские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

Осмотрев памятник, мы направились к небольшому двухэтажному дому с мемориальной доской. У крыльца стоял старик немец. Мы разговорились. Оказалось, это учитель истории.

— Прошу, герр оберст, — обратился он, увлекая нас на второй этаж. Мы вошли в просторную комнату с окнами, выходящими на улицу. — Комната Кутузова. Вот кровать. Здесь была шпрма...

Слушая довольно спесную русскую речь учителя, я мысленно переношусь в далекое прошлое. Вспоминаю лекции, читанные нам профессором Разным в Академии имени М. В. Фрунзе. Передо мной как бы оживает история первой Отечественной войны.

Год 1813-й. Русская армия, ведомая фельдмаршалом Кутузовым, разгромила чужеземных захватчиков и изгнала из пределов нашей Родины. От Бородина до Березины кочевали на заснеженных полях трупы наполеоновских солдат. Бежал император, бросив остатки войск; померкла слава непобедимого полководца, рухнула созданная им империя.

Русские знамена взвились на всем фронте от Гамбурга до Берлина и Дрездена. Ежедневно офицеры кутузовской армии на тройках лошадей, запряженных в легкие походные санки, мчались в Петербург, в Казанский монастырь, увозя с собой на хранение ключи от освобожденных городов и крепостей Европы. Руские воины, согретые теплотой любви своего народа и лучами солнца наступающей весны, были уже далеко за Одером.

Как это похоже на зимние месяцы 1945 года!

В апреле 1813 года, когда солнечные лучи чередовались с весенними дождями, Кутузова свалила болезнь. В силезском городе

Бунцлау, на этой вот кровати, перестало биться сердце русского полководца.

А кутузовские полки шли все дальше на запад, на Дрезден и Лейпциг, на Париж! Они уносили с собой светлую память о воспитаннике и соратнике Суворова, поистине народном полководце.

Молча покидали мы кутузовский домик. Вдруг Дмитриев спросил:

— Почему фашисты не тронули памятник? Оставили в самом центре этого города? Почему уцелел этот домик?

Старый учитель тихо сказал:

— История не только пишется. Она хранится в сердце народа. Германский народ был и вечно будет благодарен русской армии, спасшей его от ига Наполеона. Бунцлау гордится, что стал последним приютом русскому генералу-освободителю. А немцы умеют хранить реликвии...

— А как вы относитесь к нам? — спросил в упор Дмитриев. — К Советской Армии?

Немец посмотрел на нас усталыми, поблекшими глазами:

— То, что я скажу, герр офицер, примите за правду. Я скажу ее не из страха. Мне скоро восемьдесят, и я перестал страшиться. Нельзя ставить знак равенства между немецким народом и наци... Многие из нас ждали вас. — Старик тяжело вздохнул и продолжал, будто для себя: — Уходит ночь. Является день. Такова мудрость жизни.

Что-то шевельнулось во мне. Я ненавидел немцев. Всех, без разбора. Они истребили всю мою семью, надругались над моей Советской Родиной. Я люто мстил им.

И вот впервые за все годы войны я по-настоящему добро простился с живым немцем, видя в нем не врага, а обыкновенного, простого человека, мечтающего о мире и счастье. Я впервые как-то осязаемо почувствовал свою особую миссию, свою ответственность за сохранение старой гуманной славы кутузовских знамен, за утверждение новой на столь же долгие годы.

С этими мыслями и чувствами мы во второй половине дня тронулись в путь. Юная, озорная регулировщица Маненька протянула руку с флажком на запад.

По наведенному через реку Бобер мосту ползут танки и автомашины. Дорога на Лаубан приводит нас к памятнику, где, по преданию, было похоронено сердце Кутузова. У подножия много цветов в горшочках. Это постарались наши девушки. Два солдата с автоматами на груди стоят в почетном карауле.

Я останавливаю бригаду. В торжественном величии застыли танки с надписями на башнях: «Суворов», «Богодуховский колхозник», «Бакинский нефтяник»... На площадке перед могилой в полном безмолвии выстраиваются танкисты, автоматчики-десантники, артиллеристы, саперы, связисты,

Вплотную к памятнику осторожно подошел танк с надписью: «Кутузов». Его построили на собственные деньги и подарили нам уральцы. Боевая, выдавшая виды машина служит трибуной.

Начальник политотдела открывает митинг. Коротко говорят немудреные речи сибиряк Федоров, волжанин Ибрагим Валеев, украинец Старченко, белорус Ивашкевич...

Я беру слово. Хочется много сказать. Но как выразить переполнившие тебя чувства? Шел простой и сердечный разговор о днях текущих, о трудной истории России. Вспомнили о смоленских, тарутинских, бородинских, уральских гренадерских, кирасирских и казацких полках, которые когда-то прошли по этим дорогам. И о сегодняшних «Смоленских», «Бородинских» стрелковых, артиллерийских и танковых. Называли имена верных сынов России, приведших свои полки в глубь Европы: Волконского, Платова, Давыдова, Ермолова...

И встали в один ряд с ними имена тех, кто нынче вел советские «Сталинградские», «Курские», «Киевские», «Львовские» дивизии и полки. Вот эти имена: Конев, Рыбалко, Жадов, Горбатов, Курочкин, Гусев, Коротеев, Лелюшенко, Бакланов, Родимцев, Новиков, Сухов, Якубовский, Слюсаренко, Головачев, Архипов и сотни других закаленных в боях советских генералов и офицеров, верных сынов Коммунистической партии.

— Слушай приказ фельдмаршала Кутузова, — сказал начальник политотдела.

«Заслужим благодарность иноземных народов и заставим Европу с удивлением восклицать: непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных! Вот благородная цель, достойная воинов. Будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты!»

Как сильно прозвучали эти слова!

Митинг окончен. Гремит троекратный салют. Раздается команда: «По машинам!» Лесок заполняется гулом. Над нами на запад пролетает большая группа бомбардировщиков, сопровождаемых истребителями, которые ведет прославленный ас А. Покрышкин.

Батальоны, благословленные памятью великого русского полководца, шли дальше, в глубь Европы, по старым кутузовским дорогам, к победному завершению войны.

Труженник войны

Курская битва... По радио ли услышит, прочтет ли в газете о пей подполковник в отставке Владимир Гаврилович Морозов, и сразу встают в памяти пятьдесят огненных дней и ночей. Сутками не выходил из боя, выполнял опаснейшие задания.

Это о людях его военной профессии говорят, что сапер ошибается только один раз. При этом имеют в виду, что солдат погибнет, если допустит оплошность во время операции по обезвреживанию мин или других боеприпасов.

Навсегда врезался в память Владимира Гавриловича тяжелый случай, когда он, командир саперной роты, вместе с подчиненными в течение нескольких часов подряд был в тисках смерти.

...12 июля 1943 года лейтенант Морозов получил приказ проделать проходы в минных полях перед передним краем обороны противника. Под покровом ночи саперам удалось незаметно подползти к проволочным заграждениям. Только было приступили к работе, как вверх взвились осветительные ракеты, и фашисты открыли ураганный огонь.

Свистят пули, с воем проносятся осколки. Потери в роте растут с каждой минутой. Что делать?

— Отползти к оврагу и укрыться в нем! — приказывает лейтенант Морозов.

Собрав командиров взводов, ротный изложил такой план. Быстро снять с машин доски, заготовленные для усиления труднопроходимых участков дорог. Сбить их, и эти «шесты» вместе с удлиненными зарядами из тротильных шашек доставить к проволоч-

ному заграждению. Ложными действиями отвлечь противника в другом месте, а в нужном — протолкнуть сюрпризы на миныные поля. Так и сделали. И хотя фашисты усилили огонь из всех видов оружия, отважные саперы довели начатое дело до конца.

Незадолго до начала атаки заложенные на вражеских инженерных сооружениях заряды были взорваны. Артиллерия перенесла огонь в глубь обороны фашистов, и в проделанные в миныных полях проходы устремилась наша пехота.

Едва саперы перевели дух, как перед ними поставили новую задачу. На одном из участков противник теснил наши подразделения. Нужно было срочно заминировать танкоопасный участок местности...

И так все пятьдесят дней и ночей Курской битвы.

За мужество и отвагу, проявленные в период боев на Курской дуге и на других фронтах, офицер Морозов награжден орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. Его, одного из тружеников войны, я и запечатлел на этом рисунке.

Не меркнет
слава
фронтовая

Крылатая семья

Они идут по военному городку. Он — статный, походка легкая, шаг твердый. Волосы белые. Взгляд из-под очков спокойный, цепкий. Левая сторона пиджака щедро расцвечена орденскими лентами. Она — высокая, уже немолодая женщина. На простежькой кофточке — Золотая Звезда Героя Советского Союза. Она вглядывается в загорелые мужественные лица. Племя молодое и... знакомое. До единой кровиночки. Ровесники ее сына, ее Петра.

Встречаясь с ними, летчики останавливаются и тепло здороваются. Идут родители их боевого товарища. Они приехали сюда в гости. Здесь они были в суровые годы войны, здесь родился их первенец, Петр, ныне старший лейтенант, летчик-инженер.

Туманится взор полковника в отставке Вячеслава Арсеньевича Тимофеева, бывшего командира штурмовой авиадивизии. Сколько отдано, чтобы видеть вот эту счастливую, уверенную в себе крылатую юность!

Отец

Есть в Заволжье село¹ Старое Семенкино. Там в семье крестьянина Арсения Тимофеевича в 1897 году родился Вячеслав. Едва исполнилось мальчику одиннадцать лет, как на семью свалилось сразу два несчастья — умер отец и сгорел дом. Вячеслав вынужден был отправиться на заработки. Сначала был подручным у слесаря Якова Кожевникова, потом поступил на военный завод в Самаре. Шла первая мировая война.

Однажды его пригласили на молодежную сходку. Говорили о мире, о революции. А по окончании сходки токарь Григорий Кузмичев, передав ему сверток с листовками, сказал:

— Раздашь рабочим, да смотри не попадись на глаза мастеру или начальнику мастерской.

Это было первое партийное поручение Вячеслава Арсеньевича. Вскоре он вступил в члены партии. Скрываясь от преследования полиции, переехал в Петроград, где Кожевников познакомил его с Михаилом Ивановичем Калининным.

Избежать ареста не удалось. Октябрьскую революцию Тимофеев встретил в тюрьме. Революция освободила его. В ревкоме по-

Полковник в отставке В. А. Тимофеев
с супругой Анной Александровной

лучил винтовку и 15 патронов. Участвовал в штурме Кремля. Потом вместе с Яковом Кожевниковым отправился в Самару, на борьбу против банд атамана Дутова. В Самаре они встретились с Куйбышевым. Валериан Владимирович долго беседовал с ними, а в заключение сказал:

— На фронт пойдете вместе с отрядом красногвардейцев. Поднимайте крестьян, зовите в свои ряды бывших солдат.

Когда разгромили банду Дутова, Яков Кожевников стал контр-резидентом Первой революционной армии. К нему и попал Тимофеев. Под видом коммерсанта по фамилии Дрозд его заслали в глубокий вражеский тыл.

...Санитарная летучка медленно ползет из Уфы в Симбирск. В купе двое — «коммерсант» Дрозд и редактор эсеровской газеты «Земля и воля» Девятов. Между ними быстро установились «доверительные» отношения. Выпили за грядущую победу. Потом еще и еще. Девятова развезло, и он свалился. В полночь, когда летучка остановилась на станции Верхняя Часовня, «коммерсант» вышел из вагона, унося с собой объемистый портфель эсеровского редактора.

На рассвете проверил содержимое портфеля. Кольт, пачки денег, воззвания и папка с грифом «секретно». В ней — доклад начальника генштаба полковника Махина от 17 июля 1918 года. Оперативное направление главного удара белых. Пункты сосредоточения резервов: Вятка, Пермь, Сарапул. План восстания в тылу

красных, инструкция для диверсантов, шифр и список «надежных лиц» в Симбирске и Казани.

Двое суток Тимофеев петлял по лесным тропам, прежде чем попал к своим на железнодорожную станцию Чуфарово. Его задержал часовой и передал дежурному коменданту. Вячеслав Арсеньевич впоследствии вспоминал:

«Меня ввели в просторную комнату. За столом, склонившись над картой, сидел военный с пышной черной шевелюрой, в туго перехваченном ремнями френче. В углу на соломе спал человек. Лицо его было прикрыто фуражкой с красной звездой.

— Кто такой, — глянув на меня, спросил военный. Он поправил кавказскую шапку в серебряной оправе. — К кому пришли?

— Ищу штаб армии.

— Документы? Я начдив Гай.

— Нет у меня документов. Отправьте меня в штаб армии.

— Штаб армии далеко, а командарм здесь.

— Можно его видеть?

— Видеть можно, а будить нельзя. — Гай показал на лежавшего в углу военного. — Командарм будет спать еще, — он посмотрел на часы, — тридцать пять минут.

— У меня срочная и важная информация.

— Это у кого срочная информация? — поднимаясь, спросил Тухачевский.

Я повернулся к нему: узнает или нет?

— Вы, наверное, помните меня, товарищ командарм? Я — разведчик Дрозд...

Закончилась война. Где с большей пользой приложить свои силы? Решил посоветоваться с Куйбышевым. Как-никак, а вместе работали на трубочном заводе, а потом не раз встречались на фронтах. Валериан Владимирович — уже секретарь ЦК РКП(б) — расспросил обо всем, а под конец посоветовал встретиться с начальником ПУРа РККА.

О демобилизации начальник ПУРа и слышать не хотел.

— Вы опытный большевик, — сказал он. — Такие люди очень нужны в армии. Знаете что, а не послать ли вас на укрепление Красного Воздушного Флота? Бывший слесарь в аэропланах скорее другого разберется...»

Так Тимофеев стал комиссаром Высшей авиационной школы. Здесь он и научился летать. Сначала на «вуазене», а потом и на других самолетах. Воздушная стихия захватила его. Служил рядовым летчиком, был начальником штаба, комиссаром Одесской школы пилотов. После окончания Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского командовал эскадрилей тяжелых бомбардировщиков в Забайкалье.

В 30-х годах на вооружение стали поступать скоростные бомбардировщики А. Н. Туполева. Одной из первых их стала осваивать авиационная бригада, во главе которой стоял В. А. Тимо-

феев. Его организаторские способности, мастерство и умение были высоко оценены Советским правительством. В 1936 году он удостоился высшей награды — ордена Ленина. Вручая в Кремле орден Вячеславу Арсеньевичу, Михаил Иванович Калинин, улыбувшись, спросил:

— Ну, как живем? Как дела идут?

Великую Отечественную войну полковник Тимофеев встретил неподалеку от западной границы в должности начальника школы летчиков. Дрался с гитлеровцами над Орлом и Брянском, в небе Белоруссии, Польши, а закончил войну в Берлине. Дивизия грозных Ил-2, которой он командовал, прошла славный боевой путь, была удостоена и орденов, и почетных наименований.

Мать

Изредка она подносит платок к глазам. Ей трудно сдерживать волнение. Да и надо ли? Сыны поймут ее. Когда-то и она вот так же стояла в строю крылатых. Давно ли это было? Для них, молодых, кажется очень давно. А для нее — будто вчера. Память сохранила все до мельчайших деталей.

...Летное поле Московского аэроклуба. Она — слесарь Метростроя. Рядом — такие же девчонки, чубатые парни. Инструктор дает последние указания. Аня поднимается в кабину У-2. Первые одна! Полет самостоятельный. Радость, упоение необъяснимые!

В самом начале войны пошла добровольцем на фронт. Летала на связном У-2. Отыскивала попавшие в окружение части, передавала распоряжения. Садиться приходилось где попало: на пашню, на лесные поляны. Под Изюмом ее сбили. Полные сутки, изможденная, с опухшими ногами, шла в район, где должен был находиться командир группы. Нашла. Вручила пакет и свалилась почти без памяти. Подвиг ее был отмечен орденом Красного Знамени.

Потом досаждала просьбами командиру полка штурмовиков: возьмите на боевой самолет.

— Вы что, с ума сопли? — возмущался тот. — Воевать на «летающем танке»! Две пушки, два пулемета, реактивные снаряды! А высоты бреющие? А пикирование? Не каждый мужчина выдержит такое.

— Понимаю, — спокойно отвечала Аня. — Ил-2, конечно, не дамский самолет. Но ведь и я не княжна, а слесарь Метростроя.

И добилась своего. Овладела «летающим танком». Громилла позиции гитлеровцев на Голубой линии, топила их баржи в Черном и Азовском морях. Получила еще орден Красного Знамени и медаль «За отвагу».

...Август 1944 года. Польша. Идут тяжелые бои на магнусшевском плацдарме. Противник то и дело переходит в контратаки. Авиадивизии, которой командовал полковник В. А. Тимофеев, бы-

ло приказано нанести штурмовой удар по резервам гитлеровцев. Первую группу повела штурман полка лейтенант Егорова (девичья фамилия Тимофеевой). Внизу Висла. Видимость плохая: дым, пыль застилали все. Ударили зенитные орудия. Забурлило, заклокотало небо. Маневрируя, штурмовики вслед за Егоровой рвались к цели.

— Впереди танки! — крикнула Аня. — Приготовиться! — И бросила самолет в атаку.

От ее «ила» отделились два эреса, вслед протянулись трассы пушечных снарядов. Набрала высоту. Снова устремилась в атаку. Зенитки теперь бьют в основном по ведущему. Из самолета вырвался клуб черного дыма, языки пламени лизнули фюзеляж. Штурмовик круто полез вверх, потом на секунду замер и, перевернувшись на спину, горящим факелом врезался в землю. К небу поднялся столб дыма и огня...

В документах потом было отмечено: «20 августа 1944 года штурман 805-го штурмового авиационного ордена Суворова полка Аня Александровна Егорова, 1916 года рождения, погибла смертью храбрых при выполнении боевого задания. За совершенные подвиги посмертно представлена к званию Героя Советского Союза».

Но Аня Егорова не погибла. Полумертвую, ее захватили враги.

Пять месяцев была она в плену. И когда 31 января 1945 года советские танкисты подразделения майора Ильина освободили узников Кюстрипского лагеря, снова вернулась в родной полк.

7 мая 1965 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Ане Александровне Тимофеевой (Егоровой) звание Героя Советского Союза. Правительство Польской Народной Республики за участие в освобождении страны от фашистских захватчиков наградило ее орденом «Серебряный крест заслуги».

Сын

Будучи курсантом, Петр заболел гриппом и получил осложнение — перестал видеть. Несколько месяцев лежал в госпитале, но зрение не восстанавливалось. Тогда повезли Петра в Москву к профессору Краснову. Мастерство врачей, крепкий молодой организм победили недуг. Медицинская комиссия признала Петра Тимофеевича годным к летной работе. Он снова возвратился в родное училище и в 1967 году закончил его.

Поезд привез молодого летчика-инженера в тот город, где он родился. В душе у него росло большое, теплое чувство: ведь ему доверили охранять небо не только великой Отчизны, но и этого вот немецкого города, места, где раздался его первый крик. Отсюда до аэродрома, как говорят, рукой подать.

...Наземные войска готовились к прорыву сильно укрепленной оборонительной полосы. А что думает «противник»? Не планирует ли контрудар? Где его резервы и ракетно-ядерные средства? В

Старший лейтенант
Петр Тимофеев

бы среди мелькающей пестроты увидеть нужную, хорошо замаскированную цель!

...Пашня, посевы, острова леса... А почему воп там скопленные сельскохозяйственных орудий? Работа на полях уже закончена. Местные жители вряд ли оставят их под открытым небом. Надо проверить. Небольшой доворот — и самолет в районе цели. Стоп! Блеснул матовый корпус ракеты.

— Цель справа впереди 30, — крикнул Тимофеев старшему лейтенанту Скворцову. — Захожу на нее!

В эфир понесся закодированный текст о характере цели, ее координатах.

Разведанные были очень ценные. Они помогли командованию наземных войск принять правильное решение, своевременно нанести по «противнику» упреждающий удар.

...По военному городку идут трое. Живая история нашей авиации. Ее слава, ее гордость, ее надежда. Три коммуниста, сердца которых полностью отданы любимой Родине,

глубине обороны у него протекает река. Наведены ли на ней переправы? Вот на эти вопросы и должен был ответить старший лейтенант Тимофеев.

С рассветом его самолет взмыл в небо. Земля в голубой дымке. Это красиво, но мешает наблюдению. Штурман старший лейтенант Борис Скворцов дает команду снизиться до бреющего. Значит, скоро линия «фронта». Проскочить ее надо на предельно малой высоте, чтобы не засекали локаторы.

Кажется, все идет хорошо. Внизу мелькнула Эльба. Тимофеев доворачивает самолет, летит вдоль реки. Где-то здесь должны быть переправы. Вот одна... А вот и другая. Обе — поптонные. Штурман уже сделал пометки на карте, определил координаты, закодировал их и передал на КП.

Теперь — в заданный квадрат. Там нужно найти ракетную установку. Земля слилась в сплошное серо-зеленое полотно. И какое надо умение, что-

Младший лейтенант из батальона Синцова

Вероятно, каждый, читая симоновскую трилогию о Великой Отечественной войне, мог предположить, что прототипами ее героев были реальные, крещенные огнем люди. Как-то я встретился с полковником Иваном Ивановичем Исаковым, командовавшим под Сталинградом стрелковым батальоном в прославленной 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева. В пору подготовки Константином Симоновым романа «Солдатами не рождаются» ему довелось многократно встречаться с писателем, рассказывать о своих боевых друзьях.

— Ильин, выведенный в трилогии, — сказал Исаков, — образ, несомненно, собирательный. Однако в нем я легко узнаю начальника штаба своего батальона Михаила Ильина. И дело не в сходстве фамилий. Кстати, Михаил Иванович Ильин жив-здоров, по-прежнему служит в армии...

Через несколько дней я был в Белоруссии. Минск встретил яркими красками ранней мягкой осени. Отыскать Ильина — хотя было совершенно точно известно, что он занимает большую должность в штабе, — оказалось совсем нелегко. В войсках округа шла напряженная учеба, и его рабочим местом стали просторы учебного центра. И все-таки встреча состоялась...

Поднявшийся из-за стола человек был среднего роста, крепок, уже не молод.

— Полковник Ильин, — назвал он себя.

При мигающем свете оплывшей свечки мы проговорили едва ли не всю ночь. И вот что примечательно: Ильин заметно оживлялся, обнаруживая великолепные способности рассказчика, когда говорил не о себе, а о других. Совершенно вскользь, да и то потому, что пришлось к слову, заметил, что в сталинградских боях дважды награждался — медалью «За отвагу» и орденом Красного Знамени. Зато был восторженно щедр на характеристики тех, с кем воевал бок о бок: «Исаков... Отчаянно храбрый офицер. И между прочим, в первую очередь благодаря ему я стал кадровым военным...»

Да, до призыва в армию Ильин окончил педагогический техникум и не мыслил себя никем иным, кроме как сельским учителем. 22 июня 1941 года где-то около семи утра он увидел в опа-

ленной ржи первого гитлеровца и сделал свой первый выстрел в начавшейся войне. Потом небольшую группу солдат, которая во главе с помкомвзвода Ильиным заслонила от фашистов деревню, накрыли мины. Одному совсем молодому бойцу осколок разорвал шею — из раны плеснулась тяжелая кровь. Бинтуя враз побелевшего парня, Ильин понял, что произошла не случайная и не нелепая перестрелка на границе, а нечто более страшное, чему не суждено скоро кончиться...

А потом волею судьбы Ильина бросало по разным фронтам. В батальон Исакова он попал под Харьковом на «теплое» место писаря.

В ночь на 23 февраля старший лейтенант Исаков заканчивал последние приготовления возглавляемой им группы, которой предписывалось любой ценой взять «языка».

— Разрешите мне с вами? — скорее потребовал, чем попросил Михаил Ильин.

Писарь, добровольно рвущийся в рискованный поиск за вражеский передний край, — такого в батальоне не бывало...

Погода выдалась подходящая: ледяной ветер гнал поземку. Объект поиска был уже совсем близок, когда кто-то напоролся на искусно замаскированную сигнализацию. И тотчас заметались осветительные ракеты, в мерзлую темноту вонзились багровые трассы пуль.

По приказу старшего лейтенанта Исакова разведчики стали отходить к проходу в минном поле. Самому командиру не повезло: одна ракета, не успев догореть, упала ему на спину. Он знал, как жадно шарят сейчас глазами вражеские автоматчики по освещенному ракетами полю. Стоило хоть малость шевельнуться, и наверняка не одна очередь ударила бы сюда. А жаркое пламя ракеты, легко, как автоген, прошив ватник, уже впилося в тело. Стало нестерпимо больно. Однако худшее было впереди.

Когда снова навалилась темнота, Исаков потерял ориентировку и наткнулся на проволочное ограждение. Несколько попыток отыскать проход не увенчались успехом. «Конец!» — пронеслось в мозгу. Старший лейтенант догадывался, что его люди уже наверняка на «ничейной», что ждать откуда-то помощи бессмысленно. И тут он услышал осторожное, с придыханием: «Исаков... Исаков...» К нему подползал Ильин.

После войны полковник Исаков вспомнит:

«Никто из нашей разведгруппы не обратил внимания на то, что меня нет, и только он бросился искать, рискуя попасть в руки врагу, хотя, получив команду на отход, мог этого не делать и его никогда ни в чем не упрекнули бы. С тех пор я всегда брал его в разведку и был благодарен случаю, который открыл мне Ильина».

Под Сталинградом Михаил Ильин стал младшим лейтенантом и начальником штаба батальона. Война разметала фронтовых друзей, и случилось так, что только девятнадцать лет спустя после

последней встречи им удалось найти друг друга письмами. Передо мной одно из них. Ильин торопился рассказать:

«В конце войны — бывает же такое чудо! — вновь попадаю в 13-ю гвардейскую дивизию, в наш родной полк, в твой батальон на должность начальника штаба. Правда, ведь редкое совпадение?..»

В 1949 году поступил в Академию имени М. В. Фрунзе и успешно ее окончил. Служил в Забайкалье, сейчас — Белоруссия».

И еще строчки:

«Прочитал роман «Солдатами не рождаются»... Я, безусловно, далек от мысли, что Симонов хотел описать именно нас. Ильин в этом произведении образ, конечно, собирательный, литературный. Но во многих героях я свободно узнаю наших — Нину Гладкую, Иванникова, Карпенко, Сокура...»

Иван Иванович Исаков, перебирая уже пожелтевшие, но бережно хранимые листки, комментирует:

— Такой же, чувствуется, и остался — прямой, открытый, принципиальный. Между прочим, повидав искалеченных войной людей, он как-то проговорился, что после победы уйдет из армии и станет врачом. Я же всегда верил в него, как в человека истинно военного.

Ильин остался в кадрах. Там, в Белоруссии, я спросил у него, не привелось ли ему позже, после академии, встречаться с однополчанами. Он ответил, что доводилось, в том числе однажды с генералом Родимцевым.

— Правда, при несколько любопытных обстоятельствах, — уточнил Михаил Иванович.

В 1953 году после окончания академии Ильин получил назначение в Восточную Сибирь, где в ту пору помощником командующего войсками был генерал-лейтенант Александр Ильич Родимцев. Работа офицера в штабе округа захватила.

Как-то он был привлечен в качестве проверяющего огневой подготовки в одной части. Стреляли пулеметчики неважно, и подразделению грозила общая двойка. Никакие просьбы командира сделать определенные поправки Ильина не тронули. Тогда командир отправил «вверх» жалобу, в которой факты были подтасованы столь умело, что опровергнуть ее оказалось делом чрезвычайно трудным.

Ильина вызвали к Родимцеву с объяснениями. Генералу каким-то образом стало известно, что «въядливый» офицер — сталинградец. Встретил он вошедшего довольно холодно, указав глазами на стул, предложил сесть и спросил:

— Воевали под Сталинградом? В какой дивизии?

— В вашей, тринадцатой.

Родимцев заходил по кабинету, раздумчиво повторяя:

— Ильин... Ильин... Напомните!

И Ильин напомнил. Об одном тяжелом бое, когда лично откомдива получил приказ закрепиться на отвоеванном у против-

пика «горячем» участке. О том, как, будучи раненым, в медсанбате из рук Родимцева получил орден Красного Знамени.

Мог бы рассказать и о том, как в другой раз, ожидая операцию в медсанбате, встретился с ординарцем Исакова — рядовым Богуславским, и тот доверительно сообщил о записке медицинскому начальнику от «самого». В записке значилось: «К вам поступил раненый Ильин. По возможности в госпиталь его не отправляйте. Родимцев». Попасть в госпиталь означало наверняка угождать впоследствии в другую часть. А Родимцев ценил своих людей.

Мог рассказать Ильин об этом, но смолчал: посчитал — нескромно. Под конец Родимцев протянул лист бумаги:

— Прочтите вот это.

Обвинения в адрес Ильина были тяжелые. Он поднялся и твердо сказал:

— За собой вины я не вижу. Поверьте, все было иначе.

Родимцев пристально на него посмотрел:

— Молодой вы еще штабист, зеленый. Вот едва и не заплатились.

Забрал рапорт-жалобу и в левом верхнем углу размашисто написал: «Результаты проверки подтверждаю».

...Рано утром, еще не серело за окном, полковник Ильин поднялся, зажег крохотный свечной огарок. В мокрые от дождя стекла туго напирал ветер. Ильин торопился в поле...

Ознакомившись с этим материалом, Константин Симонов сообщил следующее:

«Когда Иван Иванович Исаков рассказывал мне о своей службе комбатом в Сталинграде и в предшествующий период войны, то он очень живо и с большой симпатией описал своего начальника штаба Ильина, выдвинувшегося из писарей.

Этот рассказ был отправной точкой для того, чтобы я написал в романе именно такого Ильина, каким он написан. Хотя, конечно, в этом образе сошлись многие мои воспоминания о встречах с молодыми двадцати-, двадцатидвух-, двадцатичетырехлетними командирами батальонов, а иногда даже полков.

Фамилию Ильина я оставил сознательно. Так же как в свое время сознательно оставил в «Живых и мертвых» подлинную фамилию Хорошева. Когда я начинал писать книгу, Исаков знал, что Ильин жив и где-то служит, но не знал — где. Мне показалось, что если оставить этому собирательному герою подлинную фамилию того человека, рассказ о котором и дал мне первый толчок к созданию этого образа, — может быть, он откликнется, найдется...»

...Время дорисовало портрет Ильина,

Течет речка Ливенка

Эту историю мне рассказали в колхозе «Светлый путь». Рассказчики утверждали, будто именно ее Алексей Толстой положил в основу рассказа «Русский характер». Я не стал их разубеждать, ибо судьба Николая Глушкова очень сходна с судьбой Егора Дремова.

Там, где речка Ливенка вдруг вырывается из густого ивняка, на крутом берегу стоит высокая старая ветла. Наклонившись, она задумчиво смотрит в прозрачные воды.

Помнит старая ветла, как перед войной на берег Ливенки приходили двое. Обычно первым появлялся Николай. Высокий, статный, с пышным, вьющимся чубом, он садился на мягкую траву и смотрел в голубое небо. Через некоторое время приходила Клава: стройная, красивая. С ее округлого, румяного лица почти не исчезала улыбка.

А потом много лет старая ветла не слышала ее заразительного смеха. Клава бывала здесь одна и подолгу молча стояла, прижавшись щекой к шершавой коре.

...На второй день войны Николай Глушков ушел на фронт. В душе крестьянского парня кипела ненависть к тем, кто хотел отнять у него землю отцов, его родной дом, его любовь. И эта ненависть помогла ему в первых же боях показать себя отважным бойцом. В начале сорок второго, сражаясь на своей родной Орловщине, Николай Глушков совершил первый подвиг. Возвращаясь из разведки, он увидел на дороге вражескую легковую автомашину. Меткими выстрелами из карабина Николай убил водителя и автоматчика, а офицера, пытавшегося убежать, догнал, пленил и доставил в штаб. За это Глушков был награжден орденом Красной Звезды. Позже его направили в танковое училище.

Став офицером, Николай Глушков освобождал Белоруссию и Прибалтику, командовал танковым взводом, потом — ротой. На груди капитана Глушкова появились еще два ордена — Красного Знамени и Отечественной войны I степени. На фронте Глушков вступил в ряды Коммунистической партии.

Война шла к концу. Советские войска форсировали Одер. До Берлина оставалось немногим более сотни километров. Капитан

Глушков вел свою роту в атаку. Машины шли развернутым строем, на большой скорости. Враг молчал, притаясь за речкой. Зеленый кустарник на берегу напомнил Николаю родные места. Даже показалось, что в кустах мелькнул розовый Клавин платок. Но то была вспышка первого выстрела...

Танк с ходу одолел речушку, подняв огромный веер брызг, и выскочил на косогор. Фонтаны черной земли густым лесом вставали впереди. Не сбавляя скорости, танк Глушкова перемахнул окопы противника и ворвался на окраину населенного пункта.

В смотровую щель видна ровная улица, по которой мечутся под пулеметным огнем танка фашисты. И вдруг — страшной силы удар по броне. Боевое отделение заволочло дымом, стало нестерпимо жарко, словно машина влетела в пасть мартеновской печи... Глушкова, горящего факелом, вытащили из подбитого танка наши автоматчики.

В госпитале выдавшие виды военные врачи, осмотрев командира танковой роты, сокрушенно разводили руками. У Глушкова сгорела треть всей кожи, и поэтому казалось — долго он не протянет.

Но Глушков выжил, и врачи продолжали упорно бороться за его выздоровление. А оно приходило очень медленно. Только в июне сорок седьмого танкиста выписали из госпиталя.

...Поезд Мармыжи—Орел шел медленно. Николай Федорович смотрел в окно, и тяжелая тоска терзала его душу. И почему он не остался в Орле? Ведь и направление у него туда. Он достает из кармана листок бумаги и сотый раз перечитывает: «Инвалид первой группы Николай Федорович Глушков направляется в Орловский дом инвалидов...» Но его тянуло домой, где он не был столько лет, и Глушков не удержался. Что ждет дома его, человека, который не может даже самостоятельно как следует одеться? На руках — ни одного пальца, их пришлось ампутировать. А лицо... Вон даже пассажиры вагона смотрят на него со страхом и сожалением, а ведь они посторонние люди. Нет, он не пойдет домой. Просто постоит на станции, может быть, встретит кого из своих, расспросит о жизни родной деревни, а затем сядет на поезд и — обратно в Орел...

Медленно подплыли и остановились у окна вагона крупные буквы. «Здоровец», — прочитал Глушков и, тяжело поднявшись, двинулся к выходу. Хорошо, что он не писал своим о приезде. Мать с отцом, наверное, считают его погибшим. И это, может быть, лучше. Как появиться перед ними в таком виде? Особенно перед Клавой...

На перроне было пустынно. Только около соседнего вагона суетились две женщины, как видно тоже вошедшие с поезда. За ними — дежурный по станции со своим флажком. Да еще у столба стоял мужчина с деревяшкой вместо ноги. Глушков на-

правился к нему, но, не дойдя нескольких шагов, вдруг остановился.

— Гришка! Подколзин! — воскликнул он.

Мужчина окинул его равнодушным взглядом, ответил:

— Ну, Подколзин.

— Друг мой, — обрадовался Николай Федорович, — неужели ты меня не узнаешь?

— Голос вроде знакомый, — виновато улыбаясь, ответил Подколзин.

— Да мы же с тобой за одной партией четыре года просидели! — хватая его в охапку, закричал Глушков.

— Стой! — прошептал Гришка. — Не может быть, — он вырвался из объятий Николая и, сильно припадая на одну ногу, сделал несколько шагов назад. — Так это ты, Колька, а мы-то давно тебя похоронили.

Они стояли обнявшись на перроне, и скупые мужские слезы текли по их щекам.

— Помнишь, как мы с тобой опоздали на уроки и, чтобы не терять времени даром, козла дразнили? — спросил Григорий.

— Еще бы, я тогда новую рубаху располосовал, дома досталось на орехи. Да как они там? — Глушков отстранил от себя Подколзина и пристально посмотрел ему в глаза.

— Живы-здоровы, хлопочут... Ох и обрадуются, когда я тебя привезу. Ехал за бригадиром, который в Орле запчастей достает, а привезу тебя. Да что мы стоим здесь как истуканы? По случаю встречи зайдем в буфет, а там и домой. Гнедой заждался уж нас.

Станционный буфет располагался в небольшом помещении, похожем на будку, какие обычно стоят у поездов. В полумраке многоярусно плавал синий табачный дым. Пахло килькой и кислым пивом. Они прошли в самый угол.

— Много наших не вернулось, — со вздохом сказал Григорий. — Почти в каждом дворе кого-то унесла война.

Закусывали молча, каждый, как видно, думал о чем-то своем.

— А кому лучше: им или нам? — медленно пережевывая корку хлеба, сказал Николай.

— Ты о чем? — спросил Григорий.

— О том же. Ты вот честно скажи мне: страшно на меня смотреть? Но только не юли, говори прямо.

— Честно, — Григорий сокрушенно почесал затылок, — изуродовало тебя так, что и мать родная не сразу признает. Я даже хотел предупредить тебя об этом.

— Зачем? Я ведь домой не поеду, — опустив низко голову, глухо ответил Николай.

— Как не поедешь? — растерялся Гришка.

— Да так: не поеду, и все, — упрямо мотнул головой Николай. — Быть нахлебником не в моей натуре.

— Ах вон оно что! — закричал Григорий, резко поднимаясь. — Значит, и я нахлебник? — он потянул вверх штанину, обнажая

деревяшку. — А Ванька Казьмин без обеих ног вернулся с фронта, сейчас на тракторе, пашет. Тоже нахлебник?..

— Не кипятись, — сказал Николай, — ты должен войти в мое положение.

— Не войду! — Григорий грохнул кулаком по столу так, что жалобно зазвенели стаканы. — У нас в деревне о тебе другое мнение сложилось. Помню, читали в газете, как ты под Могилевом выпрыгнул из подбитого танка и поднял пехотинцев в атаку. Не ты ли кричал: «Коммунисты, вперед!» Или это выдумка газетчика?

— Не выдумка. Но то было другое время.

— А ты думаешь, сейчас не время? Эх, Коля, Коля! Знаешь, как трудно. Ведь все разрушено, разграблено. Надо строить, поднимать, а людей по пальцам можно сосчитать. Да что я тебя агитирую? — с досадой махнул рукой Гришка. — Ты просто ослеплен своим несчастьем, вот и все...

Небо было голубое, высокое. Николай лежал в повозке и любовался его чистотой. Видно, Григорий прав. Как мог коммунист поддаться личному горю, когда нужно жить и думать о будущем, когда сейчас для всякого найдется работа?

Медленно покачиваясь, повозка вползла в тень густых деревьев. Пахло липовым цветом, откуда-то сверху доносился немолчающий звон — это пчелы облепили липу.

— А вот и деревня наша! — подняв вожжи вверх, воскликнул сидящий впереди Гришка.

Николай поднялся. Сильное волнение охватило его. Совсем рядом в сизой дымке приближающегося летнего вечера он увидел свою деревню. «Родина! Моя хорошая, здравствуй! Через какие испытания прошел я, чтобы снова вернуться к тебе, — беззвучно шептали его губы. — Прости меня за минутную слабость. Я никогда, никогда не оставлю тебя...»

Зря он думал, что мать не узнает его сразу. Узнала с первого взгляда...

К дому Глушкова сбежалась вся деревня. Мужики, скупые на нежности, молча жали руки вернувшемуся «с того света». Женщины тесным кольцом окружили мать Николая Елизавету Фоминишну и без умолку ахали и вздыхали.

Встреча с матерью и земляками словно вдохнула в Николая новые силы. Ему вдруг захотелось прямо завтра, с раннего утра, пойти с ними косить траву. Верил теперь, что получится.

— А ты не спеши, — сказал ему председатель сельского Совета Василий Семенович Турбин. — Отдохни, ты заслужил. А работу подберем, без дела не останешься.

На другой день после обеда Николай все же пошел в балку, где косили. Но косари давно покинули ее, оставив длинные пахучие валки скошенной травы. Николай бродил меж ними, вдыхая знакомый аромат. Детство, далекое детство вдруг вернулось к нему,

Наступал вечер. Усталое солнце медленно опускалось за ко-согор. Воздух вокруг звенел, жужжал и пел. Николай шел по узкой тропинке. Вот и Ливенка. Он медленно направился к старой ветле, и, хотя шесть лет минуло со дня последней встречи с Клавой, казалось, она ждет, и он даже шаг замедлял, боясь встречи. «Не дури», — сказал он себе и пошел быстрее.

Ветла почти не изменилась — все так же клонится к воде, и лишь кустарник, выросший вокруг за эти годы, напоминает о том, как много воды утекло в Ливенке. Николай прислонился плечом к стволу ветлы, глядя в речку.

Хрустнула ветка. Николай вздрогнул и отшатнулся: в нескольких шагах от него стояла Клава.

— Зачем ты пришла? — спросил он, глядя в сторону.

— Я хожу сюда почти каждый день, — ответила она.

— Ты прости, я уйду, — отворачиваясь, сказал он глухо.

— Зря стыдишься своего увечья! — почти выкрикнула она и протянула к нему руки. — Для меня ты, как прежде, лучше всех.

Ветерок шелестел листвой старой ветлы, громко и весело говорила на перекатах речка Ливенка...

Вот и конец той истории. Осталось только добавить, что Николай Федорович Глушков уже более двадцати лет бессменно работает председателем ревизионной комиссии колхоза «Светлый путь», а его жена Клавдия Прокофьевна — лучшая доярка этого хозяйства.

*Город Ливны
Орловской области*

Звезды артиллериста

Он среднего роста, коренаст, подвижен, быстрые карие глаза смотрят пристально, поредевшие волосы гладко причесаны. Лицо часто озаряется улыбкой.

Павел Андреевич с увлечением рассказывает о прелести окружающих лесов, о радостном чувстве, охватывающем его при встрече утренней зари.

Из кухни раздается женский голос:

— Павел, письмо тебе там. От Калашникова.

На столе появились фотографии военных лет, письма.

— Вот он, Вася Калашников, — сказал Павел Андреевич, показывая фотографию солдата с орденом Славы и гвардейским знаком на груди.

— В одном орудийном расчете служили. Когда, отступая плацдарм на правом берегу Днепра, отбивали, не помню уж какую, контратаку гитлеровцев, меня ранило в руку, ему ногу раздробило. Три километра нес его на себе. Вася уж больше в строй не вернулся, а я после перевязки опять пополз к орудью...

Призванный в декабре сорок второго в армию, Литвиненко всю войну прослужил в одном полку — истребительном артиллерийском противотанковом. Что это такое, знает каждый, кому довелось воевать.

Фронтовые дороги... Бои... Сколько было их за годы войны на пути от Дона до Берлина! Сколько раз приходилось смотреть смерти в глаза! На этих дорогах трижды пришлось менять пушки. Были убиты или тяжело ранены четыре командира орудия. Сколько сменилось расчетов, Литвиненко не помнит. Ему везло: он оставался в строю. Даже после ранений и контузий, а их было пескoлькo, дело заканчивалось медсанбатом — и снова вперед.

Как вехи на боевом пути, запомнились города Запорожье, Одесса, Ковель, Познань, Берлин.

Помнит, как плакал от радости, переходя Государственную границу СССР. Не забыть Вислу, в которой чуть не утонул, а потом, когда реку форсировали, была такая схватка с вражескими танками, что ствол орудия от частой стрельбы накалился.

И сейчас перед глазами такой боевой эпизод. Они подожгли танк. Затем, когда кончились снаряды, еще одну вражескую машину подбил связкой гранат командир орудия. А потом случилось неожиданное. Один из «тигров» сбоку из-за сарая на полной скорости устремился на орудие. Не было ни снарядов, ни гранат. Артиллеристы прыгнули в окоп. Когда очнулись и подняли головы, их пушка была раздавлена, а неподалеку нылал «тигр». Его подожгли соседи.

Гвардейский полк, в котором служил Литвиненко, был в гуще событий во время ожесточенных наступательных боев на территории Польши и Германии. Артиллеристы неотступно следовали за пехотой, своевременно и быстро обрушивали свои мощные удары по скоплениям машин и огневым средствам противника.

В боях за Берлин гвардии сержант Литвиненко участвовал как командир орудия. У него уже был богатый фронтовой опыт, а на груди сияли два ордена Славы (третий он получил после войны), другие боевые награды.

В документе, который перед нами, говорится:

«Когда наши войска прорывали один из участков обороны столицы фашистского рейха, Литвиненко метким огнем своего орудия уничтожил 4 станковых пулемета, бронетранспортер, 2 автомашины с боеприпасами, много вражеских солдат и офицеров...»

— Особенно запомнилось мне, как под огнем на руках тащили орудие через канал по разбитому, упавшему в воду мосту, — вспоминает Павел Андреевич. — Как не уронили пушку в воду, до сих пор удивляюсь. Только укрылись за углом дома, показался вражеский танк. Он оказался последним на моем боевом счету.

И вот пришел час, когда части и подразделения облетела радостная весть: «Берлинский гарнизон капитулировал». Литвиненко впервые за много суток вздохнул полной грудью. Погода стояла теплая. Сквозь рваные свинцовые облака проглядывало

П. А. Литвиненко

солнце, озаряя тонкими лучами руины и мрачные лица гитлеровцев, шагавших нестройными рядами в колоннах военнопленных.

В тот день все спешили на площадь к рейхстагу. Пошел туда с боевыми товарищами и Павел Литвиненко. На задымленных стенах здания уже были тысячи надписей. Он встал кому-то на плечи и, подняв насколько мог вверх руку, написал: «Смерть фашизму!»

Механосборочный цех Тульского комбайнового завода, где вот уже двадцать пять лет работает старшина запаса Литвиненко, — это девятьсот рабочих, полтысячи различных станков. Здесь изготавливается около шестисот наименований различных деталей и узлов для сельскохозяйственных машин. Это завод в заводе.

Многое изменилось здесь за послевоенные годы. С ростом предприятия росли и люди. Вырос и коммунист Литвиненко. Начал он токарем, затем был назначен сменным мастером, возглавлял участок по изготовлению валов, а сейчас заместитель начальника цеха по производству. За особые заслуги в выполнении плана восьмой пятилетки по развитию сельскохозяйственного машиностроения в апреле 1971 года Павлу Андреевичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Вот что рассказал о Павле Андреевиче директор завода Геннадий Васильевич Прялочников:

— Участок, возглавляемый Литвиненко, из года в год ежемесячно перевыполнял плановые задания по всем технико-экономическим показателям и закончил восьмую пятилетку на полгода раньше. На протяжении многих лет всю продукцию Павел Андреевич сдавал с первого предъявления и только отличного качества. Литвиненко — человек долга, собран, дисциплинирован, исключительно настойчив в достижении поставленной цели. Эти качества счастливо сочетаются в нем с душевностью, человечностью. Рабочие таких руководителей любят и могут с ними перевернуть горы. Литвиненко ввел немало новшеств в организацию труда, механизацию трудоемких операций обработки изделий, в технологию производства. На его счету десятки рационализаторских предложений. Они внедрены в производство и дают большой экономический эффект...

Мы идем с Литвиненко по механосборочному цеху. Гудят станки, звенит металл, вспыхивают огни электросварки. Чаще других слышу фразу: «Как же нам быть?» Это Павел Андреевич советуется с мастерами, рабочими.

Вот он подходит к станку, за которым орудует женщина. Операция она производит нехитрую: закрепляет деталь и нажимает кнопку. Все остальное делается автоматически. Несколько секунд — и фреза расточила отверстие.

— Знаете, сколько возни у нас было с этой дыркой? — говорит, обращаясь ко мне, сменный мастер. — Три человека ее сверлили, причем специалисты высокой квалификации. Теперь справ-

ляется один рабочий. И вместо ста деталей за смену дает восемьсот. А вся хитрость — в пневматическом приспособлении. В том, что оно появилось, — большая заслуга Павла Андреевича. Много сделано его руками и на нашем участке и на других...

Пока мы разговаривали, Литвиненко уже был в другом месте, рядом с молодым рабочим.

— Ну как, Саша, может, пора пробовать силы на семи станках? — слышится его голос. — Зайди после смены, потолкуем.

В цехе висит плакат «Совесть рабочего — лучший контроль». Спрашиваю Литвиненко: «Как это понимать?» Отвечает:

— У нас на сорок рабочих один контролер, а деталей сдают тысячи. Можно ли все проверить? На заводе разработана стройная система бездефектного изготовления продукции. Зависит она на рабочем, на его совести. Тут многое зависит от воспитательной работы, атмосферы в коллективе, его влияния на людей. Многого уже добились. Число контролеров на смену уменьшено с шести до двух, и брак резко сократился. Значит, растет совесть рабочего. Он сам себе контролер.

Зашли в кабинет. Тут же раздался телефонный звонок. Литвиненко (он, оказывается, председатель цехового комитета ДОСААФ) просили уточнить списки призывников, которые будут заниматься в различных кружках при заводе, обеспечить их явку на занятия.

Принесли сразу два пригласительных билета — на городской пленум профсоюзов и заводской партийный актив.

В конце смены собрались мастера, докладывают, что сделано, где слабые места.

Зашел сын Анатолий. Возвратившись недавно со службы в армии, он вместе с женой работает в цехе.

— Толя, — говорит ему Литвиненко, — поднажми. Этим агрегатом надо овладеть как можно быстрее. Он нам позарез нужен.

Смотрю, слушаю и думаю: как много забот у человека. Всем он нужен, к каждому у него дело. Живет фронтовик по принципу: гореть — так гореть с полным накалом, делать — так делать с максимальной отдачей всего себя, не считаясь ни со временем, ни со старыми ранами, которые пет-пет да и дают о себе знать.

Мы вышли с завода в девятом часу вечера. У ворот проходной стояли машины. В их кузовах поблескивали свежей краской жатки. Прямо с конвейера они направлялись в колхозы и совхозы. Павел Андреевич не садился в трамвай, пока не проводил колонну усталым, но счастливым взглядом.

Пулеметчица Зоя

С Зоей Матвеевной Медведевой я встретился совсем случайно в Одессе. Оба мы были приглашены Одесским горкомом партии на празднование, посвященное 30-летию начала героической обороны города.

Солнечный город-герой встречал нас музыкой и цветами. Я не сразу узнал бывшую пулеметчицу легендарного дота № 1. На встречу однополчан она приехала вместе с 18-летним сыном, который осенью готовился стать солдатом. Мать взяла его с собой на встречу с боевыми друзьями, в город ее боевой, опаленной огнем юности. Здесь, на передовых позициях 287-го стрелкового полка 25-й стрелковой Чапаевской ордена Ленина, Краснознаменной дивизии, Зоя стала пулеметчицей.

Я смотрю на ее сына, он удивительно похож на мать, только на целую голову выше. Мы стоим с ним и наблюдаем радостную встречу боевых друзей-однополчан. Объятия. И цветы, цветы. Товарищи по оружию крепко жмут руки Зои Матвеевны. Эти руки поливали огнем из пулемета фашистские цепи, перевязывали раненых, хоронили погибших бойцов, отдавших свои жизни во имя мира на земле. Здесь впервые через 30 лет Зоя встретилась с бывшим командиром пулеметного взвода Э. Д. Цискоришвили, военфельдшером Шурой Лукашевской и многими другими. Здесь она писала автографы на только что вышедшей ее книге «Мы сражались под Одессой».

Я наблюдал эти радостные встречи однополчан на одесской, когда-то обильно политой кровью земле и вспоминал встречи с Зоей, комсомолкой-пулеметчицей, на севастопольских редутах.

В один из ноябрьских дней сорок первого года я выехал в 25-ю Чапаевскую дивизию на осмотр оборонительных сооружений (в ту тяжкую пору я был заместителем командующего Севастопольским оборонительным районом по инженерной обороне). Вместе с дивизионным инженером майором М. П. Бочаровым отправился на позиции 287-го стрелкового полка. Нашим провод-

пиком оказалась девушка лет девятнадцати-двадцати. Она четко доложила:

— Товарищ генерал! По приказанию командира полка подполковника Захарова должна сопровождать вас на передовую. Докладывает младший сержант Медведева.

— Сопровождайте, — ответил я и окинул ее взглядом.

Небольшого роста, в темно-зеленом бушлате, перепоюсанная солдатским ремнем, с санитарной сумкой за спиной; круглолицая, чуть вздернутый нос слегка усыпан веснушками, из-под каски выбивались пряди русских волос.

— Давно она на передовой? — тихо спросил я майора.

— С августа, под Одессой была пулеметчицей. Храбрая дивчина. Сейчас санинструктором работает, но все просится опять к пулемету, — ответил Бочаров.

Узнав, куда мы направляемся, девушка уверенно вела нас по тропинкам, через овраги.

— Осторожно, кругом заминировано, — сказала она, обернувшись к нам.

— Да, да, здесь, товарищ генерал, минное поле. Не беспокойтесь, Медведева знает все проходы, — сказал майор.

Осмотрев позиции, я остался доволен. Бойцами и саперами полка и дивизии была проделана титаническая, нечеловеческая работа по рытью окопов, траншей в каменистом грунте.

На обратном пути Зоя попросила меня походатайствовать перед командиром полка о назначении ее вновь пулеметчицей.

— Под Одессой же я стреляла, а почему здесь нельзя?

— Помогать раненым, выносить их с поля боя — трудная, опасная и благородная работа. А вы, девушки, это делаете лучше, чем мужчины, — ответил я и заметил, как изменилось ее лицо.

Второй раз мне довелось увидеть Зою Медведеву весной сорок второго года. Опять вместе с майором Бочаровым мы осматривали позиции чапаевцев, ждали новых штурмов Севастополя, надо было еще глубже зарываться в землю.

В районе Камышлового оврага находился знаменитый дот № 1 (долговременная огневая точка), имеющий важное значение в обороне полка. Решил осмотреть и его. В тот день противник молчал, только шла редкая перестрелка дежурных огневых средств. В лазоревом небе ни одного облачка, весеннее солнце пригревало, кругом между окнами и траншеями росли ярко-красные маки.

Дот был искусно замаскирован. У самого входа сидела девушка, около нее букеты маков. Увидев нас, она быстро встала, одернула гимнастерку, приняла положение «смирно» и четко доложила:

— Командир пулеметного расчета дота номер один сержант Медведева.

— Все-таки добилаесь своего, — сказал я, узнав ее, и крепко пожал ей руку. Подумал, неужели эта дивчина без страха бьет фашистов из пулемета?

— Добилаесь, товарищ генерал, — радостно ответила она.

— Много набила гитлеровцев?

— Хватает. Сколько полезет на дот, столько и могилу у него найдет.

— Не боязно?

— Иногда бывает. Но проходит боязнь, как только в прорези пулемета гады появляются. Прошу в дот.

В этом бетонированном сооружении было все в порядке, все готово к отражению вражеских атак. Пулеметные ленты, тупорылый «максим», гранаты, перевязочные пакеты и... маки, много цветов в котелках.

Пожелав Зое боевых успехов и чтобы вражеские пули и осколки летели мимо нее, мы покинули дот.

— Вторая Анка-пулеметчица. Такая же, как и Нипа Онплова, отважная дивчина. А глаза-то, заметили, товарищ генерал, какие у нее грустные, покрасневшие, — сказал Бочаров и пояснил: — Маки-то на могилу своей подруги готовит.

Я знал и Нипу Онплову, храбрую пулеметчицу, погибшую в начале марта на севастопольской земле. Дружба двух пулеметчиц Зои и Нины началась еще во время обороны Одессы.

— На могиле своей боевой подруги Медведева клятву дала отомстить фашистам. Слово свое крепко держит, — сказал майор.

А я невольно подумал: «Какие у нас женщины! Какой титанический ратный труд несут они на своих плечах и на передовой, и в тылу! Ничуть не уступают нам, мужикам».

Читая книгу «На бастионах — чапаевцы» бывшего командира 25-й Чапаевской дивизии генерал-лейтенанта Т. К. Коломийца (ныне покойного), я находил строки о Зое Медведевой, ее мужестве и отваге.

В ожесточенных июньских боях за Севастополь Зоя Медведева была тяжело ранена и отправлена в госпиталь на Большую землю.

После излечения была признана годной к службе только в тылу. Но упорство, настойчивость ее просьб победили: Медведева опять попадает на фронт — в 44-ю армию, которой командовал генерал-майор И. Е. Петров (во время обороны Одессы и Севастополя он был командующим Приморской армией).

Случайно на передовой Зоя Медведева встретилась с генералом Петровым. Это была третья встреча с ним. Он узнал ее, ту девушку-пулеметчицу, с которой беседовал, обходя позиции 287-го стрелкового полка во время обороны Одессы (он был тогда еще командиром 25-й Чапаевской дивизии). Второй раз встреча произошла в октябре на крымской земле. Зоя подобрала на поле боя больше десятка тяжело раненных бойцов. Мимо проезжал генерал Петров. Зоя остановила машину командарма, по-

просила забрать раненых и дать ей расписку в их приеме. Петров приказал перенести раненых в машину и, улыбаясь, дал ей расписку. Эту расписку Медведева сохранила и показала генералу при третьей встрече с ним. Через несколько дней ее направили в школу младших лейтенантов, которую она окончила 31 декабря 1942 года в Махачкале.

В боях за освобождение Северного Кавказа, Кубани Медведева командовала пулеметным взводом, затем пулеметной ротой. Лишенная элементарных удобств, покоя, ежеминутно рискуя своей жизнью, она наравне со всеми бойцами прошла длинный фронтовой путь.

В 1944 году старший лейтенант З. М. Медведева простилась с армией: сказались последствия тяжелого ранения. Совсем плохо стало со зрением.

Способность немного видеть вернулась к Зое Матвеевне спустя несколько лет после победы. Взяла в руки перо. В 1967 году вышли в свет ее мемуары «Опаленная юность». Сотни писем получила от читателей. Откликнулись и ее однополчане. Получила письмо от жены комиссара 287-го стрелкового полка Цапенко. Залитые слезами строки письма поведали, что чья-то рука написала ей извещение о том, что ее муж пропал в 1942 году без вести. Но ведь этого не было, и Зоя Матвеевна едет в Батуми. До самого рассвета Е. С. Цапенко слушала рассказ Зои о своем муже, погибшем смертью героя и погребенном в сева-стопольской земле.

Однажды к Медведевой приехали сыновья бывшего командира 287-го стрелкового полка Н. В. Захарова, которых она видела на фотокарточке в осажденном Севастополе в матросских костюмчиках...

Зоя Матвеевна заканчивала новую книгу — о мужественных защитниках Севастополя, о жестоких схватках с врагом, когда получила письмо от сына:

«Дорогая мамочка! Вот я и стал, как ты этого хотела, настоящим солдатом...»

Капитан с фронтовой фотографии

В победную весну сорок пятого года фотоснимок этот обошел многие периодические издания. И сейчас, пожалуй, нет без него ни одной фундаментальной книги или альбома по истории Великой Отечественной войны. И вот случай свел меня с тем самым, теперь уже бывшим капитаном, о котором вели речь офицеры, рассматривая иллюстрации военных лет.

С Леонидом Аршаковичем Туманяном мы встретились в районе учения. Бодрый и подвижный, подполковник стремительно вошел в помещение, где находились офицеры, и представился старшему:

— Помощник руководителя учений...

А дальше все присутствующие стали свидетелями скрупулезного изучения и уяснения деталей предстоящих действий. Один из офицеров пытался как-то охладить пыл подполковника: зачем, мол, вам такие тонкости?

Леонид Аршакович парировал спокойно и вежливо:

— Извините. Но коль уж мне доверено...

Потом сидел в сторонке за портативным столиком и переносил что-то на свою рабочую карту. Возвращая документы, сказал:

— Теперь все ясно.

Мне трудно объяснить, чем этот человек привлек мое внимание, но я твердо решил, что должен повидать его снова. Распросив офицеров штаба, на каком примерно рубеже готовится прорыв обороны, я с рассветом прибыл туда. В лощине увидел палатку, у ее входа стоял лейтенант, который на мой вопрос, здесь ли подполковник Туманян, ответил:

— Тут, но пока не приходил. Всю ночь провел в поле.

Вскоре я все же разыскал его на одной из высоток. В цветистом маскхалате, он трудился вместе с группой саперов.

Леонид Аршакович, обтирая руки ветошью, стал пояснять мне:

— Наши саперы здесь должны так выполнить свою задачу, чтобы каждый участник учения мог ощутить, почувствовать реальную картину боя.

Мы ходили вместе по огромному участку. Беседуя, подполковник следил за ходом выполнения задачи, отдавал распоряжения.

Одного хвалил за выдумку и аккуратность, другому советовал что-то.

Перед передним краем и в глубине обороны устанавливались противотанковые минные поля, которые прикрывали танкоопасные направления. И все это делалось под руководством подполковника Тумаяна, который внимательно контролировал действия подчиненных ему солдат, сержантов и офицеров. Они точно, неукоснительно выполняли каждое указание и распоряжение, ибо знали, что за всем этим — глубокие профессиональные знания, большой опыт офицера-фронтовика.

...Имитационная противотанковая мина. Вроде самая обычная, но без тротиловой начинки. Ее взрыв обозначается трехцветными ракетами. Наедет на такой замаскированный сюрприз танк — пружина сбрасывает крышку и в небо взвивается серия ракет. Контролеры тут же засекают — танк подорван!

А подполковника Тумаяна одолевали новые замыслы. Он решил установить на танкоопасных направлениях еще и мало заметные препятствия — в войну их применялось много. Это весьма коварная ловушка. Наматывается тонкая проволочная спираль на гусеничный трак, и, хочешь не хочешь, боевая машина застывает на месте.

Леонид Аршакович пробует согласовать свою идею с командиром обороняющихся, тот противится — не война все же. И это уже, мол, совсем не имитация, а реальность. Подполковник Тумаян стоит на своем. Офицеры спорят, решают обратиться по телефону к руководителю учений. Тот говорит решительно:

— Предоставьте товарищу Тумаяну право действовать, как он считает нужным. На войне противник не станет нам под ноги стелить пуховики.

Когда все было готово и проверено, а до начала наступления оставалось время, выдалась возможность поговорить с Леонидом Аршаковичем обстоятельней. Узнал я тогда о его, казалось бы, обычной и в то же время примечательной военной судьбе.

Подполковник Л. А. Тумаян

Контролеры тут же засекают — танк подорван!

Он готовил себя к мирной учительской профессии и уже заканчивал первый курс пединститута в Ереване, когда вдруг получил повестку из военкомата — Родина призывала его и его сверстников стать в боевой строй. Шел сентябрь тридцать девятого, гитлеровские полчища заполнили Польшу. Над планетой нависли тучи второй мировой войны.

По просьбе Тумаяна горком комсомола дал ему путевку в Московское военно-инженерное училище. Оттуда перевели в Ленинград.

Выпуск словно был заказан — как раз в июне сорок первого. Не успели молодые офицеры подпоясаться ремнями, как их сразу отправили на фронт. На первых же порах Тумаян попал в огненный переплет. Закладывали мины на одном из подступов к Ленинграду взрывчатку, а тут, откуда ни возьмись, фашистские стервятники появились в небе, стали бомбить. Несколько товарищей погибло, сам Леонид очнулся в госпитале после тяжелой контузии.

После излечения командировали его в Селецкие лагеря — в то время там шло формирование наших понтонно-мостовых подразделений.

Их было пятеро, лейтенантов, в том числе и его друг Саша Дириц, теперь он в запасе, живет в Муроме. Тыловая жизнь им была не по душе — ребята написали рапорт с просьбой отправить на передовую. Получилось, как задумали. После телеграммы из Москвы все пятеро уехали на Воронежский фронт.

Конец сорок второго. В течение некоторого времени их батальон под непрерывным обстрелом возводил низководный деревянный мост через Дон у Верхнего Момопа. Леонид был тогда заместителем командира понтонно-мостовой роты.

Реки большие и малые. Сколько их пришлось преодолеть! И через каждую надо было наводить переправы.

В сорок третьем ему доверили роту. Тогда же вступил в ряды Коммунистической партии.

Воевал на сандомирском плацдарме. Участвовал в боях за Польскую Силезию, за города Бреслау, Легница. Читая после войны воспоминания об этих этапах боевого пути, Леонид Аршакевич по-новому воспринимает смысл происшедшего. Когда же на твоих погонах две-три маленькие звездочки, порой не очень задумываешься о масштабности той или иной операции — тебя заботит прежде всего полный порядок на своем участке.

Он ощущал особый подъем духа, когда их 1-й гвардейский кавалерийский корпус в составе других частей спешно послали на помощь восставшим словакам. То был трудный месячный рейд. Когда соединились с повстанцами, Леонид на время стал как бы советником у группы партизан, устанавливающих минный заслон против эсэсовских карателей. Среди многих имеющих нынче у него орденов и медалей — две награды чехословацкие.

Встреча на Эльбе. Американский генерал приветствует советского генерала Г. В. Баклапова

А потом — форсирование Одера и путь на Берлин.

— Помнится, — рассказывает Леонид Аршакович, — нашей понтоно-мостовой роте приказали организовать паромную переправу через Эльбу. Это было южнее Торгау. Люди выполняли задание всю ночь. Кавалеристы переправились и ушли в рейд, а нас оставили содержать переправу.

Поутру один из наблюдателей докладывает: с противоположной стороны — колонна легковых машин. Глянул в бинокль и увидел пять «виллисов», на них — вооруженные солдаты.

Не сразу мы разобрались, кто они такие. На всякий случай приказываю занять оборону, изготавиться к бою. С машин заметили это, выбросили флаг. Американцы. Навстречу мне шел офицер, это был, как выяснилось, майор, командир разведывательного батальона. Мы пожали друг другу руки, договорились срочно сообщить своему командованию о встрече на берегу. Помнится, обменялись даже сувенирами.

А затем состоялась встреча представителей командования союзных войск. Откуда ни возьмись нагрянули фоторепортеры.

На Эльбе и закончил войну Леонид Туманин. Остались по-

зади годы суровых военных испытаний, мосты, наведенные через водные преграды под яростным огнем и бомбежкой врага, бессонные ночи, когда вместе с подчиненными устанавливал минные поля. О пройденном суровом пути напоминали ордена и медали на груди, следы ранений и контузий. В каких только краях и гарнизонах не служил с тех пор Леонид Аршакович.

Выросли сын и дочь. Десятилетку оба с золотыми медалями закончили, учебу в институте с отличием завершили: Анатолий на гидрогеологическом факультете, а Татьяна — на гидротехническом.

Я с уважением смотрел на одного из ветеранов-фронтовиков, о которых столь тепло говорилось на XXIV съезде партии. Я слушал рассказ человека, чье сердце было переполнено романтической любовью в свою войсковую профессию, накрепко спаявшего с армией свою жизнь.

Возможно, мы бы говорили с ним и дольше, но прозвучал сигнал наступления. По полю двинулись лавины боевых машин.

Наступающие вначале не придали значения тому, что впереди у них были минные поля «противника», своевременно не проделали в них проходов. А некоторые танки пошли через минное поле без тралов. В результате несколько танков «подорвалось» на минах. В небо поднялись сигнализирующие ракеты. Другие попали на коварную спираль, и экипажи под огнем «противника» пытались распутать проволочные капканы. Поняли люди — нельзя упрощенно смотреть на вещи, коль учишься искусству победы. И урок этот им преподавал фронтовик...

На разборе инициативу саперов отметил старший начальник, и было радостно за моего знакомого.

Леонид Аршакович был награжден орденом Красной Звезды за успехи в обучении и воспитании подчиненных. То была двадцать первая правительственная награда бывшего капитана с фронтовой фотографии.

Один дом России

Разрушенный дом. Девочка с фашистской биркой на шее... Этот снимок — из «Красной звезды» сорок второго года. Под фотографией подпись — Нина Афанасьева из деревни Старое, только что освобожденной нашими войсками.

1942 год, деревня Старое. Нина Афанасьева

Сейчас Нина Сергеевна Тихомирова — член партии, мать двоих детей. Живет в тех же местах, в Калининской области.

Дом Тихомировых — на краю улицы. Тополя и березы, яблони в саду, белые наличники окон. За садом — речка. Зовут Горянкой. Горянка впадает в Дёржу, а Дёржа — в Волгу.

На крыльцо, набросив на плечи телогрейку, выходит отец Нины — дед Сергей, как зовут его дома. С него и начнем рассказ об этой семье.

Дед Сергей

— Войну с фашистами я всю прошел, с первого до последнего дня. И японца еще прихватил...

Формировали нас в Костроме, оттуда — под Ленинград. Ранили там тяжело, в госпиталь на Урал увезли. Вынули из меня осколки, а один остался: между сосудами, сказали, опасно, после войны разведе...

Подремонтировался — и на фронт. Ехали через Москву. В Москве была баня. Помылись, пришли в вагон, а тут почту принесли. И вот эту газету, про которую говоришь ты, я тогда и увидел. Ребята спрашивают: «Отец, не дочка твоя?» Фамилия-то подписана под фото: Нина Афанасьева. И моя фамилия — Афанасьев. Смотрю: Нинка! Дочка моя старшая. И от дома — одни развалины. Хоть и радость была, что жива, а и тяжело на сердце — их у меня четверо осталось, и что с другими, не знаю...

Успокаивали ребята меня как могли, да что слова, они — пока слушаешь. А ночь пришла — спать не могу: все дочка моя с газеты на меня смотрит, перед глазами стоит. И рядом ведь с Москвой, а не птица-синица, не вспорхнешь. И такая злость на фашиста.

...Тот бой как сейчас помню. И лощину, и высоту, и даже цифру не забыл, хоть и память на цифры такая, что хуже некуда, — высота 846. Пошли в атаку, а мне, ну поверь, все равно, убьют или жив останусь; лишь бы, думаю, с тобой, гад проклятый, схватиться. Дзот там был, вот мы его и брали. Ребята потом хвалили меня, говорят, шестерых уложил огнем и офицера одного, а до рукопашной тогда так и не дошло. Потом, после боя, про меня в газете написали. Вот, почитай.

Красноармейская газета «Героический штурм». Номер новгородный, 1 января 1943 года. Отвечая на вопрос газеты «Что ты сделал в 1942 году для победы над врагом?», бойцы рассказывают о трудных днях старого года. Среди них — красноармеец Сергей Афанасьев. Рядом с заметкой — портрет Сергея Михайловича. В каске, черная смоль усов...

Поредели сейчас усы у деда Сергея, побелели от времени. А голос — чистый, звонкий. И слух прекрасный. Встает в доме первым, кур, кроликов накормит, дров принесет, в магазин ходит. После фронта четверть века бил он молотом на колхозной кухне, но годы и тяжелый труд не отняли у него здоровья.

— А помирать все равно придется, ничем не откупишься... Да не об этом речь. Ты дальше-то слушай про мои походы. Дошел до Кенигсберга, а потом с железнодорожным батальоном — на восток, на другую войну...

В феврале сорок шестого — домой. Второй раз я через всю страну проехал. В Москве к брату зашел: сколько лет не виделся! Помню, вышли с ним по стопке, а закуска, какая тогда закуска? Поверишь, манной кашей закусывали.

— Видишь, какая память у меня? Манную кашу и ту вспомнил. А ведь я через четыре войны прошел. В пятнадцатом с германцем воевал, потом в Красной Армии два года, на фронте с Колчаком ранили, и тиф тогда перенес. А вот живу. Восемьдесят лет мне скоро...

Нина Сергеевна

Две даты среди прочих она будет помнить всегда: 11 октября сорок первого в деревню пришли фашисты. 20 августа сорок второго — наши.

— В сентябре сорок первого в старших классах занятий не было. Начали учиться первого октября. И проучились мы в октябре десять дней. А одиннадцатого они пришли.

Жили с бабушкой; мать перед войной померла, отец на фронте, а нас четверо, и я — самая старшая. Выдали нам бирки с названием деревни и номером, и каждый носить должен.

Что запомнилось? Да ничего не забылось. И как тифом с сестрой болели, и как корову у нас увели. Последнюю бабушкину надежду, два куса сала, запрятали мы под картошкой в подполе, так и там нанли. Пленных вели через деревню, бабушка картошки наварила, послала Колю, младшего, им передать, поймали брата, проволокой отстегали.

А разве забудешь, как Скобелевых из Корчмидова расстреливали? Сын их, Витя, буханку хлеба взял. Вот семью и расстреляли. И мать, и старшего сына, а нас согнали из всех деревень смотреть на смерть их.

В Ровном председателя колхоза повесили. Никитина Николая Егоровича. И несколько дней не снимали.

Весна пришла, а сажать нечего, никак их семян у нас с бабушкой, ничего...

А в августе наши пришли. Помню, сначала артиллерия работала. Мы все в землянках сидели. А в доме тети Прасковьи Захаровой у фашистов штаб был, а через дом — связь стояла. Так наши только по этим домам и били, разведали, видно. Ничего от их штаба не осталось.

В деревне наши со стороны Куркова шли. Смотрим, идут. Бабушка, уж ей под восемьдесят было, с нами бежит навстречу, плачет, упала, снова бежит... И я с ней рядом, с биркой этой фашистской. В тот день и сделан был этот снимок.

А через месяц направили меня на Урал, в школу ФЗО. Потом на заводе токарем работала, в комсомол вступила, бригадиром стала. Делали мы патроны к автоматам. Так и стоят они у меня перед глазами — патроны. И хоть тяжело было, но радостно: девчонка, а дело серьезное делала. И все думала, может, какой-то к отцу в руки попадет. А может, и попал какой?

Дед Сергей улыбается.

— И не такое бывает в жизни. Патрон что? Вот у нас один был, брата родного случайно на улице встретил, и где? В Кенигсберге! А что патрон...

Тихомиров, лейтенант запаса

Это муж Нины Сергеевны. Он из этих же мест, из соседней деревни Ревякино. На фронт ушел рядовым, вернулся с войны лейтенантом, в орденах и медалях. Поработал избачом, а через год избрали его председателем сельсовета. Нина тогда уже возвратилась с Урала. Пришло время — сыграли свадьбу.

— Всю войну прослужил я в истребительно-противотанковом артиллерийском полку. Где «тигры», где «фердинанды» и «пантеры», там мы — истребители.

На Курской дуге был уже командиром орудия... Есть такое село — Верховенье. Вот там и зажег я первого в своей жизни «тигра». И «тигр» этот в том бою был первым факелом, который запылал на нашем участке. Командир полка приказал комбату: «Старшего сержанта Тихомирова представить к медали «За отвагу». И «тигр» первый, и медаль была первая.

На пути к Днепру героически погиб мой товарищ Коля Зверев, земляк наш, отсюда, из деревни Холопье на Дёрже. Он так и остался у орудия, окруженный подбитыми «фердинандами». Золотой звездой Героя наградили его посмертно.

Из шкафа Борис Павлович достает ларчик. В нем — пожелтевшие за тридцать лет военные документы лейтенанта Тихомирова, два ордена Красной Звезды, орден Славы III степени, две медали «За отвагу».

— Это — за Киев. Это — за Корсунь. Это — уже в Чехословакии. Видишь, сколько прошел в истребителях, а везло — раненый всего два, и оба легкие.

Узнав, что родом я ярославский, он долго что-то ищет в альбоме. Находит фотографию:

— Вот, земляк твой. Самый дорогой для меня человек. Мой комбат, всю войну вместе. Зубанов. Вот бы его разыскать. Ты напиши про него, а?

Подошла жена.

— Вот уже четверть века вместе прожили, в прошлом году серебряную свадьбу сыграли, а он своего комбата до сих пор забыть не может. И на серебряной свадьбе его вспоминал. Может, и не было бы, говорит, Нина, у тебя такого мужа, если бы не комбат...

После войны Борис Павлович закончил заочно техникум, долго работал в райпотребсоюзе, а вот сейчас снова председателем сельсовета. Его здесь знают все, и он всех знает. Потому что земля эта — земля его дедов и отцов. Его земля. За нее воевал. Для нее, этой земли, для людей ее вся жизнь председателя Тихомирова.

СЫНОВЬЯ

Сыновей двое, Валерий и Володя. Один работает в Ленинграде, строит корабли. Второй — студент. И у того, и у другого служба в армии уже позади.

1974 год. Слева направо: В. Тихомиров, Н. С. Тихомирова,
С. М. Афанасьев, Б. П. Тихомиров

Когда заговорили о сыновьях, отец подошел к шкафу, открыл дверцу. Среди прочей одежды висели рядом гимнастерка старого покроя и солдатский китель с танками в петлицах.

— Просят беречь. Да и как не хранишь. Я свою фронтовую шинель тоже берегу. Память.

Всегда рядом со мной

На одной из тихих окраинных улиц города Славянска живет с семьей Герой Советского Союза Макар Алексеевич Солодилов. Его, летчика-коммуниста, ветерана войны, часто приглашают на предприятия и в школы, и он с теплотой рассказывает о боевых друзьях, их подвигах и только о себе, я это знаю, — ни слова. М. А. Солодилов — человек исключительной отваги и такой же простоты, скромности. Таким он остался в моей памяти с фронтовых лет.

В гвардейский штурмовой авиационный полк я прибыл в январе 1944 года на должность авиамеханика. Попал в экипаж гвардии капитана Солодилова. Но самого капитана не было — находился в госпитале. В полку, как я понял из рассказов, его очень любили, гордились им. Боевой опыт у Солодилова богатейший. Бомбил японских захватчиков у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, награжден орденами. Почти с первых дней Великой Отечественной — на фронте. Более полусотни боевых вылетов совершил на СБ.

Потом освоил штурмовик Ил-2, летал днем и ночью, командовал первой эскадрилей полка. Десятки раз водил группы на штурмовку живой силы и боевой техники фашистов. Не раз был подбит, горел, но всегда находил возможность дотянуть до своих. «Наш Макар Алексеевич и в огне не горит, и в воде не тонет», — по-доброму шутили летчики в полку. И естественно, с ним шли в бой с каким-то особым настроением, смело и уверенно.

«Повезло тебе, парень, — говорили мне ветераны. — Рядом с таким героем будешь воевать». А у меня от этих слов прибавлялось волнения. Мысленно рисую себе капитана Солодилова таким былинным героем, к тому же строгим, недоступным. Как-то он отнесется ко мне, молодому механику? Может, рассердится, потребует к себе в экипаж опытного специалиста?

В те дни полк получил новые самолеты, только что с завода. Надо было «доводить» их в полевых условиях. Эта хлопотливая работа отнимала много времени, сил, и я несколько отвлекся от своих переживаний.

Однажды мне передали: вернулся Солодилов, завтра будет об-

летьвать машину. Утром следующего дня встречаю его у самолета, докладываю. А сам во все глаза смотрю на капитана. Высок, худощав, немного сутуловат. На продолговатом, с суровыми чертами лице, слегка тронутым осинками, — умные, добрые глаза. Немногословен, суховат. Вообще, во внешнем облике его не нашел ничего героического и, каюсь, подумал: а не преувеличены ли рассказы о его подвигах?

— Как запуск? — спрашивает между тем капитан, имея в виду, конечно, мотор.

Да, запуск мотора на этом самолете требовал ювелирной точности действий. У меня уже была отработана своя методика запуска. Докладываю о ней капитану. А сам в душе сомневаюсь, будет ли он ей строго следовать. Подумаешь, механик без году неделя дает советы бывалому летчику...

Но капитан выполнил все точно, мотор сразу же запустился, я сел в кабину воздушного стрелка и доложил о готовности к вырубиванию. Облет машины продолжался около часа. Как механик, отметил про себя: капитан очень грамотно эксплуатирует технику. На земле он сказал всего два слова: «Хорошо, спасибо!» Но по тону голоса, по крепости рукопожатия понял, что завоевываю доверие.

А вскоре началась напряженная боевая работа. «Илы» вылетали по несколько раз в день, и часто группы водил мой командир, теперь уже гвардии майор Солодилов. Я остаюсь на земле, а мыслями с ним в воздухе, там, над передним краем врага, где грохот бомб, треск пушечно-пулеметных очередей, уханье зениток сливаются в сплошной разноголосый гул. Нередко на самолете насчитываю десятки пробоя — и в плоскостях, и в стабилизаторе, и в фюзеляже, диву даюсь, как Солодилов привел машину на свой аэродром. А он только улыбнется уголками губ да проронит скупю: «И похуже бывает». И неспешной походкой, выдающей нечеловеческую усталость, пойдет со стоянки в штабную землянку.

От него я никогда не мог узнать подробности вылета. Зато летчики из группы описали все в деталях, и я сейчас помню их рассказы. Это было под Владимиром-Вольинским. Группе, ведомой майором Солодиловым, было приказано нанести удар по боевой технике врага — танкам, автомашинам. Фашисты хорошо замаскировались в лесных массивах, но чутье опытного разведчика не обмануло Солодилова. Первый заход... Открыли стрельбу зенитки, по «илам» ведут огонь из пулеметов, автоматов, но штурмовики не покидают поле боя. Второй, третий, четвертый заходы. Горят танки, взрываются цистерны с горючим...

Теперь — на свой аэродром. На обратном пути Солодилов увидел внизу колонну вражеских машин, идущую к линии фронта. Бомб на борту больше нет. Но есть еще пушечные снаряды. Есть пулеметные ленты у воздушных стрелков. Значит, не уйдут фашисты безнаказанно.

Солодилов первым пикирует на колонну. Бил он всегда без промаха. Товарищи говорили, что у него верный глаз, точный расчет и железная выдержка. Через несколько минут дорога внизу дымила горящими машинами.

В те памятные дни наш полк получил наименование Владимир-Вольинского. И в том, конечно, была немалая заслуга моего командира, как и других летчиков полка.

А потом — бои на сандомирском плацдарме. Накануне надо было провести тщательную разведку укреплений врага. Погода стояла — хуже не придумаешь: над землей стлались низкие, набухшие влагой облака, то и дело шел дождь со снегом. Кого пошлешь в такую непогоду? Да и, наконец, какие сведения он добудет? И в который раз выбор командования падал на моего командира. Гвардии майор Солодилов занимал место в кабине «шпа», захлопывал фонарь, коротким жестом руки показывал мне: выруливаю. В голове билась тревожная мысль: вернется ли? Я стоял неподвижно, пока самолет не скрывался в облачной пелене. Но он всегда возвращался. И привозил ценные разведданные. Как ему это удавалось, до сих пор не могу понять. Значит, талант у него был особый...

Врезался в память зимний день 15 января 1945 года. Наш полк вел напряженную боевую работу, поддерживая наступление войск 1-го Украинского фронта. Из второго вылета мой командир не вернулся. Его боевые друзья передали подробности того боя. Оказывается, уже в воздухе, по радио, группа была перенацелена. Новую цель знал только ведущий — командир полка. И когда по нему открыли огонь вражеские зенитки, понял Солодилов: если собьют ведущего, группа, не зная характера задания, окажется в сложном положении... Он сманеврировал, приняв огонь на себя, и тем самым дал группе возможность выполнить боевую задачу. Еще рассказывали летчики, что видели горящий самолет Солодилова неподалеку от линии фронта...

На следующее утро, еще до наступления рассвета, летчика лейтенанта Базовкина и меня вызвали на КП полка. Начальник штаба майор Гладошук поставил задачу: вылететь на По-2 в район возможного приземления Солодилова и оказать экипажу помощь.

Скоро мы были в заданном районе. Тщательно осмотрели с воздуха местность, но ничего не обнаружили. Потом расширили район поиска.

Вдруг ровный ритм работы мотора резко нарушился. Отказ, и притом серьезный. «Кажется, не работают сразу два цилиндра», — определяю на слух. Нужно садиться на вынужденную. К счастью, неподалеку какая-то маленькая площадка, занятая нашими истребителями. А рядом с ними стоит биплан. Вот где помогут нам запчастями...

Садимся, подруливаем к биплану. Уже различимы фигуры, лица людей. И вдруг — я не верю своим глазам — вижу гвардии

майора Солодилова. Со слезами радости на глазах бегу к нему. И он бежит: тяжело, из-под шлемофона видна белая повязка бинта. Обнялись, расцеловались. Первый вопрос — о воздушном стрелке. Гвардии старшина Иван Паниюшкевич — наш общий любимец, огромного роста, добродушный, веселый человек, — оказывается, жив, с поврежденной ногой лежит в лазарете.

А самолет, как рассказал мне командир, был подбит зенитным огнем, горел. Сажал его Солодилов на «брюхо». Два летчик и стрелок выбрались из него, как раздался взрыв...

Вскоре я получил новую машину, на которой гвардии майор Солодилов, теперь уже командир полка, повел своих питомцев в бой через Германию, на Берлин...

Все в полку уважали командира. Он был для нас образцом коммунистической убежденности, верности воинскому долгу, высшей нравственной чистоты. У него мы учились тому, как надо любить свою Родину и мужественно защищать ее в бою с врагами.

После войны мы расстались с М. А. Солодиловым. Только спустя годы нашли друг друга, переписываемся, изредка встречаемся. И когда мне бывало нелегко, когда нужны были какие-то новые силы для выполнения ответственных задач, я всегда вспоминал своего фронтового командира, и на душе становилось теплее, спокойнее и как-то увереннее.

Двое и танк

Высятся чуть сглаженные временем зубчатые башни древней крепости. Над каменистой бухтой голубеет небо. Желтая, выжженная солнцем трава. Молодой рыболов сидит неподвижно, — какой уже час! — будто впал в оцепенение. Ждет, не вздрогнет ли поплавок.

— Борис! — кричит с берега женщина. — Иду твоих бычков пугать!

И она бросается в воду — зеленоватую воду залива. Руки волн тянутся к берегу, но тут же неведомая сила отбрасывает их прочь. А они цепляются за мелкую гальку и с тихим ропотом откатываются назад.

Светлые дни. Первый отпуск вместе.

Но как часто тишина таит в себе бурю! Начавшийся так счастливо июнь обернулся бедой.

Шел сорок первый год. Море было еще рядом, но казалось далеким и чужим. Не существовало больше заядлого рыболова и плывущей по волнам женщины. Два молодых офицера танковых войск всеми своими помыслами были там, где шли бои, где решалась судьба Отчизны. Поскорее получить назначение — и на фронт.

Вскоре Людмила и Борис добрались до Москвы. Быстро были выброшены из чемоданов ненужные платья, светлые костюмы, войлочные шляпы, оставлено только то, что требуется иметь при себе человеку военному в походе.

Борис получил назначение на запад, Людмила — на юг. Как в песне: «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...»

Будто только вчера Людмила, пересекая заводской двор, услышала вопрос И. Лихачева, чьим именем теперь назван завод: — Ну, комсомол, как дела? Что-то ты вроде грустная?

— Плохо, Иван Алексеевич, не берет в академию.

Слесарь автозавода, она училась па рабфаке. Некоторые ее товарищи поступили в военную академию, а ей и не отказывали, но и не принимали. Лихачеву понравилась напористость девушки. Он сам позвонил комиссару академии. И через несколько дней Людмила появилась в лагере, где обучали новичков во-

енному долгу, с твердым намерением — ни в чем не уступать парням.

Она увлеченно изучала боевую технику, стала ворошиловским стрелком, прыгала с парашютом, завоевывала грамоты на соревнованиях по плаванию. Когда на Красной площади во время праздничного парада лихо пронеслись воины-мотоциклисты, среди полутора тысяч мужчин была одна девушка — Людмила. Ее портрет в 1939 году был напечатан в «Красной звезде». Уже потом, после окончания академии, она получила значок «За отличное вождение танка», потому что участвовала в качестве механика-водителя в испытательном пробеге протяженностью более трех тысяч километров.

И повсюду во время коротких передышек на пути следования ее ждали телеграммы от Бориса.

И вот разлука. Он — на запад, она — на юг. Война. Потом будет встреча. Но до этого придется каждому пройти тяжелые испытания.

Первые жестокие бои. Не хватает танков. А инженер — тот же доктор, только он возвращает в строй машину. Ночью под огнем врага пробираются люди к изуродованным танкам, мертвым металлом лежащим на поле боя. Что с ними? Пытаются на месте соединить траки гусениц, исправить мотор. Иной раз с ничейной территории, к изумлению врагов, буквально у них из-под носа неподвижный танк с заглохшим мотором, вдруг загромыхав, удалялся к своим. В прифронтовом лесу вспыхивают огни электросварки, шумят станки, неуклюжие краны ловко вытягивают из стального каркаса поврежденный мотор и заменяют его другим. Тут же стоят танкисты и требуют: «Скорее, скорее, братцы, давайте машину. Там — бой, там ждут». А руководит этой операцией вовсе не братец, а сестрица.

Споровка ли заводского слесаря, упорство ли характера, но Людмила показала себя с первых же дней на фронте толковым специалистом. Еще под Одессой ей пришлось сутками не спать, ремонтируя танки в ходе боев. В те трудные дни ее наградили орденом Красной Звезды.

Иному может показаться, что ремонтники — тыловая специальность, они там, где пули не свистят. Нет. Над головами рвутся снаряды, рядом в двух верстах идет бой. А они, ремонтники, ведут бой за жизнь машины.

Через некоторое время Людмила и Борис были уже на одном фронте.

Я вижу фотографию первых военных лет. Гимнастерки туго стянуты ремнем, одинаковые знаки различия, а на груди и у того и у другого одна и та же боевая награда — орден Красной Звезды. Потом появятся другие ордена и медали.

...Накануне им было приказано — любой ценой спасать, возвращать к жизни поврежденные машины. Людмила следит в

Людмила и Борис Калинин

бинокль. Вот еще один тапк закрутился вокруг оси и встал как вкопанный. Заглох мотор? Повреждена гусеница? Что с ним? Недвижимая громадина — какая прекрасная мишень для снарядов врага! Нет, это мы еще посмотрим! Маскируясь, один из ремонтников направляется ползком туда, к машине, выяснить, что с ней. Не дожидаясь ночи, рванет потом туда тягач, чтобы зацепить тапк тросом и вытащить в укрытие, отремонтировать, чтобы снова пошел тапк на врага.

Бой у степ Луганска... А потом было еще много таких боев, когда, не смыкая глаз, в грохоте, в огне продолжали свой ратный подвиг неутомимые труженики, те, кто пропагал всю войну рядом с танкистами.

В своих мемуарах «Тогда, в сорок первом...» генерал-полковник К. Грушевой вспоминает, как он увидел на фронте этих двух военных инженеров. Они держались друг с другом подчеркнуто официально. Именно потому, что были мужем и женой. Но одна комиссия из Москвы записала в акте, что жена находится в подчинении мужа — семейственность, мол, процветает. Калинин был начальником отдела ремонта и эвакуации танков управления командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта, а Людмила — его заместителем. Командующий фронтом прочел этот акт и спросил:

— А как работает эта пара?

— Прекрасно, — прозвучал ответ.

— Ну, раз так, пусть все остается по-старому. Не в канцелярии сидят, на фронте.

Однажды нужно было ночью принять новые танки. Людмила должна была руководить выгрузкой. Все было продумано до деталей. Сделаны временные платформы. Обучены механики-водители. Только подгонят эшелон — и сразу же уйдут в ночь тяжелые новые машины. И вдруг, когда выгрузка окончилась, налетели вражеские самолеты. Танки уцелели, но станционные постройки были разрушены, погибла какая-то женщина. «Она! — мучительно билась мысль в голове Бориса. — Неужели она? Не уберег, не заслонил!» Он гнал вперед машину. Только бы скорее туда, на станцию.

Людмила оказалась невредимой. Но сколько он будет помнить войну, столько будет помнить это утро, эту станцию, этот путь.

Кто-то сказал, что можно сильно любить человека, с которым вместе шагаешь по жизни, и не ощущать этой любви, пока какое-нибудь несчастье не покажет нам всю глубину нашей привязанности. Мне кажется, иной раз сама угроза несчастья заставляет нас понять, как дорог нам человек.

Несколько позже Людмила станет начальником отдела ремонта и эвакуации танков фронта. Ее долго не утверждали в должности, хотя она, по существу, выполняла уже эти обязанности.

— Помилуйте, — говорил командующий, — ведь ей придется руководить эвакуацией танков под огнем противника, а она женщина. Жаль подвергать ее смертельной опасности.

Но потом утвердили. А в 1943 году она получила вторую премию за отличную организацию и проведение ремонта танков во фронтовых условиях по конкурсу Вооруженных Сил (да-да, и в то время проводился такой конкурс!).

День Победы, пожалуй, самый дорогой праздник в семье Калининных, где теперь уже две Людмилы и два Бориса.

После войны два военных инженера продолжали службу в частях, испытывали танки, обучали молодых танкистов, совершенствовали боевую технику. Жена полковника Людмила Ивановна Калининна сама стала полковником. В запас она ушла, чтобы через некоторое время вернуться к труду.

...Чемоданы уложены. Путевки в санаторий — в кармане. Машина тихо шуршит шинами по асфальту. Не слышно скрежета металла. Огни не электросварки и не пожарниц впереди — огни большого города. В машине двое. Людмила и Борис. Они едут в отпуск.

И вот уже снова, как тогда, встречает их море. И снова мокрые руки волн тянутся к берегу. И с тревожным гулом откатываются назад. Снова на камне сидит рыболов. Удочка скользит над зеленоватой волной. Мимо проплывает женщина:

— Борис! — над волной появляется смеющееся лицо. — Бычков твоих спугну.

О камни бьет прибой. Над бухтой синее безоблачное небо. И если порой моросит дождь — не беда! Он быстро кончается. И снова над заливом сверкает солнце.

Рассказ

о расстрелянном

КОМСОМОЛЬЦЕ

Есть на Черниговщине село Орловка. В селе — братская могила. Похоронены в ней пять человек, пять из шести расстрелянных гитлеровцами. О судьбе шестого мне и хочется рассказать.

В одну из апрельских почей 1943 года партизаны разгромили в Орловке полицейский стап. Не успели они скрыться, как нагрянули жандармы. Подозреваемых в связях с партизанами арестовали, и первым — 18-летнего комсомольца Андрея Губаря. Ничего не сказал на допросе юный патриот. И тогда в приступе злобы фашист выстрелил в него.

Столь же стойко, как Андрей, держались на допросах и другие. И так же, как он, были расстреляны. Тела всех шестерых гитлеровцы выволокли на улицу. Но на кладбище, у самой могилы, Андрей вдруг открыл глаза и застонал. И тогда мать героя, Татьяна Илларионовна, упросила отдать ей сына. Под напором сельчан староста уступил:

— Хорошо, забирай, потом сама похоронишь.

Но произошло невероятное. Крепкий организм, воля к жизни побороли смерть. Шесть месяцев пролежал Андрей в постели, а потом стал подниматься. После освобождения Черниговщины ушел на фронт, где с первого дня войны воевал его отец.

Сражался комсомолец Андрей Губарь под Ленинградом, участвовал в освобождении Риги и вновь встретился со смертью под Лиепайей.

В разгар жестокого боя повреждена была телефонная связь. Командир батареи капитан Довбаш отдал приказ рядовому Губарю восстановить ее.

Лавируя между разрывами снарядов и мпц, Андрей спешил с НП на батарею. Когда уже позади осталось метров двести, раздался оглушительный взрыв. Пришел в себя Андрей только в госпитале.

Кончилась война, Андрей вернулся в родную Орловку, пошел работать старшим пионервожатым в школу, потом заведовал отделом райкома комсомола, был его секретарем.

После окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС Андрей Петрович на партийной работе. В январе 1965 года ком-

муниципы Носовского района Черниговской области избрали его первым секретарем райкома. И они не ошиблись в выборе. Район добился значительных успехов. На груди Андрея Петровича вместе с военными наградами ныне сверкают орден Трудового Красного Знамени и орден «Знак Почета».

Уважают в районе своего партийного руководителя. Но мало кто знает о его легендарной судьбе, о том, что восстал он из мертвых и по сей день подчас беспокоит его фашистская пуля, оставшаяся со дня расстрела чуть выше затылка.

Андрей Петрович женат. Жена его, Наталья Саввишна, преподает в Носовской средней школе. Растут у него две дочери — Ира и Лариса.

Заветный платочек

Каких только прозвищ не придумывали гитлеровцы маленькому, неказистому с виду самолетику По-2 во время войны. И «рус-фанерой» в насмешку его окрестили, и «кофейной мельницей» называли, и даже «трескушкой». По замыслу конструктора По-2 и не предназначался для боя, был беззащитен, как малое дитя. Но началась война, и наряду с истребителями, бомбардировщиками, штурмовиками эта сугубо мирная машина стала в ряды воздушных бойцов.

Заслышав тарактенье «кукурузника» в ночном небе (так его нарекли уже наши фронтовые острословы), вражеские солдаты тут же прятались в щели и другие укрытия, потому что на себе не раз испытали: русская «тарактелка» бросает бомбы прямехонько в окоп, а то и залепит гранатой в окно командного пункта, если незадачливые штабисты вовремя не погасят свет.

О По-2 на фронте ходили легенды. Он мог пролететь по лесной просеке, совершить посадку на огороде, сделать порой такое, что скоростному самолету оказывалось не под силу. Из По-2 формировались полки и дивизии ночных бомбардировщиков, их наши храбрые летчики и летчицы водили во вражеские тылы — снабжали партизан оружием, боеприпасами, продовольствием, вывозили раненых.

На таком самолете и обучал молодежь азам пилотажной науки в летной школе Тимофей Алексеевич Ковалев, а когда развернулись сражения с фашистскими войсками под Москвой, стал летчиком авиагруппы особого назначения ВВС Западного фронта. Группой командовал майор И. Сулимов.

Вначале Тимофея Ковалева на боевые задания не посылали. Был он под стать своему самолету — невысок росточком, худенький, говорил глуховато и, видимо, командиру особого доверия не внушал. В части подобрались настоящие воздушные волки, которые уже не раз побывали в огневой купели. Что в сравнении с ними молоденький, необстрелянный пилот?

— Топи печь пока, а там видно будет, — сказал командир. И Ковалев топил.

Время от времени поручали ему отвезти пакет, доставить в госпиталь раненого, выйти с затерявшимся подразделением на

связь, а главное — учиться уму-разуму у опытных воздушных бойцов.

Но потом заметили: глаз у парня наметан, ночью видит, как кошка, расторопен и смел, безошибочно ориентируется в незнакомой обстановке. В ночь на 6 апреля 1942 года Ковалеву приказали доставить двух офицеров связи из штаба Западного фронта к командующему 33-й армией генерал-лейтенанту М. Ефремову, войска которого действовали в тылу противника.

— Посадка вот здесь, — указал на карте глухое безлюдное место в районе Вязьма, Знаменское начальник штаба. — Никаких сигналов подаваться с земли не будет.

— Задача ясна, — лаконично ответил Ковалев, а сам подумал: «Сигналов подаваться не будет. Как же я разыщу в темноте посадочную площадку?» Он долго сидел над картой, отметил для себя наиболее характерные ориентиры подхода к месту приземления, запомнил их. В полете на карту смотреть некогда.

Посадить самолет в незнакомой местности — немалый риск и в дневное время. А тут ночь. И все же разыскал эту площадку, приземлился, попрощался с офицерами связи. Но прежде чем взлететь, решил осмотреть поляну: нет ли каких препятствий.

Не успел он отойти и десятка шагов, как засвистели пули, слышались голоса вражеских солдат. «Вот влип!» — мелькнула тревожная мысль. Он выхватил пистолет и открыл по приближающимся солдатам огонь. Те залегли. Воспользовавшись этим, Ковалев вскочил в кабину, дал газ и на глазах у оторопевших гитлеровцев успел взлететь. На душе отлегло.

«Но как же быть с офицерами связи? — подумал он. — Ведь их же могут убить или захватить в плен. А с ними (Ковалев знал) важные документы. Далеко они уйти не могли. Надо спастись».

Сделав круг и снизившись почти до самой земли, летчик увидел на дороге, по которой направились офицеры, сначала вспышки выстрелов, а потом и темные силуэты двух человек. Их преследовали гитлеровцы. Летчик тут же прямо у дороги и приземлился. О себе он в тот момент не думал. Билась одна мысль: спасти людей.

Чтобы добежать до самолета офицерам потребовалось не больше минуты. Перевалялись через борт кабины: голова вниз, ноги вверх. Так с ними под огнем противника По-2 и поднялся.

«Выходит, обстановка на земле изменилась, — прикинул Ковалев. — Но где же пайти части генерала Ефремова? Ведь задание остается невыполненным». Он долго кружит над застывшими в таинственной немоте лесами и притихшими деревушками. Заслышав характерное стрекотание, которое было свойственно мотору По-2, с земли выпустили в небо несколько зеленых ракет. «Свои», — обрадовался Ковалев.

Сел, а ему кричат:

— Куда тебя черти занесли? Живо сюда.

Оказалось, приземлился на полосу, которая разделяла вражеские войска с нашими. Под прикрытием огня советские солдаты вытащили самолет с опасной зоны, летчику пожелали доброго пути, и он взлетел.

Под утро вернулся на базу и, не заходя в свою землянку, направился к командиру авиагруппы. Тот выслушал, поблагодарил за смелость и находчивость, потом перевел взгляд на его куртку:

— А пу-ка, снимай. Что-то она у тебя больно дырявая.

Повертел в руках, сказал в раздумье:

— Как изрешетило! Раз, два, три... пять... — считал он при свете копилки дырки от пуль.

Тут только Ковалев вспомнил, что дважды за ночь находился под огнем противника, по об этом командиру не доложил, а, взяв в руки куртку, высказал лишь сожаление:

— Новенькая... Только вчера со склада получил. Теперь вот иттопай...

— Да и шлем-то прострелен. Гляди,— снимая головной убор с летчика, указал командир на рваное отверстие в самой макушке. — Ну, парень, в рубашке родился.

А утром, как рассвело, Ковалев посмотрел на свой самолет и руками развел: фюзеляж и крылья — словно худое решето.

— Триста пятнадцать дырок, сам считал. Удивляюсь, как машина в таком виде дотянула до аэродрома, — доложил механик.

Когда я попросил Ковалева рассказать некоторые подробности упомянутого события, он вспомнил о другом, казалось бы, не имеющем прямого отношения к его боевой деятельности. На самом же деле между этими событиями самая прямая связь.

...Приземлился он на своем По-2 на одном из полевых аэродромов в районе Калуги, где базировались истребители. В то время с боевого задания как раз возвращалась группа самолетов. Командир эскадрильи вылез из кабины первым, провел тыльной стороной ладони по разгоряченному лицу и бросил с досадой:

— Каких летчиков потеряли, каких летчиков!

Два самолета тогда не вернулись. Судьба третьего была пока неясной. В горячке боя командир успел заметить, как летчик бросился на выручку своего товарища, вогнал «мессершмитта» в землю, но в этот момент на него сверху, из облаков, свалилась пара вражеских истребителей. Чем закончилась неравная схватка — комэск проследить не мог: фашистских истребителей оказалось в два раза больше, наседали они отчаянно, и смотреть по сторонам было некогда. Неужели и он сложил голову?

Но вот над дальней зубчаткой леса показалась черная точка. Она росла, наконец обрела форму истребителя. Но почему самолет валится с крыла на крыло, словно подстреленная птица? Сел он с ходу, чуть взмыл, потом снова коснулся земли и, пробежав какое-то расстояние, остановился. Туда тотчас же устре-

милась санитарная машина. Открыли фонарь кабины. Тело летчика безжизненно обвисло на сиденье. Он был мертв. Осколок снаряда пробил голову, на лице застыли слюстки крови.

— Какое же мужество и выдержку надо было иметь, — вспоминает Ковалев об этом летчике, — чтобы биться до последнего дыхания, привести самолет на последних каплях горючего и только тут расстаться с жизнью. Образ этого летчика оставил глубокий след в моей памяти.

А опасности подстерегали летчика в каждом полете. Ну хотя бы такой случай. В августе 1942 года в тяжелом положении оказалось одно из наших кавалерийских соединений. Действовало оно в тылу противника и было зажато в тиски. Окруженные части испытывали острую нужду в боеприпасах и продовольствии. Предпринимались попытки пробиться к окруженным по воздуху, но они не увенчались успехом — слишком сильная противовоздушная оборона противника.

Но лететь, как бы там ни было, надо. И эта задача выпала на долю Тимофея Ковалева.

— Такое дело, капитан, — начал издаലെка командир авиагруппы. — Знаю, прошлой ночью вы летали. Знаю, устали, мало спали. Но дело неотложное. Надо снова лететь.

Командир не приказывал, он как бы советовался с летчиком, потому что знал: посылает его на такое задание, когда нет уверенности, что тот вернется живым.

— Куда? — только и спросил Ковалев.

— Вот сюда, — развернув карту, показал командир. Он объяснил летчику суть задания, попросил подумать, как лучше его выполнить.

— Кольцо окружения плотное. Зениток фашисты понатыкали немало. Будьте осторожны, — предупредил командир.

«Осторожничай не осторожничай, — рассудил про себя Ковалев, — огня все равно не миновать. А что, если подняться как можно выше, над линией фашистских войск выключить мотор и спланировать?» Посоветовался с командиром, тот даже присял:

— А ведь это идея!

Так летчик и поступил. Правда, по нему стреляли, но вреда самолету не причинили.

Приземлился Ковалев на лесной опушке. Его тут же обступили. Подходит высокий, косая сажень в плечах, мужчина, под плащ-палаткой погон не видать, и, глядя сверху вниз на щупленькую фигуру летчика, представляется:

— Комиссар полка Юденков.

— Капитан Ковалев, — рапортует летчик. — Имею задание вывезти штабные документы, Знамя и двух человек.

— Когда собираетесь возвращаться?

— Как можно быстрее, пока не рассвело.

Загрузка самолета много времени не отняла. В последний момент подбегает хрупкая девчушка в гимнастерке, больших кирзовых сапогах, умоляюще просит:

— Я разведчица. Только что с задания. Возьмите меня.

— Во-первых, не я здесь распоряжаюсь, — ответил Ковалев. — А во-вторых, куда я вас посажу? Кабина-то занята.

— Ну возьмите, я маленькая...

Но летчику уже некогда было ее слушать. Гитлеровцы открыли по опушке артиллерийский огонь. Один из снарядов разорвался неподалеку от самолета. Требовалось срочно улетать. Подпрыгивая на неровностях, тяжело груженная машина устремилась вдоль леса и вскоре растаяла в темноте. На этот раз противник палил по ней нещадно. Огненные сполохи долго сопровождали беззащитный фанерный самолетик, но сбить По-2 не удалось.

Вернулся Ковалев, когда уж рассветало. Из кабины выпрыгнули офицеры штаба, смеются.

— Что случилось? — спрашивает Ковалев.

— Сюрприз для вас...

— Какой еще сюрприз?

— Сейчас увидите...

И тут поднимается в кабине... разведчица.

— Как ты сюда попала? — ошарашен от неожиданности Ковалев.

— Говорила же вам, что я маленькая. На полу устроилась.

— Ну, девка, полагалось бы тебя за это выпороть, да уж ладно, прощаю. За находчивость.

— Я же разведчица, — застенчиво улыбнулась девушка.

В представлении майора Т. А. Ковалева, ставшего к тому времени командиром 15-го почного бомбардировочного авиаполка, к званию Героя Советского Союза сказано: «На фронте налетал 1342 часа, из них ночью 1025 часов... Доставил партизанским бригадам 182 тонны оружия, боеприпасов и 42 человека, следовавших в тыл противника по особым заданиям командования. Вывез из тыла 205 раненых и партизан, сбросил на объекты противника 10,6 тонны бомб. Кроме того, по заданиям связи им перевезено 52 офицера и 870 кг спецгрузов».

Полковник запаса Тимофей Ковалев работает сейчас старшим мастером по добыче рыбы на Камчатке. Сейнер, на котором он плавает, является одним из передовых. Коммунисты рыболовного судна избрали его своим парторгом.

Встретились мы с ним в Москве. Сюда Ковалев прилетел в отпуск. Он с увлечением рассказывал о тружениках моря, с которыми делит радости и невзгоды рыболовной профессии вот уже более десятка лет.

— Когда вам присвоили звание Героя? — спрашиваю Тимофея Алексеевича.

— В июне сорок пятого.

7 ноября 1941 года. Прямо с парада на Красной площади
войска уходили на фронт

Бой за населенный пункт

Поддерживая пехоту, пулеметчики ведут губительный для врага огонь

Необходимо было в кратчайший срок значительно увеличить производство боевой техники, и труженики тыла с честью выполнили эту задачу. Мужчины ушли на фронт, к станкам встали женщины и дети

На одном из танковых заводов

11 апреля 1944 года. Моряки-десантники комсомольцы Владимир Ивашев и Николай Ганзюк водружают флаг над освобожденной Керчью на горе Митридат

Легендарная Малая земля. Здесь 4 февраля 1943 года высадился десант моряков Черноморского флота и войск Северо-Кавказского фронта. 225 дней шли упорные бои, и город Новороссийск был освобожден от гитлеровских захватчиков

Накануне Дня Победы группа воинов, приехавших на экскурсию, встретила с бывшими фронтовиками, участниками боев капитаном 2 ранга в отставке С. Григорьевым (справа) и подполковником в отставке В. Лаврентьевым (крайний слева). С большим вниманием слушали молодые воины рассказ ветеранов

Узбекистан. Садвинсовхоз имени Кирова в Андижанской области. Горит на центральной площади совхоза Вечный огонь, освещающий обелиск с надписью: «Вечная память работникам совхоза, отдавшим свою жизнь за победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. От коллектива совхоза». У обелиска — работник совхоза Джалпар-али-Хайдаров, четыре сына которого героически сражались на фронте.

Советские штурмовики наносят удар по противнику, отступающему по шоссе Могилев — Минск

В освобожденной белорусской деревне

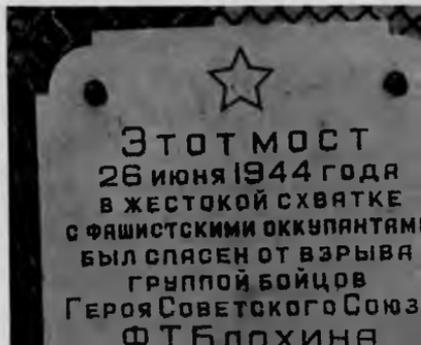

Этот мост — памятник героизму

1945 год. Старшему сержанту Федору Блохину вручается Золотая Звезда Героя Советского Союза

Когда наши части ворвались в Витебск, этот мост оставался единственным. Но враг готовился подорвать и его. Старший сержант Ф. Блохин с группой саперов прорвался к речному берегу одним из первых. Их заметили, открыли огонь. Тогда саперы вступили в бой, смели заслон и прорвались к переправе. Отступая, фашисты подпалили бикфордов шнур. Успеть! Забыв обо всем на свете, Федор пополз по мостовым переборкам. Он опередил пламя. Взрыва не произошло. Путь на правый берег Западной Двины был открыт

Лидер «Ташкент» с войсками идет в осажденный Севастополь. Июнь 1942 года.

Командир десантного отряда Б. Гранин ставит боевую задачу командному составу. Ханко. Август 1941 года

Торпедные катера с десантом входят в гирло Сулин. Август 1944 года

Парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. В парадном строю воины 4-го Украинского фронта. На переднем плане — командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко, командующий 1-й гвардейской армией генерал-полковник А. А. Гречко, командующий 8-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации В. Н. Жданов

В парадном строю полный кавалер ордена Славы старший сержант А. Панков. Через двадцать лет «Красная звезда» рассказала читателям о послевоенной судьбе отважного воина

Поверженные фашистские знамена у подножия Мавзолея Ленина

Это место священо для нашего народа и всего прогрессивного человечества. В будни и праздники приходят к могиле Неизвестного солдата ветераны боев и молодые воины. Бесконечен людской поток, как бесконечна любовь народа к героям, храбро сражавшимся с немецко-фашистскими ордами и отдавшими жизнь за честь, свободу и независимость Отчизны

Проходят годы, но на могиле всегда букеты живых цветов. Они — немые свидетели вечной памяти народной, нашей безмерной благодарности тем, кто ценой своей жизни спас человечество от фашистской чумы

Ветеран Первой Конной армии начальник политотдела дивизии, которой командовал легендарный герой гражданской войны А. Я. Пархоменко, генерал-майор в отставке Петр Кириллович Случевский с внуком Андрюшей

Встретились ветераны

Помолчал немного, улыбнулся и добавил:

— С этим связана одна история...

...Привезли в полк вместе с газетами и журналами посылки. Одну из них вручили Тимофею Ковалеву. Маленькая такая посылочка, в карман можно уместить. Были в ней теплые варежки, кисет и батистовый платочек. Каемки ажурным кружевом обведены, а по середине вышито: «Вернись героем!»

Улыбнулся Тимофей, свернул платочек и положил его в карман. Потом записку достал. Девушка из Кемерово Аня Манина сообщала: «Посылаю этот скромный подарок в надежде, что он, может быть, немного скрасит полную опасности жизнь воина-фронтовика. Отец мой на фронте, мама недавно умерла и сестренка тоже. Осталась я одна. Послала бы еще что-нибудь, да нет больше ничего...»

До слез растрогало это искреннее письмо Тимофея. Тут же сел за стол писать ответ и горячо отблагодарил девушку за подарок. Завязалась переписка. Бережно хранил Тимофей все эти годы платочек с надписью, а когда встретился с Аней вскоре после войны, достал его, развернул: «Ты мне желала вернуться героем? Вот я и...»

— А где же Аня сейчас? — спрашиваю.

— Как где? Она моя жена...

Разведчик Николай Ушаков

Этого беловолосого солдата в батарее и не называли иначе, как Коленкой или сыном. А специальность у него была героическая: разведчик-наблюдатель. И на груди у него уже красовался орден Славы III степени.

Комбат был немногословен:

— Любой ценой надо добыть сведения о противнике. — И повторил: — Любой ценой!

Разведчики молчали. В тыл к врагу уже пытались пробраться две группы. Но безрезультатно. Теперь собрали третью.

У минного прохода разведчиков встретил сапер, предупредил жестом:

— Тише!

Разведчики проползли метров двести и услышали немецкую речь. Замерли. Пропустили мимо себя смену вражеских часовых, броском проскочили через заброшенные траншеи.

К рассвету группа углубилась километров на семь-восемь в тыл врага. Подошли к какой-то разбитой халупе.

Николай осмотрел ее. В ней было пусто. Вокруг — ни дерева, ни кустика. Подумалось: «Попробуй-ка в случае чего выбраться отсюда!» Дверь в халупе была сорвана. Часть крыши разобрана. Но на чердаке сохранились остатки сена. Разведчики посоветались и все же решили обосноваться здесь. Строение мало приметное, обзор из него хороший. Залегли на чердаке, установили стереотрубу.

Через час на западе показалась колонна. Она шла открыто, не маскируясь.

Николай достал блокнот и сделал первую запись.

Разведчики установили, что артиллерия противника укрылась в соседнем лесочке, пехота сосредоточивалась ближе к передовой.

Только западный лес оставался незанятым. Но п он ожил к исходу третьих суток. Сначала в него свернул бронетранспортер. А когда стемнело, под деревья, словно тени, поползли танки.

Следующий день начался спокойно. После полудня Николай бросил под голову телогрейку и прилег. Усталость брала свое. Даже голос наблюдателя прозвучал словно из-под земли:

— Фашисты...

Три машины шли прямо к хате.

— Гранаты! — шепотом приказал командир.

Один гитлеровец заглянул в хату, пнул ногой железную печку. И снова сел в кабину. Машины развернулись и укатили обратно.

Когда группа вернулась из разведки, комбат удивился и богатству информации, и тому, что все разведчики остались живыми. Всех их представили к наградам, Николая наградили орденом Славы II степени.

А полным кавалером ордена Славы Ушаков стал после форсирования Нейсе.

Доложив о результатах разведки, Николай вернулся на берег. Он даже не успел обсушиться, когда гитлеровцы начали контратаку.

— Танки! — подал сигнал наблюдатель.

Заработала наша артиллерия. Над рекой раскатился гром выстрелов.

И вдруг орудия, стрелявшие неподалеку, замолчали. Николай увидел, как к одному из них метнулась санинструктор Галя Иванова. Оттащив раненого наводчика, она сама взялась наводить пушку. Николай подскочил ко второму орудью.

— Огонь! — прохрипел кто-то из раненых.

Орудия снова ожили. Первый выстрел, второй, третий. Загорелись два танка. Галя стреляла точно. Николай почти в упор сделал выстрел по третьему танку. Но больше он ничего не видел. На месте орудия, у которого работала Галя, взметнулась земля. Николая отбросило в сторону.

Я встретил бывшего лихого разведчика-артиллериста в одной из наших частей. Николай Никитович Ушаков — военный врач.

Приходят к врачу солдаты. Их принимает светловолосый майор — внимательно выслушивает, осматривает. И невдомек при этом бывает иному первогодку, что перед ним — полный кавалер солдатского ордена Славы.

Майор медицинской службы
Н. Ушаков

Мера твёрдости

В Кувшинское, одно из самых глубинных сел Кировской области, меня привело письмо Санчурского райвоенкома майора И. Лексютина. «В нашем районе, — писал он в редакцию, — живет сержант в отставке Виктор Владимирович Ложкин. Вот уже более тридцати лет, как тяжелое фронтовое ранение уложило его в постель. Но он не пал духом. Заочно окончил институт, преподает физику в школе, создал замечательный школьный музей. За мужество и отвагу, проявленные в боях, Ложкин награжден орденом Красной Звезды. За самоотверженный учительский труд ему присвоено почетное звание заслуженного учителя школы РСФСР. Напишите о нем в газете».

В село я приехал под вечер. В школе никого уже, кроме директора, не было. Он проводил меня в небольшой бревенчатый дом, где живет и работает Виктор Владимирович Ложкин. Одна половина этого дома оборудована под класс, другая служит квартирой учителю. Виктора Владимировича мы застали в классе. Пожилой, чисто выбритый, в круглых «грибодовских» очках, он сидел в высоком кресле-коляске, лицом к окну, за которым плескалось окаймленное зеленью большое красивое озеро. Рядом с учителем, у стола, стояли с кисточками в руках двое подростков — как потом выяснилось, ученики 7-го класса Слава Беляев и Коля Лапшин. Перед ними возвышался изящный, почти законченный макет Большого театра.

Мне еще в районе рассказывали, что ученики Кувшинской школы под руководством Виктора Владимировича вот уже более десяти лет строят макеты зданий, связанных с именем Ленина. Сейчас Слава Беляев и Коля Лапшин рассказывают о Большом театре: это в его нетопленном, полутемном зале в декабре 1920 года VIII Всероссийский съезд Советов одобрил ленинский план ГОЭЛРО. На съезде выступал Владимир Ильич, и отсюда на весь мир прозвучали крылатые слова Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Виктор Владимирович любовно глядел на своих питомцев, в душе, вероятно, гордясь и умелыми их руками, и твердыми знаниями по истории Родины, и тем, с каким желанием отдают они свой досуг совершенствованию школьного музея Ленина, существ-

вующего уже тринадцать лет. Колхоз построил для него специальное помещенье. За это время в музей побывало более десяти тысяч посетителей. Говорят, что, будь село поближе к большим дорогам (до ближайшей железнодорожной станции отсюда километров 60), число посетителей могло бы уже, наверно, составить сотни тысяч.

Мне не терпелось посмотреть музей. Но на дворе уже смеркалось. Ребята пошли по домам. Мы с Виктором Владимировичем проговорили часов до двух ночи. Раньше этого времени Виктор Владимирович засыпает редко. С вечера обычно готовится к завтрашним урокам, смотрит телевизор, позднее — читает, слушает радио. На этот раз почти весь вечер был посвящен воспоминаниям. У Виктора Владимировича отличная память. Он называет десятки однополчан, вместе с которыми воевал, помнит врачей, медицинских сестер и товарищей по госпиталям, преподавателей, у которых учился в институте, своих учеников, давно уже окончивших школу. Некоторое время он жил в Свердловске. Учился там перед войной в индустриальном институте, после ранения лечился там в госпитале. С тех пор более тридцати лет прошло. Но, узнав, что я тоже жил в Свердловске, Виктор Владимирович перебрал в память чуть ли не каждый дом по проспекту Ленина, все интересуюсь, как теперь те места выглядят.

Рассказывал ветеран и про свой боевой путь.

Воевать ему пришлось недолго. В победных боях участвовать почти не довелось. Оборонялись, отступали, попадали в окружение. Но сила отпора противнику не слабела, а день ото дня крепла.

Последний, трагический для Ложкина бой с фашистами вспыхнул в районе станции Кувшиново 5 декабря 1941 года. Накануне вечером он был вызван со своим отделением из первой граншей обороны для несения службы охранения. Всю ночь патрулировали воины возле штабной землянки, а на рассвете вдруг столкнулись на лесной просеке с разведчиками противника. Завязался короткий ближний бой. Сержант Ложкин не успел еще разрядить всю обойму своей винтовки, как острая боль в правом колене свалила его в снег. Бойцы отделения и сам командир продолжали вести огонь. Фашисты, отходя, отстреливались. Вторая вражеская пуля впилась сержанту в позвоночник.

С тех пор и началась для Ложкина мучительно долгая и неравная борьба с болезнью. Врачи сделали несколько сложных операций, испробовали все известные науке методы лечения, все виды лечебной гимнастики. Ничто не помогло. Диагноз — травматическое повреждение спинного мозга с параличом нижних конечностей — обрек тридцатилетнего, полного сил человека на неподвижность.

Он, как и все на войне, готов был к чему угодно, но, конечно, не к этому. Чувство смятения и растерянности не раз подступало комом к горлу. В интернате инвалидов он окончил курсы сче-

водов, поступил на заочное отделение Кировского учительского института. Экзамены у него принимали в палате. Через два года получил диплом, а вслед за ним кресло-коляску.

Но с работой вышла заминка. Сотрудники облоно отговаривали от школы. Как, мол, вы будете пользоваться классной доской, делать опыты? Лишь после вмешательства обкома партии состоялось назначение Ложкина учителем физики в Кувшинскую восьмилетнюю школу, где шестой десяток лет учила детей его мать Алевтина Аполлоновна, награжденная за самоотверженный педагогический труд двумя орденами Ленина.

И вот уже более двадцати лет учительствует Виктор Владимирович. Нелегким делом оказалось приспособиться к рабочему режиму и ритму.

О том, как Ложкин работает сейчас, красноречиво говорит почетное звание заслуженного учителя школы РСФСР. Могу добавить к этому со слов родителей учащихся, что ребята любят его предмет и в самом учителе души не чают. Многие ученики Ложкина стали инженерами, несколько его питомцев учатся сейчас в военных академиях и училищах.

Многие из тех, кто посещает созданный Ложкиным школьный музей В. И. Ленина, оставляют в книге отзывов восторженные записи. Я познакомился с ними еще до того, как осмотрел музей, и, откровенно говоря, подумал, что товарищи, возможно, преувеличивают. Но оказался не прав. Музей действительно великолепен. Основные его экспонаты — макеты зданий, в которых жил, работал или выступал В. И. Ленин, модели памятников нашей революционной и боевой славы. Их около 200. Все они искусно выполнены учениками 5—8-х классов по чертежам Виктора Владимировича и под его руководством. Многие из макетов копируют очень сложные архитектурные сооружения и целые ансамбли. Достаточно сказать, например, что в их числе — Казанский университет, Смольный, Таврический дворец, Петропавловская, Шлиссельбургская, Брестская крепости, монументальный памятник защитникам Сталинграда на Мамаевом кургане и многие другие. Над некоторыми из макетов ученики трудятся по полтора-два года.

В музее хранятся литокопии многих ленинских рукописей, собственноручные письма Е. Д. Стасовой, Л. А. Фотневой, Г. Я. Лозгачева-Елизарова, С. К. Гиля, М. Л. Сулимовой. Есть здесь адресованные В. В. Ложкину и его ученикам письма выдающихся деятелей международного коммунистического и рабочего движения.

Внимательны земляки к Виктору Владимировичу. Его навещают колхозники, местные и районные руководители. В комнате учителя много памятных подарков.

В аэропорту пассажиров было всего двое: я и пожилой, крепко сложенный человек в синем костюме с тремя рядами орденских планок. В ожидании самолета мы прохаживались по зеленой

дужайке. Мой попутчик оказался местным старожилом. Узнав, что я возвращаюсь от Ложкица, он стал вспоминать о том, как в тридцатые годы Виктор был сельским избачом и комсомольским заводилой, рассказал о его покойной матери, у которой учился, а затем с чувством некоторого смущения признался:

— Когда вспоминаю о Викторе, где-то в подсознании у меня невольно возникает вопрос: а смог бы я выстоять перед такой бедой?

Подобное мне уже довелось слышать от одного из районных работников, на этой же мысли я ловил и себя. Видно, для всех, кто знает Ложкина, его подвиг стал мерой твердости человеческого духа.

Гильза с белорусской землей

Эти места я узнал издали — перекресток проселочных дорог, криница, опоясанная бревенчатым срубом. Сюда, к этой кринице, мы ходили за водой. От немцев ее скрывали деревья, но они знали о ней и подбрасывали мины...

От криницы я взял круто вправо, вошел в лес. День выдался пасмурный, а в лесу, среди сосен, и вовсе было сумрачно. Под ногами зачавкало, башмаки погрузились в мягкие мшистые подушки, выступила болотная жижа...

Ох и намучились мы в этом лесу, выбирая для позиций сухие места! Едва отрывали неглубокий окопчик, появлялась вода. Выручал нас еловый лапник, пахучий зеленый настил.

Побродив среди сосен и в березняке, я понял, что не найти мне тот заветный окопчик близ кривой березки, края которого обтерты моей спиной и моими боками.

Он был для меня и домом, и крепостью. Из него выглядывало мое длинное противотанковое ружье. Оно изрядно досаждало фашистам. Его засекли. Заскрипел немецкий шестиствольный миномет. Мины рвались все ближе, осколки секли деревья, взметали болотную жижу.

— Сейчас ущучат, — сказал я и словно накликал беду. Мины накрыли окоп. В последний раз мелькнуло лицо моего напарника Кости Дементьева...

Близ кривоствольной березки я нашел углубление, смутно напоминавшее наш окопчик. Стал разрывать листья и землю охотничьим топориком, железо звякнуло о железо...

Вместо нетезровской гильзы была винтовочная. Ясное дело — окоп не мой! И мало ли вокруг кривых березок, полузасыпанных углублений?

За деревьями послышались шаги. Прямо на меня вышли двое мужчин — оба в ватниках, в болотных сапогах, один — с зачехленной пилой, другой — с топором.

— Добры дзень, — поздоровались они, с любопытством разглядывая гостя в городской одежде, с гильзой в руке. Поинтересовались, что я «шукаю».

Рассказал. Они, в свою очередь, поведали мне, что многие теперь разыскивают места боев: «Приезжают, правда, летом, а вы

вот — к зиме. Нынче в августе из Таджикистана гость был. Тоже воевал здесь. Месяц ходил, окопы фотографировал. Внучка с ним приехала, совсем малая, черные косички до колен, глаза, как сливы...»

— Боюсь, окоп свой не разыщете, — сказал один из лесорубов. Потом, взяв мою гильзу, присел на корточки, наполнил землей и протянул мне — на память.

Лесорубы ушли, пригласив заглянуть «до их вески», то есть деревни, отведать маринованных грибов и горячей бульбы. Жаль, не было времени...

На попутной машине я укатил в Минск. Уже в гостинице внимательно разглядел старую гильзу, на белую бумагу высыпал землю. Получился как бы маленький курган, окруженный бело-снежным полем, точь-в-точь такой курган, почерневший от частых разрывов, какой мы когда-то штурмом взяли под Витебском.

Собрав землю в гильзу, я опять вспомнил кривую березку на взгорке и уютный окопчик с устойчивым запахом елового лапника, бывший мне домом и крепостью. Вспомнился и Минск июля 1944 года, задыхающийся в дыму пожарниц, — город руин. Все, что я увидел теперь, выросло на пустырях и пещелищах, поднялось из праха. На старом месте раскинулся новый город.

Первым, кому я позвонил из гостиницы, был белорусский драматург Алесь Махнач.

— Алесь в больнице, — сообщила жена. — Недавно его оперировали. Да, опять осколки...

С Махначом мы учились в пятидесятые годы в Литературном институте имени А. М. Горького. Он выделялся среди студентов скромностью, граничащей с застенчивостью, ходил всегда в простом темном костюме и темной рубашке со «змейкой», не знал, куда спрятать свои большие, сильные руки. Когда возникали жаркие студенческие споры о войне, о том, кому больше досталось в боях, Алесь отмалчивался.

«Наверное, в войну где-то отсиделся», — помню, мелькнула у меня мысль. Каково же было мое удивление, когда много лет спустя в книге С. С. Смирнова «Брестская крепость» я увидел два портрета Алеся. На одном был молоденький курсант в буденовке, с буквами «МВУ» в петлице.

Скромность, как это часто бывает в жизни, оказалась родной сестрой мужества. За неделю до войны Алеся присвоили звание лейтенанта, а двадцать второго июня он проснулся от грохота разрывов в горячей казарме Брестской крепости...

Я не буду пересказывать подвиги Махнача, описанные в книге. Напомню лишь, что когда наступил критический момент для защитников крепости, тяжело раненый Алесь дополз до «максима», отодвинул мертвого пулеметчика и открыл огонь по врагу.

На него обрушили шквал свинца. Каменное крошево засыпало глаза, осколки вонзались в тело, а он не отпускал гашетки пулемета, пока не потерял сознание...

После окончания института встречаться доводилось нам редко. Но книги Алеся, возвращавшие нас в каменные казематы пограничной крепости, читал я неизменно. Особенно порадовала меня его героическая драма «Гавроши Брестской крепости». Ее поставили театры Минска, Львова, Макеевки, Гомеля и других городов.

Герои этой пьесы — тринадцатилетние подростки, воспитанники полка — по духу своему сродни гайдаровскому Тимуру и самому Махначу.

Встретившись в больнице с Махначем, долго беседовали. Алеся отшучивался, избегал разговора о своих ранах — эта операция у него пятая или седьмая после войны, — расспрашивал о друзьях-товарищах. А вечером, уже в гостинице, услышал я по радио, что героическая драма Махнача удостоена Всесоюзной премии, что поставлена она десятками профессиональных и народных театров...

Каких только книг не видел я на своем веку! Книги, окропленные кровью, пробитые пулями, найденные в затонувших подлодках и среди обломков полусожженных ястребков.

В Минске, в Музее истории Великой Отечественной войны, мое внимание привлекла книжка, изданная на серовато-желтой оберточной бумаге. В верхней части обложки стояло: «Смерть немецким оккупантам!» Это оказался сборник стихов белорусского поэта Анатоля Астрейко «Слудзі пояс», изданный в типографии подпольной газеты «Народный мститель».

Можно позавидовать поэту, стихи которого были нужны партизанам, как патроны и гранаты, как хлеб, как правда с Большой земли...

Каждый второй белорусский писатель не вернулся с войны. Я не преувеличу, если скажу, что тема народного подвига и сейчас, почти тридцать лет спустя после победы, — магистральная тема белорусской литературы.

Горячий читательский отклик получили военные романы и повести Ивана Шамякина, Александра Адамовича, поэмы Аркадия Кулешова, многих других. Я побывал в гостях у прозаика Ивана Павловича Мележа.

Еще до войны студента МИФЛИ Мележа призвали в армию. Среди студентов — участников прощального вечера был и Семен Гудзенко, создавший впоследствии пророческие стихи:

Быть под началом у старшин
Хотя бы треть пути,
Потом могу я с трех вершин
В поэзию сойти.

Мележу тоже хватило той «трети пути», чтобы войти в большую литературу. А начинал он на границе в Карпатах, на реке

Стрый. Познал бой до последнего снаряда и патрона. Иван Павлович дал мне свой фронтовой дневник, и всю ночь напролет я читал эту захватывающую, невыдуманную повесть о человеке на войне.

На фронте зажглась на рукаве Мележа пятикрылая красная звездочка политрука. Испытал он и радость первого наступления под Ростовом, и жаркое удушье тяжелого ранения.

Приговор врачей был суров: ампутация правой руки.

Во время операции профессор спас руку политруку, но она еще долгие месяцы бессильно висела на повязке, а демобилизованный Мележ в тбилисском госпитале левой рукой неумело выводил корявые буквы первого военного рассказа...

Мы сидим с Иваном Павловичем у окна, из которого видна Свислочь, закованная в бетон, старые вербы с темными кривыми ветвями.

— Летом они похожи на зеленые шатры, а зимою заиндевелые вербы — как сказки детства.

Глаза Мележа наливаются теплой синевой, и мне его фраза напоминает о пристрастии Ивана Павловича к мягкой акварели, к полному лиризма пейзажу.

Очевидно, Иван Павлович привык к беседам о романах «Люди на болоте» и «Дыхание грозы», удостоенных Лепинской премии. Но его не удивило, что я увел наш разговор к роману «Минское направление».

— Роман мне давался трудно. В ту пору я был инвалидом 2-й группы, учился и одновременно работал. Время, сами понимаете, было голодное. Незаметно подкрался туберкулез...

Мележ стал задумчив, хмур.

— Как любой автор, я не знал, как мой роман примут читатели. Вы спросите: как после двух тоненьких сборничков повелел решиться взяться за такую эпопею? Легкомысленно? Может быть. Но время было бурное, ощущение грандиозности свершенного побуждало писать вещь масштабную.

Мой собеседник замолчал, о чем-то вспоминая и глядя на темные от поздних дождей вербы. Я воскресил в памяти героев «Минского направления»: партизанскую вдову Шабуниху, пробирающуюся с детьми через болотные топи, комиссара Туровца, танкиста Лагуновича, прикидывающего, сколько часов на танках добираться до Минска... Я вспомнил оценку романа, данную Александром Фадеевым: «...Прекрасного в этой книге много, — главным образом, люди. Вы их знаете, любите, и, в основе, они Вам в большинстве случаев удались — одни больше, другие меньше, но удались».

— Что говорить, роман я перепыхал от начала до конца, — прервал мои размышления Иван Павлович. — Скоро выйдет новое издание. Три года отдано этой работе. Я углубил образы, сжал пружину сюжета, сократил длинноты.

Помогли мне новые публикации документов, рассказы соратников Черняховского — генералов Макарова, Арико. Я благодарен за участие и помощь жене Черняховского — Анастасии Григорьевне и его бывшему порученцу подполковнику Алексею Комарову, который был в машине, когда командующего смертельно ранило...

Перед отъездом из Белоруссии я посетил священный уголок республики — Хатынь, Курган Славы.

...Колеса машины наматывали все новые километры. Я оглянулся: отъехали мы довольно далеко, но все еще были видны острые штыки — железобетонные, двадцатиметровые, словно застывшие на бессменной и бессрочной вахте.

Из плеяды легендарных

Был обычный летний день в Н-ском гвардейском Краснознаменном истребительном авиационном полку. Подобно молниям над аэродромом проносились истребители-перехватчики. Под их коротенькими крыльями матово поблескивали ракеты. Но вот реактивный гром стих, и полк выстроился на аэродроме.

Коренастый человек в штатском костюме, в темных очках, с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди, бережно поддерживаемый под руку, подошел к Знамени, опустил на одно колено и прижался губами к алому бархату. Под этим Знаменем в годы Великой Отечественной войны полк прошел славный боевой путь от Сталинграда до Берлина.

В этом полку Александр Горголюк начинал свою военную службу в предвоенном 1940 году, а на рассвете 22 июня 1941 года вступил в свой первый воздушный бой с немецко-фашистскими стервятниками в небе под Львовом...

Жил на одесской окраине мальчишка, мечтал о дальних путешествиях, занимался юнгой на рыболовецкую шхуну и уходил в море. Может, стал бы капитаном дальнего плавания... Но тут страна призвала молодежь за штурвалы самолетов. И комсомолец Саша Горголюк поступил в аэроклуб. Потом окончил Одесское авиационное училище, был направлен в полк, на границу.

Рассвет 22 июня 1941 года был нарушен внезапным налетом на аэродром фашистских бомбардировщиков. Для Александра началась фронтовая жизнь.

От вылета к вылету, от боя к бою росло летное мастерство Горголюка. За смелость и отвагу в марте 1942 года его наградили орденом Красного Знамени. Случилось это в боях под Ржевом. С группой летчиков Александр вылетел на перехват противника. По команде ведущего атаковал «Мессершмитт-109». Времени на маневр не оставалось, и Александр пошел в лобовую атаку. Фашист не выдержал, попытался уйти, но короткая пулеметная очередь настигла его, и дымящаяся вражеская машина штопором врезалась в землю.

В начале 1943 года старший лейтенант Александр Горголюк вновь отличился и был удостоен второго ордена Красного Знамени. Тогда, после штурмовки вражеского аэродрома под Смоленском,

звено Горголюка возвращалось на базу. Лететь оставалось не так много, бензин был на исходе. И как на грех из-за леса показались «мессершмитты». Завязался неравный бой. Машину Александра подожгли. Оставался единственный выход — покинуть самолет. Он попытался выпрыгнуть, но парашют зацепился за фонарь. Сильная струя воздуха мешала выбраться из кабины.

— Лежу на фюзеляже, — вспоминает Александр Иванович, — а огонь все ближе и ближе, жжет лицо. Машина стремительно мчит к земле. Нет, думаю, рано подводить итоги. С огромным трудом оттолкнулся, вывалился из кабины. Парашют раскрылся, однако нога попала в стропы, и только перед самой землей удалось принять нормальное положение. Приземлился у кромки леса, возле хутора.

Высшим проявлением воинской доблести и мастерства Александра Горголюка был его последний — 376-й боевой вылет. Это произошло в июне 1943 года на Курской дуге. На рассвете звено Горголюка вылетело на очередное патрулирование. В воздухе летчики заметили 27 вражеских бомбардировщиков Ю-87, шедших под прикрытием 12 «фокке-вульфов». Несмотря на численное превосходство противника, четверка советских «ястребков» под командованием Александра Горголюка вступила в неравный бой. Об этом фронтовом эпизоде рассказывалось потом в газете 16-й воздушной армии.

Шесть раз поднимался в тот день в небо Горголюк. В пылу шестого боя он оторвался от группы, и на него накинулись сразу четыре немецких истребителя. Разгорелся неравный бой. Вот один вражеский самолет врезался в землю. Подбит второй. Разъяренные упорством и бесстрашием советского летчика, два ФВ-190 с еще большим исступлением стали атаковать его. В плоскостях машины Горголюка зияли пулевые пробойны, снарядом был оторван один лонжерон, но израненная машина Горголюка оставалась грозной для врага.

Наконец фашистам удалось поджечь советский самолет. Вражеский снаряд разорвался в кабине. Горголюка тяжело ранило.

Наблюдавшие с командного пункта за воздушным боем Горголюка не могли знать, что осколком вражеского снаряда ему повредило глаза и он оказался в критическом положении. Машина потеряла управление, посадить ее вслепую он не мог.

— Куда прыгал — мне было неизвестно, — говорит Александр Иванович, — ведь бой продолжался. Фашистский летчик, заметив меня в воздухе на парашюте, продолжал вести огонь. Видимо решив, что я мертв, он наконец отстал. Каким-то шестым чувством я определил, что приближаюсь к земле. И действительно, вскоре коснулся ногами вспаханного поля. К счастью, поблизости находился полевой медсанбат. Меня заметили.

Молодой, полный энергии, привыкший к высокому, неудержимому ритму жизни, Александр Горголюк, оказавшись на госпи-

тальной койке, не потерял веры в возможность преодолеть постигшую его беду. Он никак не мог примириться с мыслью, что больше не увидит ни солнца, ни неба, ни земли, ради которой столько испытано и выстрадано! -

Александр сумел собрать свои нервы в кулак. Ожоги и раны постепенно заживали. И хотя медицина оказалась бессильной вернуть ему зрение, Александр не пал духом. В этом ему помогли друзья и товарищи. Уже в госпитале 2 сентября 1943 года к нему пришла радостная весть: за боевые подвиги ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот что рассказывает известная советская журналистка Татьяна Тэсс, знавшая Горголюка с детских лет и навестившая тогда его в госпитале:

«Глаза его были закрыты черными очками. Мальчишеские волосы торчком стояли над чистым лбом. Он повернул к нам лицо, и вдруг я увидела, что оно светилось изнутри живым и быстрым сиянием...»

Еще до ранения, в 1942 году, в Иваново, где стоял на перформировании его полк, он познакомился со студенткой химико-технологического института Галиной. Они полюбили друг друга. Галина часто писала Саше письма на фронт, а когда узнала о его тяжелом ранении, приехала в госпиталь. Вскоре они поженились.

Александр обучился письму и чтению по системе Брайля и написал заявление в Центральное правление Всероссийского общества слепых.

«В боях с немецкими захватчиками я получил тяжелое ранение, — писал он, — вследствие которого полностью лишился зрения. Однако, несмотря на тяжелый недуг, я хочу по мере своих сил приносить пользу Родине».

Сейчас Александр Иванович — заместитель начальника Управления материально-технического снабжения ВОС. В течение трудового дня ему приходится решать много сложных и разнообразных вопросов. В Обществе слепых 250 предприятий, выпускающих в год продукции более чем на 360 млн. рублей. Здесь изготавливаются современные электро- и светотехнические приборы, картонажные изделия, запасные части к автомобилям и сельскохозяйственным машинам.

— Идти не обочинной дороги, не где-нибудь в стороне от общего людского потока, а быть в гуще его, чувствовать людей локтем, плечом, быть им нужным и полезным — вот к чему я стремлюсь, — говорит Горголюк.

Александр Ивановичу за пятьдесят. Он полон сил и энергии. Сохранил строевую выправку, подтянутость, четкость в организации труда. У него много друзей не только в нашей стране, но и за рубежом. В 1968 году в составе советской делегации ветеранов войны Горголюк выезжал в Польшу. С особенно большой теплотой и даже с гордостью вспоминает он о своих встречах и

Генри Уинстон и Александр Горголюк

задушевных беседах с одним из руководителей Коммунистической партии США Генри Уинстоном.

Ослепший в американской тюрьме, Генри Уинстон живо интересовался жизнью и трудом слепых в Советском Союзе. Находясь на лечении в одной из московских глазных клиник, он услышал от врачей о судьбе ослепшего на войне летчика-истребителя Александра Горголюка. И вот они встретились, два мужественных человека, два коммуниста — американский и советский. Они долго беседовали вдвоем.

Александр Иванович Горголюк вместе с Генри Уинстоном побывал на одном из московских предприятий Общества слепых. Попав в привычную рабочую атмосферу, Генри Уинстон (он по специальности механик) оживился, захотел поработать за токарным станком. Рабочий охотно уступил гостю свое место, помог ему выточить несколько щитков для электромотора. У станка третьим стоял Горголюк, бывший слесарь. Они сменяли друг друга.

* * *

Разные бывают человеческие судьбы: легендарные и обычные. Но в жизни, говоря словами М. Горького, всегда есть место подвигу. И когда размышляешь о плеяде бесстрашных и смелых соколов, невольно вспоминаешь имена Валерия Чкалова, Николая Гастелло, Захара Сорокина, Алексея Маресьева. К ним по праву можно причислить и имя Александра Горголюка — летчика-истребителя, Героя Советского Союза,

Грани таланта

Дождливым июньским вечером я встретился с комдивом Букштыновичем в его фронтовом блиндаже на опушке леса. Он принял меня приветливо, усадил за стол, потом обернулся к полковнику из штаба фронта, чтобы продолжить прерванный разговор. И, как это ни странно, они говорили не о боях, а об искусстве. Поводом для этого послужила разостланная на столе топографическая карта. Каждая линия, каждая цифра, каждый знак на ней были вычерчены с предельной выразительностью. По всему видно, что над картой работал зрелый мастер, специалист графики.

— Работа Звонцова, начальника штаба полка, — пояснил мне Букштынович. — Смелый, решительный офицер. И как мне говорили — художник.

Полковник из штаба фронта встал, прошелся по блиндажу и, вновь посмотрев на карту, неожиданно заметил:

— По-моему, художник все же не может быть настоящим боевым офицером. Профессия определяет характер человека.

— Характер формируется жизнью, — возразил комдив. — Есть такие события, которые перепахивают людские сердца. Например, Великая Отечественная война. Если надо для Родины, то и художник становится отличным командиром.

После ухода штабного офицера Букштынович долго рассказывал мне о делах и людях дивизии, а в конце беседы посоветовал:

— Звонцовым поинтересуйтесь. Не пожалеете.

Не знал комдив, что с Василием Звонцовым мы встречались еще в первый год войны на Калининском фронте, вместе участвовали в одной из операций. Носил он тогда два кубика на петлицах и командовал взводом. Он был храбр, напорист, но не опрометчив. Его смелость сочеталась с глубоким знанием уставов, оружия, обстановки. В части недаром говорили, что он прирожденный тактик, находит верные решения при самом сложном стечении обстоятельств. Старшие командиры заметили способности офицера. Его повысили в должности. А уже потом, когда убедились, что ему под силу и большее, назначили начальником штаба стрелкового полка. На службе Звонцов не щадил себя. Его деловитость, задор, горение передавались другим офицерам.

Слабым местом была в полку разведка. Она велась пассивными методами. Поиски не удавались. Все, в том числе и командир разведвзвода, считали, что на этом участке невозможно преодолеть нейтральную зону из-за необычайно высокой плотности огня противника.

Но у Звонцова, после того как он досконально изучил обстановку, сложилось иное мнение. Он убедился, что неудачи разведчиков происходили в основном из-за их прямолинейных, а порой даже примитивных действий. Надо перехитрить врага. И Звонцов вместе с командиром взвода начал готовить поиск.

Решили действовать не глубокой ночью, как обычно, а ранним вечером. Звонцов был на переднем крае. По густой, еще не помятой траве группа скрытно преодолела нейтральную зону и оказалась у самых вражеских окопов. Когда стемнело, с нашей стороны из мощного динамика грянула веселая музыка, а потом полились лирические песни. Видимо заслушавшись, гитлеровцы на какое-то время прекратили не только стрельбу, но и освещение местности ракетами. Этого было достаточно, чтобы бойцы группы захвата незаметно проникли в траншею. С «языком» они беспрятственно возвратились в полк.

Звонцов завел для себя порядок: каждый день бывать в батальонах, чтобы на месте знакомиться с обстановкой, а потом переносить ее на рабочую карту, которая велась тщательно и скрупулезно. Условные знаки ежедневно фиксировали малейшие изменения в обороне противника, особенно в его системе огня. На учете начальника штаба находились не только основные, но и запасные и ложные огневые позиции. Он знал порядок их смены и порядок ведения огня, полосы и даже секторы обстрела.

Полк готовился к наступлению. В штабе круглые сутки кипела работа. С покрасневшими от бессонницы глазами офицеры анализировали материалы для оценки обстановки, прикидывали вопросы взаимодействия, продумывали средства связи и управления на разных этапах боя.

Звонцов подолгу не уходил с переднего края. Вместе с командиром полка он появлялся то в одном батальоне, то в другом. Забот было много.

В то наступление Звонцов шел с партийным билетом. Молодой коммунист волновался. Хотелось еще раз доказать, что партия, приняв его в свои ряды, не зря оказала столь высокое доверие.

Удар полка был тщательно подготовлен, нанесен внезапно и сокрушительно. Свою оборону фашисты строили полгода, считали ее неприступной, но она не выдержала, рухнула под папором стремительного натиска. Опомнился враг только в глубине полосы обороны. Подтянул подкрепление, бросился в контратаку. Заросшие пвьяком высоты и голубые лоскуты озер скрылись в сплошной пелене порохового дыма.

С каждой минутой становилось труднее. Соседи отстали, фланги оказались открытыми. Нарушилась связь в полку, осложняя взаимодействие. Но Звонцов заранее готовился к такому обороту событий. В батальоны немедленно были направлены офицеры из созданной накануне боя оперативной группы. Они помогли командирам правильно разобратся в обстановке, лучше использовать огневые средства. Темп продвижения усилился.

Наступление победно завершилось. Работа штаба оценивалась высоко. Благодаря ей в полку осуществлялось гибкое маневрирование, четкое взаимодействие, твердое и непрерывное управление...

С Псковщины бои переместились на запад. Здесь, на рижском направлении, преследуя врага, полк с ходу форсировал реку Огре и вырвался далеко вперед. Противник поднял крупные резервы, и ему удалось отрезать и окружить наступавших. Бой был жестокий. И когда поступил по радио приказ командива пробиваться из окружения, командир полка выбыл из строя. Звонцов принял командование на себя. Вместе с мужественным офицером заместителем командира полка по политчасти Василием Сыроежкиным они сумели вывести из вражеского кольца все подразделения полка и раненых.

В дни наступления в Прибалтике Звонцова вызвали в штаб армии.

Генерал оглядел его с ног до головы.

— Сколько вам лет? — спросил генерал.

— Двадцать шесть.

— Молод, — сказал генерал и задумался. — Я давно наблюдаю за вами. Где вы учились штабной работе?

— У меня один учитель: личный состав полка.

— Похвально, — заметил генерал и, встав, подошел вплотную к офицеру: — Вот что, товарищ подполковник. Лет вам, конечно, маловато. Но жизнь измеряется не только возрастом. Назначаю вас старшим помощником начальника оперотдела армии. Опыта, боевой закалки у вас достаточно. Но помните, что теперь вы имеете дело с другими категориями.

Началась новая пора фронтовой жизни. Первые дни пронесли, как в сказке. Все необычно. Огромные армейские масштабы ошеломляли.

Календарь отсчитывал неделю за неделей. Помогали товарищи. Да и Звонцов, всегда требовательный к себе, не жалел сил, чтобы постичь основы оперативного искусства. Немалую часть времени он проводил в войсках, на месте решая нелегкие задачи.

Звонцова часто включали в состав оперативных групп. В условиях остроманевренной борьбы в Польше, а потом в Германии они были незаменимы. Сплошь да рядом такие группы служили важнейшим средством управления войсками. И сами они попадали в жестокие переплеты.

...Это произошло в Померании. Третья ударная повернула фронт на девяносто градусов и довольно быстро расколола крупную группировку противника. Большие массы вражеской пехоты и танков с боями пробивались на север, и в одном населенном пункте, где находились армейские оперативники, фашистам удалось их окружить.

Советские офицеры и взвод солдат приняли неравный бой. Оборону группы возглавил Звонцов. Долгие часы горстка храбрых сдерживала атаки врага, пока не подоспел один из полков дивизии, наступавшей на правом фланге.

По многим дорогам шел Звонцов до немецкой столицы. Дважды пролил кровь на этом долгом и трудном пути. Пять боевых орденов украсили его грудь.

Почти двадцать пять лет ничего я не слышал о Звонцове. Думалось же часто: как-то он со своей заветной мечтой? Сбылась ли она?

Небольшая заметка в одной из газет прояснила многое. Да, Василий Михайлович стал незаурядным художником. Его произведения получили признание.

А потом я узнал подробности. Звонцов — профессиональный художник-график. В его работах запечатлена родная русская природа. Они вызывают благородные порывы, трепетные чувства любви к своей стране, своему народу, радость высокого гражданского самосознания.

Произведения талантливого графика экспонируются в музеях многих крупных городов: Москвы, Ленинграда, Ташкента, Казани, Новосибирска. С ними знакомились посетители Центрального дома работников искусств. Широко они были представлены на выставке, показанной в Череповце, Пскове и Великих Луках. Здесь демонстрировалось девяносто работ, выполненных в разные годы.

Звонцов — доцент, имеет печатные труды по советской графике, активно участвует в общественной жизни города. И невольно вспоминается тот полковник из штаба фронта в блиндаже на опушке леса и его сомнительное умозаключение о несовместимости профессий художника и офицера.

И поныне трудится Василий Михайлович Звонцов, работая главным художником издательства «Аврора» по изобразительному искусству. Он в норе творческого расцвета и не раз еще пораждает людей своим искусством.

У Крутого Лога

Генерал выглядел молодо. Он был статен и плечист. На груди Золотая Звезда Героя. Опершись на перила трибуны, он наблюдал за ходом грандиозного танкового сражения, развернувшегося на учении «Днепр».

Неоглядные приднепровские дали окутались дымом, пылью. Сотни танков, стреляя на ходу, десятки самолетов, с звенящим свистом пронесившиеся низко над землей, заполнили грохотом всю окрестность.

Но вот танки «западных», выйдя из молодого ельника, ударили «восточным» во фланг. Мотострелковый батальон «восточных» залег. А танки все ближе. Казалось, еще несколько мгновений и с мотострелками будет покончено.

— Вот так было в 1943 году с батальоном капитана Бельгина, — в раздумье сказал генерал. — Гитлеровские танки навалились на него прямо в чистом поле...

Капитан Бельгин? Я старался вспомнить, где слышал эту фамилию. И кажется, вспомнил: о нем рассказывалось в одномомнике истории Великой Отечественной войны. Бельгин — прославленный герой Курской битвы, отважный комбат 214-го гвардейского стрелкового полка. Командовал полком в том бою подполковник Давиденко. Фамилия генерала — тоже Давиденко. Может, он и есть командир того полка? Я спросил:

— Не вы ли командовали 214-м гвардейским полком?

Генерал молча кивнул. Я понял, что его нельзя тревожить. В эту минуту он будто наяву увидел картину жестокого боя 6 июля 1943 гда.

...Ночь на шестое была тихая и теплая. В темноте солдаты рыли окопы. Никто не предполагал, что стоявшие неподалеку березы и клены, когда взойдет солнце, будут безжалостно посечены и обожжены раскаленным металлом.

Полк спешно готовился к обороне. Еще вчера в составе 73-й гвардейской стрелковой дивизии он занимал участок на второй полосе восточнее Белгорода. Предвидя удар гитлеровцев, советское командование создало глубоко эшелонированную оборону.

Однако после полудня 5 июля планы изменились. Командующий 7-й гвардейской армией генерал-лейтенант М. С. Шумилов

принял решение нанести по противнику, прорвавшемуся в район села Крутой Лог, контрудар. 73-я гвардейская дивизия оставила вторую полосу обороны и вышла вперед, сосредоточившись в лесах северо-восточнее Крутого Лога.

На войне как на войне. Поздно вечером пришел приказ: дивизии закрепиться на занимаемом рубеже и к утру 6 июля быть готовой к отражению крупных танковых сил противника. Полки оказались в межполосном пространстве, где никаких укреплений не было. Оборону следовало заново создавать. Всего за одну ночь.

Подполковник В. И. Давиденко за эту короткую июльскую ночь успел побывать во всех подразделениях. К Андрею Бельгину он шел в третий раз. Батальон Бельгина занимал место в самом центре боевого порядка полка. Местность голая. Впереди, до самого Крутого Лога, простиралось поле. Танки наверняка пойдут полем.

Начинало светать. Небо на востоке заалело, звезды стали гаснуть. В поредевшем мраке виднелось село. Там стояла тишина.

— Как дела, Бельгин, — спросил Василий Иванович, спрыгнув к нему в окоп.

— К пяти часам все закончим, товарищ подполковник, — ответил комбат. — Жаль только, что ходы сообщения отрыть не успеем. Пригодились бы для маневра...

Давиденко молча осмотрелся. Да, трудненько здесь придется 3-му батальону. Кроме окопов, укрыться негде.

— Знаете что, Андрей Антонович, дам-ка я вам еще одну батарею противотанковых пушек, — сказал Давиденко. — Только проследите, чтобы артиллеристы поглубже в землю зарывались.

Бельгин сделал пометки в своем блокноте. На лице, совсем юном, блуждала улыбка. Но взгляд у капитана твердый и решительный.

В полк капитан пришел совсем недавно. Знали его мало, показать себя он еще не успел. Но то, что он участвовал в боях, был награжден орденом Красной Звезды, успокаивало Василия Ивановича.

— И еще об одном попрошу: сделайте все, чтобы связь со мной была непрерывная, — сказал на прощание Давиденко, а сам пошел на правый фланг, где стоял в обороне 1-й батальон во главе с капитаном Валентином Разгильдеевым.

Позиция батальона примыкала к лесу. На его опушке Разгильдеев расположил батарею 45-миллиметровых пушек и минометы.

— Ну, как дела, прочно обосновались здесь? — спросил комбата Давиденко.

— За левый фланг немножко опасаясь, — признался Разгильдеев.

— Если вдруг через Бельгина прорвутся, загибайте левый фланг ближе к лесу. Там, у вас за спиной, мощная поддержка.

В лесу Давиденко расположил приданный ему самоходно-артиллерийский полк. Это была своеобразная тактическая хитрость.

По приказу Давиденко самоходчики изготовились к бою вдоль всей опушки леса фронтом не на запад, как все, а на юг. Расчет был прост: если вражеские танки прорвутся через позиции 1-го или 3-го батальона, то они неминуемо попадут на обширную поляну между лесом, где укрылись самоходчики, и безымянной высотой с рощей, где находился КП полка. Вот тогда самоходчики и ударят им по бортам.

— А если они сюда не пойдут? — усомнился комбат.

— Непременно сюда пойдут, Разгильдеев. Видите, какая вне-реди местность? Больше им идти негде, — уверенно ответил командир полка.

На КП Давиденко вернулся, когда совсем рассвело.

— Комдив только что звонил, — доложил начальник штаба майор Н. Яценко.

— Свяжите меня с ним.

Через минуту в трубке послышался знакомый голос полковника С. А. Козака:

— Давиденко? Как у вас дела?

— К бою все готово, товарищ полковник. Стоять будем до последнего. И если на нашем участке гитлеровцы пройдут, считайте, что у нас никого не осталось.

— Желаю удачи.

Было четыре часа. Наблюдатель вдруг крикнул:

— Товарищ подполковник, танки!

Василий Иванович из окопа, покрытого сверху маскетью, увидел в бинокль севернее Крутого Лога фашистские танки. Они стояли и чего-то ждали.

— Подсчитайте, сколько их, — сказал Давиденко наблюдателю.

— Уже подсчитал — больше сотни.

Больше сотни? И сразу почувствовал, как по спине пробежал холодок. С такой армадой справиться будет трудно.

Но тут не переживать надо было, а действовать. На огневые позиции артиллерии и тяжелых минометов тут же полетели команды. Вскоре за рощей дружно ударили пушки.

И тотчас в небе показались фашистские бомбардировщики. Стало ясно, что их-то и поджидали гитлеровские танки.

В 5 утра танки пошли. Они катились волнами. И было их 120. А 120 танков — это 120 пушек и еще больше пулеметов. Поддерживало их атаку не меньше сотни артиллерийских стволов. Около сотни орудий и минометов беспрерывно били и с пашей стороны. Грохот стоял такой, что даже в двух шагах нельзя было разоб-раться, что говорит сосед.

Подполковник Давиденко охрип уже через полчаса боя. То и дело звонили телефоны. Ни на минуту не умолкали радиостанции. Пока просили об одном: «Дайте артогня!» И Василий Иванович вводил в действие все новые огневые силы.

Первая атака захлебнулась быстро. Гитлеровская пехота была отсечена от танков мощным огнем и залегла. Несколько танков было подожжено. Остальные остановились.

Не принесли врагу успеха ни вторая, ни третья, ни пятая атаки. К 12 часам перед позициями 1-го и 3-го батальонов скопилось 19 подбитых и сожженных танков. Гвардейцы стояли стеной.

И только после полудня танки прорвались через позицию 3-го батальона. Они вышли на поляну между лесом и КП полка. И тут самоходчики из засады ударили с фланга. Не выдержав внезапного удара, танки попятились.

Основной удар, как и предполагал Давиденко, противник нанес по 3-му батальону. Связь с комбатом прервалась. Это встревожило Давиденко.

Исправлять повреждение на линии пошел сержант С. Зорин. Он ловко лавировал между подбитыми и уцелевшими танками. Фашисты заметили смельчака. Один танк двинулся прямо на него. Но сержант подбил его метко брошенной противотанковой гранатой. Отважный связист выходил на линию 12 раз. Связь была восстановлена.

— Бельгин, жив? — спросил Давиденко.

— Сижу в своем окопе. Только над головой остался подбитый фашистский танк.

— Как у вас дела?

— Стоим, товарищ подполковник.

В это время в трудное положение попала 8-я рота. Командир роты капитан И. Илясов оказался в кольце врагов. «Рус, сдавайся!» — кричали гитлеровцы.

— Попробуйте возьмите, — ответил офицер и бросил гранату.

На окоп, где сидел Илясов, навалился танк и начал его утюжить.

Мужественно сражался парторг этого батальона лейтенант С. Сушков. В разгар боя вражеский танк прорвался к лощине, где были собраны раненые. Взяв гранату, лейтенант бросился прямо под танк. Ценой своей жизни он спас раненых.

Приближался вечер. Солнце уже клонилось к закату. Подтянув свежие силы, гитлеровцы снова пошли в атаку.

— Кажется, это уже одиннадцатая по счету, — заметил начальник штаба майор Яценко.

— И самая для нас трудная, — добавил Давиденко.

Он знал, что в 1-м и 3-м батальонах людей осталось меньше половины. Погиб Андрей Бельгин. Почти все противотанковые пушки были подавлены. Вся надежда была на стойкость солдат и офицеров и на самоходчиков, укрытых в лесу.

Гитлеровские танки снова ворвались на поляну. Они пошли прямо на КП полка. И тут снова выручили самоходчики, открыв губительный огонь по вражеским танкам.

Гитлеровцы заметались, как в мышеловке. От метких выстрелов по бортам танки вспыхивали. Уцелевшие стали искать укрытия.

Только в центре боевого порядка полка гитлеровцам удалось вклиниться примерно на километр. Но этот успех достался им слишком дорогой ценой. На поле боя осталось 39 танков и свыше 1000 трупов солдат и офицеров. Обескровленный враг был вынужден прекратить атаки.

В ходе боя комдив спросил Давиденко:

— До ночи продержитесь?

— Почему же до ночи? — обиделся Давиденко. — Я здесь неделю простою.

Слово свое он сдержал. Полк стоял в обороне до 12 июля, так и не пропустив гитлеровцев. А 13 июля вместе с другими частями перешел в контрнаступление. Решающую роль в том памятном бою сыграл 3-й батальон, весь личный состав которого был награжден орденами. А капитану А. Бельгину, капитану И. Илясову и сержанту С. Зорину присвоено звание Героя Советского Союза.

Прошли годы. Бывший командир полка ныне занимает ответственный пост. Герой Советского Союза, коммунист, генерал-лейтенант В. И. Давиденко передает молодежи свои знания и богатый опыт. Генерал подвижен и энергичен, как в молодости. А вспомнит об Андрее Бельгине, и в глазах промелькнет грустинка. Память о боевых друзьях — в самом сердце.

Пусть будет много цветов

В Днепропетровском государственном университете на кафедре биологии шла защита кандидатской диссертации. Соискателем ученой степени выступала Н. К. Коваленко, чей метод озеленения городов хорошо известен не только в области, но и за ее пределами. Оппонентом молодого ученого был назначен Герой Советского Союза генерал-майор авиации запаса М. К. Токаренко. Это приглашение ему прислали как признанному специалисту по зеленородству. Михаил Кузьмич согласился выступить на заседании ученого совета. Ему давно хотелось поделиться со сведущими людьми своими наблюдениями о том, как еще прекраснее, чище, красивее сделать наш город.

Генерал пришел на заседание совета в гражданском костюме со Звездой Героя. Награда говорила о славном прошлом этого человека. Присутствующим он был представлен как практик, немало сделавший для создания питомников, теплиц, зеленой зоны города.

С большим вниманием была выслушана речь оппонента. Он говорил о ландшафтных посадках, декоративно-плющевых растениях, уверенно пользовался терминологией ботаников, смело вступал в спор с теми специалистами, которые не в полной мере учитывали значение зеленых насаждений в современном градостроительстве.

Однажды Михаил Кузьмич поехал в Никитский ботанический сад в Крыму для ознакомления с некоторыми видами декоративных растений. Консультировавшие его специалисты называли гостя коллегой, интересовались, какой вуз он кончал, где и когда «защищался». Михаил Кузьмич ответил, что закончил... четырехлетнюю школу фронтового летчика-истребителя. В этой школе он не только защищался, но чаще сам нападал.

Маршал авиации С. А. Красовский в книге «Жизнь в авиации», вспоминая о подвигах советских летчиков в битве на Курской дуге, пишет: «Отличился командир эскадрильи 516-го истребительного авиаполка младший лейтенант М. К. Токаренко. Прикрывая штурмовиков в районе Чернасского, он лично сбил два вражеских истребителя и, израсходовав весь боекомплект, начал производить ложные атаки на фашистские истребители. Благода-

ря мужеству Токаренко штурмовики успешно выполнили задание и без потерь возвратились на свой аэродром».

Дважды Герой Советского Союза Т. Бегельдин, другие фронтовые летчики, с кем вместе воевал М. Токаренко, вспоминают о многих примерах его отваги, находчивости, боевого искусства в небе войны.

22 июня 1941 года молодой военный летчик Михаил Токаренко должен был уйти в очередной отпуск. Но в тот день ему пришлось бомбить фашистские морские порты Кенигсберг, Данциг, Тильзит. На кенигсбергском рейде прямым попаданием бомбы он потопил гитлеровский корабль. Так 22-летний комсомолец открыл счет мести врагу. К концу войны он совершил 465 боевых вылетов, в основном как истребитель, сбил 19 фашистских самолетов, 1 аэростат-корректировщик, уничтожил немало живой силы и техники врага.

Весной 1945 года на одном из полевых аэродромов в Польше летчик М. К. Токаренко получил телеграмму от М. И. Калинина. Председатель Верховного Совета СССР поздравлял отважного истребителя с присвоением ему звания Героя Советского Союза. Официантки из летной столовой преподнесли герою букетик первых весенних цветов — подснежников. Одна из девушек сказала: «Пусть в вашей жизни, товарищ капитан, будет много, много цветов...»

Лет пятнадцать тому назад мне пришлось из-за непогоды застать на одном из дальневосточных аэродромов. Стоял крепкий мороз, дул сильный ветер. Как только установилась погода, к нам прилетел самолет. Один из его пассажиров, офицер, летевший из Хабаровска на Север, бережно кутал букет ярко-красных роз. Это был Михаил Кузьмич. Он вез это чудо в подарок своей жене Дине Семеновне.

Летом этого года такие же розы я увидел в больничной палате у кровати тяжелобольной Дины Семеновны. Муж почти каждый день приносит сюда цветы. Палату украшают алье гвоздики, пышные тюльпаны, нежные гладиолусы.

Уволившись в запас и приехав в Днепропетровск, генерал-майор авиации М. К. Токаренко, как коммунист, пришел в горком партии.

— Чем бы вы хотели заняться? — спросил секретарь горкома. Он знал, что Михаил Кузьмич последнее время командовал большим воинским коллективом, имеет многолетний опыт организаторской работы.

— Согласен на любое дело, — ответил генерал.

— Нужен управляющий трестом зеленых насаждений города.

Михаил Кузьмич заинтересовался, чем придется заниматься.

— Цветами, — улыбнулся секретарь горкома, глядя на густые ряды планок боевых наград, — украшать жизнь людей.

И Михаил Кузьмич несколько лет успешно управлял трестом. Затем стал заместителем директора совхоза «Цветы Днепропетровщины».

Что он раньше знал о цветах? Хотя и был к ним не безразличен, но мог спутать садовую ромашку с полевой. Сейчас Михаил Кузьмич может перечислить десятки сортов тюльпанов, рассказать, как отличаются их колеры. На 70 тысячах квадратных метров теплиц совхоза, его плантациях растут многие сорта роз и гвоздик, гортензии, розалии, цикламены, бегонии, хризантемы, орхидеи, астры, фиалки, лилии... Настоящее царство цветов на окраине города! И в этом царстве бывший летчик разбирается не хуже, чем в летном деле. Помню, Михаил Кузьмич говорил мне:

— Гвоздику не ставьте в один букет с розами. Завянет. А если хотите надолго сохранить букет сирени, поместите ее в подогретую до 80 градусов воду и добавьте туда немножко сахара...

У цветов есть свой язык, свои символы, дошедшие до нас из глубины веков. Белые и алые розы дарят новобрачной. Нежные лилии в Сибири исстари считают символом героизма. Кто хоть раз прикоснется к лилии, уверяли сибиряки, даря их отправляющимся на фронт воинам, тот станет смелым и сильным. Цветы вызывают в сердцах людей воспоминания, их кладут у подножий памятников. Они помогают нам выразить благодарность, высказать уважение. В народе говорят: тот, кто любит цветы, не может быть плохим человеком.

Народ глубоко уважает тех, кто отважно сражался за родную землю. Особую любовь люди дарят тем, кто, вернувшись с войны, продолжает вдохновенно трудиться, создает на этой земле города, выращивает хлеб и цветы.

На лыжне и в небе

В подмосковном поселке Планерная проходили международные соревнования лыжников. К подполковнику запаса Булочкину, тренеру советских биатлонистов, обратились за помощью наставники польской команды. Георгий Иванович с удовольствием знакомил друзей с особенностями трассы, давал рекомендации, советы. Лицо одного из собеседников показалось ему знакомым, да и польский товарищ смотрел на Булочкина так, словно где-то видел его. Наконец, с трудом подбирая русские слова, он обратился к Георгию Ивановичу:

— Пан подполковник не был во время войны в Польше?

— Был. Я летал на По-2, мы сбрасывали польским партизанам оружие, боеприпасы, продовольствие. Однажды нас фашисты подбили, и мы совершили посадку под Яблоново. Ремонтировали машину.

Поляк бросился к Булочкину, долго жал ему руку:

— Я был в том самом партизанском отряде и помогал ремонтировать ваш самолет. А вы, я вижу, снова вернулись в спортивный строй, встали на лыжню?

— Встал. Она у меня через всю жизнь проходит. Спортивная закалка не раз помогала на фронте.

...Охваченный пламенем самолет падал. Штурман откинул фонарь и, преодолевая невероятную силу, вдавливающую его в сиденье, вывалился за борт. Резкая боль обожгла правую ногу. Булочкин потерял сознание. Очнулся, когда до земли оставалось не более полукилометра. Заученным движением рванул кольцо парашюта.

Приземление прошло нормально. Булочкин огляделся. Неподалеку дымилась обломки сбитого ими «Мессершмитта-109». Но второму «мессеру» удалось все же зажечь советский бомбардировщик. Стрелок-радист старшина Кислов был убит сразу, а ему, Булочкину, командир приказал покинуть горящую машину.

Старший лейтенант Завьялов приземлился недалеко от штурмана. Булочкин, ковыляя, подбежал к нему. У детчика оказались простреленными оба бедра и плечо. Георгий оттащил командира в кусты, перевязал раны, надежно укрыл, а сам отправился на разведку.

Когда вернулся, Завьялов тихо сказал ему:

— Не дойти мне, Георгий. Оставь меня. Расскажешь ребятам, жене напишешь. — Летчик протянул ему свои документы.

— Наши недалеко, командир. Тут километра через полтора болото. Через него и пойдем.

Булочкин взвалил товарища на плечи и двинулся к болоту. Каждый шаг давался с трудом. Болела туго перетянутая бинтами лодыжка. Еще труднее стало, когда пошли по болоту.

Порой Булочкин проваливался по пояс. Из прутьев ивняка и комбинезона он соорудил волокушу, переложил на нее командира. Дальше пришлось пробираться ползком. Иногда на несколько минут Георгий устраивал себе отдых — ложился на спину и смотрел в небо. Октябрьская ночь была холодна. «Если бы не война, — думал Булочкин, — сейчас бы я готовился к первенству страны. Уж на этот раз не упустил бы победы». Георгий вспомнил, как в апреле 1941 года он участвовал в первенстве СССР по лыжам. На двадцатикилометровой дистанции в гонке патрулей он показал лучшее время, но допустил досадный промах в стрельбе. В результате — второе место. Булочкин решил тогда во что бы то ни стало через год взять реванш. Разве мог знать молодой мастер спорта, что через два месяца война прервет его лыжню на целых четыре года.

Спортивный путь Георгия начался в 1930 году, когда он, слесарь московского завода «Красный пролетарий», впервые встал на лыжи. Через четыре года он победил в десятикилометровой гонке на первенстве столицы. После того Булочкин неоднократно выигрывал на армейских чемпионатах, много раз входил в число призеров всесоюзных соревнований, а за год до войны в составе армейской команды стал победителем многодневной гонки по маршруту Ярославль — Москва.

Война застала штурмана младшего лейтенанта Булочкина, только что окончившего авиационное училище, в Тарту, где он осваивал новый самолет. И в тот же день началась его фронтовая жизнь. За три месяца — семьдесят шесть боевых вылетов. Это был семьдесят седьмой.

...Они преодолели болото только к концу третьего дня. Но и фронт за это время откатился на десяток километров на восток. В части, где служили Завьялов и Булочкин, все эти дни принимались меры к розыску экипажа сбитого самолета. Друзья «прочесывали» на бреющем полете район падения и каждый раз удрученные возвращались назад. Георгий видел самолеты, но сигнала подать не мог: ракет у него не было, костер на болоте не разведешь, а пистолетного выстрела все равно бы летчик не услышал.

На четвертый день поиски прекратили. Родным послали известия. Весть о гибели известного спортсмена Г. Булочкина дошла до его многочисленных друзей, в том числе и до Николая Афанасьевича Крючкова, популярного киноактера. Они познакоми-

лись в 1940 году на съемках фильма «В тылу врага». Крючков играл роль советского разведчика, а Булочкин был его дублером в эпизодах, где артисту требовалось совершать головокружительные спуски с гор, мчаться на лыжах по снежной целине. О том, что Георгий погиб, Николай Афанасьевич узнал во время съемок кинофильма «Небесный тихоход». Вот уже тридцать лет эта лепта не сходит с кино- и телеэкранов. Военный летчик Булочкин полюбился миллионам советских и зарубежных зрителей. Но мало кому известно, при каких обстоятельствах создатели фильма дали герою картины фамилию замечательного спортсмена, храброго боевого офицера. Об этом просил их исполнитель главной роли артист Н. Крючков. В память о друге.

А штурман Булочкин, таща на себе командира, по почам метр за метром полз на восток. Длём прятались в заросших полынью балках. Не было еды, стало худо с водой. Порой Георгию казалось, что силы окончательно покидают его. Но он полз, тянул волокушу с тяжелораненым командиром. Уговаривал сам себя: «Ну, еще немного! Сотню-другую метров. Соберись, как умел собираться на лыжне. Сколько раз в спорте ты преодолевал себя, свою слабость. Терпел и боролся за победу. Вспомни, как тяжело было в Норвегии».

Да, в Норвегии, куда Булочкин попал в 1938 году вместе с известным гонщиком Дмитрием Васильевым во время турне по Скандинавии, им пришлось очень трудно. Тогда наши лыжники лишь мечтали о первоклассном снаряжении. Их широкие и тяжелые лыжи вызывали улыбки у спортсменов Швеции и Норвегии. Асы лыжни рассчитывали на легкие победы над русскими гонщиками. Но просчитались, ибо не знали о воле, стойком характере советских спортсменов, их патриотизме, который помогал им на равных сражаться с хозяевами. Васильев и Булочкин с первых же стартов покорили сердца норвежских любителей спорта своим мастерством, бойцовскими качествами, мужеством. После одного из соревнований к Георгию подошел норвежский паренек и, смущаясь, сказал: «Господин Булочкин, я прошел много километров из города Эльверум, чтобы посоветоваться с вами. Скажите, стоит ли мне заниматься лыжным спортом? Я очень ценю ваше мнение». Паренек понравился Георгию своей преданностью лыжам, техникой бега. И он сказал норвежцу, что из него несомненно выйдет прекрасный гонщик. «В таком случае, господин Булочкин, запомните мою фамилию — Халлгейр Бренден». Гораздо позже, через несколько лет, Георгий Иванович узнал, что тогда он дал напутствие в спорт человеку, ставшему сильнейшим лыжником мира, чемпиону зимних Олимпийских игр в Осло и Кортинна д'Ампеццо.

...Пулеметная очередь ударила совсем близко. Это были свои. Собрав последние силы, Георгий, размахивая сорванным с головы шлемом, вскочил на ноги. И тут же рухнул в траву, потеряв сознание. Очнулся в блиндаже. Капитан-пехотинец докладывал в

штаб о выходе из вражеского тыла штурмана сбитого советского самолета Булочкина, вынесшего раненого командира.

После непродолжительного лечения Георгий снова вернулся в строй. Всего на счету Булочкина 250 боевых вылетов. Он награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, десятью боевыми медалями. Булочкин бомбил объекты врага на Дону, под Кенигсбергом, сражался над Варшавой и Познанью, был среди тех, кто завершал разгром гитлеровцев в Берлине. В 1943 году на полевом аэродроме его приняли в Коммунистическую партию. Тогда же за высокие спортивные достижения в предвоенные годы, мужество, отвагу и беспримерную физическую выносливость, проявленные на фронте, Булочкину было присвоено звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

Как и герой «Небесного тихохода», носящий его фамилию, Георгий Булочкин заканчивал войну на маленьком По-2: после очередного серьезного ранения врачи категорически запретили ему летать на тяжелых боевых машинах. Тогда-то и побывал Булочкин у польских партизан, одного из которых встретил спустя много лет в подмосковном поселке Планерная.

Кончилась война. В 1946 году состоялось очередное первенство СССР. Булочкин, вновь вставший на лыжи, едва сумел войти в двадцатку сильнейших. Но уже через три года на первенстве Вооруженных Сил он не знал себе равных на дистанции 30 километров и вместе с товарищами по команде победил в эстафете. Не раз с тех пор офицер добивался успехов на чемпионатах Советского Союза, в других крупных состязаниях.

Постепенно годы брали свое. Георгий Иванович перешел на тренерскую работу в ЦСКА, помог достичь вершин мастерства многим известным биатлонистам, среди которых чемпионы страны, мира и Олимпийских игр офицеры Н. Пузанов и В. Меланин, победители мировых первенств среди юниоров Ю. Кракосевич и Я. Чаурс.

Георгий Иванович немолод. Ему сейчас около шестидесяти лет. Но сходить с лыжни он не собирается.

*Мы —
интернацио-
налисты*

„Александр Матросов“ в тылу врага

Встреча у Большого театра

Та весна подарила девятому мая погоду, словно по заказу: солнечную, ясную, с бездонной голубизной неба. В сквере у Большого театра, давно уже ставшем излюбленным местом встреч бывших фронтовиков, щедро распустились почки. На деревьях у фонтана во множестве белели фаерные указки, подобные тем, что в годы войны служили путеводителями на дорогах победы.

И люди со шрамами ранений, в блеске наград трепетно замирали у этих дорогих памятных знаков, чтобы отыскать по ним свою армию или дивизию, а подойдя поближе, воскликнуть молodo и торжествующе: «Здравствуйте, однополчане!»

На виду у столпившегося вокруг народа пехотинцы обнимали пехотинцев, моряки — моряков, летчики — летчиков.

Одна лишь группа — человек семь-восемь — как бы сторонилась этого призывного шума и этой всеохватывающей радости. На яблоне, под которой собрались подчеркнуто молчаливые, сдержанно-суровые бойцы, не было никакой указки. Чувствовалось, что они кого-то нетерпеливо ждали, без кого не представляли себе всей полноты сегодняшнего праздника.

Но вот послышалось: «Федор, Федор!» И человек, высокий, плечистый, сразу утонул в объятиях друзей.

...В действительности его звали не Федором, а Фаридом. Однако в обстановке, что три десятка лет назад окружала «молчаливых», более подходящим, чем Фарид, было имя, которое бы не выделялось, не цеплялось за чужую память, если его произнесут при посторонних. В тридцатилетней давности имелись у Фарида про запас и другие имена на короткий срок, но товарищи, пришедшие к Большому театру, запомнили его как Федора. Запомнили по многим славным делам более чем двухлетнего пребывания в глубоком тылу врага.

Не годами, да еще с неопределенным «более чем», а днями, часами, минутами исчислять бы то отчаянное, опасное, как мшнное поле, время. Допусти хотя бы небольшую ошибку — смерть. Это

Ф. С. Фазлхметов

фронта, выполняя задания особой важности. До многого докопались фашистские ищейки — одного не добились, не нашли они черную душу, которая польстилась бы на их именование или трактор с коровами в придачу.

По нашим представлениям не может такой человек запомнить даже мельчайшую подробность своего боевого прошлого: оно ведь исключительное, необыкновенное.

— Ничего подобного! — энергично возражает Фарид Салихович Фазлхметов. — Эко, придумали — исчислять разведчикам фронтовые годы днями, часами, минутами! Исчисляйте, как всем. Вряд ли нам труднее приходилось, чем, скажем, пехотинцам или танкистам, летчикам или морякам. Меня всегда восхищали солдаты в атакующей цепи. Александр Матросов — вот кто имел бы моральное право на минуты и секунды раскладывать переживания своего последнего боя. А мы... Мы, как все, год за три — выслуга фронтовая.

В документы бы заглянуть для точности... Нашлись и документы, которые имел в виду Фарид Салихович. Нет им цены, напечатанным, как правило, в единственном экземпляре на раздерганных, с прыгающим шрифтом штабных машинках, написанным от руки на обратной стороне трофейных топографических

в лучшем случае. А в худшем — пытки в гестаповских застенках. Гитлеровцы за голову «высокого Федора» (все-таки дознались, что Федор) обещали крупную сумму рейхсмарок, а также «имение с двумя коровами и трактором в хорошем состоянии». Вызывавшая к предательству листовка, перечисляя особые приметы «большевистского парашютиста», указывала на «следы пулевых ранений в ладонь правой руки, в правое плечо и грудь». Надо сказать, точными были приметы, видно, за «высоким Федором» охотились опытные коптр-разведчики. Да, три ранения получил Фарид, действуя во вражеском тылу. Третье — тяжелое: пуля задела позвоночник. Но и тогда отказался вылететь на Большую землю в московский госпиталь: лечился у партизан. Парашютист: семь раз приземлялся за линией

карт, отбитым на лентах военного телеграфа и даже выполненным на ткани. «Всеим командирам частей! О прибытии тов. Фазлиахметова немедленно сообщить в разведотдел штаба фронта». Печать, подпись.

В мягкую трубочку тоньше спички свертывали такой лоскуток и зашивали в полу или воротник пиджака. Конечно, при возвращении разведчика к своим соответствующая служба и без этого матерчатого удостоверения разобралась бы во всем, сразу же надела справки.

— Но, понимаете, как-то легче на душе было с ним, — взволнованно говорит Фазлиахметов. — При тебе — советский документ. Единственный. Ничего, что он даже не прощупывается под плотным сукном.

Фарид Салихович поглаживает шелковистую ткань удостоверения, потом с надеждой спрашивает:

— А материалы разведгруппы «Александр Матросов» вам в архиве не попадались?

— Попадались, Фарид Салихович, как же, — до единой записки, до единого сигнала с той стороны сохранено...

И мы вместе с Фаридом Фазлиахметовым из семидесятых годов возвращаемся в далекий декабрь сорок четвертого.

Он уже близился к концу, декабрь сорок четвертого. Дней 20—25 оставалось до начала Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 3-го и 2-го Белорусских фронтов и левого фланга 1-го Прибалтийского фронта. Заместитель начальника штаба 2-го Белорусского — генерал, о котором Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский впоследствии напишет в книге «Солдатский долг», что это — «мастер своего дела», — склонившись над картой, снова и снова перечитывал названия населенных пунктов в полосе предстоящего наступления и приговаривал вполголоса:

— Ясно... И здесь вполне ясно... Здесь тоже...

Вдруг генерал нахмурился, подвинул взгляд на стоявшего перед ним майора Медведовского:

— А здесь пока ясного мало, — и подчеркнул название города, стоявшего на пересечении четырех железных и десяти шоссейных дорог. — Непорядок!

— Товарищ генерал, я как раз пришел доложить, что группа для заброски в район Бютова к вылету готова. Возглавит группу младший лейтенант Фазлиахметов...

— Из новых? Что за человек?

— Рекомендован Центром, как опытный разведчик. Несколько раз сбрасывался за линию фронта на короткие сроки, затем более двух лет был заместителем командира десантного спецотряда «Москва», действовавшего в глубоком тылу противника. По отзывам — смел и решителен.

Медведовский раскрыл папку, достал из нее боевую характе-

ристку младшего лейтенанта Фазлпахметова, положил перед генералом. Всего полстранички машинописного текста.

— И никаких недостатков? — недоверчиво прищурившись, спросил заместитель начальника штаба фронта, отодвигая прочитанную бумагу на край стола.

— Они, товарищ генерал, в прошлом — недостатки Фазлпахметова. Поэтому не счит необходимыми...

— А вы все-таки доложите. Бютов — район особый.

Майор снова раскрыл папку и передал генералу несколько скрепленных листков.

— Вот тебе и раз! Достоинств на одну страничку не хватило, а недостатки на пяти едва уместились. Присядьте, Медведовский, я прочту...

Те пять страничек были частью докладной записки офицера, который по заданию Центра анализировал боевую деятельность спецотряда «Москва». Главным образом за период, когда отряд возглавлялся Фазлпахметовым, замещавшим вызванного на Большую землю командира. Автору докладной записки Фазлпахметов явно «не показался»: чрезмерно горяч, лезет на рожон, вместо того чтобы заботиться о глубокой конспирации, одержим всевозможными идеями, выходящими за рамки задач, поставленных отряду.

Далее шли примеры, доставившие генералу несколько веселых минут.

«...Марьиногорским товарищам Фазлпахметов поручил похитить у немцев газогенераторный трактор, а тальковской группе — раздобыть броню, так как он решил любой ценой построить танк и держать его спрятанным в лесу на случай необходимости...

Потерпев неудачу с танком, Фазлпахметов принялся сооружать катапульту, которая, по его замыслу, должна была метать четырехсотграммовые толовые шашки на расстояние до тысячи метров. И снова подпольщики из Марьиной Горки и Тальки были подняты на ноги, чтобы найти пригодную для катапульты пружину...

По приказанию Фазлпахметова в отряде рисовались плакаты, карикатуры на гитлеровцев, которые затем засылались в гарнизоны противника и вывешивались на видных местах. Под рисунками всегда указывалось: «Издание десантного отряда Красной Армии».

Будучи, как видно, человеком объективным, составитель докладной записки счит необходимым отметить, что Фазлпахметов, хоть и позволяет себе недопустимые для разведчика горячность и пренебрежение конспирацией, тем не менее обладает сильной волей, подлинным бесстрашием и имеет значительный личный боевой счет. Участвовал в спуске под откос тринадцати эшелонов с боеприпасами, техникой и живой силой противника. Взорвал важный для врага железнодорожный мост. Неоднократно руково-

дл подрывными группами при налетах спецотряда на склады авиабомб и бензохранилища гитлеровцев. Из местного населения организовал надежные и активные разведгруппы в Марьиной Горке, на станциях Тальяка и Осиповичи, «хотя две последние не входили в его зону»...

— А что, строгий, дотошный ревизор! — констатировал генерал, вновь скрепляя просмотренные листы и передавая их Медведовскому. — Но до чего же великолепны недостатки у этого младшего лейтенанта, не правда ли? Где он сейчас?

— С группой. Всю неделю занимались напряженно, я им передышку сегодня устроил. Пригласить?

— Я, пожалуй, сам к ним схожу.

Подходя к землянке разведчиков, генерал услышал песню.

Это пели Фазлиахметов и его боевые друзья...

...И та же, полюбившаяся фронтовикам песня про девушку, провожающую на позицию бойца, зазвучала вдруг где-то в ликующей толпе ветеранов войны, собравшихся у Большого театра. Песня ширилась, вбирая в себя все новые и новые голоса, и «молчаливым» тоже захотелось подхватить ее. Но тут увидели они улыбающегося человека, который направлялся явно к ним и метров за десять раскинул руки, чтобы с ходу обнять кого-то.

Сделав вид, что не узнал подошедшего, Фазлиахметов строго спросил:

— Зачем вы сюда пришли?

Улыбка на лице человека сменилась озабоченностью, и он хмуро ответил:

— Я иду в Бортны за семенами табака.

— А я Сеня, — сказал Фазлиахметов.

Лишь после такого «ритуала» они бросились друг к другу в объятия, довольные тем, что не забыли когда-то очень важного для обоих диалога. В мае 1943 года только тот, кто на закате заранее назначенного дня шел мимо избушки лесника в двух километрах западнее Попова Гряда «в Бортны за семенами табака», мог быть признан своим человеком — посланцем Большой земли. И только спросивший, «зачем вы сюда пришли», и назвавшийся Сеней действительно был высланным для встречи представителем десантного разведывательного спецотряда «Москва».

Выбор псевдонима

В просторной землянке, отведенной группе Фазлиахметова, было тепло и уютно. Расположившись вокруг стола из свежестроганных досок, разведчики подпевали патефону, но при появлении генерала лихо повскакивали со своих мест. Их командир, пожалуй, такой, каким и представлял его себе заместитель начальника штаба фронта, порывисто шагнул вперед для доклада. Кто-то задержал рукой пластинку на патефоне.

— Не надо! С душой поет, и голос приятный, — сказал генерал, одним жестом отставляя и доклад, и прекращение песни. — Где нишель повесить? Чайком угостите?

«И я, и все, кто был тогда в землянке, — вспоминает Фарид Салихович, — думали, что такой гость начнет проверять нас, экзаменовать. А он присел к столу, к песне прислушался.

Затем чай пили, генерал расспрашивал про наших родных и близких...»

В тот вечер только раз коснулся заместитель начальника штаба фронта предстоящего разведчикам задания, спросив Фазлиахметова:

— Какой псевдоним выбрали?

Фарид назвал, теперь уже не помнит какую, фамилию с окончанием на «ский».

— Ой, не очень нравится. Люблю, когда псевдоним у разведчика со смыслом. А то недавно докладывают: старший разведгруппы — «Щукарь». Нелепо! Так и видишь шолоховского деда на крючке. Вроде бы недобрый намек. Заменял. Я бы на вашем месте вот чью фамилию взял. — И генерал указал на висевший в землянке плакат с портретом Александра Матросова.

Фазлиахметов ответил, что сам ни за что бы не решился взять фамилию героя. Слишком ответственность высока!

— А ты решайся! Так и затвердим — «Матросов».

И, круто меняя тему, обратился ко всем:

— Каких-либо личных просьб, вопросов ко мне нет?

— Товарищ генерал, — решился Фазлиахметов, — я второй месяц друга не встречаю. Александра Чеклуева. На той стороне?

— Чеклуев?

— Так точно. Мы с ним трижды выбрасывались в тыл, награждены одним приказом...

— Затревожился, значит? Это хорошо, что о товарищах думаешь. Все в порядке у Чеклуева. Это ведь ему «Щукаря» подсовывали. Заменяли хорошим именем, и дела идут преотлично, — пошутил генерал. — Молодец твой Чеклуев! И в тебя верю, «Матросов»!

Ночь перед вылетом в глубокий тыл врага. Это почти всегда заново прожитая жизнь, только месяцы в ней сжимаются до минут, дни пролетают за несколько ударов сердца. Какие-то — за три, какие-то — за десять. Не по порядку летят дни, в сложной запутанной очередности вызывает их память на повторный смотр.

...Явочная квартира. Вбегает лейтенант Морозов. Бледный, дрожащие губы едва шевелятся — слов не разобрат. Да возьми же себя в руки, докладывай! Оказывается, Принципчик погиб. Сначала ранили его гестаповцы, потом окружать стали. Выждал разведчик, пока подошли они поближе, выкрикнул какие-то слова — никто из наших не мог расслышать, какие именно, — рванул

чеку гранаты и на разжатой ладони протянул подбегающим фашистам: нате, гады!

Чудес не бывает, и все-таки ночью Фазлнахметов послал людей: а вдруг жив остался?! Отбить, вырвать у врагов во что бы то ни стало! Ни с чем вернулся. Что же сказал, что выкрикнул Прищепчик перед гибелью? Догадаться, конечно, можно, но почему-то хотелось обязательно услышать хотя бы от свидетелей, от очевидцев эти последние слова героя. Ведь месяцы, долгие месяцы проведены вместе... Истинный патриот был — и пусть земляки его об этом знают.

А Самуилик? О чем подумал этот разведчик, когда понял, что жить остается не более минуты? Он все шутил, что заморожен от пуля разнастоящей испанской цыганкой.

...Лиходиевская Лена. Лучше — Елена Викентьевна: немолодая была, лет на пятнадцать старше Фариды. Белоруска, беспартийная, многодетная. Знали, что хороший человек, настоящая патриотка, но не звали к себе в отряд. Из-за детей. Сама пришла с надежной рекомендацией, взмолилась: дайте поручение, испытайте! Вы же видите, горит родная Белоруссия, гибнут родные советские люди — как же стоять в стороне, не быть бойцом?

Поначалу встревожил ее подход к делу. Она считала, что немецких и особенно венгерских, румынских, итальянских солдат и унтер-офицеров надо привлекать на сторону Советской Армии разъяснениями, пламенной агитацией. Из рабочих ведь большинство, из крестьян, как может не дойти до них великая правда? Елену предупредили: поосторожней, товарищ агитатор! Ты теперь в разведке, и от тебя незримая нить к спецотряду «Москва» протянулась. Схватят фашисты — будут допытываться про эту нить. Сначала с лисьей ласковостью, потом — с каленым железом в руках. Не всякий выдержит. «Это выдержать невозможно, — спокойно сказала Лиходиевская, — только вы не тревожьтесь. Если случится непоправимое, никто, кроме меня, в опасности не окажется».

Как-то привела она в условное место венгерского унтер-офицера, и тот объявил представителям спецотряда, что при первой же возможности сдастся в плен советским солдатам. В необходимости такого шага его убедила вот эта (кивнул на Лиходиевскую) очень умная женщина. Он сам из 151-й венгерской дивизии, входящей во 2-ю венгерскую армию. Но прошел слух, что эта армия уже фактически перестала существовать, так как тысячи и тысячи солдат 106-й и 108-й ее дивизий расстреляны гитлеровцами из пулеметов под Брянском за отказ воевать. А 151-я прибыла в Осиповичи и готовится следовать в Минск. Штаб расположился в здании ГФП — полевой секретной полиции...

Унтер-офицер все рассказывал и рассказывал, словно боялся, что его не дослушают до конца. А Елена Викентьевна улыбалась: вот видите, и мой агитаторский подход приносит результаты!

О, они были значительными — результаты опаснейшей работы Елены Лиходневской, братьев Николая и Александра Давиор, Михаила Ковальчука, Владимира Александрова, Анны Сенько и других патриотов — добровольцев разведки.

Гитлеровцы бесновались, расстреливая и вешая, запугивали местное население, чтобы оно не помогало партизанскому движению. «В обращении с бандитами (так фашисты называли партизан) и их добровольными пособниками проявлять крайнюю жестокость, — приказывал Гитлер. — Сентиментальность в этом решающем вопросе — безответственность».

Но и эти варварские меры не приносили гитлеровцам желанных результатов: сотни патриотов приходили к партизанам. Сотни людей, не боясь смерти, нападали на вражеские гарнизоны, взрывали мосты и дороги. Опять, как живые, предстают герои, без которых спецотряд ни за что бы не добился успеха, не выполнил, как нужно, боевое задание. Ни дня без важной информации! — это было девизом всей их жизни. Смыслом ее!

Один сообщает: в военном городке Марьиной Горки поселились 1800 курсантов зенитно-артиллерийской школы № 0/II-41. Там же находится сейчас и гренадерский полк № 2635, личного состава — 1571 человек. Другой подтверждает: да, совершенно точно, это 2635-й полк, полевая почта 11024. И добавляет: на станции Талька гитлеровцы разгрузили 32 вагона с авиабомбами. Бомбы из 12 вагонов отправлены на склады в Медведовку и Михайлово, из остальных 20 — на Пуховичский аэродром...

Эти сведения, едва успев зашифровать, без промедления передавал в Центр Николай Гришин. Он уверенно обеспечивал спецотряд «Москва» радиосвязью с мая 1943 года. Присланный Большой землей заменить погибшего радиста Василия Железняка, Гришин и был одним из тех, кто ходил «в Бортны за семенами табака», пока не повстречал недалеко от Попова Гряда любопытного «Сеню».

А 20 ноября 1943 года Гришин сообщил Центру: «Разведчица, освещавшая гарнизон и станцию Осиповичи, Е. В. Лиходневская сегодня арестована гестапо. В тюрьме покончила с собой, чтобы под пытками не назвать имен товарищей...»

...Трудно, очень трудно уснуть перед вылетом в глубокий вражеский тыл — в неведомое, подстерегающее тебя множеством неожиданных испытаний. Знает командир разведгруппы, что и его боевые друзья не спят, а только притихли, и каждый думает о своем, решает какую-то важную для себя задачу. А какую задачу решает он, Фарид Фазлахметов, бывший студент 3-го курса Московского авиационного института имени С. Орджоникидзе, записавшийся в разведчики, когда фашисты напали на его Родину?

Со строгим отбором подбрасывает память пережитое. Для раздумий на вечную тему о жизни и смерти. Разве не ставят солдаты подписей под клятвой, обязывающей их защищать Родину мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови

и самой жизни? Прицепчик, Самуёлик, Лиходиевская, Железняк... Что подтолкнуло память выстронить их этой ночью в один ряд?

Как же он сразу не понял! Все идет от вчерашней встречи с генералом, от вроде бы обыкновенных слов его: «Люблю, когда псевдоним у разведчика со смыслом».

В чем же смысл того, что он, Фарид Фазлнахметов, отправляется за линию фронта с именем Александра Матросова? Задал задачу товарищ генерал! Трудность хотел подчеркнуть, смертельный риск, даже безысходность? Напомнить о готовности к самопожертвованию? Не то, не то! Смысл тут в том, что в делах разведгруппы «Александр Матросов» должно как бы конкретизироваться, обрести реальность, бессмертие солдата-героя, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота у деревни Чернушки, что недалеко от города Локня.

Локня недалеко от Великих Лук. А Бютов — это уже Восточная Пруссия. Нет, у деревни Чернушки близ Локни не оборвался боевой путь Александра Матросова, он одним из первых советских воинов ступит на территорию врага!

Тихо в землянке.

— Все ли спят? — вполголоса спросил Фазлнахметов.

Никто не ответил.

— Приказываю спать! Чтоб через десять минут я услышал ваш храп, философы...

Будни разведчика

— Внимание, приготовиться!

Как ни ждешь этого момента, а он застаёт тебя врасплох. Монотонный шум моторов навевает дрему. Тем более что в самолете тепло: хочется вытянуть ноги, заснуть. Ведь совсем недавно пересекли линию фронта, совсем недавно за черными, обледенелыми иллюминаторами вспыхивали разрывы зенитных снарядов.

Резко, простуженно хрипит сирена. И словно в добавление к ней над пилотской кабиной вспыхивает желтоватый мигающий светлячок. Это значит — прилетели. Это значит — будь готов! Бесшумно открывается люк. В лицо резко бьет холодная струя. В шумящую тьму столкнули мешки. Один за другим покидают самолет разведчики. Командир замыкает цепочку. Ему в первую секунду показалось, что он повис в густом ледяном воздухе, не движется. Осмотрелся: огоньки внизу расширяются, увеличиваются, как бы летят навстречу. Огоньки! Но это не те, что вселяют веру, говорят, что ты не один, что тебя ждут. Здесь, в Восточной Пруссии, разведчиков не ждали, для них не зажигали огней, не выкладывали сигнальных полотен. Парашюты песли их к чужой, вражеской земле!

К счастью, огоньки, мерцавшие внизу, не отозвались выстрелами. Фазлнахметов приземлился тихо, плавно. Не услышав ни-

чего подозрительного, поднялся. Вокруг — пастороженная, пугающая тишина. Тусклый ночной простор. Справа, совсем близко, прорисовывается аляповатая каменная громада. За спиной, когда обернулся, увидел, вернее, почувствовал черелесок, знакомый по карте. Голые, насквозь замороженные деревья поскрипывали глухо, нехотя. Снега под ногами не было. Это хорошо — не оставим следов.

Неожиданно каркнула ворона: один раз, два, три. Фазлиахметов обрадовался: приближается Николай Гришин — это его сигнал. Через минуту, услышав ответ, Николай был уже рядом, возбужденный, довольный. Один за другим подошли и остальные. Правда, Михаил Козич сильно ушиб ногу и еле двигался.

Лев Никольский, посланный на хутор, вскоре прибежал раненный. Он постучал в дверь крайнего к лесу дома, не успев спросить, как на него закричал старик: век, век, дескать, уходите, уходите! А когда Лева уходил, старик выстрелил вдогонку. Стреляли без предупреждения и в соседнем хуторе.

Как выяснилось позже, в районе приземления скопилось много войск, в каждой деревне стояли жандармы, каждой семье выдали оружие. Было категорически запрещено впускать кого-либо в дома с наступлением темноты. Если же пришелец излишне настойчив — стрелять в него. И никаких объяснений...

— Нужно углубиться в лес, — распорядился командир.

Закинули за плечи мешки, взяли парашюты и тихо, словно тени, направились в чащу. Разведчики были уже в безопасности, когда над угрюмой деревней возило необычайно большое солнце.

Фазлиахметов провел во вражеском тылу полвойны, но там, на родной земле, временно занятой оккупантами, кругом были свои люди. Здесь все иначе: подозрительность и озлобленность, о которых говорил перед вылетом генерал, уже пролили первую кровь.

— Что делать? — спросил командир. И себя, и друзей своих. И услышал:

— Работать!

— Конечно же, работать! — ответил он, благодарно улыбнувшись боевым сподвижникам. В найденные неподалеку аккуратные, словно подстриженные искусным парикмахером, стожки сена запрятали парашюты: более подходящего места в тот момент не было. Отсюда же, прикрывшись лесом, сообщили в штаб фронта «Приземлились благополучно. Начинаем действовать. Матросов». «Хозяин» в ответ поблагодарил за быстрое сообщение, поздравил с благополучным приземлением и еще раз напомнил: район трудный, будьте предельно осторожны!

Через день в штаб пойдет новая радиограмма. Матросов передает сведения общего порядка.

Населенные пункты такие-то и такие: фашисты продлевают линию окопов. Граница между Восточной Пруссией и Польшей по обе стороны укреплена дзотами через 100—150 метров. Окопы

в три ряда. Дорога обнесена проволокой. Города Бютов и Мыппенец опоясаны несколькими линиями окопов и дзотов.

Поставьте себя на место командующего, которому разведка вручит подобное донесение. Район, интересующий его, далек, очень далек — в него не съездишь на рекогносцировку, его не рассмотришь с помощью бинокля. А сведения разведчиков как бы оживили карту, приблизили ее настолько, что видишь все и представляешь все. Вот они, эти деревни-крепости, слева тянутся болота, непроходимые ни для человека, ни для машины. Справа, параллельно автостраде, появились многокилометровые линии окопов вперемежку с дзотами. Дзоты идут и вдоль границы — вот они! — идут через каждые 100—150 метров. Около Бютова, с его тупым узлом железных и шоссежных дорог, тоже укрепления. Твоим войскам нужно наступать в этом направлении! Вот почему ты безмерно благодарен отчаянным ребятам, которые обосновались в самом логове противника и стали твоими всевидящими глазами, всеслышащими ушами. Они пришли туда первыми.

И не случайно он собственноручно напишет и попросит без задержки отправить свое послание им, бойцам группы «Александр Матросов».

«Дорогие товарищи! Горячо поздравляем вас с Новым, 1945 годом — годом окончательного разгрома врага. Желаем вам здоровья, сил и успехов в вашей трудной боевой работе на благо великой нашей Родины, во славу нашей доблестной армии. Всех обнимаем!»

«...С Новым годом!» — расшифровал радист. Не успел Фазлиахметов прочитать дороге строки, как из перелеска, где находилась дальняя охрана базы, трижды прокричал филин. Не беззаботно, а требовательно, даже чуть-чуть первозно, как показалось командиру. «Филин» мог подать сигнал, если в населенном пункте, подступавшем к самой опушке, появились каратели.

— Вариант второй! — распорядился командир. Это значит, просекой, идущей параллельно поселку и потому не просматриваемой из него, перебраться подальше — в заброшенную старую лесную сторожку, в глубокий, с двумя выходами подвал. Там Гринин сможет передать информацию, добытую за день. В ней кое-что есть любопытное: сократилось число воинских эшелонов, проходящих через узловый пункт к фронту, и, наоборот, все чаще, особенно по ночам, мчатся поезда назад — с тылами: прямо на платформах груды чемоданов, шкафы, сейфы. Неужели очередное «выпрямление» линии обороны? Видимо, да. Это, понимал Фазлиахметов, важно знать командованию. Противник, предпринимающий эвакуационные меры, уже внутренние готовится к поражению. Таков закон войны.

Шли, рассредоточившись, быстрым, вгоняющим в пот шагом. Было тревожно. Командир не верил тем, кто бахвалился своей твердокаменностью. Просто жизнь разведчика научила их владеть

собой, проявлять, как говорят, железную выдержку. Тогда и опасность не размагничивает. И мысль, обострившись, остается четкой и собранной. И еще — Фазлиахметов убедился в этом на собственном опыте — в час испытания здорово помогает дисциплина. Мы можем разбиться друг от друга наклонностями, привычками, складом ума — все это приемлемо в разведке. Разведчиками, как и солдатами, не рождаются — ими становятся. В разведке действуют люди, а не сверхчеловеки! Но дисциплина — прежде любых знаний, какими тебя обогатили в штабе. Если нет дисциплины — и знания, и оружие не сработают, как пужно. Вот и сейчас разведчики уже осмотрели бункер, заняли дозоры, приготовились. Гришин пыхтит от усталости, ему в скоростных марафонах достается больше всего: рация компактна, но увесиста. К тому же озабоченность — как бы не потревожить какой-либо детали. Пока радист возился с аппаратурой, Костя Арлетинов развернул антенну.

Николай Гришин, словно в стационарных условиях, включил приемник, освободился, насколько возможно, от помех, мастерски отыскал среди хаоса работающих точек свою — родную, единственную. Пальцы его все равно что у пианиста — жаль, что руки радистов не воспеты подобно рукам музыкантов. Красные от стужи, уставшие от непомерной тяжести, они все-таки не потеряли легкости, летучей подвижности. Сколько уже раз с тех пор, как приземлились, овеществлял радист в мудреных вереницах цифр, в размеренных «та-та-та... ти-ти, та-та...» труд разведчиков, их заботы и риск.

Там-то, радировал он, под видом строителей расположились химики (их выдали наспех замаскированные баллоны). Неподалеку от госпиталя развернулась сапожная мастерская. Не велика ли честь возить сапожников на обед в легковых машинах? Потом, через неделю примерно, Гришин отстучит добавочно: «сапожники» оказались одним из подразделений абвера.

Сейчас, охраняемый друзьями, Гришин информирует «хозяйна» о бегстве вражеских тылов. Спешит, спешит: ведь разведывательная радиослужба гитлеровцев не дремлет, каждый сигнал неизвестной ей рации стремится запеленговать. На улицах Бютова и Мышинца, в их окрестностях Фазлиахметов не единожды видел машины с громоздкими антеннами на крышах.

Вернулся Козич. Он ушел на задаше вчера вечером — проверить, для чего прибыли тодтовские строительные подразделения в приграничную деревню. Там до этого, кроме жандармов, никого из военных не было. Сегодня ночью, докладывал Козич Фазлиахметову, доставлена землеройная техника, солдаты сваривают автогеном какие-то металлические конструкции. На рассвете начались работы: строители роют многокилометровые траншеи, а на флангах, лицом к изгибу шоссе, устанавливают металлоконструкции и заливают их бетоном — получаются бронеколпаки. Не успев передохнуть, Гришин взял у командира узкий листок бумажки

с текстом, быстро зашифровал его и со скоростью, поспильной лишь для радиста его выгучки, передал в штаб фронта. Он не боялся, что пробыл в эфире чуть больше обычного срока — с этой базы передачи еще не велись и разведчики уйдут отсюда, как только «филин» прокричит сигнал возвращения.

Но «филин» не напоминал о себе почти до самого вечера. Увидев, что каратели освободили для своих несколько домов и расположились на ночлег, он пришел к Фазлиахметову. Продрогший. Голодный. Но не сел перекусить, попросил только свернуть ему сигарку — пальцы, занемев от холода, не слушались.

— Лучше бы уйти отсюда, товарищ командир! — сказал разведчик. — Они, думаю, напали на наш след. Привезли какой-то парашют, кричали на жителей, указывая на лес...

Фазлиахметов и сам подумывал об этом. Рядом, в 12—15 километрах — Польша. Там люди иные: приютят, помогут во всем. А сюда, в этот район, ходить на работу. Гришин снова вышел на связь, передал «хозяину», что выгоднее перейти на базу по соседству, как и обговаривали перед вылетом. На узле связи находился майор Медведовский, человек смелый, умный. Он тут же ответил согласием.

И опять в путь. Сторожко, мягко ступают на промерзшую землю. Обошли стороной мрачный, нахохлившийся хутор: пожалуй, снова ударят в спину. Не мешкая ни секунды, единым рывком перемахнули заброшенную контрольную пограничную полосу: граница вот куда передвинулась. Еще хутор, но уже польский: домишки низенькие, деревянные, давно не знавшие ремонта. И его миновали стороной, остановились у деревни Ольшин. Наблюдение показало: солдат, жандармов вроде бы нет. На разведку идет Михаил Козич. Отличное знание языка поможет ему. Тем более он уже был в Ольшине неделю назад — предварительные знакомства завязывал.

Томительные минуты ожидания. Деревья будто вымерла. Ни прохожих на улице, ни огня в окнах. Лишь одна труба дымилась — в центре, в доме, с виду богатом. Фазлиахметов выдвинулся к деревне ближе всех, с тревогой вслушивался в каждый шорох.

Тишину нарушили шаги — твердые, безбоязненные. Выходит, у Козича все в порядке.

— Знакомьтесь, это мой друг, — представил Михаил крепкоплечего, лет под пятьдесят мужчину в обтрепанном кожухе. — Он все нам расскажет...

Сколько бы ни довелось жить, Фазлиахметов никогда не забудет поляков. Их доброты, дружбы, их постоянной готовности помочь. Вот он — один из тысяч. Тепло, по-братски здоровается. Извещается, что не может принять в доме: у солтыса, по-нашему старосты, там, где дымилась труба, остановились жандармы. Сегодня по всей деревне ходили, присматривали помещение попросторнее: строители, сказали, придут. Границу, видимо, укреплять. Достал из мешочка горячую картошку, краюху хлеба —

больше, извините, ничего нет. Подробно рассказал обо всем, что происходит вокруг, чем дышит район. Потом проводил на почевку в глубину леса, где вырыты землянки на случай немецких облав. «Здесь ничего не бойтесь!» — успокоил на прощание. И ушел, пригласив к себе Козича: сойдет за поляка.

Наутро, едва рассвело, лес ожил, наполнился людским гвалтом, машинным шумом. Уж не погоня ли? Приказав быть всем наготове, Фарид — от дерева к дереву — подобрался к дороге, идущей отростком от шоссе. Двигались машины — но то были не каратели, а саперы. Под присмотром конвоиров шли понуро мужчины разных возрастов, согнанные, как догадался Фарид, на принудительные работы. Вернувшись в землянку, Фазлнахметов застал там и Козича со своим польским другом. Они раскладывали на тетрадных листках завтрак: по две картофелины, по луковичке и ломтю хлеба на брата. В бутылках коричневатого отсвечивал чай: первый со дня приземления.

Михаил, сославшись на то, что уже поел, присел с Фазлнахметовым в сторонке и рассказал ему обо всем, что узнал. Саперы прибыли, чтобы наращивать старые укрепления. Жандармы набегают почти каждый день: сгоняют на оборонительные работы, а тех, кто у них на особой заметке, вывозят километров за пятьдесят — шестьдесят: вас, объясняют, нельзя тут больше оставлять, вы будете предавать героев фюрера. Многих «за сочувствие Советам» отправляют в концлагерь: из деревни Бандыс — свыше пятидесяти человек, с хутора Завады — двадцать семь. В деревне Харца Балда арестованные выкрикивали: «Советы все равно придут!» Их жандармы забили палками, не доведя до места. Между деревнями, продолжал Козич, саперы и какие-то непонятные гражданские команды устанавливают в бронеколпаках пулеметы. Неподалеку от перекрестка шоссе, начинаясь от болота, появился противотанковый ров.

Фазлнахметов слушал внимательно: соединял все эти сведения в единое целое, чтобы там, за сотни километров, вырисовывалась наиболее полная картина. Фарид сознавал, что сражения выигрывают не разведчики, а народ, армия, но разведчик первый боец в цепи наступающих. Разведчик помогает не автоматом, а быстрым и глубоким умом, острым наметанным глазом, способностью мгновенно переработать любую информацию, проникнуть в замысел противника, предвосхитить его шаги. Сейчас Гришин закончит есть, настроит свой передатчик на волну, которая незримо свяжет его со штабом фронта. Разверните, товарищи командиры, карты, у нас, на нашем участке, враг чувствует себя так-то и так-то, делает то-то и то-то. И завтра слушайте нас, склонившись над картой, и послезавтра — мы не пропустим без точной оценки ни одного железнодорожного эшелона, ни одной автомобильной колонны, ни одного подразделения.

«Хозяину. Гарнизон Мышинец почти удвоился. Прибыли два танковых батальона, полк пехоты и до роты связистов. Матросов»,

«Хозяину. Через Бютов за день прошло 26 эшелонов с людьми и техникой — на семи техника тщательно закрыта брезентом. Солдаты шумят о какой-то новинке, придуманной фюрером, которая спасет Германию. Матросов».

«Хозяину. Из Восточной Пруссии через Мышинец и Чарня на Ольшаны и далее на Бараново двигалась непрерывно колонна мотоциклеты, танков и автомашин. В деревне Харца Балда пехотный офицер спрашивал дорогу на Иншасныш. Матросов».

Шумит пограничный лес, наполненный ветром, людским гвалтом и рокотом моторов. Укрепляется линия вражеской обороны. Все брошено, чтобы отдалить последний час. А неподалеку от гитлеровских частей и подразделений, в лесной глухомани, отстукивает советский радист: «Та-та-та... ти-ти-ти...»

Грядет возмездие...

«Данные нужны немедленно!»

«Матросову. От вас поступили ценные данные о строительстве и системе оборонительных сооружений противника в прифронтовой полосе. Не менее важны для нас и сведения, присылаемые вами о передвижениях мотоциклеты и танковых частей из районов Восточной Пруссии к переднему краю. Молодцы! Хозяин».

— Дайте и мне почитать... И мне... И мне...

Фазлиахметов не ожидал, что так взволнуются его друзья, получив эту благодарственную радиogramму. Он ее огласил при всех торжественно-медленно, громко. Оказывается, мало. Дайте, товарищ командир, прочитайте самим, дайте минутку подержать в руках, словно дорогую награду! Кто был на войне в удалении от родной части, кто выполнял задания за линией фронта, тот и в мыслях не осудит восторженности разведчиков. «Молодцы!» Одно дело — услышать это перед строем, когда все рядом, и совсем иное, когда тебя и твоего старшего начальника разделяют сотни и тысячи километров...

Фазлиахметов подошел к каждому, обнял и сказал тихо: «Спасибо, братцы!» Потом взял радиogramму, поджег ее над самодельной пепельницей, растер по давнишней привычке пепел:

— Ну что ж, за работу...

Голос был снова будничным, деловым, словно работа находилась в родном городе, совсем неподалеку, за фабричной проходной. Командир распределил задания, посоветовал, на что сейчас нужно больше всего обращать внимание, предупредил: максимум осторожности, боевой собранности! В Ольшине и Завадах расквартировались жандармы. Позавчера и вчера осмотрели в деревнях все надворные постройки, ощупывали шомполами каждую копенку сена. Один из друзей сообщил, что с особым пристрастием расспрашивали, кто из жителей ходит в лес, чьи это следы, ведущие от дровяного склада в чащобу. Значит, заключил командир,

мы должны насторожиться, иначе до беды недалеко. Тяжело в землянках? Да, тяжело. Холодно. Сыро. Топить нельзя. Выйти днем нельзя. Но что поделаешь? И за то, что имеем, огромное спасибо польским друзьям! За эти землянки, так замаскированные, что, находясь поблизости, их не найдешь. За хлеб и картошку спасибо, которыми делятся, как с членами своих семей.

Разведчики понимали своего командира: он покидал базу на двое суток и, естественно, беспокоился. Не за себя — в первую очередь за них. Прифронтовая полоса действительно наводнена войсками и, следовательно, подразделениями абвера, гитлеровской контрразведкой. Прав командир, нужна предельная осторожность!

Фазлнахметов ушел первым, ему еще нужно пройти километров шесть-семь, чтобы встретиться с Борисом, как звали разведчики Болеслава Эйзака из деревни Харца Балда. Худоцавый, подвижный, Болеслав ненавидел фашистов люто. Ничего не боюсь, говорил он, на любой риск пойду, лишь бы мы победили их! Будучи механиком по специальности, он ездил в богатые семьи, чтобы отремонтировать какую-нибудь домашнюю технику. А по пути (Болеслав отличался исключительной наблюдательностью) вбирал в память и номера машин, и малейшие изменения в расстановке часовых, и слово, брошенное случайно гестаповцем при проверке документов.

Однажды Борис рассказал Фазлнахметову, что немецкий солдат, осматривая у КПП крестьянские сани, нет ли в них под соломой оружия или мины, вдруг побледнел, кинулся к напарнику: «майстертод» — и указал глазами, полными страха, на приближающуюся легковую машину, измазанную для маскировки известкой. Солдаты замерли на обочине. Мигом был поднят шлагбаум. В машине сидел майор, тот самый, что занимал вестительный особняк в центре Мышинца. Около его дома постоянно сновали люди, беспрестанно подъезжали машины с офицерами в званиях выше, чем майор. Выходит, птица немалая! По следам Бориса группа Фазлнахметова вышла на майора, взяла его под наблюдение. Он оказался абверовским начальником, прозванным за свою жестокость «майстертод» — мастером смерти. Но тогда еще не знал Фазлнахметов — это потом выяснилось, когда вернулся в штаб фронта, — что специально для охоты за ним, за его группой при-
слали «майстера» в Мышинец.

На сегодняшнюю встречу Борис пришел под видом землекопа, только что закончившего задание жандармов и возвращающегося домой. Шапка, лишь в прошлом называвшаяся заячьей — до того она вытерлась; куртка типа наших российских ватников, с дырами, из которых торчала вата; на ногах бахилы. Двадцатидвухлетний парень превратился в истомленного непосильным трудом мужика: лишь глаза, как и всегда, сверкали молодо, приветливо.

— День добры...

— Здравствуй...

— Поленница. Через час...

В поленнице, укрытой кустарником, остались лопата, ватник и шапка; вместо них на Болеславе, вернув ему прежний возраст, оказалось полупальто, зимняя кепка с ушами, портфелеобразная сумка с инструментами. Болеслав снова стал механиком. Тут же, на холоде, съели они с аппетитом по куску хлеба с салом. Болеслав знал, что советский друг на голодном пайке, и не забывал при встрече подкормить его. Только после этого он доложил с военной четкостью, что видел, что слышал, что разузил. Вот одно сообщение: в деревню Чарня на место артиллеристов, убивших на фронте, прибыла танковая часть: танков — 20, разного рода технических летучек — тут Болеслав знал, что к чему, — 10, автомашин пустых, с одними лишь водителями, — 30. Причем машины новенькие. Вскоре из школы, где, по всей видимости, обосновался штаб, вышел интендант, взял солдат и направился к солтысу, вызванному в постарунок, то есть в полицейский участок. Даже не поздоровавшись, интендант потребовал, чтобы через час во двор столовой были доставлены два-три поросенка и телка или бычок: танкисты, мол, устали и их нужно немедленно накормить вкусным, молодым мясом. Скажите жителям, что вермахт за все заплатит. И назвал часть с полевой почтой 04765-Д.

— Откуда они пришли? — спросил Фазлиахметов.

— Из Бютова, это точно!

— Какие опознавательные знаки на машинах?

— Там, где бывают знаки, все замазано...

Фазлиахметов знал, что гитлеровские части имели на технике различные знаки: дубовый лист, вепрь, черный крест в овале и щит, мчащийся кабан, трясогузка... Помнится, одному разведчику из отряда «Москва» удалось увидеть на машинах под глухо застегнутым брезентом римскую цифру V, а справа от цифры — оскаленную волчью морду. Это, оказалось, были химики.

— Болеслав, это очень опасно, но надо узнать, что они там замазали, какие знаки.

Попрощавшись с Борисом, командир сам направился в Чарню. Вчера в нее согнали сотни три окрестных жителей на земляные работы — среди них можно без труда затеряться. Артиллеристов, которых и он видел здесь недавно, действительно уже не было. В городок прибыли танки. Они, как и легковые машины, тоже не успели растерять свежести заводской покраски. В мыслях мелькнуло остро: вот бы авиацию вызвать! А почему бы и нет?

Командир вернулся на базу. Ноги гудели, тело промерзло, мучительно хотелось есть: в Чарне удалось подкрепиться лишь миской пшеничного кулеша.

— Как тут у вас?

— Мы с добычей, — ответил за всех Гришин. И они наперебой докладывали о батальонах и полках, стягиваемых в резерв; о по-

вых линиях полевого телефона; о потоке раненых — их размещают даже в частных домах.

— А это, — проговорил Костя Арлетников, — Вера передала.

И он протянул командиру конверт, подобранный около железнодорожной станции Верой — русской девушкой, сбежавшей с фашистской каторги и нашедшей временный приют у поляков. На конверте торопливым, неровным почерком были обозначены цифры уже знакомой полевой почты: 04765-Д.

— Подбросим летчикам работу? — спросил Фазлиахметов. Гришин понял, что ему надо разворачиваться. И в первую очередь — он знал это по прежним сеансам — пойдет перечисление точных координат скрытых войсковых резервов. Точка — тире, точка — тире... Сейчас его радиogramма желанно вторгнется в планы, утвержденные ранее, подкорректирует их частично, чтобы авиация могла беспощадно накрыть цели — еще свеженькие, еще тепленькие, как любит выражаться командир группы.

Рассвет следующего дня огласился густыми бомбовыми взрывами. В низком багровом небе вскрипывали зенитные залпы. Но уже поздно: краснозвездные самолеты точно сбросили бомбы. Горели танки. Горели автомашины. С шипением и адским треском лопались бочки с горючим.

А в землянке, укрытой лесом, царило невообразимое веселье: разведчики обнимались, целовали командира, он — их.

Потом снова тишина, начиненная порохом тишина. Крадутись, свертывались гитлеровские учреждения в Бютове, Мышинце, Пшасныше. Кстати, в Мышинце — Фазлиахметов видел это своими глазами — из абверовского особняка вытаскивали чемоданы с награбленным добром. Секретную документацию в них едва ли будут перевозить. «Майстергод» лично руководил погрузкой, нетерпеливо поспегивая стеклом до глянца начиненные сапоги. Ну, если абвер снесит с чемоданами — значит, конец.

На аэродроме, что неподалеку от Бютова, в казармах и повсюду, где разменчалось воинство Геринга, ходили специально выделенные активисты, собирая подписи под поздравлениями «рейхсмаршалу», «великому организатору люфтваффе», которому исполнялось в те дни 52 года. Цвет авиачасти, «подопечной» Фазлиахметова, получил приглашение прибыть в Карин-холл — это в 80 километрах к северо-западу от Берлина, чтобы принять участие в традиционном банкете.

В Ольшине перед жандармами выступил ответственный сотрудник министерства Геббельса. Он не приводил никаких фактов, только стучал по трибуне: «Мы их повернем назад!»

Истерически кричал он и в адрес поляков — дескать, возмутительно: кое-кто из местных жителей в разных местах округа Данциг, ожидая прихода русских, заговорил на польском языке. И все это, как и прежде, кончалось выкриками: «Зиг хайль!»

А тетива предстоящей битвы натягивалась все туже. «Хозяин» просил «Матросова» напрячь все силы, чтобы информировать его

каждый день: о передвижениях войск, о концентрации резервов, о крупных целях для советской авиации. Все чаще задания кончались предупреждением: «Данные пужны немедленно!» И донесения шли, шли...

«Хозяину. На участке Хожеле, Миловидь обнаружена крупная танковая часть: танков — 40, орудий ПТО — 50, мотоциклов — около 70, мотопехоты — до 250 человек. Матросов».

«Хозяину. Наблюдаю отход танковой части из р-на Дылево через д. Ольшин на Мышинец: танков — 30, много автомашин. Матросов».

«Хозяину. Из р-на Хожеле отходит крупная танковая часть. Следим за ее дальнейшим маршрутом. Матросов».

«Матросову. Благодарю за информацию, следите за передвижением войск непрерывно. Чаще доносите. Особое внимание группам танков и артиллерии. Хозяин».

«Хозяину. Через наш узел прошел эшелон с дивизией «Великая Германия». Матросов».

Из штаба фронта поступило задание: с особым вниманием, не считаясь с риском, наблюдайте за танковой дивизией «Великая Германия». Она, подчеркивалось в радиোগрамме, является наиболее мощной на этом участке и фанатически преданной Гитлеру. Нам важно знать буквально каждый поворот бронеколонн.

Разведчики поняли: надо от мобилизовать свои силы, свою волю, свою храбрость, но «Великую Германию» не выпускать из поля зрения ни на единый миг. В действие пришли и те помощники Фазляхметова, которые находились на других, отдаленных рубежах.

И вот новая радиোগрамма: на дорогах — далее следуют координаты — видим танки с теми же выявленными «Борисом» знаками, что и в эшелоне, о котором докладывал. И еще одна: «Великая Германия» сосредоточилась там-то и там-то. По всему видно, что готовится для контрудара».

И наконец, в многостраничном томе архива находим последнюю радиোগрамму, полученную «Матросовым»:

«Бойцами вашей группы своевременно обнаружена переброска танковой дивизии «Великая Германия» из Восточной Пруссии к фронту. Всему личному составу группы объявляю благодарность. Хозяин».

С востока нарастал тяжелый и непрерывный гул. Кажется, земля дрожала. Лес дрожал. Насквозь забиты дороги техникой, солдатами. Они уже не кричали: «Зиг хайль!», не взмахивали парадно руками.

Фазляхметов, почти не пользуясь укрытиями, обрадованно смотрел на эти бегущие в панике толпы и вспоминал Подмосковье, первый свой выход в тыл врага: тогда гитлеровцы были спесивы, наглы. Значит, сбита эта снесь...

А потом неподалеку от Ольшина, в деревне Длуге, из дыма, из грохота показались родные лица бойцов: на шапках-ушанках

сверкали красные звездочки. В кирзовые сапоги въелась пыль сотен и сотен дорог. Командир 139-й дивизии принял рапорт Фазлиахметова, долго и как-то непривычно торжественно держал в руках удостоверение, в котором руководитель разведгруппы именовался «Александром Матросовым», и, не обращая внимания на собравшихся офицеров, принялся обнимать разведчиков, приговаривая:

— Герои... Настоящие герои...

Про тот день Фазлиахметов больше не помнит ничего. Он тогда уснул как убитый и проспал чуть ли не сутки...

Ведущим конструктором в одном из московских НИИ работает Ф. С. Фазлиахметов, бывший разведчик, действовавший во вражеских тылах с именем солдата — героя Александра Матросова.

Хроника одной ночи

«Дорогая Дора! Опять мы прилетели на новый аэродром. Выполняем важные задания. Ходим на своем бомбардировщике далеко и долго, в основном ночью. Летаю по-прежнему с командиром эскадрильи капитаном Кравцовым. Ты его знаешь. В экипаже все те же ребята: летчик Леня Дербышев, радист Сапа Рыжов и стрелок Ивап Романовский. Люди замечательные, воюют здорово. Представляешь, как драпают немцы, если письма от тебя идут неделями? Да, ты получила мое письмо? Я посылал тебе вырезку из газеты, в ней среди награжденных можешь найти и меня. Сознаюсь: за свои скромные дела ожидаю еще награду — орден Ленина...

Твой Леонид. 23.7.44 г.»

Таковыми были последние строчки письма своей жене от штурмана капитана Л. Решетникова. Августовской ночью над Альпами разыгралась трагедия, и самолет не вернулся на базу. Их ждали почти три недели. Но вести не приходили. И тогда на полковом построении начальник штаба подполковник Мисник прочел скорбный приказ:

«...Исключить из списков части экипаж, не вернувшийся с боевого задания в ночь на 16 августа 1944 года, в составе:

1. Командир эскадрильи гв. капитан Кравцов Н. М.
2. Летчик гв. младший лейтенант Дербышев Л. П.
3. Штурман эскадрильи гв. капитан Решетников Л. Н.
4. Начальник связи эскадрильи стрелок-радист гв. старшина Рыжов А. П.
5. Воздушный стрелок гв. сержант Романовский И. Е.»

Жгучей скорбью веет от этих слов. Двадцать четыре года хранили в семье гвардии капитана Решетникова эту весть. Жена Дарья Васильевна и сын Валерий жили в надежде: вдруг он объявится? Пропал без вести... Они не верили в это. Если же он погиб, то погиб как герой. Это был хороший муж и отец, верный сын Родины. В шеренге первых бойцов он встречал войну. Стойко и мужественно нес ее тяжкое бремя.

Таковыми были Леонид Решетников и его боевые товарищи. Но судьбы людей после трагедии над Альпами до недавних пор оста-

вадись нераскрытыми. Молчали архивы: «Пропали без вести», «Не вернулись с боевого задания», «Других сведений нет»... Но они были. Сведения эти хранила память однополчан. Среди пожелтевших фронтовых писем Леонида Николаевича сохранился клочок газеты с фотографией. У самолета — авиаторы, о чем-то говорят. А под снимком спасительное «слева направо». И случилось так: нашелся один человек, потом другой, третий. А дальше вязалась цепочка сама собой, раскрывая новые фамилии и новые подробности. Впрочем, вот эти письма.

«...Полк, в котором я был начальником штаба, сформировался в мае 1944 года. В составе дивизии авиации дальнего действия мы обеспечивали югославскую Народную армию. На какую точку летал экипаж Кравцова, точно не помню. Кажется, это была Банска-Бистрица. В ту ночь не вернулись с боевого задания самолеты Кравцова и командира соседнего полка подполковника Г. Галинского. Как рассказывали другие товарищи, в пункте Суботица, через который проходил маршрут, фашисты установили зенитную батарею с радиолокационным прицелом. Мы догадывались об этом и старались обходить ее стороной. И все же некоторые экипажи становились жертвой батарей. Очевидно, немцы подожгли и самолет Кравцова.

Подполковник запаса Г. Мисник.

Полтава».

«...Саша Рыжов. Не пойму, почему он значится не вернувшимся с боевого задания? Ведь я служил с ним в конце войны и после. Лейтенант, он был начальником связи эскадрильи у майора В. Живодера (он стал комэском после гибели Кравцова). Не тот ли это Рыжов, что летал тогда в Югославию?.. У меня такое предчувствие: он самый.

Подполковник запаса Г. Катков.

Смоленск».

«Вскоре после войны полк был расформирован, а все документы отправлены в архив. И все же в беседе с людьми кое-что мне удалось узнать. Из экипажа Кравцова спаслось трое: летчик, радист и воздушный стрелок. В 45—46-х годах они все демобилизовались. У нас в гарнизоне работает офицер запаса И. Булкин. В войну он был штурманом звена и знал людей Кравцова.

В. Шулятков.

Н-ская часть».

«...Мы летели к югославским партизанам следом за самолетом Кравцова, везли им оружие и боеприпасы. Только пересекли Дунай, как темное небо впереди озарил яркий факел. Мы поняли: кто-то горит. После, на аэродроме, нам сказали: «Кравцов не пришел». Но спустя месяц из Италии прилетел транспортный са-

молет, и мы увидели сходящих по трапу живых и невредимых Дербышева, Рыжова и Романовского. А где же комэск и штурман? Вернувшиеся рассказали, что, как только на самолете начался пожар, капитан Кравцов приказал всем покинуть машину. Сам он и штурман Решетников повели горящий самолет на посадку.

Офицер запаса И. Булкин.

Н-ская часть».

«...Обычно фашистские стервятники поджидали нас на участке Белград — Суботинца. В ту ночь я сам летал на спецзадание, но не помню, кто еще ходил с нами. Хорошо бы найти непосредственных участников полета — Дербышева, Рыжова, Романовского. Они должны помнить если не «точку» и весь маршрут, то хотя бы место, куда спустились на парашютах. Ведь кто-то скрывал их, помогал добираться до Италии.

Майор запаса М. Кириллов.

Москва».

«...Разговаривал по телефону с генералом Драгомирецким. Он сказал, что архивных документов у него под рукой нет, однако постарается навести справки о Саше Рыжове. Ведь он должен значиться в книге учета офицерского состава полка. Кроме того, лет шесть назад мне говорили, что где-то живет и здравствует комэск В. Живодер, заменивший Кравцова после его гибели. Я и он можем подтвердить, что Рыжов после войны служил в полку В. Драгомирецкого.

Подполковник запаса Г. Катков.

Смоленск».

«...К августу у нас сложилась тяжелая обстановка: начали терять много самолетов. Мы смещали маршруты, ходили в Югославию круглым путем. Через Польшу, Чехословакию, Австрию и Италию. И все равно теряли людей. Немцы в свою очередь изменили тактику и караулили нас в основном на конечном отрезке пути. Видимо, экипаж Кравцова попал в ловушку. Они летали тогда в район Загреба. «Точка» называлась «Чернобыль».

Подполковник запаса В. Живодер.

Москва».

«...Как обычно, командир корабля Кравцов благополучно взлетел, и через несколько минут самолет шел заданным курсом. Погода благоприятствовала почному полету, но перед Дунаем она начала портиться.

Мне показалось, что штурман очень занят и просто забыл дать время прохода контрольного рубежа, чтобы я доложил об этом на КП полка. Напомнив, я успокоился. Через некоторое

время командир приказал запросить погоду над целью. Земля ответила: ждите! Не успел я сказать об этом командиру, как раздался треск, грохот и тут же загорелся правый мотор. Я сразу подключился к переговорному устройству и слышу голос командира:

— Прыгайте, прыгайте!

Включаю электролебедку на уборку антенны, выключаю приемник. Вижу, как Романовский пытается выбраться из самолета, но это ему не удается. Решил помочь. Но не успел подойти, как он пропал в темноте за бортом. И тут, у открытого люка, я похолодел: на мне не было парашюта, а надеты одни ремни подвесной системы. Предстоял нелегкий путь за парашютом. Проползая, я заметил два отверстия сверху и снизу величиной с тарелку. Зенитная артиллерия вначале подожгла мотор, другие снаряды прошли самолет навывлет. Схватил парашют, но надеть никак не могу. Машина начала падать, и меня, как мяч, бросало по кабине. С трудом дополз до люка и головой вниз выбросился наружу.

Земля была близко, а я висел на одном пристегнутом карабине и снижался боком. Так и упал в кукурузу. Быстро смотал парашют, закидал шелк листьями. С минуту стоял в оцепенении: что делать? Местность незнакомая. Кричать? Надо немедленно уходить от горящего самолета. Но куда? Я стал прислушиваться. Вдали лают собаки. Видимо, там населенный пункт. Надо держаться от него подальше.

Пройдя километра три, подумал: может, иду навстречу другой опасности? Решил скрыться в кустарнике. И тут только заметил, что на мне нет ни подшлемника, ни сапог, висят на шее одни ларингофоны с проводами. Лицо и руки жжет: да, крепко обгорел.

Когда наступил рассвет, я направился в сторону леса. Справа вижу загон для скота, а рядом пастуший шалаш на колесах. У шалаша старик с собакой, которая бросилась на меня с лаем. Остановился, обдумывая, что же делать. Потом решил подойти к пастуху. Пистолет, спрятанный под комбинезоном, наготове. Подхожу к старику, и первое слово слетает с моих уст:

— Здравствуйте!

Последовал ответ:

— Здрава!

Ответ был настолько похож на русский, что никак не хотелось верить, что я на чужой территории. От пастуха я узнал, что нахожусь в Югославии, местность оккупирована немцами. На вопрос, есть ли здесь партизаны, дед ответил: «Есть — и много». Я стал спрашивать его, чтобы он меня свел с партизанами. Но скоро понял, что партизаны могут быть не раньше, как ночью, а день мне надо где-то переждать. Словами и жестами объяснил старику, что мы везли для армии Тито оружие и обмундирование. Пастух, как только узнал это, заметно стал добрее. Тут же предложил еду, дал воды. У него нашлась даже какая-то мазь от

ожогов. Потом он сказал, чтобы я ложился спать в шалаше, что на дверь он повесит замок. Долго я колебался, но в конце концов согласился. Дед дал мне маленький топорик, и я залез в шалаш. Сам он погнал овец на водопой.

Часа через два послышались голоса. То, что я увидел в щель, заставило мои волосы подняться дыбом. От леса прямо на мое убежище разомкнутой шеренгой шли немцы. «Конец, — подумал я, перезаряжая пистолет. — Буду отстреливаться до последнего патрона». Цепи сравнялись с будкой — я лежу и не дышу. Потом голоса постепенно стали удаляться. На душе полегчало. Фашистов было человек сорок и еще несколько шло кукурузой. Теперь я окончательно убедился, что спасен, что пастух не обманул.

Со стороны села другие пастухи пригнали большое стадо свиней. Животные разбрелись по всему полю вокруг шалаша. Недолго пришлось ждать и моего спасителя. Запыхавшись, не отвирая будки, он стал мне что-то объяснять. Впоследствии я понял, что он нашел кого-то из экипажа, но кого, я так и не разобрал.

Прошел тревожный день. Солнце уже опустилось за горизонт. Со стороны той канавы, которую я переходил утром, смотрю, устало бредет человек в комбинезоне. Летчик Дербышев! Подошел и пастух, поспешно отпер шалаш. Я выскочил оттуда и стиснул Дербышева в объятиях. Он вскрикнул. Оказывается, при прыжке Леонид сильно ударился спиной. На мой вопрос: «Где командир и что ты знаешь про штурмана?», Дербышев ответил, что по приказу командира он первым оставил машину и про них ничего сказать не может.

Младший лейтенант запаса А. Рыжов.

Дубна».

«...Мы вылетели вечером и взяли курс на Югославию... Полет, как всегда, протекал спокойно. Иногда капитан Кравцов и капитан Решетников коротко переговаривались. Время шло к полуночи. Уже перелетели Дунай. Скоро должна быть и точка. Кто-то спросил время. Кажется, Леонид Николаевич ответил: «Пять минут первого». И в этот роковой час раздался взрыв в правой плоскости. Из бензобака ударила огненная струя. Вслед за тем раздался второй взрыв в навигаторской кабине. Капитан Кравцов был смертельно ранен в спину. Но он успел распорядиться:

— Прыгайте, прыгайте...

Я сразу же вылез из башни и прыгнул. За мной выпрыгнул радист Саша Рыжов. Уже в воздухе увидел два горящих костра, они падали справа и слева от меня. Самолет развалился на части.

Об участии остальных я сначала ничего не знал. Успели ли они выпрыгнуть? Когда приземлился, слышу собачий лай. Значит, рядом деревня. Я побежал в другую сторону и в какой-то канаве присидел остаток ночи. Куда идти — не знаю. Утром увидел парня с мальчиком. Они везли в поле навоз на быках. Я решил

Капитан Н. Кравцов

Капитан Л. Решетников

Младший лейтенант
Л. Дербышев

Старшина А. Рыков

Сержант
П. Романовский

подойти к ним, чтобы узнать, где я и как пробраться к партизанам. Парень оказался словенем. Он явно мне обрадовался. Мальчик бегал вокруг и кричал: «Русский, братушка, авиат!»

К обеду я был среди югославских партизан. Из экипажа там никого не оказалось. Ночью с партизанами мы пробрались в деревню. Жители сказали, что у них тоже скрываются двое русских. Это были правый пилот Леонид Дербышев и радист Саша Рыжов. наших капитанов нигде не было.

Партизаны хотели на следующий день уходить. Это был отряд глубокой разведки армии Тито. Но мы попросили командира подождать: может, найдутся наши командиры. Ночью во все сто-

роны ушли разведчики. Утром они вернулись и рассказали, что немцы устроили засаду возле сгоревшего самолета, что там найдены трупы людей. Кто это был — и сейчас не знаю.

Партизаны встретили нас, как братьев. Мы пробыли у них около месяца. У партизан был свой аэродром, куда прилетали союзники. Они привозили боеприпасы, медикаменты. Обратное увозили раненых. Действовали они с итальянского аэродрома Бари, где стояла и наша транспортная авиадивизия. Там, в Бари, в английском госпитале мне сделали операцию. А Рыжову подлечили лицо и руки, обгоревшие во время катастрофы. В середине сентября прилетели самолеты из Москвы и доставили нас домой. Ни капитана Кравцова, ни капитана Решетникова с нами не было.

Сержант запаса И. Романовский.

Сучань».

«...Советский самолет летел со стороны Дуная в 22.15 по местному времени 15 августа 1944 года. Его видели несколько местных граждан. Когда самолет пролетал над селами Содловци и Маркушица, в воздухе послышались один и сразу же второй взрывы. Самолет упал недалеко от села Маркушица, в котором стояли немцы. Они сразу блокировали самолет и начали искать экипаж. Прибежавший к самолету мальчик Илья Медич (сейчас он учитель) и другие жители увидели, что около горящей машины лежат обгоревшие трупы людей.

Во время нашего опроса очевидцев катастрофы в Союз борцов народно-освободительной войны пришел Младен Бошкович. В 1944 году он нас овец на месте катастрофы и надел орден (№ 89081). Он просил передать его родным.

Из пяти человек экипажа трое успели выскочить. Спаслись Леонид Дербышев, Александр Рыжов и Иван Романовский. Их нашли Милан Трбойевич, Славко Вошняк и Лазо Горета — члены народно-освободительного комитета из Маркушица. В тот же день они были в Которском комитете партии и переправлены в штаб 6-го словенского корпуса, а оттуда через Италию в Советский Союз.

Останки погибших похоронены вблизи места падения самолета. Где — точно не знаем. Председателем скупщины был тогда немец, сотрудник оккупантов Райнхафер, который в настоящее время живет в Западной Германии.

Товарищи из Винковци выражают самое большое сочувствие как семьям погибших, так и семьям переживших несчастье».

(Из письма югославских партизан.)

Они были стойкими солдатами.

Смертельно раненный Кравцов упорно вел самолет к земле, штурман Решетников оставался с командиром до трагического

исхода, и пламя уносило героев в бессмертие. Мы узнали эти подробности недавно. Но не будем гадать правду: неизвестная участь людей долгие годы томила семьи, скорбью отдавалась в сердцах близких. Говорят, мертвые сраму не имут. Это так. Но живые?.. Тут не скажешь: «Им все равно», потому что дети на Руси исстари наследуют родительскую честь и славу, обретают в них силу для новых подвигов.

У Леонида Решетникова рос сын. Мальчишке было всего шесть лет, когда отец шел огненным маршрутом в глубоком вражеском тылу. Ребячья память не сохранила облик отца, но Валерий знал о нем по фронтовым письмам, которые берегла для него мать. Он представлялся ему человеком сильным и смелым.

Светлая память об отце питала силы Валерия. Он успешно учился, а надев солдатскую гимнастерку, примерно служил, попав в авиаполк. После армии он снова в авиации — рабочий, строит самолеты. Старательного парня, комсомольского активиста вскоре направляют по путевке в вуз, дают заводскую стипендию. На завод Валерий вернулся инженером, живет сейчас с матерью, Дарьей Васильевной Решетниковой.

Государство позаботилось о семье капитана Решетникова. Вниманием окружена и семья Н. Кравцова — жена Татьяна Ивановна и сын Валерий. Только вот весть о пропавшем на войне отце больно саднула душу, тревожила. Что и где случилось с ним? Каким был его последний час?..

Когда три года назад за поиск взялась сестра Леонида Решетникова Мария Федоровна Усатова, дело это казалось безнадежным. Ответы приходили неумолимые, как приговоры: никаких сведений нет. Не верилось в это. Сколько российских героев открыло послевоенное время, в том числе и в других странах! Фронтовичка, хирург медсанбата, Мария Федоровна верила, что где-то живут свидетели подвига брата. И она стучалась, писала куда только можно: в военные архивы и кадровые органы, в областные и городские военкоматы, расспрашивала однополчан — всех, кто хоть краем уха слышал о Кравцове и Решетникове...

Она приходила в редакцию. Мы снова перечитывали присланное. От письма к письму раскрывались судьбы авиаторов. Время, казалось, совсем развеяло подробности тех событий. Но оно отступило, когда люди окунулись в водоворот поиска и по крупинкам стали воскрешать прошлое. Десятки писем пришли в «Красную звезду» — свидетельство глубокой причастности живых к светлой памяти павших.

По-прежнему шли письма. Одно из них опять из Югославии. Местная община и Союз борцов сел Маркушица и Винковци 28 августа празднуют очередную годовщину массового вступления граждан в народно-освободительную войну против фашизма. Будут большие торжества. На месте гибели самолета, доставлявшего им оружие и снаряжение, открывается памятник погибшим

советским летчикам. В Югославию приглашались Л. Дербышев, А. Рыжов, И. Романовский, родные и сыновья Н. Кравцова и Л. Решетникова. «Они будут для нас самыми дорогими и милыми гостями», — писали югославы.

...Так была раскрыта еще одна безвестная страница войны. «Пропавшие без вести» совершили подвиг. В память об их храбрости на югославской земле горит Вечный огонь — символ нетленности ратного подвига советских воинов.

И еще, товарищ, будешь в Центральном музее Вооруженных Сил в Москве, разыщи там оплавленный пламенем орден Красного Знамени № 89081. Награда эта с груди Леонида Решетникова.

Григорий Лукьянчук

и его семья

Вы, наверно, замечали: стоит только встретиться двум ветеранам, и они тут же начинают вспоминать о войне. Ездил я не так давно к своим братьям по оружию — полякам. Там — то же самое. Только мы вышли из вагона, как сразу послышалось:

— А помнишь, как вы зажали фашистов в бывшем имении барона Ватмана?

И пошло, и пошло. И хотя все мы, боевые побратимы, считаем, что знаем друг о друге все или почти все, на проверку оказывается: нет, далеко не так!

Вот, например, я думал, что знаю о Максе Собесяке все, весь его жизненный путь, как собственный. Фактически мы, ковчак-ковцы, были рядом с польскими партизанами, воевали, случалось, на одной земле. К тому же Собесяк написал две книги: «Земля горит» и «Бригада «Грюнвальд». Они не только опубликованы в Польше, но переведены и на русский язык, давно любимы читателями.

Да кто из партизан, воевавших в годы гитлеровской оккупации на территории Польши, не знает лихого Макса, ныне контр-адмирала, народного героя Польши Иозефа Собесяка!

Партизанить начал Макс у нас, на Ковельщине. Потом ушел с отрядом в Польшу. Там, на родной земле, Собесяк вырос в крупного партизанского командира...

Но какой это верный друг, я до конца узнал только теперь, в эту встречу.

Едва мы заговорили о том, как много даст человеку боевая дружба, он вздохнул и сказал с грустью:

— Вот прошло уже больше четверти века, а я все еще чувствую себя в долгу перед некоторыми товарищами. Особенно перед одним человеком. — Собесяк на секунду задумался, как бы припоминая, и начал рассказывать:

— Был у меня в отряде редкостный человечина — Гриша... Григорий Лукьянчук... Бывший польский улан. Высокий, широкоплечий, чернобровый. Отчаянный рубака и удивительно ловкий разведчик... В отряд пришел Лукьянчук с группой в восемь человек прямо из ковельской тюрьмы, куда его бросило гестапо. Однажды ночью Гриша заманил в камеру надзирателя, оглушил

его, переоделся в немецкую форму, пробрался к дежурному, пристукнул и того, захватил оружие, ключи, освободил товарищей, и все вместе на машине гестапо укатили в лес...

Да, — продолжал Макс, — парень был что надо!.. Коммунистом стал давно. Потому его гестапо сразу и забрало...

Так вот, значит, в октябре сорок второго года пошел я с группой на задание. Пошел со мной и Григорий. И надо же, остановились мы на отдых недалеко от села Маневичи. А в этом селе жила семья Григория Лукьянчука. И вот Гриша говорит мне:

— Товарищ командир, разрешите мне зайти домой, повидать жену, детишек...

У него их было трое: две девочки и крохотный десятилетний сын.

— Ладно, — говорю, — иди. Но утром чтобы был на месте.

— Буду! — отвечает, обрадованный.

Наступило утро, пора в путь. А мы ждем, ждем своего Лукьянчука — его все нет! «Ну, — думаю, — задам я тебе, когда придешь, чтоб в другой раз отряд мне не задерживал!»

Часа в два вижу: плетется он, еле ноги переставляет, лица на нем нет. Глаза запали глубоко-глубоко, и в них, словно звезда в колоде, светится какой-то странный, отчаянный огонек.

«Вот, — думаю, — я тебе сейчас мозги промою! Я тебе покажу, как не выполнять приказ! Шлепнуть за такое не грех: тридцать человек подверглись опасности, пока ты там миловался с женой!»

А Гриша добрал до меня да как заревет вдруг, будто малый ребенок. Тут я сразу позабыл все, что думал перед этим о нем. Вижу — в отчаянии человек.

Еле-еле его немножко успокоили. Рассказывай, говорим, толком.

Кое-как справился он с собой, взял себя в руки.

— Извините, товарищ командир, — говорит. — Простите... Что хотите делайте со мной. Раньше не мог!

И тут рассказал он все, что с ним в родной деревне приключилось:

— Пришел я в свою деревню ночью. Никто не видел меня. Вошел наконец в родную хату! Увидел детишек, перецеловал всех. Посидел с ними. Потом уложили мы детей спать. А сами с женой пошли в клуноу.

Ушла жена от меня из клуни почти на рассвете.

— Пойду, — говорит. — Теперь буду караулить, а то могут нагрянуть полицейские.

Разбудила меня меньшая, семилетняя дочь:

— Папа, иди, мама снадання зварила, зовет кушать.

— Зараз иду, — сказал я ей.

Она побежала обратно, а я опять уснул.

Проснулся от выстрела. Вскочил, смотрю сквозь плетепую стенку клуни. У калитки стоят человек тридцать полицейских и

сам комендант полиции Николай Слипчук... Я уже знал от жены о его злодействах. Ночью она рассказала мне, что этот самый Слипчук натворил вчера в соседнем местечке: расстрелял больше тысячи человек, в том числе все партизанские семьи...

Так вот, смотрю: у калитки стоит моя жена, рядом с нею лежит убитая теща. Жена с грудным ребенком на руках и семилетняя дочка наша тут, та самая, что приходила меня будить. Старшая дочь, Надя, куда-то рано утром ушла, и ее не было, к счастью, дома...

И слышу я звериный голос этого Слипчука:

— Спрашиваю тебя второй раз, где муж?!

— Я же сказала, — отвечает ему жена, — как вы его арестовали и забрали, с тех пор его больше не видела.

— Ах, не видела?! — заорал он и выстрелил в моего маленького сына, которого жена держала на руках.

Сначала, когда Слипчук допрашивал жену и тряс перед ее лицом парабеллумом, я хотел выстрелить в него из винтовки. Но когда он опередил меня, я оцепенел... Вдруг почувствовал, что не могу поднять руку, шевельнуть пальцем.

Смотрю, а жена с мертвым ребенком на руках кинулась па коменданта.

Тогда он выстрелил и в нее. Упала и жена.

И я все это вижу и не могу шевельнуть ни одним мускулом.

— Где отец? — закричал Слипчук на семилетнюю дочь мою — ту самую, которая только что приходила звать меня завтракать.

— Вам же сказала мама, что вы его сами забрали... И больше он не приходил домой...

Тогда этот зверь выстрелил и в нее... Вытер ладонью пот с лица, повернулся и ушел. За ним ушли и его тридцать бандитов.

Не знаю, сколько я так стоял. Очнулся, вышел из клуни, перенес тещу, жену и детей в сарай... — Он снова зарыдал, как ребенок: — Нет у меня теперь, товарищ командир, никого: ни жены, ни детей... Остался один. Не знаю только, что с Наденькой.

— Долго после этого страшного дня ходил Григорий как неприкаянный. Потом ожил немного... — Собесяк снова вздохнул: — Жалко, не дожил Гриша до победы.

Погиб он зимой сорок третьего года. Пошел с группой на диверсию. Свалили два эшелона. Возвращались уже обратно и завернули в деревню Колки. А тут нагрянули полицаи с немцами. Шесть часов пятерка партизан вела неравный бой. Чуть не всех фашистов переколотили. Но и сами полегли...

— А где же Надя, старшая дочь Лукьянчука? — поинтересовался я. — Ведь ее не было в то утро дома, когда произошла трагедия.

— Надя? Жива. Нашел я ее, — уже совсем другим, сразу повеселевшим голосом отвечал Макс Собесяк. — И знаете, как дело было? Пригласили меня в пятьдесят восьмом году к вам, в Советский Союз. Говорят: поедem в Киев, в Ленинград, самые красивые

города вам покажем. А я вам отвечаю: не надо мне никаких экскурсий, никуда не поеду — только бы Маневичи посмотреть! А ваши товарищи спрашивают:

— Что за Маневичи? Для чего вам нужны эти Маневичи?

— Хочу в те места, где воевал!

— А, тогда другое дело, — согласились сразу. — Пожалуйста! Только больше двух дней на это мы вам не дадим.

Думаю, ладно, хватит с меня и двух. И поехал прямо в село Маневичи, туда, где жила когда-то семья Лукьянчука. Приехал, спрашиваю.

— Да, — говорят, — жили такие. Только, когда пришли фашисты, Григория схватили и увезли в Кувель. А позже полиция расстреляла всю его семью. Уцелела чудом только одна девочка. Ее в то время не было дома.

— А где она теперь? Жива?

— Жива, — отвечают. — Только живет теперь в другой деревне, со своей бабушкой — матерью Григория. Надя работает в колхозе и бабушку досматривает. Нелегко этой дивчине пришлось...

Послушал я их — и прямо к секретарю райкома партии. Рассказал ему всю эту историю. А от секретаря райкома — в Киев, в Президиум Верховного Совета Украины, к самому Ковпаку. Пришел к нему и говорю:

— Надо помочь им, Сидор Артемьевич.

— Конечно, поможем! — выслушав меня, ответил дед Ковпак и добавил: — У нас еще часто буває так, що некоторые люди, которые имеют на это право, по своей скромности молчат, не требуют для себя ничего! Обязательно поможем!

— Хороший, умный человек был ваш дед Ковпак, — заключил Макс с искренним восхищением. И добавил: — Я уехал в Польшу. А через некоторое время получил письмо от Нади, которую я так и не смог тогда в спешке повидать.

«Дорогой дядя Макс, здравствуйте! — писала она. — Я никогда вас не видела и не знаю. Но то, что вы сделали для меня, для нас с бабушкой, дает мне право так называть вас... По вашей просьбе нам уже построили новую хату. Бабушке дали пенсию... Очень прошу вас: приезжайте к нам...»

И вскоре я снова гостил в Советском Союзе. И конечно, первым делом поехал прямо к Наде в гости.

— Здравствуй, Надя! — говорю ей. — Я — Макс Собесяк.

Она как стояла, так и упала ко мне на грудь. Обняла, целует:

— Вот спасибо, что помните!.. Будто с отцом родным сейчас повстречалась!.. А то ведь люди не все знают, не все помнят, кем он был и за что жизнь свою отдал.

— Партизанская судьба такая, что иной раз, кроме темной ночи да молчаливого леса, никаких свидетелей нет! — Макс вдруг украдкой вытер глаза, улыбнулся.

— Вот так мы породнились с дочкой нашего Григория. Вскоре после этой встречи она прислала мне посылку: белых сушеных грибов, черники и вышитый рушник — па счастье... Этот рушник я храню теперь, как дорогую реликвию. Гляну на него — и передо мной сразу возникают, словно живые, Григорий, его погибшая красавица жена, их расстрелянные маленькие дети. И каждый раз, когда я вспоминаю о них, у меня возникает одна и та же мысль... Какая же была сила мужества у наших женщин и детей, если они вот так, добровольно, шли на пытки и казнь, лишь бы помочь своим защитникам — отцам, братьям, мужьям!.. — В глазах Макса мелькнула грусть. — Осталась от большой, дружной семьи Лукьянчуков одна Надя, как молодая березка в иссеченном осколками и пулями лесу... И все-таки лес этот ожил, растет, поднимается все выше и выше... Такова сила жизни!

А я слушал этого мужественного, немолодого уже, вечно занятого важными делами человека и думал: вот четверть века знаю этого человека, а как встречу с ним — всегда открывается в нем какая-то новая грань.

Партизан Никола-рус

Несколько лет назад я получил письмо от своего друга Мило Павлина, югославского писателя и журналиста, активного участника партизанского движения в Словении, работающего над книгой о боевом братстве советского и югославского народов.

«В годы войны, — писал М. Павлин, — в отрядах югославских партизан сражались советские люди. Среди них были и украинцы, и белорусы, и грузины, и узбеки, и литовцы, и татары, но мы называли их русскими, подразумевая под этим всех советских людей. Одни из них убежали из фашистских лагерей смерти, других освободили наши партизаны из немецких трудовых лагерей. Все они были олицетворением жгучей ненависти к фашистам. Мы, партизаны, как родных братьев и сестер, принимали их в свои ряды. И они показали исключительную храбрость, отвагу и мужество, товарищество и подлинный героизм. От них же мы, югославы, узнавали правду о Советской стране — первом в мире государстве рабочих и крестьян...»

«Копаясь однажды в архиве, — продолжал М. Павлин, — я нашел сведения об одном из таких советских граждан. Его зовут Гаридов Николай. Это настоящий герой. Он был известен под именем «партизан Никола-рус». Но дальнейшая его судьба неизвестна...»

После длительных поисков мне удалось встретиться с «партизаном Николаем-русом». Николай Павлович Гаридов, ныне бухгалтер колхоза, поведал мне о своем боевом пути. В этом очерке хочу рассказать об одном боевом эпизоде из его партизанской жизни на югославской земле.

Зимой сорок третьего года командующий партизанской зоной Словении приказал 28-й дивизии штурмом овладеть городом Кочевье — узлом сопротивления немецко-фашистских оккупантов на стратегически важной магистрали Любляна — Триест. Брать укрепленный город должна была 8-я ударная бригада, а другие части дивизии — прикрывать и поддерживать ее огнем.

В ночь перед штурмом партизаны, совершив нелегкий горный переход, скрытно заняли исходные позиции — лесистые ложины в горах, окаймляющих подковами город с севера и юга. Как всегда,

перед боем комбриг и комиссар пошли к бойцам, чтобы каждому подразделению поставить конкретную задачу.

— Никола-рус, — обратился капитан Гёже к исполняющему обязанности взводного Николаю Гаридову, — командование поручает тебе с разведчиками взять в Кочевье железнодорожный мост. Ты знаешь, что это главный опорный пункт вражеского гарнизона. С обоих концов моста — дзоты, минометы, пулеметы, колючая проволока, прожектора. Очень трудно будет, но надо. Ты понимаешь, другарь Никола-рус, очень надо и... малой кровью. Вас поведет наш человек, из местных...

— Ясно, товарищ комбриг! — ответил Гаридов. — Раскусим и этот «орешек»!

— Кого возьмешь с собой?

Николай назвал семь словенцев-разведчиков, которые не раз ходили с ним в самое некло боя.

Спустя час восьмерка разведчиков уже шла в непроглядной ночи след в след за проводником через минные и всякие другие ловушки, которыми были усеяны все подступы к Кочевью.

— Подходим к городу, — вдруг одним губами прошептал проводник Николаю Гаридову. И словно бы в подтверждение его слов тишину ночи нарушило цоканье кованых сапог по булыжникам. Луч карманного фонарика мазанул по стене какого-то здания. Отчетливо послышалась немецкая речь... Казалось, еще мгновение — и стычка неизбежна. Но патруль вдруг свернул в сторону и так же неожиданно исчез в темном лабиринте улиц, как и появился.

Плотно прижимаясь к стенам домов, разведчики продвигались к центру Кочевья, где находился железнодорожный мост. Город казался вымершим. Едва в ночную тьму стала вылетаться синева рассвета, как разведчики увидели силуэты ферм моста.

— Пришли, — шепнул проводник.

— Добре, другарь! — пожал ему руку Николай.

Чтобы захватить мост, необходимо было незамеченным пересечь площадь. Решили ползти по-пластунски. Где-то на середине пути тишину ночи нарушил испуганный сонный голос:

— Вер ист хир?! (Кто здесь?!)

— Патруль! — ответил Гаридов по-немецки и, понимая, что промедление — гибель, вскочил во весь рост и громко крикнул:

— Вперед, ребята! Ура!

С первыми лучами солнца город был в руках партизан. Лишь остатки фашистского гарнизона укрылись в церкви, обнесенной высокой и толстой каменной стеной. Но и они были блокированы народными мстителями.

— Ай да молодцы, ай да орлы! — крепко обнимали Николая Гаридова и его боевых друзей комбриг и комиссар, пробившись с группой автоматчиков к мосту. — Такую цитадель взяли! Ключи к городу! И ни единой царапины! Всех представим к наградам!..

В это время к капитану Гёже подбежал связной и доложил,

что, по данным разведки, к Кочевью с двух сторон — от Любляны и Триеста — прорвались эсэсовские подразделения. Чтобы выиграть драгоценное время, необходимое для спасения освобожденных из гестаповских застенков патриотов, вывоза трофеев и, наконец, для отхода бригады в горы, надо было во что бы то ни стало задержать врага на подступах к городу.

Выбор снова пал на взвод разведки. Прибыв с разведчиками в указанный командованием пункт, Николай понял, что успех предстоящего неравного, тяжелого боя будет во многом зависеть от правильно выбранной позиции и расстановки бойцов. На предварительно заминированном железнодорожном полотне, с одной стороны которого были крутые, неприступные горы, а с другой — автострада Любляна — Кочевье — Триест, он оставил лишь одного автоматчика. Ему была поставлена задача отвлечь на себя внимание гитлеровцев, когда они пойдут в наступление. Остальные рассредоточились, чтобы иметь возможность маневрировать на пересеченной местности вдоль «бетонки», держа ее под прицелом. В полдень из-за поворота, зловеще урча моторами, появились вражеские танки. И вскоре же раздались оглушительные взрывы: это сработали партизанские мины. Головная бронированная машина с крестами на башне качнулась, развернулась поперек шоссе и замерла, ткнувшись стальным хоботом в кювет. Остальные танки остановились. Находящийся на них десант автоматчиков открыл сильный, беспорядочный огонь. Под его прикрытием с подошедших машин стали прыгивать солдаты. Они, на ходу развертываясь в цепи, двинулись на Кочевье. Партизаны молчали, не выдавая себя. Но вот, подпустив гитлеровцев к указанному ориентиру, яростно застрочил их товарищ, замаскированный у «железки». После каждой очереди он менял позицию. И гитлеровцы попались на партизанскую удочку: не прекращая движения, они стали разворачиваться к железнодорожному полотну, оголив свой левый фланг и тыл, сосредоточив весь огонь на железной дороге, предполагая, что там главные силы народных мстителей. Николай Гаридов выжидал, взяв эсэсовского офицера, подгонявшего солдат, на мушку.

И когда фашисты собирались броситься на невидимого, будто бы скрывающегося за железнодорожной насыпью противника, заговорили пулеметы Гаридова и его боевых друзей. Черная дуга сломалась. Мгновение — и ошеломленные эсэсовцы побежали...

За мужество, проявленное в бою, разведчикам перед строем были вручены награды. Сам комиссар Лука прикрепил Николаю Павловичу Гаридову на грудь югославский орден «За храбрость». И кажется весьма символическим тот факт, что высокую награду сражающейся Югославии вручал советскому воину старый югославский коммунист — участник Октябрьской революции и гражданской войны в России. И говорил он при этом о преемственности поколений интернационалистов, об их верности своему долгу.

*Всем
смертям
назло*

— Завтра к нам болгарские студенты приезжают, — сказала Тania отцу. — Из Софийского электротехнического института. Будут работать с нами на реконструкции нефтеперекачивающей станции. А ты ведь, папа, воевал в Болгарии?

— Верпо, — сказал Дмитрий Васильевич. — В партизанском отряде «Спартак». Пристал к нему после побега из концлагеря... А это вы хорошо придумали со студенческим отрядом. Мы воевали бок о бок, а дети наши будут строить плечом к плечу. Об этом когда-то мечтал мой боевой друг Христо Корчагин...

— Корчагин?

— Да. Только не настоящая это, а партизанская его фамилия... Меня ведь тоже звали иначе.

— А как?

— Орленок. Димитр Орленок.

— Здорово! А где он сейчас, Корчагин из Болгарии?

— Погиб Корчагин, — тихо сказал Дмитрий Васильевич. — На моих глазах погиб...

* *
*

Дмитрий Перетякин начал войну под Москвой, провоевал все тяжелое лето сорок второго, отступал к Волге, затем гнал врага от ее берегов. Во многих боях участвовал, а в госпитале не побывал ни разу. В июне сорок третьего, накануне Курской битвы, во время ночной разведки перетякинская тридцатьчетверка напоролась на минное поле.

Тяжело контуженный танкист не помнил, как выбрался из поврежденной машины, как полз по степи и как в беспамятстве был схвачен врагами. Чудом выжил, чудом уцелел в пересыльных лагерях, оказался в Румынии. Бежал, был пойман, по дороге в концлагерь снова бежал. Долго бродил в горах, а потом его подобрала болгарские партизаны. Было это уже близко к лету сорок четвертого года.

...Они — Орленок и Корчагин — получили задание командира доставить пакет с важными сведениями в расположение приближавшихся частей Красной Армии. Надо ли говорить, с какой радостью воспринял этот приказ Димитр! Ведь он встретится со своими, выйдет к передовым отрядам Красной Армии как воин, с оружием в руках... Радовался этому и его друг Христо.

Удача сопутствовала партизанам до тех пор, пока они не достигли реки. Мост находился в руках гитлеровцев, и нечего было думать по нему перейти на другой берег. Решили попытаться выше по течению. Друзья разыскали в камышах лодку, перепрыгали ее на новое место, с тем чтобы вернуться сюда, когда стемнеет.

Просидев до темноты в укрытии, Димитр и Христо направились к спрятанной лодке. Продираясь к реке через заросли кустарника, Христо вдруг заметил светлячок чьей-то сигареты. И тут же до партизан доносилась немецкая речь.

Димитр тронул Корчагина за плечо: давай, мол, отходить. И вдруг Христо оступился, взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, и с шумом рухнул на землю. Таиться больше не имело смысла, и партизаны бросились от реки со всех ног. Вслед им застучали автоматы. Потом очередь хлестнула откуда-то спереди. Пришлось залечь. Вскоре партизаны поняли, что окружены с трех сторон. С четвертой была река.

Димитр перестал стрелять и сказал товарищу:

— Беги к реке, Христо! Я прикрою. Береги пакет...

Он супул Корчагину маузер, взял его автомат и сменил позицию. Теперь Димитр отстреливался из двух автоматов, заставляя врагов думать, что в их окружении по-прежнему двое. Тут и ударила пуля в левое плечо. Ранение было скользящим. Рукав быстро пропитался кровью. Димитр перестал стрелять и одну за другой швырнул в гитлеровцев две гранаты. Воспользовавшись замешательством врагов, он рванулся к реке и лег за огромный валун. Камень хорошо защищал партизана от вражеских пуль. И в этот миг, как назло, из-за туч выглянула луна. Она осветила и его, и Христо Корчагина. Трассы пуль тут же хлестнули по ним.

Димитр метнул последнюю гранату, чтобы отвлечь внимание гитлеровцев от своего товарища. Но это уже не могло спасти друга Христо. Теперь стреляли только по нему, и Димитр, лишенный возможности помочь другу, хорошо видел, что пули достигали цели. Сзади послышался легкий шорох, и партизан, не успев оглянуться, теряя сознание, уронил голову на камень.

...О предстоящей поездке в Советский Союз Димитр Василев узнал незадолго до отъезда. Отцу он сказал об этом в тот же день.

— На Урал? — переспросил Василев-старший и заволновался. — У меня ведь друг был оттуда... Помнишь, я рассказывал тебе? Да-да, он как раз родом из Челябинска. Когда я похоронил его, поклялся, что сына назову в его честь Димитром. Ты носишь его имя. Имя Димитра Орленка. Так звали его партизаны.

И отец в который раз рассказал сыну о том, как они сражались в одном отряде и как однажды получили приказ доставить важный пакет приближавшимся частям Красной Армии.

— До сих пор не могу себе простить, что так случилось на том берегу...

— А если бы вы оба погибли и не выполнили приказа? — возразил сын.

— Это верно, сынок. Пакет тогда я доставил...

И Христо Василев рассказал сыну о том, что произошло дальше.

Когда фашисты начали стрелять по нему, он бросил на воду фуражку, а сам нырнул и отплыл в сторону. Появлялся на поверхности лишь для того, чтобы набрать воздуха. Так он добрался до берега и скрылся в лесу. А на рассвете двинулся вдоль дороги к деревне.

Вот тут-то ему и довелось в последний раз увидеть Орленка. На крыльцо крайнего дома вышел офицер, а следом за ним солдаты вывели избитого до крови человека. Это был он, болгарский партизан Орленок.

Его поставили посреди двора у края выбитой взрывом воронки, а напротив него, выстроившись в ряд и вскинув автоматы, встали четверо гитлеровцев. И вдруг над деревней появились советские штурмовики. Они поливали разбежавшихся фашистов пулеметным огнем, бросали бомбы. Орленок по-прежнему стоял у края воронки с гордо поднятой головой. Гитлеровский офицер затравленно метался по двору. Затем он поднял автомат и выстрелил в Димитра. Партизан вскинул руки и упал в воронку.

Когда из-за леса показалась новая волна штурмовиков, не выдержал и офицер. Он побежал в сторону укрывшегося в придорожных кустах Христо. Маузер Димитра не подвел партизана.

Христо, оплатив фашисту за смерть русского друга и боевого товарища, скрылся в лесу.

— Вот такая история, сынок, — Христо обнял сына и добавил: — Будешь в Челябинске, попытайся узнать что-нибудь о родных Орленка. У меня сохранилась фотография, на которой мы сняты с ним вдвоем. Возьми, глядишь, пригодится...

* *

*

Дмитрий Васильевич и Мария Андреевна Перетякины уже давно ждали приезда Тани со строительства. Ждали ее не одну, а с одним, как писала Таня, хорошим парнем. И вот эта встреча произошла.

— Папа, мы приехали. Здравствуй! — Таня шагнула навстречу отцу. — Знакомься, это твой болгарский тезка...

— Димитр Василев, — представился Перетякину юноша.

Взглянув на гостя, Дмитрий Васильевич вдруг побледнел.

— Что с вами? — испугался Димитр и помог ему сесть в кресло.

— Сейчас, ребятки, сейчас... — проговорил Дмитрий Васильевич. — Померещилось что-то... Ну, здравствуй, другарь! Как, говоришь, зовут-то?

— Димитр Василев.

— И правда, тезки, значит...

Потом, когда сели за стол, Перетякин сказал:

— Знаешь, Димитр, ты похож на одного моего погибшего в войну друга. Партизанили вместе...

— Мой отец тоже партизанил. Он много рассказывал мне о своем друге с Урала. Из вашего города был. Его расстреляли фашисты. Меня и называли-то его именем.

— А как зовут отца? — спросил Дмитрий Васильевич.

— Христо...

— Постой! — почти закричал Перетякин. — А Василев — фамилия настоящая или партизанская?

— Настоящая... В отряде его называли Корчагиным...

— Нет! — Дмитрий Васильевич протестующе поднял руку. — Христо Корчагин погиб! Я сам это видел!

Теперь побледнел гость Перетякиных.

— Тогда вы — Орленок? Димитр Орленок?

— Да...

В квартире стало тихо. Потом Димитр сказал:

— Перед отъездом отец дал мне вот эту фотографию. Вы узнаете ее?

— Еще бы не узнать!

— Но как вы воскресли из мертвых? — спросил после паузы Димитр. — Ведь отец видел, как вас расстреливали.

Перетякин вздохнул, развязал галстук и распахнул ворот рубашки. Через всю грудь, выше сердца тянулись следы пуль.

— Высоковато взял фашист. Христо посчитал меня мертвым, а я вот выжил. Подобрали меня наши, определили в госпиталь. Раны затянулись, и я еще успел повоевать... Будапешт брал...

А вечером был телефонный разговор. Челябинский Орленок говорил со своим другарем из Софии Христо Корчагиным.

Родословная коммуниста

...Передо мной удивительное по своей трогательности письмо бойцов 16-й стрелковой дивизии, которой командовал прославленный герой гражданской войны В. И. Киквидзе и которая впоследствии носила его имя, — бойцов, по разным причинам потерявших с ней связь:

«Убедительно просим перевести нас в состав 16-й дивизии, так как эта дивизия слишком родная, с этой дивизией мы пережили все тяготы и лишения боевой жизни на Украине и на Дону в течение целого года, она умеет ценить нашу заслугу перед революцией. Это есть просьба всех товарищей интернационального полка 16-й дивизии имени Киквидзе. Надеемся, что на ходатайство наше будет обращено внимание и мы, соединившись со своей дивизией, снова будем драться за интересы рабочих и крестьян».

Второй интернациональный полк в основном состоял из чехословаков, а первым чехословацким отрядом в то время здесь командовал Ченек Грушка. Об этом письме и о самом Ченеке Грушке я впервые узнал, когда пришлось работать над материалом об интернациональной солидарности чехословацкого и русского пролетариата. Затем в мои руки попала книга Яр. Кржижека «Пенза. Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев». В самом конце книги автор писал: «13 ноября 1957 года в Пензу приехала чехословацкая делегация, чтобы возложить венок на братскую могилу героев гражданской войны. Эту делегацию возглавлял член ЦК КПЧ генерал-лейтенант Ченек Грушка, активный участник гражданской войны в Советской России».

Вот и все, что мне было известно в то время о Грушке. И даже то — жив ли он сейчас, я не знал: книга как-никак вышла много лет назад...

Но вот на прилавках магазинов появилось новое издание книги Людвика Свободы «От Бузулука до Праги». На 174 странице наталкиваюсь на знакомую фамилию: «В этот день (речь идет о сентябре 1943 г. — Е. Ф.) в ряды бригады вступили Иржина Швермова и Ченек Грушка, сын которого уже раньше пришел к нам рядовым бойцом»,

Потом в газетах я прочитал небольшую информацию ТАСС о том, что в Измайловском парке Москвы состоялась встреча молодежи столицы с чехословацкой военной делегацией. На встрече выступил полковник Богумил Грушка. А может быть, это и есть сын Ченека Грушки?..

Звоню в посольство ЧССР в Москве. Разговариваю с военным атташе. В ответ слышу: «Да, это сын генерала».

...И вот полковник Богумил Грушка рассказывает о своем отце, совсем немного и неохотно — о себе.

* *
*

В Волгоградском краеведческом музее на одном из стендов висит фотография с надписью: «Командир первого интернационального отряда, участвовавшего в обороне Царицына». Это Ченек Грушка.

Отряд он принял весной 1918 года, после того как был ранен русский командир. Так началась его фронтовая красноармейская жизнь. Именно красноармейская, потому что солдатскую он уже повидал — в империалистическую в австро-венгерской армии. Потом попал в плен. Был батраком у кулака в астраханской степи. Когда началась гражданская, сразу же вступил в красноармейский отряд. Было это в Николаевской слободе, маленьком городке на Волге. В отряде большинство бойцов — чехи и словаки. Перед отправкой на фронт местный Совет рабочих и крестьянских депутатов торжественно вручил интернационалистам Красное знамя.

Первый бой под Царицыном. Перед самой атакой, впоследствии вспоминал Ченек Грушка, к нам пришел пожилой русский артиллерист и сказал просто, по-дружески: «Так что, товарищи, пойдем в наступление. Вы поможете нам сохранить Царицын».

В 1919 году Ченек Грушка — на Дону, во втором интернациональном полку дивизии В. И. Киквидзе. Именно об этой части легендарный комдив говорил: «Полк этот действительно могу назвать боевым и славным — в боях люди дрались как львы, не щадя жизни».

Бои за Советскую власть. О них участники этих боев помнят до конца своих дней. Потому что это была школа жизни. И не случайно Грушка напишет такие слова: «Участие в гражданской войне послужило для наших людей огромной жизненной и революционной школой. Эта школа нам пригодилась. Мы учились у советских людей, как надо защищать свою родную власть».

А в самой Чехословакии нарастал накал классовой борьбы. Ее активным участником был и коммунист Ченек Грушка, вернувшийся на родину. Этот период его жизни именуется в анкетах кратко — партийная работа.

— В 1933 году, — рассказывает Богумил Грушка, — отца осудили за коммунистическую деятельность, и он вынужден был

уйти в подполье. Тогда же руководство КПЧ нелегально переправило всех нас в СССР. Отец стал работать в Коминтерне. Началась наша жизнь в Москве. В доме у нас нередко бывали Димитров, Готвальд, Мануильский.

Закончив семь классов, Богумил пошел в ФЗУ при Московском автозаводе. Получив профессию токаря-универсала, он так и остался трудиться на заводе: был паладчиком, мастером смены... Старший брат, Йозеф, в это время уже сражался в Испании. Младший, Владимир, еще учился в школе...

Великая Отечественная война. В первые же дни уходит добровольцем Йозеф (после Испании он вернулся в Москву, учился в техникуме). В Бузулуке одним из первых в батальон Людвика Свободы вступает Богумил. (Окончив школу, шестнадцатилетним подростком в Чехословацкий корпус придет и Владимир.) В Бузулуке в 1942 году Богумил стал членом Коммунистической партии Чехословакии. В то время коммунистов в батальоне было всего человек тридцать.

Первое боевое крещение чехословацкого батальона — бой за Соколово, недалеко от Харькова. Этот бой стал первым и для ефрейтора Богумила Грушки. А потом были еще и еще бои. И он помнит их все. Все до одного. Хотя первый, под Соколово, наверное, ярче всех. И последний — в 1945-м в родной стране, под Микулашем.

Отец и Владимир закончили войну в Праге. Йозеф возвратился домой с партизанами. В 1945 году семья Грушки наконец собралась вместе.

— Так уж распорядилась судьба, — продолжает Богумил, — что все мы с тех пор так и остались в армии. И все трое стали полковниками. Правда, Йозеф уже в отставке. Владимир — заместитель начальника войск связи, я работаю в военкомате 1-го района Праги. Отец был начальником политотдела округа, начальником Главного политуправления чехословацкой Народной армии, заместителем министра национальной обороны, а последние годы жизни — председателем чехословацкого ДОСААФ. Умер Ченек в 1965 году.

...На кителе полковника Богумила Грушки в несколько рядов планки ленточек боевых наград. Пять чехословацких орденов и один польский, семь чехословацких медалей и три советские. Бросается в глаза новенький орден. Заметив мой взгляд, полковник пояснил: «Это орден Красного Знамени. Получил перед самым отъездом».

— Кто его вам вручал?

— Людвик Свобода. В Пражском Граде.

Уже потом я узнал, за что присуждается эта одна из высших воинских наград ЧССР: «За чрезвычайные заслуги в обеспечении высокой обороноспособности чехословацкой Народной армии».

— Одним из самых памятных дней войны, — вспоминает полковник, — стал для меня день, когда был подписан советско-чехо-

словацкий Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Это было 12 декабря 1943 года. Мы находились под Киевом. Я был начальником связи истребительного противотанкового артиллерийского полка. И конечно, для нас, коммунистов, с этого дня не было более важной политической задачи, чем разъяснить значение этого договора. Опыт политической работы тех лет пригодился нам и в тревожные августовские дни 1968-го. Снова пришлось объяснять и доказывать, что только тесное сотрудничество с советским народом — залог нашего счастья и всех наших успехов. Мы не были бы свободными, если бы не было Советского Союза...

Я слушал эти слова коммуниста Богумила Грушки и вспоминал слова его отца, коммуниста Ченека Грушки. Слова, которые он написал когда-то в книге почетных гостей Пензенского областного краеведческого музея: «После осмотра музея... нас наполнила гордость за то, что революционный чехословацкий полк защищал город от охваченных националистическим фанатизмом чехословацких легионеров. С другой стороны, жестокости, совершенные чехословацкими легионерами, служат для нас уроком. Они напоминают нам о том, что мы должны постоянно укреплять дружбу между чехословацким и советским народами».

Разные слова. Разное время. Но суть одна.

Хуго Барс и другие

Это было в 1945 году. Времени прошло уже немало, а ведь все помнится. Действительно все.

Хуго Барс и я, не веря самим себе, стояли в самом центре поверженного фашистского Берлина, на углу Уинтер-ден-Линден и Фридрихштрассе. Улиц не было — хребты битого щебня заменили их. Над городом висела неправдоподобная тишина. Мы совсем от нее отвыкли. Да, тишина. Хуго ей не очень верит. И я тоже. Да и как поверишь, если за спиной — война, а перед тобой — долгожданный Берлин. Без Гитлера и Гейбельса...

Я гляжу на Хуго, и, кажется, он тоже думает об этом. Столяр, хлебнувший в этой гитлеровской войне все, что, кажется, можно хлебнуть, он чудом уцелел в боях. Я встретился с ним два года назад, в 1943-м. Хуго кое-что понял на войне и стал антифашистом. Свели нас с ним боевые дороги. Вместе, как говорится, хлебали щи в партизанах и ждали этой минуты. Неужели она наступила? Поверженный Берлин — и мирное солнце над его камнями...

— Значит, пора нам расставаться, Иван? — спросил Хуго.

— Как видишь, пора. Дожили. Дошли.

— Да, вижу. Дожили. Это очень хорошо. Может быть, когда-нибудь еще встретимся. Здесь же, в Берлине.

Неужто три десятка лет прошло? Я ни разу с той поры не был здесь и сейчас ничего узнать не могу. Но ведь у меня есть давний гид, и мы с ним тогда условились походить по городу. А ну-ка телефон Хуго...

Вхожу в автоматную будку на Карл-Маркс-аллее и звоню.

— Иван, ты ли это? — слышу голос Хуго.

— Да, я. Приехал...

— Как это хорошо. Подожди меня. Я сейчас.

Вскоре мы с Хуго уже ходили по городу — новому городу. Таким стал Берлин — столица ГДР.

Я прошу Хуго провести меня на Александер-плац. Он улыбнулся:

— Хочешь свой наблюдательный пункт найти? Нет, не найдешь. Все вокруг ново.

Действительно, не узнать площади. Лишь старая городская железная дорога, которая проходит по насыпи недалеко от площади, напомнила мне о фронтовом Берлине.

Хуго ведет меня к тому месту, где весной сорок пятого мы расстались. Вот и Унтер-ден-Липден. В блеске стекла и алюминия новых домов, в тугой зелени молодых лип трудно узнать улицу.

Мой друг остановился у красочной театральной афиши.

— Вот здесь мы тогда с тобой стояли. Помнишь, справа возвышалась гора кирпичца, а сейчас, как видишь, — здание Комической оперы.

До вечера ходили мы по улицам Берлина. Заходили в магазины, кафе. Постояли, закинув головы, у телевизионной башни высотой 320 метров. Из устроенного наверху кафе открывается широкая панорама.

Вечером мы сидели дома у Хуго. Его жена Маргарита подавала кофе, а Хуго все рассказывал и рассказывал о своей работе в Обществе германо-советской дружбы.

Было уже поздно, я собирался уходить, но Хуго попросил еще немножко посидеть. Он подошел к книжному шкафу и извлек оттуда кипу картонных листов большого формата, на которых были наклеены фотографии, листовки, письма военных лет.

— Узнаешь?

Да как же не узнать? Ведь это были письма белорусских партизан, фотографии нашей группы № 117 в тылу врага в 1944 году в Налибокской пуще...

— Сам подготовил, — с гордостью заявил Хуго. — Уже 25 раз демонстрировали эту выставку.

В последующие дни я встретился и с другими моими немецкими боевыми друзьями-антифашистами — соратниками по совместной партизанской борьбе в тылу гитлеровцев в суровые дни войны Гербертом Генчке и Феликсом Шефлером. Фронтная судьба свела меня с ними в начале 1944 года.

Как-то в Центральном партизанском штабе стало известно, что группа немецких антифашистов из Национального комитета «Свободная Германия» изъявила желание вылететь в тыл врага, чтобы совместно с советскими партизанами бороться против гитлеровцев. В те дни я только что вернулся со своей группой десантников с очередного боевого задания. И вдруг меня вызывает полковник Белов.

— Присаживайся, — сказал мне полковник. — Я тебя пригласил вот по какому поводу. Ты как-то выразил желание вылететь в тыл врага с немецкими антифашистами. Такая возможность сейчас есть.

Назавтра в доме Национального комитета «Свободная Германия» состоялась встреча нашей группы десантников с немецкими антифашистами. Председатель комитета Эрих Вайперт, представляя двух молодых немцев, сказал:

— Это товарищи Герберт Генчке и Эрнст Апель. Они будут действовать в тылу вместе с вами.

Потом Вайнерт представил нам Хуго Барса, Феликса Шефлера, Карла Ринагеля. А через несколько минут в комнату вошли товарищи Вальтер Ульбрихт и Манушльский.

Вальтер Ульбрихт поделился своими мыслями об организации антифашистской работы в тылу врага. Он напомнил, что необходимо с помощью листовок информировать массы немецких солдат о целях Национального комитета и о времени вещания радиопередатчика «Свободная Германия». Нужно выявлять в частях вермахта надежных связных, а во время боев действовать так, чтобы немецкие солдаты во избежание бессмысленной гибели прекращали сопротивление и складывали оружие. И подчеркнул, что успех будет во многом зависеть от того, как нашим группам удастся наладить тесное сотрудничество с партизанами и населением.

Вскоре наша группа № 117 получила снаряжение и парашюты. Затем к нам пришел полковник, начальник полкоттдела армии, а с ним Макс Эмендерфер, который был уполномоченным Национального комитета «Свободная Германия» на участке 1-го Белорусского фронта. Мы обсудили с ними все, что нам предстояло сделать в ближайшее время. Когда обсуждение закончилось, полковник сказал:

— Ну, хорошо, если все решили, то теперь я прошу вас, товарищ Эмендерфер, привести товарищей к присяге.

Макс Эмендерфер встал. За ним поднялись остальные.

— Товарищи, — обратился к немецким членам нашей группы Эмендерфер. — Сейчас я прочитаю текст нашей антифашистской присяги. Для клятвы прошу поднять правую руку...

«Я, сын немецкого народа, клянусь, что буду бороться до тех пор, пока не будет низвергнут антинародный гитлеровский режим. Я буду самоотверженно выполнять порученные мне задания, не щадя при этом своей жизни...»

Около шести месяцев наша группа, в которую входили капитан Алексей Козлов, старший лейтенант Галина Хромущина, радисты Владимир Губин и Дмитрий Стенько, Феликс Шефлер, Герберт Генчке, Карл Ринагель, Хуго Барс, действовала в Налибокской пуще, что западнее Минска. Нами были подготовлены и распространены в гитлеровских гарнизонах 56 тысяч антифашистских листовок и воззваний.

Много и других дел было совершено. Помню, во время отступления гитлеровцев подходит ко мне Феликс Шефлер:

— Товарищ капитан, разрешите провести одну операцию. Возьму на себя роль регулировщика и направлю какую-нибудь проходящую фашистскую часть к нам, партизанам.

Предложение понравилось. Мы тщательно обсудили все детали и дали Феликсу добро.

На следующий вечер Шефлер занял пост на перекрестке, а в кустах замаскировались две группы партизан. Ждать пришлось

довольно долго. Но вот послышалось шарканье кованых сапог по мостовой и немецкая речь.

Когда колонна приблизилась к перекрестку, Феликс поднял руку. Это был полк, в котором оставалось не более 400 солдат. Шефлер отдал честь командиру и доложил:

— Эта дорога перерезана противником. Указание командования — следовать в обход через лес.

— Проклятье, — выругался командир и приказал сворачивать на проселок. А тут уже полными хозяевами были мы. Когда колонна углубилась километра на два в лес, перед ней появился Герберт Генчке. Он обратился к солдатам:

— Прошу выслушать меня спокойно и без страха. Я пришел к вам для того, чтобы спасти вас от неминуемой смерти, сохранить вашу жизнь для ваших отцов и матерей, для жен и детей, для народа, обманутого Гитлером...

Командир полка схватился за пистолет. К нему подскочили Ринагель, Барс и другие — все в немецкой форме.

— Где мы? — спросил один из солдат.

— Вы находитесь среди партизан, — пояснил Хуго Барс. — И я, бывший солдат, гарантирую вам безопасность, если сдадите оружие.

В это время из-за укрытия вышли наши партизаны. Пораженные случившимся, солдаты начали складывать ручные пулеметы, автоматы, гранаты, ножи. Полк сдался. Германское командование было вынуждено вычеркнуть из своих документов целую часть.

Успешно прошли и другие операции. А в июле 1944 года мы соединились с передовыми частями 1-го Белорусского фронта.

Сейчас Феликс Шефлер — контр-адмирал Народного военно-морского флота Германской Демократической Республики. Что же касается Герберта Генчке, то он ныне полковник министерства государственной безопасности ГДР. Карл Ринагель живет в Вене, состоит в Коммунистической партии Австрии.

...Будучи недавно в ГДР, я вновь повидался и с Хуго Барсом, и с Феликсом Шефлером, и с Гербертом Генчке. Встречи с боевыми друзьями всколыхнули воспоминания военных лет. Ведь именно в ту суровую пору закладывался фундамент нерушимой братской дружбы, которая ныне связывает нас с трудящимися Германской Демократической Республики, превратившейся в форпост социализма в центре Европы.

О чем шепчутся ивы...

Мне нередко приходится бывать на Житомирщине, в старинном городке Овруче, где живут и трудятся мои друзья по партизанской борьбе. Там, в городском парке, высится памятник. На постаменте надпись: «Ян Налепка-Репкин, Герой Советского Союза, Национальный герой Чехословакии». Далее следуют даты короткой и яркой жизни. Рядом склонились плакучие ивы. Взглянешь на все это, и в памяти оживают далекие, дорогие сердцу дни...

Зимой 1942/43 г. наши партизанские отряды, которыми командовали прославленные герои С. А. Ковпак и А. Н. Сабуров, только что завершили тысячекилометровый рейд по тылам врага и в полесской глуши обживали будущий район боевых действий. У лесной деревушки Селизовки соорудили аэродром. Сюда должны были прибыть самолеты, доставить оружие и боеприпасы, в которых мы испытывали изрядную нужду.

Шло время, а самолетов все не было. Между тем стали поступать тревожные вести: в окрестных городах и селах концентрируются крупные силы карателей. Уходить было поздно, и бойцы-партизаны стали готовиться к жаркой схватке.

Бой разгорелся вечером 31 декабря. Очереди гитлеровских крупнокалиберных пулеметов буквально не давали поднять головы. А вскоре раздалась артиллерийские залпы. Но что это? Снаряд за снарядом перелетают через лагерь партизан и рвутся в расположении эсэсовцев. Комиссар партизанского соединения З. А. Богатырь сообразил:

— Это, очевидно, бьет словацкая артиллерия. — И многозначительно добавил: — А она часто ошибается...

Между тем на главном направлении каратели наседали на нас. Уже зацепились они за окраинные хаты, и те одна за другой запольхали в ночи ярким, зловещим огнем. Шаг за шагом отходили партизаны, а затем бросились на прорыв. Туда, куда били словацкие пушки. И вырвались из огненного кольца.

Тогда, в зимнюю пору, я еще мало знал о словацкой воинской части, на которую гитлеровцы возложили задачу нести оккупационную службу в здешних местах. Бывало, друзья-подрывники рассказывали о том, как словаки-солдаты, несшие охрану на железной дороге, помогали им осуществлять диверсии: делали вид,

что не замечают партизан, а то и вместе с ними минировали полотно. И верилось, и не верилось... И вот теперь — пожалуйте. Словацкие артиллеристы, несомненно, помогли нам.

До сих пор помнится то ясное солнечное утро, когда затерянная в лесной чаще деревенька Чапаевка гудела как улей. Люди, почти за два года оккупации разучившиеся даже громко разговаривать, теперь шумели, словно дети. Девчата бойко поглядывали на молодых партизан, и те под их взглядами торопливо одергивали френчи и гимнастерки. Казалось, все ждали чего-то необычного.

Вдруг кто-то громко закричал:

— Едут, едут!

И двинулись все к околице, где уже показалась группа всадников. Узнаю среди них генерала Сабурова, комиссара Богатыря. Тут же с ними — офицер в незнакомой форме. Кожаное пальто, высокая фуражка, острый взгляд сквозь стекла очков.

— Кто это? — спрашиваю знакомого партизана.

— Да это и есть Ян Налепка-Репкин. Главный у словаков. Помнишь Селизовку? Он тогда здорово выручил нас!

Тем временем всадники приблизились. Стройный и ловкий Ян Налепка поднялся на стремянах, снял фуражку и, поклонившись, взволнованно сказал:

— Здравствуйте, великодушные братья!

И сразу аплодисменты и голоса слились в сплошной гул. Встретились братья по крови, товарищи по оружию, чтобы в едином строю бороться против общего врага.

Больше видеть Яна Налепку мне не довелось. Зато напомнил он о себе всякий раз.

Долг службы забросил меня скоро в другое партизанское соединение, которым командовал В. А. Андреев. Оно завершало формирование и имело задачу совершить по тылам врага много трудный рейд на юг.

Как-то под вечер мне, назначенному начальником разведки отряда, пришлось услышать любопытный разговор. Командиру нашего отряда докладывал рослый парень, одетый в такую же форму, какую носил Ян Налепка. Рядом с ним стояла девушка. Один за другим перечислялись пункты, где располагались вражеские гарнизоны, сообщались данные об их численности и вооружении. Наконец доклад окончен, и командир отряда похвалил:

— Молодец, Юра. И тебе, Нина, спасибо!

Что парень и девушка действуют в разведке на пару — обычное у партизан явление. Да и чужеземная одежда на разведчике часто приходится кстати. Но я очень удивился, когда после ухода разведчиков командир сказал мне:

— А знаешь, этот парень, Вранский, — словак. А Нина, его жена, белоруска.

Мне захотелось познакомиться с ними поближе. Такой случай вскоре представился.

Я рассказал Юрию Вранскому о схватках в Селизовке, где артиллеристы-словаки стреляли мимо партизан, по эсэсовцам. Тот сразу оживился:

— О, Селизовка! Как не помнить такое? Оттуда все началось!

Оказывается, тогда перед самым боем у них на батарее появился капитан Налепка — начальник штаба полка. Он осмотрел пушки, а затем начал не на шутку распекать артиллеристов за разные неполадки. Командир батареи сам встал за прицел одного из орудий. Потом доложил Налепке: приказание, дескать, выполнено!

И вот на батарее грянул первый залп. Налепка, вслушиваясь, сказал: «Добре!» И скомандовал: «Беглым — огонь!»

Вдруг зазвонил телефон. Батарейный о чем-то с кем-то объяснялся. У орудий появился инструктор-гестаповец. Все поняли, что снаряды угодили по фашистам, и втайне обрадовались. Налепка оправдывался — дескать, у артиллеристов такие неточности случаются.

Что же было потом? Фашисты перестали доверять словакам. За ними усилилась слежка. А в один из весенних дней гестаповцы окружили казармы, ворвались к словакам и разоружили их. Выяснилось, что накануне ночью начальник штаба полка капитан Налепка с группой товарищей ушли в неизвестном направлении. Многие, конечно, поняли, что к партизанам.

Фашисты перевели словаков под копвоем на станцию Ельск, поместили в вагоны с зарешеченными окнами.

Двигался поезд, отстукивая по рельсам километры. А ночью Юрий Вранский взялся за дело. Трудно вырезать люк в дубовых досках, но надо во что бы то ни стало. И удалось наконец ему это сделать. Он незаметно выскользнул в узкое отверстие...

Шел и шел, остерегаясь людских глаз. И забрел однажды в какую-то деревню — голод мучил нестерпимо. Окно открылось на стук, и в нем показалось лицо девушки. Она испугалась было чужого мундира, но взгляделась в измученное лицо и сразу сообразила:

— Беднецкий! Я сейчас...

И вот Юра с Ниной Бачевской у нас в отряде. С первого взгляда они полюбили друг друга. Наверное, потому, что встретились в горькую, тяжкую пору, когда во взаимных чувствах, в доверии и поддержке так нуждается каждый.

26 июня 1943 года крупная группировка гитлеровских карателей начала наступление на наш партизанский край, что простирался от Припяти до Шепетовских лесов, от Западного Буга до Киева. Уничтожить партизан огнем и мечом приказал сам фюрер. Назревала битва на Курской дуге, и фашисты пытались обезопасить свой тыл.

Бои не прекращались ни днем ни ночью. Пылали села и деревни, лилась кровь. Отряды партизан стояли насмерть и напустили по врагу удар за ударом.

В те дни Юрий и Нина всегда были вместе. Он — командир взвода, она — рядовой боец. Их небольшая группа под городом Туровом оказалась в окружении. Решили в сумерки идти на прорыв. Когда настало время, Нина первой поднялась в атаку, полоснула очередью из автомата, бросила гранату — и упала наземь, обливаясь кровью. Но партизаны уже поднялись во весь рост и хлынули в брешь, образовавшуюся во вражеском кольце. Юра поднял на руки безжизненное тело Нины и двинулся вслед за товарищами. На него бросился фашист. Юрий всадил нож в его горло. И, спотыкаясь, шел и шел дальше...

Юрий не надолго пережил Нину. Осенью, когда отряд выполнял задание близ Шепетовки, у деревеньки Пивнева Гора, в наше расположение, возвращаясь из Карпат, вышла большая часть соединения Ковпака под командой Вершигоры. Вслед за ковпаковцами двигались каратели...

Вновь разгорелись ожесточенные бои. Рассеяв фашистов в одной из стычек, партизаны попытались оторваться от преследователей. Однако не удалось. Перед ними оказался небольшой хуторок, занятый накануне эсэсовцами. С чердака одной из построек брызнул огнем пулемет. Юрий Вранский, оглянувшись на товарищей, воскликнул:

— Наперед, братья!

Это были его последние слова.

Хоронили Юрия на перекрестке лесных просек. У бойцов-партизан катились по щекам слезы. Вершигора сказал:

— Наша кровь, пролитая в борьбе с ненавистным врагом, скрепила братскую дружбу славянских народов навеки, слила ее в единый боевой нерушимый союз. Спи спокойно, пусть тебе наша земля будет пухом, дорогой Юрий, славный друг и боец!

Вырос в осеннем лесу холмик. А живые пошли навстречу новым боям.

С тех пор минуло много лет. Но и поныне, когда мне приходится бывать на Житомирщине, у намятника Яну Налепке, я всегда вспоминаю своих боевых товарищей, с которыми мы вместе добывали победу.

Пирош мадьяр — красный венгр

Несколько лет тому назад в составе группы туристов мне довелось побывать в Будапеште. Столица Венгерской Народной Республики приветливо и радушно встречала нас. Я смотрел и не узнавал города. Готические шпили башен парламента, гора с дворцами и древними зданиями, арки мостов. Все это я когда-то видел в дыму военного пожара, в огне и разрушениях.

...Шел последний год Великой Отечественной войны. Советские воины изгоняли гитлеровцев с венгерской земли. 180-тысячная группировка противника была окружена в Будапеште. Фашисты яростно сопротивлялись. Наша 83-я отдельная Новороссийско-Дунайская трижды орденоносная бригада морской пехоты сражалась в Будапеште. Вместе с нами за свободу своей родины шли в бой венгры.

Это были настоящие патриоты и антифашисты. Из их числа был создан Будапештский добровольческий полк. Солдат этого полка жители города называли «пирош мадьяр» — красные венгры. На груди и на головных уборах они с гордостью носили красные ленты.

В первые дни боев за Будапешт наша бригада вышла к железнодорожной насыпи. Морские пехотинцы тут же назвали ее по-морскому — дамбой. Тяжелые, изнурительные бои развернулись у этой насыпи. Здесь погибли ветераны бригады сержант Ибрагимов, пулеметчик Сорвин, был тяжело ранен наш ротный командир старший лейтенант Калмыков. Оборону фашистов у дамбы удалось прорвать только в феврале. В этом бою в составе нашего батальона участвовали пирош мадьяр — рота венгров-добровольцев во главе с капитаном Неметом.

Нашему 144-му отдельному батальону морской пехоты была поставлена задача прорваться через дамбу на участке между виадуком и Дунаем. Венгерские добровольцы, вооруженные советскими автоматами ППШ, также заняли исходные позиции.

Закончился короткий артиллерийский налет по фашистским окопам на насыпи. Двинулись в атаку стрелковые роты. На ключую проволоку летят гранаты. Дым, грохот разрывов. Сквозь бреши в проволочных заграждениях ползем на дамбу. Из чердачного окна нас крепко поддерживает огнем Ромащенко. В моей

штурмовой группе пятеро: сержант Прокопенко, Федор Давыдов, матрос Богомоллов и совсем юный Вася Сухоборов. Правее дамбу переходит штурмовая группа лейтенанта Ивана Схоменко.

За дамбой красные венгры вырываются вперед. Они берут в кольцо группу многоэтажных домов, но огня не открывают. Над залегшей цепью смело и спокойно поднимается офицер с красным бантом на пилотке и призывает своих соотечественников, находящихся по ту сторону фронта, сдаваться. Венгерские солдаты выходят из подвалов, укрытий.

Красные венгры идут вперед. Время от времени они выкрикивают:

— Мадьяр катана, нэм лени, нэм лени! (Венгерские солдаты, не стреляйте!)

Капитан Немет торопит:

— Эллоре! Эллоре! (Вперед! Вперед!)

Кругом грохот, свист пуль.

Вот перед нами небольшой сквер, огражденный железной решеткой. За ней под прикрытием легкой самоходки Су-76 идут в атаку солдаты соседней роты. У металлической калитки матрос Богомоллов прилаживает свой пулемет. В этот момент сзади, со второго этажа особняка, раздалась очередь из автомата. Сник Богомоллов: белая повязка на голове пабухла кровью. Часть группы бросается назад в особняк. Гранатами уничтожаем фашистов.

К вечеру батальон вместе с ротой венгров выходит к гостинице «Геллерт». Стрельчатые арки взорванного моста темнеют в туманных сумерках. Прямо перед нами — громадное здание, за ним — крутая гора и крепость на вершине.

На этом рубеже проводим ночь. Раненых отправляем в тыл. Санитары передают приказ комбрига полковника Смирнова: раненых венгерских добровольцев отправлять в наш медсанбат. Это было справедливо. Венгры сражались храбро, на их призывы откликнулись сотни обманутых фашистской пропагандой соотечественников. Если бы не прош мадьяр, сколько было бы напрасно пролито крови!

С рассветом по фашистским укреплениям на склоне горы ударили наши орудия. В небе показались «илы». Земля содрогается от грохота бомб, воя мин и снарядов. Началась атака. Красные венгры снова идут с нашим 144-м батальоном. Рывок — и мы на вершине горы.

Среди воронок, окопов и искореженного металла стоим мы с начальником штаба гвардии капитаном Сидоровичем на вершине горы Геллерт. Внизу — широкая полоса Дуная, печальные руины мостов, дымящаяся от пожаров земля. С грустью смотрели на свой разоренный город поднявшиеся с нами на гору венгерские добровольцы, многие не скрывали слез. Но уже тогда мы верили, что станет Будапешт еще прекраснее, потому что пришел конец коричневой чуме.

...С тех пор прошло много лет. Хорошеет столица Венгерской Народной Республики. Живут и трудятся в ней славные бойцы-добровольцы — красные венгры, наши боевые соратники. Может быть, кто-то из них водит поезда по той самой железнодорожной насыпи, что полита кровью морских пехотинцев 83-й бригады, любит красотою родного города и, конечно же, — я уверен в том — помнит советских солдат, вместе с которыми штурмовали Буду.

Жизнь продолжается, и никогда не забудут мои товарищи Семен Хижняк, Эдуард Кончаловский, Георгий Калмыков, Василий Сухоборов, Саша Кацнельсон и другие морские пехотинцы далекого города Будапешт. Они шлют слова братского боевого приветия всем венгерским добровольцам, сражавшимся под командованием капитана Немета в рядах советских морских пехотинцев, штурмовавших Буду. Они навсегда в нашей памяти, как символ боевого содружества воинов социалистических стран.

Подвиг на площади Ключборка

У польского города Ключборка не простая судьба. Ровесник Варшавы, он некогда был грозным стражем польских земель от наскоков крестоносцев. В сороковых годах XVII столетия, когда Пруссия захватила Силезию, город перекрестили на немецкий лад, назвали Крейцбургом.

В годы второй мировой войны Ключборк был превращен гитлеровцами в опорный пункт, защищавший подступы к Одеру.

Трехсотлетнему владычеству захватчиков положили конец советские воины. 21 января 1945 года после кровопролитных боев с отборными частями фашистов они вернули польскому народу его исконный город. Эта дата по традиции теперь ежегодно в торжественной обстановке отмечается жителями Ключборка. В этот день, закончив работу, они спешат к Опольской улице, к месту вечного покоя советских воинов. Людской поток проходит через площадь Героев Красной Армии, где на гранитном постаменте высится скульптура советского солдата-освободителя.

Почти никто из нынешних жителей Ключборка не был свидетелем жестокого январского сражения в 1945 году. Вот почему участники траурного митинга, состоявшегося несколько лет тому назад, с большим вниманием слушали сообщение секретаря уездного комитета ПОРП Ванды Давидович. Эту высокую, стройную женщину с открытым лицом и большими ясными глазами в Ключборке знает каждый. Одной из первых пришла она в город прямо из немецкого концентрационного лагеря, куда ее, партизанку, бросили фашисты, и сразу же взялась за восстановление школ и училищ.

— На днях, — сказала она, — мы получили из Москвы важное для всех нас письмо. Его прислал бывший советский офицер, участник боев за освобождение Польши от фашистов. Он рассказывает об одном замечательном советском солдате. Он в январе сорок пятого первым проник в наш город, кишевший гитлеровцами, разведал их оборону. Собранные им сведения помогли советскому командованию при штурме города. А потом в бою за освобождение нашего Ключборка солдат совершил великий подвиг: своим телом заслонил вражеский пулемет, преградивший путь наступающим однополчанам. Он отдал жизнь, чтобы мы с вами жили. Жили и были счастливы.

Герой Советского Союза
Н. И. Ригачин

— Мы, — взволнованно звучал женский голос, — наши дети, их потомки никогда не забудем имя героя. Его звали Николаем Ригачиным...

Николай родился в мае 1919 года в деревне Задняя, Велико-Нивского сельсовета, в Карелии. Отец его, Иван Ригачин, был столяром. Мальчик рано лишился отца. В 1936 году поступил учеником в сапожную мастерскую. Вскоре его приняли в комсомол. Николай активно участвовал в работе местной организации.

В 1939 году Николая призвали в Красную Армию. Служил в 124-й стрелковой дивизии на западной границе. Когда началась война, участвовал в отражении вражеских ударов.

В первый раз Ригачин был представлен к награде за подвиг, совершенный в тот памятный день, когда войска 1-го Украинского фронта на-

чали наступление с сандомирского плацдарма. «Во время наступления 12 января 1945 года, — читаем в наградном листе, — гвардии рядовой Ригачин Н. И. первым ворвался в окопы противника, чем способствовал продвижению своего отделения вперед и послужил примером для других. Захватил при этом одного пленного и двух вражеских солдат истребил на месте. Достоин правительственной награды: ордена Красной Звезды».

А через несколько дней на Ригачина было написано новое представление. В нем говорилось, что 21 января 1945 года во время боев за Ключборк гвардии рядовой Ригачин пропик в город и, захватив трех контрольных пленных, доставил их в штаб. После этого вместе с товарищами пошел в атаку и первым ворвался в дом, превращенный гитлеровцами в сильно укрепленный очаг сопротивления. Гранатами и автоматным огнем уничтожил 13 гитлеровцев, был ранен, но не ушел с поля боя, а продолжал сражаться с врагами. На перекрестке улиц, в полуподвальном этаже каменного здания, фашисты установили пулемет и через узкое отверстие вели сильный огонь, не давая возможности нашей пехоте продвинуться вперед. Тогда Ригачин скрытно пробрался к каменному зданию и, не имея возможности уничтожить вражеский пулемет гранатами или из автомата, своим телом закрыл отверстие, из которого строчил немецкий пулемет. «Своей героической смертью тов. Ригачин обеспечил выполнение боевой задачи...» — писал командир полка гвардии подполковник В. А. Еремни.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года отважному сыну советского народа гвардейцу-развед-

чику Николаю Ивановичу Ригачину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Спустя некоторое время после траурного митинга, о котором речь шла выше, сессия Рады народной - Ключборка единодушно постановила присвоить главной аллее городского парка наименование «Аллея Николая Ивановича Ригачина» и установить у входа в парк мемориальную доску с описанием подвига героя.

Несколько лет тому назад женщины Ключборка послали Наталье Андреевне Ригачиной альбом. На нем надпись: «Матери от матерей».

В альбоме женщины Ключборка поместили фотографии мест, связанных с подвигом Николая Ригачина, боевыми делами советских воинов, освобождавших их родной город. Вместе с альбомом они прислали матери героя письмо, в котором есть такие слова: «Мы, женщины города Ключборка, от всего сердца шлем Вам горячую благодарность за то, что Вы воспитали сына героем, человеком, который, не задумываясь, посвятил свою молодую жизнь делу освобождения народов. Мы чтим его, как самого близкого нам человека».

Мало кто из жителей Ключборка знал раньше, что где-то в Советской Карелии есть Заонежье. А заонежцы вряд ли слышали о польском городе Ключборке. Теперь даже большое расстояние, разделяющее эти места, не является помехой для дружбы польских и советских людей. Уже несколько лет ребята одной из школ Ключборка переписываются с пионерской дружиной имени Николая Ригачина Сенногубской школы Карельской АССР.

Молодежь Ключборкского экономического техникума любовно ухаживает за могилами советских воинов. К 20-летию освобождения Ключборка от фашистов открыта мемориальная доска на доме, у которого погиб Ригачин. На торжестве присутствовала сестра героя Н. И. Максимова.

Имя Николая Ригачина, как и других советских героев, погибших в боях за избавление Польши от фашистского ига, никогда не забудет польский народ.

Памятник советскому воину
в Ключборке.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

II. Батов. Живой родник	3
-----------------------------------	---

БЕССМЕРТИЕ ПОДВИГА

II. Дунаев. Портрет на скале	7
V. Суходольский. Надпись на книге — VI. Oulianoff	11
C. Наумов. Здесь начиналась война	15
II. Трояновский. У стен Новороссийска	20
V. Шурыгин. Бастион на якорях	27
Г. Бутаков. Батарея называлась «Не тронь меня»	31
II. Мазуркин. Помнишь, товарищ?..	36
A. Кулаков. Отраженный импульс	41
A. Куклев. Фарватер Охрименко	45
Ю. Кринов. Комиссар Журба и его наследники	50
H. Радченко. «Шквал» на связь не вышел...	54
H. Вихрев. Первая фронтовая пленка	63
II. Мошковский. Приказ отдало сердце	67
Л. Евтузов. Один из Поликарповых	72
II. Злыденный. Язык один — огонь по врагу!	76
Ю. Чернов. Тайна «Корабля-камня»	81
H. Котыш, C. Ковалев. Тревожные высоты	83
H. Косогорский. Последний и решительный...	97
У сердца — партийный билет	101
V. Тамман. Подводные рейды «Л-20»	103
C. Шевченко. «Горбатые»	109
Л. Суджан. Зенитчицы	114
Ю. Чепурин. Всего один эпизод	118
Г. Василевский, II. Дынин. Генерал Полбин	121
Ф. Третьяков. Рекомендация в партию	128
II. Березовой. Глазастый демон	131
II. Роцин. Уходили братья на войну...	136
V. Дерман. Девять часов боя	142
Д. Исаков. На заре	147
V. Сошнев. Страстное слово бойца	152
M. Брагин. Сплав мысли и воли	155
H. Сошников. Подвиг хирурга	159
A. Кочетков. Пламя на холмах	163
A. Якименко. Группа «Меч»	177
H. Поликазин. Штурм	181
Д. Драгунский. Кутузовским трактом	184
M. Кузнецов. Труженик войны	189

НЕ МЕРКНЕТ СЛАВА ФРОНТОВАЯ

<i>Д. Власов.</i> Крылатая семья	193
<i>В. Нагорный.</i> Младший лейтенант из батальона Синцова	199
<i>Н. Барабанов.</i> Течет речка Ливенка	203
<i>В. Воронецкий.</i> Звезды артиллериста	208
<i>А. Хренов.</i> Пулеметчица Зоя	212
<i>В. Андрианов.</i> Капитан с фронтовой фотографии	216
<i>В. Суходольский.</i> Один дом России	221
<i>В. Усов.</i> Всегда рядом со мной	226
<i>Г. Конюшкова.</i> Двое и тапк	230
<i>В. Заславский.</i> Рассказ о расстрелянном комсомольце	234
<i>Ф. Лушников.</i> Заветный платочек	236
<i>Ю. Теплов.</i> Разведчик Николай Ушаков	242
<i>А. Хорев.</i> Мера твердости	244
<i>Ю. Чернов.</i> Гильза с белорусской землей	248
<i>М. Матвеев.</i> Из плеяды легендарных	253
<i>Н. Зацепин.</i> Грани таланта	257
<i>Н. Васильев.</i> У Крутого Лога	261
<i>И. Корбач.</i> Пусть будет много цветов	266
<i>Н. Тараторин.</i> На лыжне и в небе	269

МЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

<i>А. Сгибнев, М. Корневский.</i> «Александр Матросов» в тылу врага	275
<i>Л. Чуйко.</i> Хроника одной ночи	295
<i>П. Брайко.</i> Григорий Лукьянчук и его семья	304
<i>Л. Каплин.</i> Партизан Никола-рус	309
<i>С. Гагарин.</i> Всем смертям назло	312
<i>Е. Фадеев.</i> Родословная коммуниста	316
<i>И. Колос.</i> Хуго Барс и другие	320
<i>Н. Сонин.</i> О чем шепчутся ивы...	324
<i>М. Ашик.</i> Пирош мадьяр — красный венгр	328
<i>В. Шутый.</i> Подвиг на площади Ключборка	331

В книге опубликованы фотографии фотокорреспондентов
А. Иванченко, А. Ефимова, В. Суходольского, Н. Вихирева,
О. Кнорринга, Г. Шутова, А. Межуева

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

Редактор капитан 2 ранга *Ю. И. Макунин*
Художник *О. И. Айзман*
Художественный редактор *Г. В. Гречиго, Р. И. Прозоровская*
Технический редактор *Л. С. Афанасьева*
Корректор *Н. Л. Ростова*

Г.73605	Сдано в набор 20.8.74 г.	Подписано к печати 22.1.75 г.
Формат 60X90/16.	Печ. л. 21. Усл. печ. л. 21 + 2 вкл., печ. л. 2, усл. печ. л. 2.	
	Уч.-изд. л. 23,540	
Бумага типографская № 1		Цена 1 руб. 03 коп.
Изд. № 1/1248.	Тираж 50 000 экз.	Зак. 161

Воениздат
103160, Москва, К-160
2-я типография Воениздата
191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10